

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 24 (4).

Подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Люпатина.

СЕНТЯБРЬ 1894 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Пименовская ул., соб. д.

1894.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. (<i>Окончаніе</i>).— Ө. А. Зеленогорскаго .	281
Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физиологии. (<i>Окончаніе</i>).— В. А. Вагнера .	316
✓ Первичныя данныя нравственности.— Влад. С. Соловьева .	361
✓ О времени.— Н. Я. Грота .	381

Спеціальный отдѣлъ.

Сознаніе и воля.— А. А. Токарскаго .	491
Густавъ Тейхмюллеръ.— А. А. Козлова .	523
Психологія идей-силъ.— В. А. Гольцева .	537

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

	<i>Стр.</i>
C. M. Williams . A Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution.— А. Н. Гилярова .	545
A. Binet (avec la collaboration de Mm. Philippe, Courtier et V. Henri). Introduction à la psychologie expérimentale.— В. Н. Ивановскаго .	547
L. Milhaud . Leçons sur les origines de la science grècque.— А. Н. Гилярова .	551
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.	553

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Mind.—П. В. Мокіевскаго	555
Revue philosophique.—В. Н. Ивановскаго	556
The Monist.—С. К.	561
<hr/>	
Отчетъ о докторскомъ диспутѣ Н. Н. Ланге	564
Психологическое Общество. О второй преміи Д. А. Сто- лыгина	617
Извѣстія и замѣтки	619
Объявленія	620
<hr/>	

Приложенія.

- I. Я. Н. Колубовскій. Философскій Ежегодникъ, годъ I (1893).
Листъ 5.
 - II. Протоколы Русскаго Общества Экспериментальной Пси-
хологіи. Листъ 4.
-

Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія.

(Окончаніе).

Практическая философія Сковороды.

Раньше говорилось объ общечеловѣческомъ нравственномъ идеалѣ, къ которому одинаково должны стремиться всѣ въ своей нравственной жизни, какъ къ совершенству. Практическая философія имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, личное благо каждаго человѣка.

По нашему мнѣнію, сочиненія Сковороды, относящіяся къ практической философіи, представляютъ для изучающаго ихъ наибольшій интересъ. И читаются они съ бѣльшимъ интересомъ: содержаніе ихъ вращается въ области житейскихъ вопросовъ, близкихъ каждому, хотя въ то же время въ основѣ ихъ положены философскія начала; изложеніе ихъ—легкое и живое, отличающееся нерѣдко остроуміемъ. Если и встрѣчаются здѣсь тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то далеко не такъ часто, какъ въ сочиненіяхъ философско-богословскаго характера. Сюда относятся главнымъ образомъ слѣдующія сочиненія Сковороды: „Разговоръ дружескій въ душевномъ мирѣ“, „Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь мира“, „Басни Харьковскія“ и друг.

Практическая и умозрительная философія находятся, по взгляду Сковороды, въ тѣсной связи между собою. Онъ, какъ послѣдователь древне-классической философіи школы

Сократа, осуждаетъ тѣхъ, которые ограничиваются однимъ умозрѣніемъ и знаніемъ безъ приложенія послѣдняго къ практикѣ. „Что пользы знать,—говоритъ онъ,—какимъ образомъ дѣлается дѣло, если ты къ тому не приобьѣ. Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не въ знаніи живетъ, а въ дѣланіи. Вѣдѣніе безъ дѣла есть мученьемъ... Вотъ чѣмъ разнится scientia et doctrina (знаніе и наука) („Басни Харьковскія“). Съ другой стороны, и жизнь безъ знанія пуста, безцѣльна, часто ложна въ направленіи, погружена въ погоню за страстями, въ смуту, полна суевѣрій, предразсудковъ и проч. „Подлинно удивленія достойно,—говоритъ Сковорода,—что человѣкъ за 30 лѣтъ живетъ, а примѣтитъ не могъ, что для него лучше всего“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Правда, Сковорода допускалъ, повидимому, возможность доброй, отвѣчающей назначенію человѣка жизни безъ знанія, но—лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такую возможность онъ представилъ въ „Неграмотномъ Маркѣ“ (басня). „Добрался,—говоритъ онъ,—этотъ неграмотный Марко до рая. Вышелъ Петръ съ ключами и, отверзая ему райскія двери, спрашиваетъ: учился ли ты священныхъ языковъ?—Никакъ, отвѣчалъ простякъ. — Былъ ли въ академіяхъ? — Никогда, отче святой. — Чель ли древнихъ богослововъ книги? — Не чель; я аза въ глаза не знаю. — Кто-жь тебя исправилъ на путь мира?— Меня исправили три регулки. — Кіи три регулки? — А вотъ они: 1-я сія: все то доброе, что опредѣлено и святымъ людемъ; 2-я: все то невелико, что получаютъ и беззаконники; 3-я: чего себѣ не хочешь, другому не желай. 1-я и 2-я—домашнія и я самъ ихъ надумалъ, а 3-я— есть апостольскій законъ, для всѣхъ языковъ данный. 1-я родила во мнѣ Іовле терпѣніе и благодарность; 2-я дарила свободою всѣхъ мірскихъ вождельнѣй; 3-я примирила меня съ внутреннимъ моимъ господиномъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). Но вообще, относительно доброй и счастливой жизни Сковорода ставитъ дѣло такимъ образомъ, что во главѣ ея должны стоять знаніе и мудрость. „Голова дѣлу,—

говорить онъ,—то, чтобъ узнать; отсюда родится желаніе, отъ желанія—искъ, а потомъ—полученіе... Премудрости дѣло въ томъ состоитъ, чтобы уразумѣть то, въ чемъ состоитъ счастье. Вотъ правое крыло. А добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у Еллинь и Римлянъ мужествомъ и крѣпостію зовется: *ἀρετή*, *virtus*. Вотъ—и лѣвое. Безъ сихъ крыль никоимъ образомъ нельзя выбратъся и взлетѣть къ благополучію. Премудрость,—какъ орлиное крыло, а добродѣтель—какъ мужественныя руки съ легкими оленьими ногами. Сіе божественное супружество живо изображено сею басенкою (слѣдуетъ басенка „о слѣпомъ и очитомъ“, т.-е. зрячемъ). „Вообрази себѣ, что видишь путника, возлѣ пути сидящаго. Живое око его съ веселою жадностію взираетъ на замокъ. Этотъ замокъ есть домъ отца и всей миролюбимой фамиліи. Но бѣда для путника та, что хотя онъ и хорошо видитъ, но не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ. Вдругъ онъ видитъ: приближается къ нему другой путникъ—слѣпой, который ощупываетъ посохомъ то вправо, то влѣво. „Кто ты?“—спросилъ зрячій.—„Мать моя,—отвѣчаетъ слѣпой,—сослала въ ссылку, родила безъ очей, а я возвращаюсь къ отцу моему“. Оказалось, что оба они — родные братья и цѣль путешествія обоихъ—достигнуть отцовскаго замка. Если слѣпой жаловался на мать (разумѣй матерію), то зрячій жаловался на отца (разумѣй умъ); „мой отецъ такъ меня родилъ, что по землѣ ходить не могу, ни ползать руками. Многіе желали къ сему меня употребить, но не рожденъ ползать“. Рѣшено было между братьями, что слѣпой возьметъ на плѣчи зрячаго и тотъ будетъ указывать путь и руководить слѣпымъ. „Чистое твое око будь, говоритъ слѣпой, вѣчнымъ тѣла моего обладателемъ и всѣхъ моихъ удовъ головой. Прекрати мучительство началородной тьмы, безчеловѣчно меня гоняющей по пустымъ пути сего посторонностямъ“ и т. д. „Теперь взгляньте,—говоритъ Скворода,—на дивное дѣло Божіе. Изъ двоихъ человѣковъ составленъ одинъ. Одно путничье лицо сдѣлано изъ двоихъ сродностей безъ всякаго смѣшенія, но и безъ раздѣленія,

взаимно служащихъ“. Такимъ образомъ, до очевидности ясно, какъ представлялъ Сковорода отношеніе между знаніемъ и мудростію, съ одной стороны, и практическою дѣятельностію человѣка, съ другой стороны; знаніе есть свѣтъ и око, указывающее истинный путь жизни человѣку.

Науки, которыя имѣютъ своимъ предметомъ человѣка и которыя необходимо изучать съ практическою цѣлію, „суть въ числѣ три: медицина, юриспруденція и богословіе“. „Медицина,—говоритъ Сковорода,—врачуетъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе изъ рабовъ дѣлаетъ сынами Божиими, вливая въ сердце ихъ охоту свободную къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ. Чѣмъ множае таковыхъ въ жительство, тѣмъ оно счастливѣе. И не напрасно есть пословица: доброе братство лучше богатства“ („Басни Харьковскія“). Изъ указанныхъ трехъ главнѣйшихъ наукъ, „содержащихъ въ благоденствіи жительство“, Сковорода беретъ изложить только богословіе, „дѣлающее изъ рабовъ сыновей Божіихъ“.

Спѣшимъ предупредить читателя, что Сковорода въ данномъ мѣстѣ употребляетъ терминъ „богословіе“ не въ обыкновенномъ принятомъ смыслѣ, а въ философскомъ. Здѣсь у него трактуется „о жизни по природѣ“, какъ объ этомъ трактовали древніе философы,—„о высшемъ благѣ“, какъ трактовали тѣ же философы,—„о любви и дружбѣ“ и т. д. Почему Сковорода назвалъ эту науку богословіемъ, это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія; а здѣсь скажемъ кратко: это названіе связано съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ Сковороды, которое объяснено нами въ своемъ мѣстѣ. „Не вездѣ ли,—говоритъ Сковорода,—присносушнаго Божія естества исполненіе? *Есть оно и во всякомъ человѣкѣ*“ („Разговоръ: Алфавитъ и Букварь мира“). Съ этой точки зрѣнія, говорить о божественной природѣ человѣка значитъ говорить о Богѣ, насколько божественное естество выражается и дѣйствуетъ въ человѣкѣ.

Какъ послѣдователь классической философіи, Сковорода начинаетъ свою практическую философію съ рѣшенія во-

проса о томъ, въ чемъ состоитъ „высшее благо“, или счастье человѣка.

Мы имѣемъ подъ руками два сочиненія Сковороды, спеціально посвященныя изслѣдованію и разсмотрѣнію поставленнаго вопроса. Оба сочиненія носятъ одно заглавіе: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“. Одно изъ нихъ напечатано въ Москвѣ въ 1837 году; другое—рукописное. При одинаковомъ заглавіи и содержаніи—эти сочиненія весьма различны. Одно изъ нихъ (напечатанное) отличается отъ другого болѣе догматическимъ изложеніемъ содержанія, хотя и носитъ заглавіе разговора. Другое (рукописное), напротивъ, отличается художественною діалогическою формою, живостью изложенія, богатствомъ содержанія и остроуміемъ. Повидимому, этотъ „Разговоръ“ представляетъ собою подражаніе діалогу Платона: „Филебъ“, хотя содержаніе развито у Сковороды своеобразно. По нашему мнѣнію, это сочиненіе и по содержанію, и по изложенію—одно изъ лучшихъ сочиненій Сковороды. На немъ-то мы по преимуществу и остановимся.

Науку: „о высшемъ благѣ“, или счастья человѣка Сковорода называетъ всеобщемою наукою. Она, говоритъ онъ, есть *каволическая*, т.-е. всеобщая наука, чего ни о какой другой (наукѣ) сказать нельзя. Всѣ прочія науки не всѣми, не всегда и не на все и не вездѣ нужны“ („О душевномъ мирѣ“, стр. 14). Но объ этой наукѣ большею частию не имѣютъ яснаго представленія. О счастья человѣка всякій считаетъ себя вправѣ судить и судить обыкновенно по-своему, воображая, что судить правильно. „Ни о коей же наукѣ чаще и отважнѣе не судятъ,—говоритъ Сковорода,—какъ о той, кая дѣлаетъ блаженнаго человѣка“. „Правда,—продолжаетъ онъ,—что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себѣ вѣдѣніе—сіе дурно и погибельно“ (тамъ же). Особенно порицаетъ Сковорода мнѣнія о человѣческомъ счастья представителей различныхъ спеціальныхъ наукъ, высказываемыя наиболѣе докторально и авторитетно. Изъ нихъ многіе или полагають, что счастье человѣка заключается въ знаніи

ихъ спеціальной науки, напр., „проповѣдуетъ о счастіи историкъ, благовѣститъ химикъ, возвѣщаетъ путь счастія физикъ, логикъ, грамматикъ, землемѣръ“ и т. д. (тамъ же, стр. 15); или воображаютъ, что они настолько же свѣдуши въ наукѣ о счастіи человѣка, насколько—и въ своей спеціальной наукѣ: „если кто въ какую науку влюбился и прославился, тогда мечтаетъ, что всякое уже вѣдѣніе отдано ему за невѣстою его въ приданое“ (тамъ же, стр. 14).

Подобно Платону, Сковорода сначала опровергаетъ ложные взгляды на человѣческое счастіе. На поставленный вопросъ: въ чемъ состоитъ истинное счастіе, или: „что такое есть для человѣка лучше всего?“ сначала собесѣдники затруднились и отказались отвѣчать. Но когда Григорій, который вызвался вести разговоръ, сказалъ: „я васъ проще спрошу: чего вы себѣ въ жизни паче всего желаете?“—одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣтилъ: „я бы желалъ быть человѣкомъ высокочиннымъ, дабы мои подкомандные были крѣпки, какъ Россіяне, и добросердечны, какъ древніе Римляне; когда-бъ у меня домъ былъ, какъ въ Венеціи, а садъ, какъ во Флоренціи; чтобы быть мнѣ и разумнымъ, и ученымъ, и благороднымъ, богатымъ, какъ жидъ, дюжимъ, какъ быкъ, пригожимъ, какъ Венера, спокойнымъ, какъ однодворецъ“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“ въ рукописи). На это Григорій отвѣтилъ: „сумнительно, чтобы могли войти въ уши Божіи столь безтолковія желанія; ты съ твоими затѣями похожъ на вербу, которая быть желаетъ въ одно время и дубомъ, и кленомъ, и липою, и березою, и смквиною, и яворомъ, и финикомъ, и розою, и рутою, солнцемъ и луною..., хвостомъ и головою“. Желанія другого собесѣдника представляютъ лишь нѣкоторое видоизмѣненіе желаній перваго.—„Для меня, говоритъ онъ,—кажется лучше всего то, если быть во всемъ довольнымъ... на деньги, на землю, на здоровье, на людей и на все, что только ни есть на свѣтѣ“. Это невольно вызвало смѣхъ у говорившаго первымъ, который на вопросъ: чего ты засмѣялся, отвѣтилъ: „отъ радости, что случился дурачеству моему товарищъ.“

Сей такъ же жаелаеь быь горбатымъ, какъ верблюдь, брюхатымъ, какъ китъ, носатымъ, какъ крокодилъ, пригожимъ, какъ хортъ, аппетитнымъ, какъ кабанъ“ и проч. Григорій же серьезно замѣчаетъ, что онъ жаелаеь нелѣпаго. „Представь,—говоритъ онъ,—себѣ тѣхъ, коимъ никогда не видать изобилія; вообрази больныхъ и престарѣлыхъ. Приведи на память всѣхъ съ нескладнымъ тѣломъ рожденныхъ; неужель ты думаешь: премилосердная и попечительная мать наша натура затворила всѣ двери къ счастью, сдѣлалась для нихъ мачехою? Ахъ, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго ея промысла въ узкіи предѣлы; не клевети на всемогущее ея милосердіе; она для всякаго дыханія добра, не для нѣкоторыхъ выборныхъ изъ одного точію человѣческаго рода. Она рачительнѣйшимъ своимъ промысломъ все тое изготовила, безъ чего не можетъ совершиться послѣдняго червяка счастье; а если чего недостаетъ, то конечно лишнее. Очей не имѣеть кроеть,—на что-жь ему? Птица не знаетъ корабельнаго строенія,—не надобно, а кому надобно, знаетъ. Лилія не знаетъ фабрикъ,—она и безъ нихъ красна“. Съ другой стороны, „почему знаешь,—продолжаеь Григорій,—что полученіе твоего желанія тебе осчастливитъ? Справься, сколько тысячъ людей оное погубило; до коихъ пороковъ не приводитъ здравіе съ изобиліемъ. Цѣлыя республики чрезъ оное пропали. Какъ же ты изобилія жаелашь, какъ счастья? *Счастье несчастливцами не дѣлаетъ.* Не видишь ли и теперъ, сколь многихъ изобиліе, какъ наводненіе всемірнаго потопа, пожерло; а души ихъ чрезмѣрными затѣями, какъ мельничніи камни, сами себя снѣдая, крутятся? Кто не жаелаеь честей, сребра, волостей? Вотъ тебѣ источникъ ропотъ, жалобъ, печалей, враждъ, тяжбъ, войнъ, грабленій, татьбы, всѣхъ машинъ, крючковъ и хитростей; изъ сего родника рождаются измѣны, бунты, заговоры, похищенія скипетровъ, паденія государствъ и вся несчастій бездна“.

На просьбу собесѣдниковъ сказать, въ чемъ состоитъ истинное счастье, Григорій предлагаетъ сначала узнать, въ

чемъ оно не состоитъ. „Можно ли,—говорить онъ,—всѣмъ людямъ быть живописцами, архитекторами? Можно ли быть всѣмъ изобильными или чиновными, дюжими или пригожими? Можно ли помѣститься во Франціи? Можно ли въ одномъ вѣкѣ родиться?—Нельзя никакъ. Видите, что *родное счастье ни въ знатномъ чинѣ, ни въ тѣлесныхъ дарованіяхъ, ни въ красной странѣ, ни въ славимъ вѣкѣ, ни въ высокихъ наукахъ, ни въ богатомъ изобиліи*“. Это вызвало протестъ одного изъ собесѣдниковъ; развѣ въ знатномъ чинѣ и въ веселой странѣ нельзя быть счастливымъ? „Ты уже на другую сторону, какъ пьяный лякъ чрезъ кобылу, перескочилъ,—говорить Григорій.—Еслибы страна существомъ или эссенціею счастья была, непременно нельзя бы не быть всѣмъ счастливымъ; во всякой статьѣ есть счастливый и несчастливый“.

Наконецъ, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ: „для меня, кажется, нѣтъ ничего лучшаго, какъ получить мирное и спокойное сердце; въ то время все пріятно и сносно“. Другой говоритъ: „я желалъ бы въ душѣ моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ее ничто поколебать и опрокинуть не могло“. Третій говоритъ: „а мнѣ дай живую радость и радостную живость; сего сокровища ни за что не промѣняю“. „Сіи троихъ вась желанія,—говоритъ четвертый,—по существу своему есть одно... Вотъ вамъ верхушка и цвѣтокъ всего житія вашего: *внутренній миръ, сердечное веселіе, душевная крѣпость*“.

Итакъ, счастье человѣка состоитъ въ душевномъ мирѣ, сердечномъ веселіи и душевной крѣпости. Какъ же достигнуть этого счастья? „Враги твои,—говоритъ Сковорода,—суть собственныя твои мнѣнія, воцарившіяся въ сердцѣ твоемъ и всеминутно тое мучація. Шепотники, клеветники и противники Божіи, хулящій непрестанно владычное въ мирѣ правленіе и древнѣйшіе законы обновить покушающіися, сами себе во тьмѣ и согласниковъ своихъ вѣчно мучащій, видя, что правленіе природы во всемъ не по бѣсноватымъ ихъ желаніямъ, ни по омраченнымъ понятіямъ, но по высочайшимъ отца нашего совѣтамъ и вчера и днесъ и во вѣки

свято продолжается. Сии-то не разумѣюще хулять распоряженіе круговъ небесныхъ, оуждають качество земель, порочать изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, древахъ, горахъ, рѣкахъ и травахъ; *ничѣмъ не довольны*. По ихъ несчастному и смѣшному понятію не надобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней; а паче всего—смерти; къ чему она? Ахъ, бѣдное наше знаньицо и понятійцо!“ Еще больше жалобъ у людей на ихъ собственное положеніе. Одинъ, на-примѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ. Другой тужить: хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однако многіе какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемеромъ. Третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло бы ему поставить столъ изъ десятка блюдъ, а теперь только что изъ шести блюдъ изволить кушать. Четвертый мучится, какимъ бы образомъ не лишиться, правда, мучительнаго, но притомъ и прибыльнаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею, домашнею, а внутреннею душевною экономіею, т.-е. узнать себе и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ. Пятый терзается, что чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ отечеству, не можетъ за множествомъ кандидатовъ пробраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели. Шестой тревожится, что начала предъявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосердная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, при-тупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и проч. Но можно ли счесть несчетныя тмы нечистыхъ духовъ и черныхъ вороновъ, или (съ Павломъ сказать) духовъ злобы поднебесныхъ,

по темной и неограниченной безднѣ—по душѣ нашей—будто по пространнѣйшемъ воздухѣ, шатающихся? Сіи всѣ—еще не исполины, но саміи бездѣльнии, какъ собачки постельнии, душкѣ; однако-жъ дѣйствительно колеблютъ наше неискusstное въ битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце. Самый послѣдній бѣсишка тревожить нашъ неукрѣпленный городокъ. Что-жъ, если дѣло дойдетъ до львовъ? Въ борьбу съ „нечистыми духами и черными воронами“, т.-е. съ нашими собственными мнѣніями, „всеми минутно насъ мучающими“, мы должны вступить, чтобы достигнуть своего внутренняго душевнаго мира. „Тѣлесное здравіе,—говоритъ Сковорода,—не иное что есть, какъ равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умирение бунтующихся мыслей есть здравіе души и животъ вѣчный“. Нельзя сослаться на трудность борьбы. „Трудно одѣть и питать тѣло, да надобно и нельзя безъ сего; въ семъ состоитъ жизнь тѣлесная, никто о семъ трудѣ каяться не долженъ; а безъ сего попадетъ въ тяжчайшую горестъ, въ голодь, холодъ, жажду и болѣзни. Если украшаешь и одѣваешь тѣло, не забывай и сердца“. На этомъ пути къ душевному миру требуется прежде всего здравый смыслъ, свободный отъ предвзятыхъ возрѣній, и зрѣлое разсужденіе о природѣ. „О всемъ зрѣлымъ разумомъ разсуждайте,—говоритъ Сковорода,—не слушая шепотника-дьявола, и уразумѣете, что *вся экономія Божія во всей вселенной исправна, добра и вѣкъ намъ всеполезна есть*. Его именемъ и властію все на все на небеси и на земли дѣлается“. А это приведетъ къ тому, „чтобъ *отдаться во волю Божию*“. Вотъ фундаментъ нашего внутренняго мира, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніе нашего счастья или высшаго блага. „Чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ,—говоритъ Сковорода,—тѣмъ мирнѣе и счастливѣе“.

Мы кратко изложили содержаніе „Разговора о душевномъ мирѣ“ Сковороды. Выводъ изъ изслѣдованія, который, какъ заключительный, сейчасъ приведенъ нами, легко можетъ подать поводъ къ превратному пониманію практической философіи Сковороды. Поэтому необходимо перейти къ озна-

комленію съ другимъ его сочиненіемъ, подъ заглавіемъ: „Разговоръ, называемый Алфавитъ и Букварь мира“, которое, повидимому, составляетъ продолженіе сейчасъ изложеннаго нами сочиненія: „Разговоръ о душевномъ мирѣ“. Здѣсь тотъ же Григорій, который вызвался вести разговоръ въ изложенномъ сочиненіи, снова выступаетъ руководителемъ разговора и послѣ нѣкотораго вступленія начинаетъ съ того положенія, которое получило въ выводѣ изслѣдованія вопроса о счастіи человѣка. „Раскусимъ,—говоритъ онъ, нѣсколько слово сіе: отдаться въ волю Божию. Вспомните сказанное мною слово сіе: чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ, тѣмъ мирнѣе и счастливѣе. Сіе значитъ: *жить по натурѣ*“ („Разговоръ: Алфавитъ мира“).

Для насъ достаточно послѣдняго указанія Сковороды на то, что онъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: *отдаться въ волю Божию*, чтобы понять, что онъ употребилъ его не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляютъ его проповѣдники-моралисты. Всякому извѣстно, что ученіе „о жизни по природѣ“ (*secundum naturam vivere*) принадлежало въ древности стоикамъ; но о немъ трактовали философы раньше стоиковъ: циники, киренаики, Платонъ, Аристотель и другіе. Мы не разъ уже замѣчали, что Сковорода находится въ зависимости отъ древне-классической философіи. Въ его „Разговорѣ о душевномъ мирѣ“, содержаніе котораго вкратцѣ изложено нами, видно то же вліяніе древне-классической философіи: здѣсь Сковорода въ духѣ этой философіи ставитъ цѣль жизни человѣка въ достиженіи счастія или высшаго блага въ настоящей жизни; здѣсь высказываются имъ положенія, которыя напоминаютъ намъ положенія древнихъ философовъ: напримѣръ, положеніе, что „счастіе несчастливымъ не дѣлаеть“ (Платонъ, Спевзиппъ, Аристотель), что счастіе или „удовольствіе доступно не одному человѣку, но и всѣмъ живымъ существамъ по мѣрѣ ихъ силъ и способностей“ (Аристотель, Никомах. Этика, книг. X); положеніе, что счастіе человѣка состоитъ въ „душевномъ мирѣ, сердечномъ веселіи и душевной крѣпости“, сходно съ опредѣленіемъ счастія

или высшаго блага, даннымъ стойками. Можно усматривать сходство этого ученія съ ученіемъ ап. Павла. Дѣйствительно, Сковорода вообще любитъ приводить мѣста изъ посланій ап. Павла. Но не безъизвѣстно, что ап. Павелъ нерѣдко пользовался терминологіею стоиковъ, приспособляя ее къ выраженію христіанскихъ идей и видоизмѣняя ее согласно съ этими идеями. Въ данномъ случаѣ не нужно забывать и вліянія Филона Іудейскаго на Сковороду, которое раскрыто нами въ своемъ мѣстѣ.

„Жить по природѣ“ и „отдаться въ волю Божію“ — эти два положенія означаютъ одно и то же, по объясненію Сковороды. Разница между ними та, что одно изъ нихъ относится къ умозрительной философіи, а другое — къ практической. Отождествляя ихъ, Сковорода ясно показываетъ, на какой почвѣ онъ находитъ возможнымъ рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ практической философіи. Эта почва есть умозрительная философія. Мы убѣдимся въ этомъ впоследствии; но первоначально дѣло представляется въ иномъ видѣ, а именно: Сковорода изучаетъ природу съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, какъ человѣкъ долженъ „жить по природѣ.“

Мы уже не разъ встрѣчались съ различными мѣстами изъ сочиненій Сковороды, въ которыхъ онъ дѣлаетъ богатые сравненія свойствъ человѣка съ свойствами различныхъ звѣрей и птицъ. Такими сравненіями переполнены сочиненія Сковороды. Уже это показываетъ знакомство Сковороды съ животнымъ царствомъ. Мы думаемъ, что къ необходимости изученія животнаго царства привело его прежде всего чтеніе Библии, въ которой онъ нерѣдко наталкивался на указанія различныхъ животныхъ. Такъ какъ въ библейскихъ животныхъ онъ видѣлъ символы или образы, то отъ свойствъ и признаковъ этихъ животныхъ онъ переходилъ къ внутреннему смыслу, заключающемуся въ этихъ символахъ или образахъ. Въ сочиненіяхъ Сковороды нерѣдко фигурируютъ: змѣй, голубица, олень, орелъ и т. д.

На изученіи природы онъ основалъ ученіе *о сродностяхъ и несродностяхъ*, которое, повидимому, составляетъ обобщеніе

ніе изъ наблюденія надъ природою: землѣ и водѣ сродно стремиться внизъ, но не воздуху и огню, которые поднимаются вверхъ; орлу сродно летать, но не черепахѣ; соловью сродно жить въ саду, но не жаворонку; собакѣ сродно стеречь овецъ, но не волку, и т. д. Гдѣ же основаніе этой сродности? Въ волѣ Божіей. „Воля Божія,—говорить Сковорода,—есть то верхъ и законъ законовъ; не ходи далѣе... А ты спрашиваешь: почему сродно? Сирѣчь: потому такъ Богъ хошетъ... А если долженъ Онъ тебѣ дать отчетъ въ дѣлахъ Своихъ, спроси Его и требуй отвѣтъ: почему Онъ землю и воду сдѣлалъ преклонными долой, воздухъ и огонь стремительными выпрь? Для чего огонь все снѣдаетъ кромѣ виссона? и т. д. *Природа и сродность значитъ врожденное Божіе блаволеніе и тайный Ею законъ, всю тварь управляющій*“.

На указанномъ принципѣ „сродности и несродности“ Сковорода основалъ большую часть „Басень Харьковскихъ“. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ басней. Басня 13-я подъ заглавіемъ: „Орелъ и черепаха“ излагается такъ: „на похиломъ надъ воду дубѣ сидѣлъ орелъ, а въ близости черепаха своей братіи проповѣдывала слѣдующее: пропадай оно лѣтать... Покойная наша прабаба, дай Богъ ей царство небесное, на вѣки пропала, какъ видно въ исторіяхъ, за то, что сей проклятой наукѣ начала было у орла обучаться. Самой сатана оную выдумалъ.—Слушай ты, дура!—прервалъ ея проповѣдь орелъ:—не чрезъ то погибла премудрая твоя прабаба, что летала, но тѣмъ, что принялася за оное *не по природѣ*; а летанье всегда не хуже ползанья“. Такова же басня 18-я подъ заглавіемъ: „Собака и кобыла“, гдѣ кобыла, наученная носить поноску, вызывала въ собакѣ каждый разъ смѣхъ, когда она при гостяхъ показывала свое искусство. Въ свое оправданіе передъ кобылою собака говоритъ: „для меня смѣшнымъ кажется и доброе дѣло, дѣлаемое *безъ природы*“. Также и въ баснѣ 30-й подъ заглавіемъ: „Соловей, жаворонокъ и дроздъ“: при всей сродности соловья и жаворонка, какъ пѣвчихъ птицъ, они

не могли жить вмѣстѣ. „Не волоки мене въ степь; степь мнѣ смерть“, говоритъ соловей. „Не волоки-жь мене въ садъ; садъ мнѣ смерть“, говоритъ въ свою очередь жаворонокъ. Особенно въ этомъ отношеніи характерна басня 27-я подъ заглавіемъ: „Пчела и шершень“. „Скажи мнѣ, пчела! для чего ты столь глупа? Знаешь, что трудовъ твоихъ плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны; но тебѣ часто и вредятъ, принося вмѣсто награжденія смерть; однако не перестаєте дурачиться въ собираніи меда. Много у васъ головъ, но безмозгіе. Видно, что вы безъ толку влюбились въ медъ.—Ты—высокій дуракъ, господинъ совѣтникъ,—отвѣчала пчела. Медъ любитъ ѣсть и медвѣдь; а шершень тоже лукаво достаетъ. И мы бы могли воровски добывать, какъ иногда наша братья и дѣлаютъ, еслибы мы только ѣсть любили. *Но намъ несравненно большая забава собирать медъ, нежели кушать, къ чему мы рождены и не престанемъ, поколь не умремъ. А безъ того жить въ изобилии меда есть для насъ одна лютѣйшая смерть*“.

По аналогіи съ природою Скворода усматриваетъ въ человѣческихъ обществахъ много сферъ для дѣятельности, занятій, труда и искусства человѣка. Соотвѣтственно этому природа надѣлила людей различными способностями и наклонностями, но такъ, что для различныхъ сферъ дѣятельности въ обществѣ существуютъ различные классы людей съ различными способностями и природными наклонностями, какъ это наблюдается въ царствѣ животныхъ, существующихъ въ различныхъ сферахъ и при различныхъ условіяхъ природы. Но разница между животными и людьми—та, что животныя безпрекословно и необходимо повинуются природѣ и слѣдуютъ природнымъ наклонностямъ; люди же имѣютъ *разумъ* и *свободную* волю; поэтому, отъ ихъ собственнаго выбора зависитъ сфера дѣятельности, занятій и труда. Это преимущество человѣка передъ животными нерѣдко служитъ несчастіемъ для человѣка и человѣческихъ обществъ: люди нерѣдко избираютъ для своей дѣятельности сферу имъ несродную, т.-е. не ту, которую указыва-

еть имъ ихъ природа. „Удивительно, — говоритъ Сковорода, — что всякая тварь послѣдуетъ Создателю предводительству. Одинъ чрезъ непослушаніе человѣкъ глупоумроу дѣлается мартышкою, засмотрѣвся на глупую моду, не на мановеніе премудрыя природы“. Для доказательства этой мысли Сковорода написалъ сочиненіе: „Разговоръ, нарицаемый Алфавить и букварь мира“. Здѣсь онъ въ самомъ началѣ говоритъ: „самое среднее крыльцо или предверіе, вводящее въ пагубу, и самая начальная замашка, будто *Букварь*, обучающій насъ быть супостатами Бога, есть сія: А) входитъ въ несродную статью; Б) несть должность природѣ противу; В) обучаться, къ чему не рожденъ, и Г) дружить съ тѣми, къ коимъ нерожденъ“. Сюда же относится и большая часть „Басней Харьковскихъ“.

Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавить и Букварь мира“, Сковорода много говоритъ о томъ, какъ, съ одной стороны, трудъ, если потребность его вытекаетъ изъ природной наклонности, неутомителенъ, пріятенъ для трудящагося и полезенъ для окружающихъ и всего общества, и какъ, съ другой стороны трудъ, несродный природѣ или несоотвѣтствующій природнымъ наклонностямъ человѣка, тяжелъ для него и бесполезенъ для общества. Можно сказать больше: люди часто страдаютъ отъ такого человѣка, который занимаетъ положеніе въ обществѣ, не соотвѣтствующее его природнымъ наклонностямъ, или не несетъ должность не сродную его природѣ. „Самая добрая душа, — говоритъ Григорій въ Разговорѣ, „нарицаемомъ Алфавить и Букварь мира“, — тѣмъ безпокойнѣе и несчастливѣе живетъ, чѣмъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сіе, всего міра дражайшее: веселіе сердца — животъ человѣку и радованіе мужа (есть то) долгоденствіе. Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ обижаетъ друзей и родственниковъ, ближайшихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ. Какъ не обижать, если вредъ приноситъ обществу? Какъ не повредить, если нѣтъ прямого раченія и неутомимаго труда?

Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? *Гдѣ-жѣ возьметъ охоту безъ природы? Природа есть всему первоначальная причина и самодвижущая пружина. Она есть мать охоты. Охота есть ражженіе, склонность и движеніе. Охота сильнѣе неволи, по пословицѣ. Она стремится къ труду и радуется имъ, какъ сыномъ своимъ. Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь не родитъ совершенное дѣло, соплетающее Творцу своему вѣнецъ радости. Кратко сказать: природа запалаетъ къ дѣлу и укрѣпляетъ въ трудъ, дѣлая трудъ сладкимъ*. Собесѣдники Григорія продолжаютъ развивать его мысли въ томъ же направленіи. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „я не могу довольно надивиться ужасному множеству грѣшашихъ противу сего тайно-пишемаго божественнаго закона. Не сыщешь ни одной подлой (т.-е. въ низкомъ состояніи находящейся) души нигдѣ, которая не рада бы хоть сегодня взойтить и на самое высокое званіе, нимало не разсуждая о сродности своей“ и т. д. Другой говоритъ: „я, напротивъ того, съ удовольствіемъ дивлюся, какъ сладокъ трупящемуся трудъ, если онъ природный. Съ какимъ веселіемъ гонитъ зайца борзая собака. Какой восторгъ, какъ только данъ сигналъ къ ловлѣ! Сколько улаждается трудомъ пчела въ собираніи меда! За медъ ее умершвляють, но она трудитись не перестаетъ, поколь жива. Сладокъ ей, какъ медъ, и слаже сота трудъ; къ нему она родилась“. Нѣкоторый молодчикъ, — добавляетъ къ сказанному Григорій, — былъ моимъ ученикомъ. Дитина подлинно рожденъ къ человѣколюбію и дружбѣ; рожденъ все честное слышать и дѣлать. Но нерожденъ быть студентомъ. Съ удивленіемъ сожалѣлъ я о его остолбенѣлости. Но какъ только онъ отрѣшился къ механикѣ, такъ вдругъ всѣхъ удивилъ своимъ понятіемъ безъ всякаго руководителя“. „Мертва совсѣмъ душа человѣческая, не отрѣшенная къ природному своему дѣлу“, замѣчаетъ Григорій. И вотъ, такіе-то попадаютъ въ несродную имъ сферу, занимають несродныя имъ должности, принимаются за несродную имъ дѣятельность. „Бываетъ, — говоритъ Григорій, — что воин-

скую роту ведетъ тотъ, кто долженъ былъ сидѣть въ оркестрѣ“.

Сковорода твердо держится того взгляда, что въ данномъ случаѣ и наука не можетъ помочь горю. „Несродное дѣланіе всегда чего-то тайнаго есть лишенное,—говоритъ Сковорода; но сіе тайное есть глава, а называется гречески: τὸ πρῆπον, сирѣчь благолѣпіе или красота, и не зависитъ отъ науки, а наука отъ сего“ („Басни Харьковскія“. Баснь 18-я „Сила“). Учиться слѣдуетъ тому, къ чему имѣется природная склонность. „Ars perficit naturam“. „Природа,—говоритъ Сковорода,—есть вѣчный источникъ охоты. Сія воля (по пословицѣ) пуше неволи. Она побуждаетъ къ частому опыту; опытъ есть отецъ искусству, вѣдѣнію и привычкѣ. Отсюда родились всѣ науки и книги и хитрости“ (тамъ же).

Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“ одинъ изъ собесѣдниковъ указываетъ Григорію на то, что медвѣдя учатъ же плясать и онъ пляшетъ, хотя это и несродно ему. Правда, что медвѣдь пляшетъ; но сколько труда и мученья стоитъ ему это и что изъ этого выходитъ? „Выходитъ смѣшно, говоритъ Григорій, а смѣшно за тѣмъ, что несродно и неприлично. Всякая безвредная неприличность смѣшнить“. Но можетъ послѣдовать худшее; можетъ случится, что волкъ сдѣлается пастухомъ, мѣдвѣдь—монахомъ, а лошаць—совѣтникомъ. „Сіе уже не шутка, а бѣда“, говоритъ Григорій.

Что же толкаетъ людей на несродныя ихъ натурѣ занятія и должности? Различныя побужденія и причины: мода, незнаніе собственнѣйшей природы и слѣдованіе совѣтамъ другихъ; главнымъ же образомъ, сластолюбіе и славолубіе. „Славолубіе да сластолюбіе,—говоритъ въ „Басняхъ Харьковскихъ“ Сковорода,—поволокло многихъ въ стать, совсѣмъ природѣ ихъ противную“.

За то сама природа мститъ за нарушеніе ея законовъ, сама она наказываетъ нарушителей ихъ. „Самимъ себѣ суть убійцы борющіеся съ природою“ говоритъ Сковорода. Они навсегда лишаются того душевнаго мира, который состав-

ляетъ цѣль жизни челоѡка и его высшее благо; вмѣсто душевнаго мира наполняетъ душу ихъ скука, тоска, грусть, недовольство и проч. „Тогда она (душа) ничѣмъ недовольна, говорится въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“. Мерзить и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣди; невкусны забавы, постылые разговоры, неприятны горничныя стѣны, немилы всѣ домашніе; ночь скучна, а день досадный. Лѣтомъ зиму, а зимою хулить лѣто. Нравятся прошедшіе Авраамскіе вѣка или Сатурновы. Хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество. Хулить народъ свой и своей страны обычаи. Порочить натуру, ропщеть на Бога и сама (т. е. душа) на себе гнѣвается. То одно сладкое, что невозможное, вождельнное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Тамъ только хорошо, гдѣ ея, и тогда, когда ея нѣтъ... Жить не можетъ и умереть не хочетъ“. Не слѣдуетъ судить по ихъ жизни, какъ она представляется: они пьютъ, ѣдятъ, поютъ. „Въ сей праздности несносную и большую терпятъ скуку, нежели работающіе безъ ослабы“ („Басни Харьковскія“).

На основаніи вышеизложеннаго Сковорода требуетъ, чтобы родители старались распознавать природныя склонности своихъ дѣтей и согласно съ ними давать имъ воспитаніе и образованіе. На замѣчаніе одного изъ собесѣдниковъ, что трудно знать свою природу, а чужую познать и того труднѣе, Григорій говоритъ: „всякая тайна имѣетъ свою обличительную тѣнь. Трудно распознавать между дружескимъ и ласкательскимъ сердцемъ, но наружная тѣнь, будто изъяснительное штекло, и самыя сердечныя закоулки ставить въ виду острымъ бюстителемъ. Смотри, когда мальчикъ, сдѣлавъ для игрушки воловый яремъ, налагаетъ оный щенкамъ или котикамъ, не сія ли есть тѣнь хлѣбопашескія въ немъ души? Если препояшетъ саблю, не аппетитъ ли къ воинству? Когда трехлѣтній отрокъ самовольно наслышкою перенимаетъ божественныя пѣсни, любитъ за-

глядывать въ священныя книги, перекидывать листьа, смотрѣть то на таинственныхъ образовъ картины, то на буквы, не сіе ли обличаетъ тайную искру природы, родившія и зовущія его въ упражненіе богословское?“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“).

Сковорода былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ своего взгляда на прирожденность въ людяхъ извѣстныхъ наклонностей и способностей, соотвѣтствующихъ различнымъ занятіямъ въ обществѣ. Этотъ взглядъ онъ настойчиво проповѣдовалъ и старался внушить всѣмъ, съ кѣмъ только соприкасался и знакомился, такъ какъ отъ усвоенія этого взгляда людьми онъ ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій какъ для тѣхъ, которые послѣдуютъ ему, такъ и для общества. Въ „Разговорѣ, нарицаемомъ Алфавитъ и Букварь мира“ Григорій говоритъ: „внушалъ я сіе непрестанно молодцамъ, дабы испытывали свою природу“. Ковалѣнскій въ „Житіи Сковороды“ не преминулъ съ особеннымъ удареніемъ отмѣтить указанный взглядъ Сковороды и нѣсколько разъ возвращается къ нему. Во-первыхъ, сообщая о томъ, что внушалъ ему Сковорода, когда онъ сдѣлался его ученикомъ, Ковалѣнскій говоритъ: „Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и что Богъ, раздѣляя члены общества, никого не обидѣлъ; проклятіе же налагаетъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И понеже не испытывали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ Верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы“. Въ другомъ мѣстѣ Ковалѣнскій замѣчаетъ: „онъ (Сковорода) мыслилъ, что счастье человѣка состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряпчими по дѣламъ, многіе ученые—разнощиками, многіе судьи—пахарями, военачальники—пастухами, монахи—дѣловальниками“ и проч. Наконецъ, онъ передаетъ разговоръ

Сковороды съ харьковскимъ губернаторомъ—Щербининымъ, на ту же тему. Послѣдній, желая склонить Сковороду къ официальной общественной дѣятельности, сказалъ: „другой, можетъ быть, ты имѣешь способность къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣніе, предувѣреніе“.—Еслибы я чувствовалъ,—отвѣчалъ Сковорода,—что могу безъ робости рубить турокъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности пріятенъ. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, несмотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаетъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. *Склонности, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть то же*“ и т. д. (Ковалѣвскій. Житіе Сковороды, стр. 23, 27 и 31).

Да позволено будетъ намъ еще разъ сдѣлать историческую справку въ древне-классической философіи по поводу вышеизложеннаго. Сократъ отождествлялъ добродѣтель съ знаніемъ и настаивалъ въ своемъ ученіи на томъ, чтобы гражданинъ, претендовавшій на занятіе той или другой должности въ государствѣ, имѣлъ соотвѣтствующее ей образованіе и знаніе, почему возставалъ противъ выбора на должности по жребію. Тотъ же Сократъ былъ защитникомъ труда, какимъ бы тяжкимъ ни казался онъ его соотечественникамъ, если этотъ трудъ полезенъ и необходимъ для поддержанія жизни. Платонъ въ своемъ „Государствѣ“, требуя раздѣленія труда и обязанностей въ обществѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы этотъ трудъ и обязанности распредѣлялись между гражданами по ихъ способностямъ, особенно требуетъ, чтобы при выборѣ въ сословіе воиновъ и правителей принимались во вниманіе природныя способности и наклонности; образованіе же и науки должны дать надлежащее направленіе развитію этихъ способностей и наклонностей, согласно цѣлямъ государства. Аристотель, какъ философъ-натуралистъ, анализировалъ дѣятельность при-

родныхъ способностей и нашель, что въ дѣятельности способностей за каждымъ актомъ, наилучшимъ образомъ исполненнымъ, слѣдуетъ удовольствіе, какъ необходимое слѣдствіе. И это одинаково относится какъ къ человѣку, такъ и къ животнымъ. Съ этимъ непосредственно соединено благо живыхъ существъ. Съ этой точки зрѣнія, чѣмъ больше имѣетъ живое существо способностей и чѣмъ совершеннѣе исполняются акты этихъ способностей, тѣмъ большимъ благомъ пользуется это существо. Человѣкъ, имѣющій наибольшее количество способностей и наилучшимъ образомъ пользующійся ими, предназначенъ природою къ наибольшему благу; но всѣ живыя существа, не исключая ничтожнаго червяка или улитки, пользуются своимъ благомъ по мѣрѣ способностей, данныхъ имъ природою (Никомах. Этика, книга X). И среди людей существуетъ разнообразіе въ способностяхъ; поэтому каждый наслаждается своимъ благомъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, если онъ пользуется ими наилучшимъ образомъ. Стоики въ своей нравственно-философской системѣ даютъ видное мѣсто природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ (*ὄρμη*). На природныя наклонности и влеченія, будетъ ли то въ животныхъ или въ человѣкѣ, они смотрятъ съ общеміровой точки зрѣнія. Напримѣръ, человѣкъ долженъ смотрѣть на себя не только какъ на индивидуумъ, но и какъ на принадлежность цѣлой вселенной. Онъ долженъ знать, какое мѣсто онъ занимаетъ въ этой вселенной и какую функцію онъ долженъ исполнять въ ней по назначенію природы, которой часть онъ составляетъ и которая преслѣдуетъ свои высшія цѣли. Руководителемъ человѣка въ этомъ знаніи должно служить, главнымъ образомъ, изученіе своихъ собственныхъ природныхъ наклонностей и влеченій. Черезъ нихъ природа указываетъ человѣку то, что предназначено ему выполнить въ общеміровой жизни. Познавши это, онъ долженъ подчинить свою индивидуальную волю требованіямъ и указаніямъ природы и „жить согласно съ природою“; въ этомъ его благо (см. также у Цицерона: *De officiis*).

Очевидно, что Сковорода въ своемъ ученіи о природныхъ способностяхъ и наклонностяхъ совмѣстилъ ученіе о томъ же предметѣ Платона, Аристотеля и стоиковъ. По примѣру Платона, который намѣтилъ три сословія въ государствѣ: земледѣльцевъ (съ ремесленниками), воиновъ и правителей, Сковорода также говоритъ только о трехъ природныхъ наклонностяхъ: о наклонности къ земледѣлію, къ военной службѣ и къ богословію. О земледѣльцѣ онъ говоритъ, что его занятіе состоитъ въ томъ, чтобы „пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотовъ, водить стада или пчелы“. О воинѣ онъ говоритъ: „воиномъ кто рожденъ, дерзай, вооружайся... Съ природою скоро научишься. Защищай земледѣльство и купечество отъ внутреннихъ грабителей и внѣшнихъ непріятелей. Тутъ твое счастье и увеселеніе. Береги званіе какъ око. Что слаже природному воину, какъ воинское дѣло. Закалатъ обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основаніе: правду. Сей есть его пресладкій завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Не бойся! съ Богомъ легко тебѣ будетъ несть голодь, жажду, холодъ, жаръ, бессонницу, кровокаплющія раны и самый страхъ смертный, и гораздо легче, нежели безъ Его противное сему; да уразумѣешь, сколь сильная природа!“ О сродности или природной наклонности къ богословію онъ говоритъ: „студентъ ли ты рожденъ; смотри-жь, такъ ли оно? ты, можетъ статься, червячокъ, но подложный. Изъ сихъ рождаются трутни... Внемли-жь себе, испытай опасно, осмотрись исправно...; а если оно точно такъ, и не тщеславіе, ни прибыль, но самъ Господь зоветъ врожденною къ сему дѣлу любовію, ступай вослѣдъ Его и прибирайся къ званію Оставь всѣ дѣла... Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ. Учись священнымъ языкамъ хотъ одному твердо... Голодь, холодъ, ненависть, гоненіе, руганіе и всякій трудъ не только сносешь, но и сладостенъ, если ты къ сему рожденъ... Привитайся съ древними языческими философами. Побесѣдуй съ отцами вселенскими. Наконецъ, пойдешь въ землю

Израильскую... въ священнѣйшій градъ Библии... Долго самъ учишь, если хочешь учить другихъ. Во всѣхъ наукахъ и художествахъ плодомъ есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины Божія, утверждай оно непорочнаго житія чудесами... Берегись сребролюбія... Кой ты мнѣ богословъ, если сребролюбецъ. Пусть другіе собираютъ, а твоя часть будь Господь. Имѣя пишу и одѣяніе, тутъ все твое довольство тѣлесное“ и т. д. Такимъ образомъ, Сковорода отступаетъ отъ Платона только въ томъ, что вмѣсто правителей ставитъ богослововъ.

То положеніе Сковороды, по которому трудъ пріятенъ и сопровождается удовольствіемъ, если онъ вытекаетъ изъ требованій природныхъ наклонностей, согласуется съ ученіемъ Аристотеля объ удовольствіи, сопровождающемъ акты способностей, наилучшимъ образомъ выполняемые. Всякому извѣстно, что наибольшимъ совершенствомъ отличаются тѣ акты, которые совершаются по природнымъ наклонностямъ и влеченіямъ.

По ученію стоиковъ, природа ради высшихъ общемировыхъ цѣлей размѣщаетъ наклонности и влеченія въ тваряхъ (природу и Бога они отождествляютъ). У Сковороды Самъ Богъ или божественный Духъ представляется раздаятелемъ дарованій и способностей въ тваряхъ вообще и въ людяхъ въ частности. „Богъ,—говоритъ Сковорода,—богатуму фонтану подобенъ, наполняющій различные сосуды по ихъ вмѣстности... Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Поэтому-то Сковорода и выразился такъ, что „жить по природѣ“ значитъ отдаться въ волю Божию“ или подчинить свою волю волѣ Божіей. Онъ отмѣчаетъ рядомъ съ этимъ тотъ фактъ, что въ древности глубоко лежало и крѣпко держалось въ народномъ сознаніи убѣжденіе, что природныя наклонности суть дары боговъ. „У язычниковъ,—говоритъ онъ,—была пословица: *invita Minerva* — безъ благословенія Минервы (у насъ говорятъ: безъ Бога). И первѣе такъ говорили о наукахъ,

потомъ—о всемъ, даже мелочномъ дѣлѣ. Если кто безъ природы сунется во врачебную науку или музыку, говорили: invito Apolline, iratis Musis — безъ благословія Аполлона, безъ милости Музъ. Если кто обращался въ купечествѣ—безъ дозволенія Меркуріева, если обиталь въ прекрасныхъ рошахъ, на поляхъ, на холмахъ и на горахъ, при чистыхъ рѣкахъ и прозрачныхъ источникахъ, уединяясь въ лѣсахъ и въ шумящихъ птичьимъ пѣніемъ вертоградахъ, убѣгая человѣческаго сожительства и брачнаго союза, но безъ Бога, говорили: безъ благословія Діаны“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“).

Еще разъ указываемъ на то, что взгляды и убѣжденія Сквороды не согласовались съ преобладающими взглядами и убѣжденіями философовъ XVIII стол. Послѣдніе держались по преимуществу того взгляда, что люди по природѣ равны, что они рождаются съ одинаковыми способностями; если впоследствии они дѣлаются различными по способностямъ и дарованіямъ, то это происходитъ единственно вслѣдствіе воспитанія и образованія. Скворода не признаетъ того положенія философовъ XVIII стол., что люди рождаются съ одинаковыми способностями и равны по природѣ. „И что глупѣе,—говоритъ онъ,—какъ равное равенство, которое глупцы въ міръ внести покушаются. *Куда глупѣе все то, что протнвно блаженной натурѣ*“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Равенство между людьми существуетъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его эти мечтатели; оно состоитъ въ томъ, что никто не лишень отъ природы дарованій и способностей; но эти дарованія и способности различны, согласно потребностямъ и нуждамъ общества.

Скворода—*оптимистъ*. По его убѣжденію, „вся экономія во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“). И общество какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ устроено, какъ машина, слѣдовательно, устроено разумно и цѣлесообразно. Люди сами виноваты въ томъ, что въ обществѣ происходятъ за-

мѣшателства и неустройства. „Общество,—говоритъ Скворода,—есть то же, что машина. Въ ней замѣшательство бываетъ тогда, когда ея части отступаютъ отъ того, къ чему оныя своимъ хитрецомъ сдѣланы“ („Разговоръ, нарицаемый Алфавитъ и Букварь мира“). Выше достаточно было сказано о томъ, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ происходятъ въ обществѣ отступленія частей и зло, отсюда проистекающее. Такимъ образомъ, вопросъ о нравственномъ злѣ и его происхожденіи разрѣшается самъ собою.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о *дружбѣ и любви*. Происхожденіе той и другой объясняетъ Скворода изъ того же принципа *сродности*. „Любимъ,—говоритъ онъ—тѣхъ, коихъ любить родились, такъ какъ ядимъ то, что по природѣ“ („Басни Харьковскія“). Дружба и любовь суть тоже дѣйствіе Божіе въ человѣкѣ, насколько Богъ есть причина всѣхъ природныхъ наклонностей и сродностей въ тваряхъ и человѣкѣ. „Премудрая и предревняя,—говоритъ Скворода,—есть сія пословица: ὁμοιον πρὸς ὁμοιον ἄγει Θεός: similem ad similem ducit Deus (подобнаго до подобнаго ведетъ Богъ)“ (тамъ же). „Какъ нельзя коня съ медвѣдемъ, а собаку съ волкомъ припрятти къ коляскѣ, такъ не можно, чтобы не оторвалось ветхое сукно, пришитое къ свѣжему, а гнилая доска къ новой. Равно-жъ несогласіе есть между двомя разстоящихъ природъ человѣками; а самая вящая несродность между злымъ и добрымъ сердцемъ“. Поэтому, „дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать“ (тамъ же). „И фамилія, и богатство, и чинъ, и родство, и тѣлесныя дарованія, и науки несильны утвердить дружбу; но сердце въ мысляхъ согласное и одинакая честность человѣколюбивыя души въ двоихъ и троихъ тѣлахъ живущая. Сія истинная любовь и единство“. Также въ письмѣ къ пріятелю, которое составляетъ предисловіе къ „Баснямъ Харьковскимъ“, Скворода говоритъ: „твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два различные сосуды однимъ да наполняются ликеромъ; да будетъ

едина душа и едино сердце. Сіе-то есть истинная дружба“. Не даромъ въ природѣ человѣка глубоко лежитъ стремленіе къ дружбѣ и любви. „Дружба, — говоритъ Сковорода, — есть основаніе, союзъ и вѣнецъ обществу“. „Другъ есть слуга и доброжелатель“. „Гдѣ есть дружба, тамъ миръ и согласіе; тамъ — любовь; а любовь есть образъ самаго Бога; Богъ любви есть“. „Нѣтъ, — говоритъ Сковорода, — ничего дороже, слаже и полезнѣе дружбы. Великая Русь просвѣщенно поговариваетъ: въ полѣ пшеница годомъ родится, а добрый человѣкъ всегда пригодится. Носится и въ Малороссіи пословица: не имѣй сто рублей, какъ одного друга“ („Басни Харьковскія“).

Заключеніе.

Въ этомъ очеркѣ мы далеко не исчерпали всего, что заключается въ сочиненіяхъ Сковороды. Преслѣдуя изложеніе однихъ философскихъ воззрѣній Сковороды, мы почти не касались его религіозно-богословскихъ воззрѣній, которыя находятся въ связи съ его философскимъ мышленіемъ и міровоззрѣніемъ; мы едва коснулись ученія Сковороды о троичности Божества; сопоставляя философскія воззрѣнія Сковороды съ воззрѣніями Платона, Аристотеля, стоиковъ и Филона, мы въ то же время воздерживались отъ сопоставленія ихъ съ посланіями Апостола Павла и ученіями нѣкоторыхъ отцовъ церкви: Климента Александрійскаго, Максима Исповѣдника и друг., находя себя недостаточно свѣдущими и компетентными въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, эта сторона въ сочиненіяхъ Сковороды ожидаетъ еще своего изслѣдователя-спеціалиста. Затѣмъ мы не имѣли подъ руками нѣкоторыхъ сочиненій Сковороды, которыя по содержанію весьма важны, какъ можно судить по указаніямъ Хиждеу и выдержкамъ, сдѣланнымъ имъ въ извѣстной указанной нами его статьѣ въ „Телескопѣ“. Таковы: „Симфонія о народѣ, гласъ II“, „Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Православная“, „Помни послѣдняя, помню и исповѣдую Тебе, Го-

споди“ (Послѣднее сочиненіе, по свидѣтельству Хиждеу, есть родъ автобіографической записки Сковороды, написанной имъ для архіепископа Георгія Конисскаго въ видѣ письма къ нему 5 мая 1789 года изъ Бурлука); „Софросина, сирѣчь толкованіе на вопросъ: что намъ нужно есть? и на отвѣтъ: Сократа“.

Странно то, что ни на одно изъ этихъ сочиненій нѣтъ указаній у ученика и друга Сковороды—Ковалѣнскаго; другіе указываютъ на нихъ лишь на основаніи указаній Хиждеу. Судя по выдержкамъ, сдѣланнымъ изъ нихъ Хиждеу, въ этихъ именно сочиненіяхъ трактуется о русскомъ народѣ, народномъ воспитаніи и русской философіи. Нѣкоторыя выдержки, сдѣланныя Хиждеу изъ указанныхъ сочиненій, приведены нами въ отдѣлѣ, въ которомъ говорилось о сократической дѣятельности Сковороды. Не менѣе интересны и другія выдержки, сдѣланныя Хиждеу; на примѣръ, въ сочиненіи: „Притча, нарѣченная Эродій“, говорится о воспитаніи слѣдующее: „коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ Нѣмецъ и Французъ силу восприносить и воспричитать воспитаніе. Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимкою утаился въ кремешкѣ. Приставъ же губку, либо трутъ, не пожалѣй же руки и ударь кресаломъ и выкресешь огонь у себя дома и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: пожичь-де мнѣ огню“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ, ибо изводъ образованія долженъ быть изъ народа, ради народа, для народа, народный: долгъ же учителя есть званіе познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство исты (сущности) образованія и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою“ (Хиждеу, стр. 164 и 165). Особенно интересно, повидимому, содержаніе сочиненія Сковороды подъ заглавіемъ: „Симфонія о народѣ, гласъ II“. Хиждеу представляетъ главную мысль („въ сводѣ“, какъ выражается) этого сочиненія слѣдующимъ образомъ: „Троякое есть познаніе себя, и кто не позналъ

себя тройко, тотъ не знаетъ себя, ибо кто знаетъ себя съ одной стороны, а не знаетъ себя съ прочихъ сторонъ, тотъ все равно что ничего не знаетъ про себя и о себѣ, словомъ—самого себя и свое. Первое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія самоличнаго, самоособнаго, самосущаго, т. - е. какъ человѣка одинокаго, отъ всѣхъ людей отличнаго, только на самого себя похожаго. Вспомни пословицу: всякъ Еремей про себя разумѣй. Всякъ долженъ узнать себя, именно: свою природу, чего она ищетъ, куда ведетъ, и какъ ведетъ,—и ей послѣдовать безъ всякаго отнюдь насилія, но и съ глубокимъ покореніемъ. Конь ли ты? носи сѣдока. Волъ ли ты? носи яремъ. Песъ ли борзый? лови зайца. Дацкій ли? дави медвѣдя... Другое познаніе есть познаніе себя, какъ бытія общежительнаго, гражданскаго, народнаго, государственнаго, т.-е. какъ человѣка, сличеннаго съ другими истую вѣры, закона, обычая и языка и похожаго на другихъ людей, вкупѣ живущихъ въ одной землѣ, которой имя: родина, отчизна, рѣчь общая, *respublica*. Вспомни пѣсню: Ой туда ся хилять лозы, куда имъ похило; туда очи выглядяють, куда сердце мыло. Всякъ долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русъ ли ты? Будь имъ: вѣрь православно, служи царцѣ правно, люби братію нравно. Ляхъ ли ты? Ляхъ будь. Нѣмецъ ли ты? Нѣмечествуй. Французъ ли? Французуй. Татаринъ ли? Татарствуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ и все красно, что чисто, природно, т.-е. неподдѣлано, неподмѣшано, по своему роду. Не будь ни тепель, ни холодень, да не изблюють тебя. Русъ не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или съ собачьею головою... Третіе познаніе—себя какъ бытія, сотвореннаго по образу и по подобію Божію, общаго со всякимъ бытіемъ человѣческимъ. Посреди насъ живетъ то, что превыше всего есть. По первому познанію ты познаешь свое особство, почему ты Еремей и какой Еремей? По второму ты узнаешь свою стать: почему ты Русъ и какова Русъ? По третьему ты узнаешь свою общность: почему

ты человекъ? и что есть человечество? По всему ты узнаешь себя и отлично и слично, и неслитно и слитно. О Боже! сколь неслична музика безъ Св. Духа Твоего! И коль смѣхотворна премудрость, несличившая и непознавшая себя“. Хиждеу говорить далѣе: Сковорода досадуетъ на тѣхъ народоучителей, которые проповѣдовали одностороннее познаніе себя, и въ этомъ отношеніи упрекаетъ даже Сократа. У грековъ онъ находитъ трехъ апостоловъ самосознанія: великаго незнакомца, написавшаго на Дельфійскомъ храмѣ мудрое: узнай себя, Солона и Сократа; но Дельфійская надпись относилась къ познанію себя, какъ особи (*individuum*); Солонъ училъ познанію себя, какъ гражданина (*in statu*); Сократъ училъ познанію себя, какъ человека вообще (*in genere*). Что есть человекъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ людей, погружающійся въ думу о себѣ единомъ? Круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный. Что есть гражданинъ въ народѣ, отчуждающемъ себя отъ другихъ народовъ, закатывающемся только въ свою наличность? то, что и народъ его, т. е. бытіе раждающеея и раждающее, — только въ пространствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣсто, но не вѣка; опредѣленіе: подлежащее географіи, но не исторіи. Что же тотъ, кто отождаетъ себя въ познаніи съ цѣлымъ человечествомъ (космополитъ)? Собака въ Эзоповой баснѣ, которая нарочно опустила наличный кусокъ мяса и канула въ рѣку, чтобы уловить тѣнь онаго. Спаситель первый училъ полному, т. е. тройкому, познанію себя, какъ познанію одному.

Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Халявскій (Данилевскій) заявляетъ, что онъ не имѣлъ данныхъ для рѣшенія вопроса въ пользу или не въ пользу Хиждеу („Основа“ 1862 г., сентябрь, 92 стр.). Мы тоже не имѣемъ ихъ. Но вышеприведенныя мѣста изъ неимѣющихся у насъ подъ руками сочиненій Сковороды отнюдь не противорѣчатъ тому, что изложено нами на основаніи подлинныхъ сочиненій Сковороды. Вспомнимъ, что

было сказано о природныхъ дарованіяхъ и наклонностяхъ каждаго человѣка и даже каждой твари, какъ трактуеть объ этомъ Сковорода. Если каждый индивидуумъ отличается этими наклонностями и дарованіями отъ другихъ и имѣеть свою особность, то такимъ же образомъ и каждый народъ имѣеть свою особность и отличается отъ другихъ своими дарованіями и наклонностями, своимъ характеромъ. Русскій народъ не составляетъ, конечно, исключенія. Поэтому Сковорода могъ послѣдовательно логически выражаться, что „Русь не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или собачьею головою“.

Замѣчательно, что нашъ философъ выступаетъ проповѣдникомъ идеи національности въ то время, когда на Западѣ преобладала идея космополитизма и едва нарождалась идея національности. Но могутъ сказать: какъ же самъ-то онъ не сдѣлалъ попытки создать самобытную, національную философію, а воспользовался древне-классическою философіею? По нашему мнѣнію, Сковорода дѣлалъ свое дѣло именно въ духъ національности. Какъ было сказано, онъ принялъ на себя роль Сократа для своего народа и боролся, главнымъ образомъ, съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, что и нужно было въ то время. Онъ приготовлялъ поле для будущей философіи. Онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „И кто будетъ по нашемъ Сократѣ нашимъ Платономъ? Что будетъ, то будетъ, а кто будетъ? Богъ вѣсть. *Meo d̄tlo теперешнее*, а оное—*grata superveniet, quum non superabitur* hoga — само придетъ, когда придетъ пора“ („Софросина“. Хиждеу, 42 стр.). Изложеніе и пропагандированіе идей древне-классической философіи есть второй способъ подготовленія будущей философіи, которымъ воспользовался Сковорода. Въ этомъ мы видимъ глубокой смыслъ и широкое пониманіе дѣла со стороны Сковороды. Сковорода не былъ, какъ мы видѣли, узкимъ націоналистомъ. „Народъ, говоритъ онъ, отчуждающийся отъ другихъ народовъ, есть бытіе, существующее и раждающее только въ про-

странствѣ, а не во времени, объемлющее собою мѣста, но не вѣка, опредѣленнѣе: подлежащее географіи, но не исторіи“. Такимъ образомъ, Сковорода понималъ, что національная философія должна корениться въ общемъ источникѣ. „Истина,—говорить онъ,—безначальна и вѣчна“. „Sola veritas est viva, antiquissima“. Истина раскрывается постепенно въ различныхъ мѣстахъ, у различныхъ народовъ. Западно-европейская философія также началась съ того, что первоначально воспроизводились системы древне-классической философіи, и только впоследствии она вступила на самостоятельный путь развитія. Значить, это—наиболѣе естественное средство для того, чтобы вступить на самостоятельный путь развитія философіи. Намъ кажется, что Сковорода хорошо понималъ это; поэтому онъ и обратился къ древне-классической философіи, какъ къ первоисточнику, дабы подготовить появленіе самостоятельной, національной философіи. Къ этому нужно присовокупить, что онъ, повидимому, крайне не симпатизировалъ преобладающему направленію философіи XVIII вѣка. Особенно противна была ему мода оригинальничанья среди мелкихъ и поверхностныхъ умовъ и среди недоучекъ, которая была порожденіемъ направленія философіи этого вѣка. „А если,—говорить онъ въ одномъ мѣстѣ,—мой молокососный мудрецъ дѣлается двухъ или трехъ языковъ попугаемъ, побывалъ въ славныхъ городахъ и знатныхъ компаніяхъ, если вооружится ариѳметикою, геометрическими кубами, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ любовныхъ исторій и гражданскихъ и проглотивъ нѣсколько число Коперниканскихъ пилюль; во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пивагоры, Цицероны и вся древность суть одни только *метелики*, надъ поверхностію земли летающіи, въ сравненіи нашего высокопарнаго орла, къ неподвижнымъ солнцамъ возлетающаго и всѣ на океанѣ острова перечетшаго. Тутъ-то выныряютъ хвалители, проповѣдующіи и удивляющіися новорожденной въ его мозгѣ мудрости, утаенной отъ всѣхъ древнихъ, яко непросвѣщенныхъ вѣковъ, въ коихъ одинаково жизнь проживалась. Тогда-то

уже всѣхъ древнихъ вѣковъ реченія великій сей Дій пересуживаеть, будто ювелирь камушки, по своему благоволенію—то одобряеть, то обезцѣняеть, сдѣлався вселенскимъ судьей. А что уже касается Моисея и пророковъ, и говорить нечего“ („Разговоръ о душевномъ мирѣ“, напечат.).

Нужно удивляться самостоятельности и независимости ума нашего философа, если мы примемъ во вниманіе среду, въ которой онъ воспитался и развивался. Это было царство схоластики самой безплодной и неподвижной, застывшей въ узкихъ рамкахъ. Она или отупляла, или бросала на крайній путь отрицанія. Сковорода же, сдѣлавшись смертельнымъ врагомъ схоластики, въ то же время не подался въ сторону отрицателей XVIII вѣка. Это былъ истинный философъ, вѣрнѣе сказать: философъ въ древне-классическомъ смыслѣ. *Изысканіе истины и жизнь для него одно и тоже.* „Мнози глаголють,—пишетъ Сковорода къ Ковалѣнскому,—что же дѣлаеть въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азь же о Господѣ радуюся... Се есть діатриба и типикъ моя жизни. Блаженъ мужъ, иже въ премудрости живеть и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится“ („Письмо къ другу. Разглаголь о древнемъ мирѣ“). Въ сочиненіи: „Израильскій змій“ Сковорода представляетъ себя подъ видомъ пустытника, который занимается тѣмъ, что „ловить птицу—истину“. Недаромъ Сковороду называютъ первымъ русскимъ философомъ. Это названіе неотъемлемо принадлежитъ ему по всей справедливости.

Наше изложеніе *умозрительной* философіи Сковороды не доведено, можно сказать, до конца; мы начертали, главнымъ образомъ, историческій путь, которымъ шель онъ въ глубь философскаго умозрѣнія. Какъ могъ замѣтить читатель, Сковорода въ своей философіи дѣлаеть попытку найти путь къ примиренію двухъ философскихъ направленій, которыя считались и считаются непримиримыми, а именно: *примирить пантеизмъ съ умозрѣніемъ, признающимъ личнаго Бога съ свободною волею.* Многие, конечно, отнесутся къ этой попыткѣ скепти-

чески и самую задачу, поставленную Сковородою, признают невыполнимою, приравнивая ее къ квадратурѣ круга или къ *regretium mobile*. Но древняя философія пришла же къ необходимости рѣшать эту задачу въ силу историческаго хода развитія философской мысли въ древности, когда произошло столкновеніе двухъ философскихъ міровоззрѣній—восточнаго и греческаго. Въ Европѣ также рядомъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ нерѣдко выдвигалось и выдвигается пантеистическое міровоззрѣніе восточнаго характера. Сковорода, по примѣру древнихъ философовъ указанной эпохи, усматриваетъ возможность примиренія двухъ указанныхъ философскихъ міровоззрѣній въ признаніи троичности Божества. Замѣчательно, что другой русскій мыслитель ближайшаго къ намъ времени, И. В. Кирѣевскій, который, по всей вѣроятности, не былъ знакомъ съ сочиненіями Сковороды, также говоритъ, что исходнымъ пунктомъ русской философіи должно быть ученіе о Св. Троицѣ.

Другая попытка Сковороды, которая находится въ связи съ первою, хотя можетъ быть разсматриваема и независимо отъ нея, состоитъ въ томъ, чтобы *примирить необходимость и свободную волю въ человѣкѣ и его дѣйствіяхъ*. И здѣсь, какъ извѣстно, признается обыкновенно непримиримость и происходитъ борьба между двумя направленіями, изъ коихъ одно отвергаетъ свободную волю въ человѣкѣ, другое признаетъ ее. Сковорода признаетъ свободную волю въ человѣкѣ и въ то же время учитъ, что человѣкъ долженъ въ жизни слѣдовать природнымъ наклонностямъ, какъ необходимости. Животныя, которыя не имѣютъ свободной воли, живутъ и дѣйствуютъ неуклонно по природнымъ наклонностямъ; человѣкъ же, который одаренъ отъ Бога свободою волею, далеко не всегда слѣдуетъ своимъ природнымъ наклонностямъ. Сковорода доказываетъ, что человѣку несравненно пріятнѣе и полезнѣе слѣдовать природнымъ наклонностямъ, чѣмъ не слѣдовать имъ, не говоря уже о томъ, что онъ, слѣдуя требованіямъ своей природы, выполнитъ указанное ему свыше назначеніе въ жизни. Такъ какъ трудъ

по природнымъ наклонностямъ въ высшей степени пріятель и полезенъ, то каждый членъ общества трудился бы съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ, и никто не жаловался бы на тяжесть труда. Вполнѣ убѣжденный въ этомъ, Скворода вездѣ и всюду въ своихъ сочиненіяхъ повторяетъ: „благодареніе Богу, что онъ сдѣлалъ нужное нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“. Самое трудное дѣло кажется нетруднымъ, если оно совершается по природнымъ наклонностямъ.

Такимъ образомъ, Скворода не ограничился одною сократическою дѣятельностью; онъ не только подготовлялъ появленіе національной философіи, но и самъ представилъ опытъ систематически развитаго философскаго міровоззрѣнія. Значеніе этого опыта въ области народной философской мысли отнюдь не уменьшается чрезъ то, что онъ развить, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ древне-классической философіи. Какъ было сказано, это естественный путь къ развитію самостоятельной философіи и первый шагъ къ ней. Замѣчательно, что тѣмъ же примирительнымъ направленіемъ въ философіи отличался въ Германіи Лейбницъ, который по отцовской линіи былъ славянинъ (Любенецъ) и который также питалъ особенную любовь къ древне-классической философіи съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Самъ Скворода отнюдь не склоненъ былъ приписывать себѣ оригинальность и самостоятельность въ томъ, что написано имъ; онъ отказывается даже отъ того, что несомнѣнно принадлежитъ творчеству его ума, каковы: „Басни Харьковскія“. Въ письмѣ къ пріятелю, присоединенномъ къ „Баснямъ“, какъ предисловіе, онъ говоритъ: *„не мои сіи мысли и не я оныя вымыслилъ. Истина есть безначальна. Но люблю, тѣмъ—мои; люби и будутъ твои. Все не наше, все погибнетъ и самые болваны наши. Одни только мысли наши, одна только истина—вѣчна, а мы въ ней, какъ яблоко въ своемъ зернѣ, сокрываемся“*. Между тѣмъ, знакомясь съ сочиненіями Сквороды, мы видимъ, какъ глубоко продуманы всѣ мысли его, какъ опредѣленно и отчетливо выяснены онѣ, какимъ

своеобразнымъ языкомъ выражены и какими сильными выраженіями запечатлѣны. Какъ философъ, онъ вездѣ послѣдователенъ въ своихъ мысляхъ и ихъ развитіи. Міровоззрѣніе и слогъ достаточно обнаруживаютъ оригинальность и самостоятельность Сковороды. Рѣшеніе философскихъ вопросовъ, представленное Сковородою, таково, что, по нашему мнѣнію, и въ настоящее время не можетъ быть отброшено безъ вниманія тѣмъ, кто интересуется историческимъ движеніемъ философской мысли и будущею судьбой философіи.

Сковорода былъ не только философомъ, но и теологомъ и поэтомъ. Онъ имѣлъ право безъ тщеславія сказать о себѣ: „умираю не безчаденъ и въ семь человекѣ похваляюся, дерзая съ Павломъ: не всуе текохъ“ („Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ“ въ рукописи).

В. А. Зеленогорскій.

Психологическая природа инстинкта

по новымъ даннымъ экспериментальной физиологии *).

(Окончаніе).

III. Insecta (наѣкомыя).

Большое сходство съ дѣятельностью многоножекъ представляютъ: *гусеницы бабочекъ* и *личинки жуковъ*.

Прежде чѣмъ обратиться къ описанію моихъ изслѣдованій надъ гусеницами бабочекъ, скажу нѣсколько словъ о той сторонѣ дѣятельности этихъ животныхъ, которую они проявляютъ при нормальныхъ условіяхъ и которую намъ надо будетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ явленій въ условіяхъ опыта.

Всѣ гусеницы бабочекъ, помѣщенные на столѣ, сколько я знаю, ползаютъ только впередъ,—никогда назадъ,—и это первый, и весьма существенный, пунктъ различія въ движеніяхъ многоножекъ и гусеницъ.

Далѣе, гусеницы не совершаютъ, да и не могутъ совершать (по причинѣ ограниченнаго числа ногъ и ихъ положенія) такихъ боковыхъ движеній своимъ тѣломъ, или зигзагообразныхъ изгибаній его, какія мы видѣли у многоножки.

Всѣ онѣ видятъ плохо, какъ въ этомъ удостовѣряютъ много-

*) Въ первой половинѣ статьи (см. кн. 20, ноябрь 1893 г.) примѣчаніе на стр. 31 должно быть перенесено десятью строками ниже, такъ какъ относится не къ субъективному, а сравнительно-психологическому методу.

численныя изслѣдованія авторовъ *). Но, какъ это удостоверяють наблюденія Plateau **) не подлежитъ сомнѣнью, что глаза этихъ животныхъ отнюдь не служатъ только для различенія свѣта отъ тьмы. Гусеницы бабочекъ видятъ, хотя и дурно.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній перехожу къ описанію моихъ изслѣдованій.

Первое, что останавливаетъ наше вниманіе при сравненіи дѣятельности декапитированной гусеницы бабочекъ съ дѣятельностью декапитированной многоножки—это то, что она перестаетъ ползать.

Ключъ къ рѣшенію вопроса лежитъ, разумѣется, въ образѣ жизни этого животнаго, котораго инстинкты представляютъ строго опредѣленную группу дѣйствій, частью самостоятельно отвѣчающихъ на получаемыя впечатлѣнія, частью опредѣленнымъ образомъ координированныхъ между собою.

Принимая во вниманіе, во-первыхъ, что гусеницы бабочекъ въ нормальныхъ условіяхъ *при раздраженіи не уходятъ*, а либо защищаются, либо свертываются въ спираль, и, во-вторыхъ, что, ползая, когда ничто ихъ не беспокоитъ, онѣ руководятся глазами и усиками,—мы а priori должны ожидать, что декапитированныя гусеницы ползать не будутъ, и что раздраженія вызовутъ у нихъ только самооборону—въ видѣ ли изворачиванія всего тѣла, или приближенія у однихъ головнаго, у другихъ хвостоваго конца тѣла къ мѣсту раздраженія.

Съ того момента, какъ голова гусеницы *Macroglossa stellata* отрѣзана ***), животное *не двигается ни назадъ, ни впередъ*.

*) Начиная съ Lyonet: „Traité anatomique de la chenille, qui ronge le bois de saule“. 1762 г. и кончая Girard'омъ: „Les insectes. Traité élémentaire d' Entomologie“. Т. III, fas. I, p. 87. Paris 1882 г. и Graber'омъ: „Grundlinien zur Erforschung des Helligkeits- und Farbensinnes der Thiere“, S. 203 et 220. 1884 г. и др.

**) Plateau (loc. cit., стр. 12), приводитъ табличку разстояній яснаго видѣнія 15 видовъ, имъ изслѣдованныхъ, гусеницъ, въ числѣ которыхъ *Liparis salicis*, *Bombyx neustria* и *Habena oleracea* видятъ на разстояніи 2-хъ сантиметровъ, остальные не меньше: 1—1½ сант.

***) Для предупрежденія большой потери крови при отрѣзаніи головы гусе-

На раздраженія обезглавленная гусеница бабочки *Mastoglossa stellarum* отвѣчаетъ совершенно такъ же, какъ отвѣчала бы, еслибъ имѣла голову, за исключеніемъ тѣхъ родовъ движенія, которые стоятъ въ прямой зависимости отъ органовъ чувствъ, находящихся на головѣ:

а) Если пинцетомъ дотронуться до головного конца тѣла, то гусеница *Mast. st.* быстро и безошибочно касается пинцета задними ногами. Это — *движеніе защиты*, обычное для очень многихъ гусеницъ въ ихъ нормальномъ состояніи.

б) Если пинцетомъ дотронуться до задняго конца тѣла, или взять имъ гусеницу за роговидный придатокъ, то животное такъ же быстро касается пинцета головнымъ концомъ своего обезглавленного тѣла.

в) Если гусеницу опрокинуть на спинку, то она быстро переворачивается и принимаетъ обычное положеніе совершенно такъ же, какъ и при нормальныхъ условіяхъ.

д) Если ее берутъ за тѣло возлѣ узла нитки, которою была отдѣлена голова отъ туловища, то она вся извивается, какъ бы пытаясь выручить голову изъ бѣды, и хватается заднею парю ложныхъ ногъ или за обрѣзки нити, находящейся возлѣ раны, или за предметъ, которымъ касаются ея тѣла.

е) Если беспокоить предметъ, на которомъ находится гусеница, то она дѣлаетъ движенія сначала всѣмъ тѣломъ, а потомъ ногами, *но съ мѣста не двигается*: очевидно, поступательное движеніе животного координировано совершенно опредѣленно только съ впечатлѣніями, которыя оно воспринимаетъ помощью усиковъ и глазъ, причемъ эта координація гораздо болѣе опредѣленна, чѣмъ мы это видѣли у многоножекъ.

Въ заключеніе о движеніяхъ обезглавленной гусеницы мнѣ остается добавить, что сходство актовъ, ею производимыхъ, съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ у нормального живот-

ницы, я прежде операциі дѣлаю ниткой крѣпкую перевязку ея тѣла близъ первой пары ножекъ.

наго, будучи полнымъ, представляет и нѣкоторыя отличія, которыя объясняются ролью головы въ дѣятельности животнаго. Кромѣ тѣхъ, такъ сказать, непосредственныхъ, грубыхъ и очевидныхъ послѣдствій лишенія головы, о которыхъ мы говорили выше, есть еще и другія, менѣе замѣтныя. Отличія эти вообще сводятся къ тому, что нѣкоторыя движенія нормальнаго животнаго, прекращающіяся у него тотчасъ вслѣдъ за минованіемъ въ нихъ надобности, у обезглавленнаго, будучи однажды вызваны, продолжаютъ какъ бы по инерціи болѣе или менѣе долгое время уже послѣ того, какъ надобность въ нихъ миновала.

Поясню сказанное примѣромъ.

Если нормальную гусеницу взять пинцетомъ за середину тѣла, то она выворачивается, крутясь около большой оси своего тѣла; освобожденная отъ пинцета, она тотчасъ же, или очень скоро прекращаетъ этотъ родъ движенія, для нея бесполезный, и замѣняетъ его другимъ.

Обезглавленная гусеница въ тѣхъ же условіяхъ ведетъ себя нѣсколько иначе: взятая пинцетомъ, она производитъ тотъ же маневръ, что и нормальная; но, будучи освобождена, не прекращаетъ вращательнаго движенія, а продолжаетъ его довольно долго, причемъ прекращаетъ не сразу, какъ нормальная, а производя его постепенно все рѣже и рѣже, незамѣтно сводя на нѣтъ. Явленіе это объясняется, повидимому, тѣмъ, что нормальная гусеница, освободившись отъ пинцета, получаетъ извнѣ, помощью глазъ и шупалець, новый рядъ впечатлѣній, оказывающихся болѣе сильными, чѣмъ *бывшее*, скоро забываемое; а у гусеницы обезглавленной этихъ новыхъ впечатлѣній не получается.

Наблюденія надъ другими гусеницами бабочекъ почти ничего новаго не присоединяютъ къ сказанному. Всѣ эти животныя послѣ декапитациі не ползаютъ болѣе, и заставить ихъ это дѣлать оказывается невозможнымъ. Всѣ онѣ выполняютъ обычныя имъ движенія совершенно такъ, какъ дѣлаютъ ихъ въ нормальномъ состояніи, и декапитированныя

гусеницы разныхъ видовъ отличаются между собою въ этомъ отношеніи столько же, и тѣмъ же, чѣмъ различаются нормальныя.

Поэтому чтобы не повторяться, ограничусь лишь краткимъ указаніемъ на такіе опыты, которые я дѣлалъ надъ гусеницами другихъ бабочекъ.

Перевязывая пополамъ (какъ я это дѣлалъ съ многоножками) тѣло гусеницъ: *Pieris brassica*, *Argctia saja* и другихъ, я могъ констатировать слѣдующее:

1. Гусеницы послѣ такой перевязки живутъ гораздо менѣе продолжительное время, чѣмъ многоножки и даже чѣмъ декапитированныя особи того же вида. Такъ, у *Pieris* послѣ операціи головной отрѣзокъ прожилъ приблизительно 8 часовъ, а хвостовой—около 10 часовъ; у *Argctia* головной конецъ прожилъ около 50 часовъ, а хвостовой около 80.

2. Раздѣленные перевязкой части не узнаютъ другъ друга.

3. Головной отрѣзокъ при раздраженіи закручивается на себя въ спираль, задній же—никогда и ни у какихъ особей.

4. Защищаются отъ безпокойства головной и хвостовой отрѣзки каждый самъ по себѣ, и по-своему.

5. Головной конецъ днемъ ползаетъ по ящику, поднимается на его верхъ, таская за собою неподвижный хвостовой отрѣзокъ, отыскиваетъ пищу, и т. д. Хвостовой остается безъ движенія.

Что касается до вліянія декапитации на жизнь гусеницы, то оно, какъ и у пвявокъ и многоножекъ, едва ли значительно.

Декапитированныя лѣтомъ, въ разгаръ ихъ жизненной дѣятельности, умираютъ, говоря относительно, довольно скоро, но такъ же скоро умираютъ и нормальныя гусеницы, лишеныя пищи въ это время. Напротивъ, декапитированныя осенью, перезимовывающія гусеницы, живутъ гораздо дольше. Такъ, декапитированная въ августѣ гусеница *Argctia saja* жила въ тепломъ помѣщеніи до 1-го ноября; въ первыхъ же числахъ ноября умерла посаженная съ нею одновременно и нормальная особь. Въ холодѣ онѣ живутъ еще

дольше и могут даже перезимовать, будучи лишенными головы.

Чтобы закончить съ описаніемъ опытовъ надъ гусеницами и личинками, я скажу нѣсколько словъ о личинкахъ насѣкомыхъ, живущихъ въ водѣ.

Опыты производились надъ личинками *Eristalis tenax* (иловая муха).

Декапитированная перевязкою личинка очень скоро оправилась и, пущенная въ воду, тотчасъ же выставила на ея поверхность трахейныя трубки, открывающіяся на хвостовомъ концѣ ея тѣла. Обезпокоенная, поплыла, изгибаясь всѣмъ тѣломъ. Нормальныя личинки передвигаются или такимъ же способомъ, или помощью находящихся на головѣ крючковъ. Послѣ декапитации послѣдній способъ передвиженія, разумѣется, невозможенъ.

Образъ жизни этой декапитированной личинки вообще (операція была сдѣлана 5 августа) мало чѣмъ отличался отъ жизни нормальной особи, положенной съ нею въ одно помещеніе. Малѣйшее колебаніе воды въ резервуарѣ заставляло и ту и другую сжиматься или уходить съ занимаемого ими мѣста, и т. д. Вынутая изъ воды, она ползла заднимъ концемъ тѣла впередъ, *нащупывая* дорогу; *выбирала* направленіе; испуганная какимъ-либо предметомъ, круто измѣняла это направленіе и ползла впередъ головнымъ концомъ, и т. д. Въ неволѣ она прожила до ноября мѣсяца и умерла, повидимому, отъ случайности.

Переходя къ взрослымъ насѣкомымъ, мы встрѣчаемся съ нервной системою болѣе интегрированную: отдѣльные узлы сливаются здѣсь въ большее или меньшее число крупныхъ ганглиевъ. Дѣйствія животнаго получаютъ большее единство; впечатлѣнія вызываютъ болѣе сложныя координаціи, по своей внѣшности все болѣе и болѣе напоминающія дѣйствія сознательныя, волевыя, — но основной ихъ характеръ, какъ мы увидимъ, остается неизмѣннымъ.

A. Hemiptera. (Полужесткокрылыя).

Наблюденія въ этой группѣ насѣкомыхъ я дѣлалъ надъ

клопами наземными (Geocoges) и водяными (Hydrocoges). Особенно интересны данныя получились изъ наблюдений надъ послѣдними.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Такъ называемый, водяной скорпионъ—*Nera cinerea*—былъ декапитированъ помощью перевязки шелковою нитью. Часа два спустя послѣ операціи скорпионъ успокоился совершенно, и дѣйствія его получили ту увѣренность и послѣдовательность, при которой возможна ихъ правильная оцѣнка.

Въ это время скорпионъ помѣщается на какомъ-нибудь водяномъ растеніи акварія совершенно такимъ же способомъ, какъ помѣщается и нормальное животное. Если растеніе, на которомъ находится обезглавленный скорпионъ, взять пинцетомъ и привести въ движеніе, то животное немедленно *оставляетъ его и уплываетъ на дно сосуда*. Очевидно, стало быть, что оно *ощутило* опасность и предприняло рядъ дѣйствій, чтобы отъ нея уйти. Дѣятельность его при этомъ—ни по своей чистотѣ, ни по своей энергіи—ничѣмъ не отличается отъ того, что мы видимъ у нормальныхъ особей.

Въ другихъ родахъ дѣятельности мы наблюдаемъ то же самое. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что скорпионъ, выжидая добычу, которую хватаетъ своими передними ногами съ сильно утолщенными члениками, такъ чувствителенъ ко всякому движенію, происходящему возлѣ его переднихъ ногъ, что если въ этомъ мѣстѣ производить малѣйшее движеніе, онъ безошибочно и моментально схватываетъ предметъ, произведшій это движеніе. То же самое мы можемъ наблюдать и надъ обезглавленными особями. Когда, напримѣръ, животное держится близко къ поверхности воды, то стоить коснуться до нея около той или другой ноги скорпиона пинцетомъ, какъ онъ моментально его схватываетъ. Поймавъ насѣкомое, скорпионъ тѣмъ крѣпче сжимаетъ тиски, которыми его держать, чѣмъ большія усилія дѣлаетъ животное, чтобъ освободиться, т. е. дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ нормальная особь. Въ высшей степени интересенъ и поучителенъ тотъ

фактъ, что пойманное насткомое скорпионъ подноситъ къ мѣстонахожденію головы; но такъ какъ она отрѣзана, то животное только держитъ добычу на томъ мѣстѣ, на которомъ она находилась.

Извѣстно, что для дыханія скорпионы должны время отъ времени выплывать для соответствующихъ дѣйствій на поверхность воды; спустя нѣсколько времени послѣ операции, они выполняютъ эти дѣйствія съ полною регулярностью и надлежащею точностью. Обезглавленный скорпионъ прожилъ въ акваріумѣ трое сутокъ.

B. Orthoptera. (Прямокрылыя).

Изъ этого отряда укажу на:

1) *Forficula auricularia* (двухвостка).

Минуть черезъ 5 послѣ обезглавленія животное оправляется вполнѣ. При раздраженіи защищается, производя рядъ цѣлесообразныхъ и сложныхъ движеній. Если, напримѣръ, взять животное пинцетомъ за лѣвую переднюю ножку, то оно перегибаетъ все тѣло и вѣрно хватаетъ инструментъ своими щипцеобразными придатками, находящимися на заднемъ концѣ тѣла. Если инструментъ переносится вправо, то животное повторяетъ тотъ же маневръ съ правой стороны.

Выпущенную изъ пинцета ножку, напримѣръ, 3-ю лѣвую, обезглавленная *Forficula* просовываетъ между двумя передними парами ногъ, подноситъ ее къ тому мѣсту, гдѣ была голова, очевидно для того, чтобы почистить ее. Это движеніе очень сложно и потому еще болѣе поучительно, чѣмъ аналогичныя дѣйствія скорпиона. Нормальная *Forficula*, послѣ того какъ ножка ея была взята пинцетомъ и тотчасъ выпущена, подноситъ ее къ головѣ и помощью челюстей рта приводитъ въ порядокъ тѣ измѣненія, которыя произведены прикосновеніемъ инструмента: расправляетъ волоски и проч. При этомъ она сначала вытягиваетъ ножку сколько возможно длинно, а потомъ медленно протаскиваетъ ее сквозь двигающіяся челюсти и ощупывающіе ее усики. Съ лишеніемъ головы приведеніе въ порядокъ произведенныхъ нарушеній, очевидно, невозможно, и тѣмъ не менѣе каж-

дая изъ ножекъ, побывавшихъ въ пинцетъ, повторяетъ сложный рядъ инстинктивныхъ движеній, необходимыхъ для того, чтобы подвести ее строго опредѣленнымъ способомъ къ мѣсту, гдѣ прежде находилась голова.

Не менѣе интересенъ и слѣдующій фактъ: если взять пинцетомъ за конецъ нитки, которою перевязана голова *Fogfiscula* отъ туловища, и осторожно потащить ее, то сначала животное упирается, но въ концѣ концовъ его можно заставить пойти въ какомъ угодно направленіи.

Случилось такъ, что на обезглавленную *Fogfiscula* (наблюденія производились въ саду) напали черные муравьи; животное энергично счищало ихъ съ ногъ, обтирая одну о другую, и старалось уйти.

Жила одна изъ такихъ обезглавленныхъ *Fogfiscula* двое сутокъ.

Если у этого животнаго отрѣзался усикъ, напримѣръ, правый, то оно шло въ правую сторону вслѣдствіе параличнаго состоянія конечностей соответствующей половины, причемъ діаметръ описываемыхъ ею круговъ былъ тѣмъ меньшимъ, чѣмъ значительнѣе было поврежденіе. Особенно рѣзко такое круженіе наблюдалось у *Fogfiscula*, которая вмѣстѣ съ усикомъ была лишена и соответствующей части головы.

Во всякомъ случаѣ явленіе это продолжается не долго: животное скоро успокоивается, ощущение пораненія, очевидно, исчезаетъ и оно начинаетъ ползать, руководясь уцѣлѣвшимъ усикомъ *).

Fogfiscula, лишенная обоихъ усиковъ, ползаетъ по прямому направленію. Искусственно повернутая въ сторону отъ принятаго направленія, она ползетъ по тому, которое ей дается, все прямо. Встрѣчающихся на пути предметовъ не узнаетъ и потому не выполняетъ того, что въ такихъ условіяхъ дѣлаетъ нормальное животное: она, напримѣръ, вползаетъ на руку, тогда какъ нормальная тотчасъ же уходитъ, какъ только дотрогивается до руки своими усиками и т. п.

*) Глаза, сколько я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ, не оказываютъ ей при перемѣщеніи никакой пользы.

2) *Blattidae* (тараканы).

Близко къ *Forficulidae* стоятъ *Blattidae*. *Blatta germanica* (такъ называемый, пруссакъ) послѣ обезглавленія путемъ перевязки скоро оправляется; опрокинутый на спину, быстро принимаетъ нормальное положеніе. Если предметъ, на который онъ положенъ, слишкомъ скользокъ, — на примѣръ стекло, — то усилія принять нормальное положеніе не удаются; однако, если въ это время подставить какую-нибудь вещь, которая облегчила бы ему рѣшеніе задачи, то онъ ею пользуется съ такимъ же искусствомъ, какъ нормальная особь.

При раздраженіи, — на примѣръ, при прикосновеніи пера къ послѣднимъ сегментамъ абдомена, обезглавленный тараканъ прыгаетъ впередъ такъ же, какъ это дѣлаетъ нормальная особь. Движенія при этомъ рассчитаны такъ вѣрно, что животное, производя цѣлый рядъ прыжковъ (до 10), ни разу не опрокидывается.

Ползая, обезглавленное животное держится прямого направленія. Если на его пути ставятся предметы, — на примѣръ, два деревянныхъ ящика въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы животное могло пройти въ оставленный между ними промежутокъ, лишь измѣнивъ положеніе тѣла изъ горизонтальнаго въ вертикальное, — тараканъ дѣлаетъ это совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ не изуродованное животное, заползая въ щель при обычныхъ условіяхъ жизни.

А вотъ еще явленіе не менѣ интересное: окруженный металлической цѣпочкой отъ часовъ, или другими предметами, ему не встрѣчавшимися при обыкновенныхъ условіяхъ, обезглавленный тараканъ, натолкнувшись на нихъ и нащупавъ ногами, отскакиваетъ. Натолкнувшись въ другой разъ, онъ видимо чувствуетъ себя менѣ испуганнымъ и, наконецъ, заканчиваетъ тѣмъ, что спокойно перелѣзаетъ черезъ незнакомый вначалѣ предметъ.

Явленіе это, хотя и болѣе просто, чѣмъ аналогичное у многоножекъ, но по своей природѣ ничѣмъ существеннымъ отъ него не отличается: въ обоихъ случаяхъ передъ нами всѣ внѣшніе признаки сознанія и способности *приобрѣтать*

опытъ. Тараканъ безъ головы и хвостовая половина многоножки *научились*: послѣдняя — спускаться съ отвѣса стола, а первый — не бояться предмета, который послѣ опыта оказался не опаснымъ. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ психическія явленія несравненно болѣе сложныя, чѣмъ способность жалить, которую сохраняетъ абдомень пчелы, и ихъ уже нельзя, разумѣется, объяснить однимъ рефлексомъ.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе описаннаго явленія, полагая, что ножки животнаго замѣнили ему усики, что онѣ за отсутствіемъ послѣднихъ выполнили чуждую имъ при обычныхъ условіяхъ и потому новую для нихъ задачу. Такихъ явленій мы не наблюдаемъ ни у этихъ, ни сколько я знаю, у другихъ насѣкомыхъ. Убѣдитесь въ томъ, что это дѣйствительно такъ, вовсе не трудно: стоитъ лишь прикоснуться къ этимъ органамъ у нормальнаго насѣкомаго знакомымъ для нихъ, или не знакомымъ предметомъ. Въ первомъ случаѣ животное остается на мѣстѣ и ограничивается лишь тѣмъ, что отдергиваетъ лапу; во второмъ — проявляетъ всѣ признаки безпокойства и торопится уйти.

Pegiplaneta orientalis (черный тараканъ) послѣ операции отличается въ своихъ дѣйствіяхъ отъ *Blatta germanica*, главнымъ образомъ, тѣмъ же, чѣмъ отличаются другъ отъ друга эти животныя въ нормальныхъ условіяхъ жизни, и прежде всего тѣмъ, что движенія его менѣе энергичны и менѣе ловки. Во всемъ остальномъ опыты приводятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Обезглавленный тараканъ считаетъ то мѣсто, которое раздражается, — напимѣръ, каплею спирта, — безошибочно употребляя для этого соответствующую ножку. Онъ дѣлаетъ это даже послѣ того, какъ ему отрѣзали I-й сегментъ груди съ соответствующею парой конечностей.

Если зашемитъ какую-нибудь лапку пинцетомъ, обезглавленный *Pegiplaneta* выдергиваетъ ее, а когда лапку отпускаютъ, то просовываетъ ее подъ грудь между другими лапками и подноситъ къ мѣсту, гдѣ была голова для той же цѣли, какъ и *Forficula*, т.е. чтобы привести въ порядокъ то, что

было разстроено пинцетомъ. Актъ этотъ производится такъ же, какъ и нормальною особью.

Интересно, что поставивъ ножку въ соотвѣтствующее, и очень неловкое, положеніе подъ мѣстомъ, гдѣ была голова, тараканъ остается въ этомъ неловкомъ положеніи очень долго безъ движенія. Очевидно, что нѣчто не сдѣланное, но долженствовавшее быть сдѣланнымъ съ ногой, мѣшаетъ ему принять ее назадъ и поставить въ нормальное положеніе; головы у него нѣтъ, частей рта—тоже, а между тѣмъ нервный узелъ того сегмента тѣла, на которомъ находится потревоженная ножка, ничего этого *не знаетъ*, а дѣлаетъ свое обычное, кстати сказать, очень сложное дѣло, какъ дѣлается это и у всякой нормальной особи.

Въ такомъ выжидательномъ, крайне неловкомъ, изогнутомъ положеніи всего тѣла животное остается неопредѣленно долгое время, пока нечаянное собственное движеніе вслѣдствіе утомленія, или какая-нибудь внѣшняя причина не выведетъ его изъ принятаго положенія.

Картина этого опыта въ цѣломъ вызываетъ у изслѣдователя представленіе о дѣятельности не особи, а какъ бы колонии ничѣмъ между собою не связанныхъ особей, изъ которыхъ однѣ обращаются къ другимъ по опредѣленному развѣ навсегда порядку, все равно—есть-ли этотъ другой на лицо, можетъ-ли онъ выполнять предъявленное къ нему требованіе, или не можетъ *).

Къ отряду Orthoptera, кромѣ описанныхъ, относятся еще, такъ называемые, Saltatoria (кузнечики, саранча, сверчки). Опыты надъ этою группою животныхъ присоединяютъ мало

*) Съ точки зрѣнія зоопсихологіи, мы имѣемъ здѣсь, хотя и менѣе рѣзко выраженное, то же явленіе, которое намъ представляютъ, напримѣръ, сифонофоры. Извѣстно, что органы этихъ животныхъ являются до такой степени сильно обособленными и приспособившимися къ своимъ специальнымъ функціямъ, что Фогтъ и Лейкартъ считали каждую особь полиморфною колоніей полипидовъ и медузоидовъ. Аналогія эта, разумѣется, только выплываетъ отъ того, что Мечниковъ, на основаніи данныхъ исторіи развитія, доказалъ, что теорія полиморфизма въ данномъ случаѣ не выдерживаетъ критики.

новаго къ тому, что намъ уже извѣстно изъ сдѣланнаго выше описанія. Я не стану поэтому здѣсь на нихъ останавливаться.

C. Pseudoneuroptera. Изъ этого отряда опишу свои наблюдения надъ сем. *Libellulidae* (стрекозы).

Эти насѣкомья безспорно принадлежатъ къ числу тѣхъ, у которыхъ органы зрѣнія достигаютъ высшаго развитія среди Arthropoda. Я не буду останавливаться подробно на мнѣнїяхъ натуралистовъ по этому предмету; скажу лишь, что мои наблюдения вполне подтверждаютъ наблюдения Plateau *). Нѣтъ сомнѣнїя, что какъ прежніе изслѣдователи, такъ и нѣкоторые изъ послѣднихъ, на примѣръ, Fogel **) и другіе, утверждающіе, что стрекозы видятъ совершенно ясно на далекія разстоянїя, — не точны и построены на недостаточно обстоятельно сдѣланныхъ изслѣдованїяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что стрекозы безпрестанно подлетаютъ, чтобы схватить насѣкомыхъ, которыя не могутъ служить имъ добычей, доказываетъ ошибку сдѣланныхъ заключенїй. Обстоятельныя изслѣдованїя Plateau доказываютъ намъ, что стрекозы замѣчаютъ лишь *движущіеся* предметы, и что разстоянїе, на которомъ онѣ обнаруживаютъ при этомъ движеніе крупныхъ предметовъ, не превышаетъ трехъ метровъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, это первые представители въ ряду рассматриваемыхъ нами животныхъ, которыхъ зрѣнїе развито такъ хорошо, какъ этого даетъ право ожидать и ихъ образъ жизни: питаюсь насѣкомыми, которыхъ стрекозы добываютъ исключительно на лету, мы а ргіогі должны предполагать у этихъ хищниковъ хорошее зрѣнїе. Наблюденїя доказываютъ справедливость сказаннаго.

Декапитированная стрекоза при раздраженїи порхаетъ, но не долго, и падаетъ на спину.

На первый взглядъ здѣсь какъ будто противорѣчіе съ

*) Loc. cit.

***) „Experiences et remarques critiques sur les sensations des insectes“. Recueil zool. Suisse 1-re par.

тѣмъ, что мы говорили по поводу гусеницъ бабочекъ: глаза при движеніи у стрекозы играютъ несравненно большую роль, чѣмъ тамъ, а между тѣмъ, хотъ и недалеко, стрекоза все же летаетъ, тогда какъ гусеница не двигается съ мѣста. Дѣло объясняется тѣмъ, что гусеница въ нормальномъ состояніи при раздраженіи не уходитъ, а либо защищается, либо свертывается, тогда какъ стрекоза, наоборотъ, при малѣйшей опасности летитъ; причемъ стрекозамъ, какъ и многимъ другимъ летающимъ насѣкомымъ, приходится иногда улетать отъ опасности раньше, чѣмъ онѣ въ ней успѣваютъ ориентироваться, не имѣя возможности руководиться органами зрѣнія при полетѣ, напримѣръ, ночью, при безпокойствѣ ихъ какимъ-либо животнымъ. Полетъ при такихъ условіяхъ, порывистый вначалѣ и постепенно ослабѣвающий подъ конецъ, остается характернымъ и для обезглавленных особей.

Если взять стрекозу тотчасъ по выходѣ ея изъ куколки, какъ извѣстно, ведущей совершенно иной образъ жизни съ инымъ родомъ движеній вслѣдствіе жизни ея въ водѣ, и ее обезглавить, то легко можно констатировать наличность всѣхъ тѣхъ способностей, которыя обнаруживаетъ обезглавленное взрослое животное.

Личинка (и куколка) стрекозы при раздраженіи уплывають, быстро выталкивая съ этою цѣлью ту воду, которая въ обычное время ритмически вводится ими въ прямую кишку для воднаго дыханія *). Съ этимъ родомъ движеній у ней координированы многія другія, которыя можно наблюдать какъ у нормальной, такъ и у декапитированной личинки.

Тѣ же движенія координированы у взрослой особи совершенно иначе и также могутъ быть прослѣжены съ полною

*) Органами дыханія у личинки стрекозы служатъ многочисленныя поперечныя складки на внутренней поверхности прямой кишки; эти кишечныя трахейныя жабры омываются постоянно свѣжею водой, благодаря ритмическимъ сокращеніямъ прямой кишки, то втягивающей въ себя воду, то выбрасывающей ее наружу.

ясностью какъ у нормальныхъ, такъ и у декапитированныхъ особей.

Голова многихъ видовъ стрекозъ, будучи отрѣзана отъ тѣла, живетъ около 8 часовъ, проявляя—поскольку это физически возможно—свою обычную дѣятельность *).

Туловище, т.-е. грудь и абдоменъ стрекозы, живетъ съ небольшимъ однѣ сутки, причемъ, хотя умираніе и наступаетъ не сразу во всемъ тѣлѣ, а поражаетъ сегменты постепенно, начиная отъ ближайшаго къ головѣ, тѣмъ не менѣе періодъ времени, отдѣляющій смерть перваго сегмента груди отъ смерти абдомена, относительно говоря, кратокъ.

D. Coleoptera (Жесткокрылыя).

Жуки видятъ, но плохо; лучше другихъ у насъ видятъ Cicindellida, но ихъ зрѣніе, какъ всѣхъ членистоногихъ вообще, не представляетъ исключенія изъ того, что относительно зрѣнія насѣкомыхъ установили S. Exner, Notthafft, Saggier, Fogel и др., т.-е. что насѣкомыя видятъ движеніе предметовъ, а не самые предметы, вслѣдствіе чего онѣ лучше видятъ летая, чѣмъ въ то время, когда находятся въ покоѣ.

Вотъ нѣкоторые результаты моихъ изслѣдованій надъ обезглавленными животными этой группы.

1. Полная декапитация дѣлаетъ многихъ жуковъ неподвижными; они остаются на мѣстѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, какъ *Ontophagus vogax*, напримѣръ, и другіе, при раздраженіи уходятъ съ значительною быстротою.

Здѣсь необходимо указать:

а) что ближайшимъ послѣдствіемъ полной декапитации у очень многихъ жуковъ, какъ и у многихъ *Arthropoda* вообще, являются признаки, напоминающіе параличное состояніе. Параличъ обнаруживается всего сильнѣе въ передней парѣ конечностей, которыя уродливо поджимаются и изгибаются; на средней парѣ операція отзывается совер-

*) Здѣсь уместно напомнить, что голова *Forficula* живетъ около 5 минутъ; голова многоножки—около того же времени.

шенно очевидно, но слабѣе; наконецъ, на заднія конечности операція оказываетъ наименьшее вліяніе.

б) Послѣ неполной декапитаціи, т.-е. послѣ того, какъ отрѣзано полголовы, параличъ наблюдается только въ соотвѣтствующей половинѣ тѣла. Такъ, если отрѣзалась лѣвая половина головы, то параличомъ поражались лѣвыя конечности, и наоборотъ. Само собою разумѣется, что если животное начинаетъ въ это время ползать, то оно дѣлаетъ *кружи въ сторону* той части головы, которая отрѣзана. Такое круженіе не имѣетъ психическаго характера, а является слѣдствіемъ того, что ножки парализованной половины все не двигаются (тотчасъ вслѣдъ за операціей), либо двигаются слабо въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени послѣ операціи.

Такъ, у *Scarabus hortensis* полтора часа спустя послѣ операціи параличное состояніе конечностей еще не окончилось, и животное дѣлало круговыя движенія; только черезъ два слишкомъ часа послѣ операціи оно наконецъ оправилось настолько, что могло идти по прямому направленію.

Движенія, не координированныя съ перемѣщеніемъ, наименѣе измѣняются послѣ декапитаціи и полной, и частичной. Многія изъ нихъ совершаются такъ же, какъ у нормальныхъ особей. Такъ, *Silpha atrata* послѣ декапитаціи, отыскавъ щель, старался въ нее забраться, зарывался въ положенную ему на пути перегнившую кучу листьевъ, и т. д.

Декапитированные жуки «счищаютъ» лапками мѣста абдомена, которыя подвергаются раздраженію, чистятъ другъ о друга свои лапки, и т. п. Интересны движенія декапитированнаго *Ontophagus voraх*, если его стараться прижать къ столу пробковой ручкой или какимъ-нибудь другимъ подобнымъ предметомъ. По мѣрѣ того, какъ надавливаніе усиливается, жукъ старается все выше и выше подняться на ногахъ. Явленіе это легко объясняется особенностями образа жизни этихъ жуковъ, какъ извѣстно, выкапывающихъ себѣ въ землѣ глубокія норы, причемъ они дѣлаютъ тѣмъ большее усиліе ногами, чѣмъ большую тяжесть имъ прихо-

дится поднимать, или чѣмъ большее надо преодолѣть препятствіе.

Scarabus hortensis очищаетъ лапку, прищемленную пинцетомъ не только послѣ декапитации, но даже тогда, когда жуку была отрѣзана часть торакса съ переднею парой ножекъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о наблюденіи, которое привело къ результатамъ, не совсѣмъ совпадающимъ съ вышеизложенными, когда декапитация влекла за собою не частичное разстройство органовъ перемѣщенія, а послѣдствія болѣе общаго характера. Вотъ этотъ случай.

У *Lina populi* (сем. *Chrysomellinae*) послѣ декапитации нарушалась правильность въ передвиженіи ногъ. При нормальныхъ условіяхъ порядокъ движенія ногъ бываетъ такимъ: если мы начнемъ съ лѣвой задней, то за ней двигается правая задняя; далѣе — средняя лѣвая, за ней средняя правая, наконецъ, передняя лѣвая и передняя правая. У декапитированной особи правильность движенія нарушается. Послѣ лѣвой задней ножки двигается не правая задняя, а средняя лѣвая; далѣе—задняя правая, передняя лѣвая, средняя правая и, наконецъ, передняя правая.

Такое беспорядочное передвиженіе ногъ является у описываемаго жука не единственнымъ слѣдствіемъ декапитации. Какъ только при передвиженіи ногъ онъ случайно задѣваетъ одною ногой за другую (напримѣръ, правою заднею за правую среднюю, или правою среднею за переднюю среднюю), такъ тотчасъ же начинается чистка двухъ зацѣпившихся другъ о друга ногъ. Чистка эта продолжается до тѣхъ поръ, пока случайно одна нога не перестанетъ задѣвать другую. Какъ только это произойдетъ, такъ жукъ вновь начинаетъ свое движеніе впередъ. Но такъ какъ тотчасъ же за этимъ слѣдуетъ новое задѣваніе ноги объ ногу, то начинается и новая чистка.

Иногда случалось наблюдать явленіе особенно поразительное: жукъ чистилъ заднюю ногу о среднюю и въ то же время продолжалъ ползти; сколько я знаю, это—явленіе рѣшительно невозможное въ нормальныхъ условіяхъ.

E. Lepidoptera. (Чешуекрылыя, или бабочки).

Наблюдения производились надъ *Pieris brassica* (бѣлянка капустница), *Pieris crataegi* (боярышница), *Argynnis aglaja* (перламутренница), *Gonopteryx rhamni* (крушинная желтянка), *Vanessa io* (павлинье око), и др.

Послѣ декапитаціи у дневныхъ бабочекъ наблюдается легкое параличное состояніе конечностей въ томъ же порядкѣ, какъ и у жуковъ, т. е. всего болѣе въ передней и всего менѣе въ задней парѣ ногъ. Вслѣдствіе этого животное тотчасъ послѣ операціи какъ будто становится на голову, поддерживаясь высоко поднятыми задними ногами. По прошествіи нѣкотораго времени (у *Pieris*, напримѣръ, черезъ 20—25 минутъ) параличь проходитъ, и бабочка принимаетъ нормальное положеніе.

Съ декапитаціей способность къ произвольному перемѣщенію исчезаетъ. Бабочка складываетъ крылья и неподвижно сидитъ на мѣстѣ.

Способность декапитированныхъ бабочекъ улетать въ случаѣ раздраженія (спустя болѣе или менѣе долгій періодъ времени послѣ операціи) доказываетъ однако, что съ декапитаціей способность летать и вообще перемѣщаться, не исчезаетъ и не примѣняется къ дѣлу лишь вслѣдствіе отсутствія такихъ стимуловъ извнѣ, въ связи съ которыми стоятъ эти движенія.

Такъ, если слегка защемить пинцетомъ ножку у *Pieris Brassica*, то бабочка тотчасъ же взлетаетъ и летитъ до препятствія, наткнувшись на которое опускается и садится. Она не уползаетъ отъ такихъ раздраженій потому, разумѣется, что и въ нормальныхъ условіяхъ, напуганная чѣмъ-либо, прибѣгаетъ къ крыльямъ, а не ногамъ.

Если декапитированную бабочку подбросить на воздухъ, она не падаетъ, но летитъ или опускается, разставивъ крылья, какъ бы паря.

Декапитированныя ночныя бабочки послѣ операціи сидятъ на мѣстѣ и безъ понужденія не выходятъ изъ своего покоя. Раздраженные какимъ-либо предметомъ, эти бабочки

далеко не такъ легко перемѣщаются съ мѣста на мѣсто. Онѣ едва порхаютъ, почти не поднимаясь съ предмета, на которомъ сидѣли и были напуганы (стола, на примѣръ). Брошенные на воздухъ, онѣ нерѣдко падаютъ на землю, не пытаясь летѣть. Неизмѣнными у нихъ остаются только тѣ легкія, едва замѣтныя трепетанія крыльями, которыя производятся какъ нормальными, такъ и декапитированными особями послѣ полета, какъ бы онѣ ни былъ малъ.

Сказанныя наблюденія удостовѣряютъ, что связь органовъ передвиженія съ головными органами у ночныхъ бабочекъ тѣснѣе, чѣмъ у бабочекъ дневныхъ.

Ночныя бабочки, у которыхъ была отрѣзана половина головы, сначала кружились въ сторону отрѣзанной части головы, очевидно, вслѣдствіе пораженія конечностей соотвѣтственной стороны.

Что мы здѣсь имѣемъ дѣло именно съ физиологическимъ явленіемъ безъ примѣси психическаго элемента, это доказывается тѣмъ, что бабочки эти обыкновенно кружатся около лампы, летая вокругъ нея; оперированная же описываетъ круги возлѣ лампы не вокругъ, а съ правой, или лѣвой ея стороны.

По мѣрѣ того, какъ параличное состояніе проходитъ, діаметръ круговъ, описываемыхъ бабочкою при полетѣ, становится все бѣльшимъ, и она начинаетъ наконецъ летать прямо. Если оперированную бабочку заставить летать не тотчасъ послѣ того, какъ у нея было отрѣзано полголовы, а бѣльшее или меньшее время спустя послѣ этого, то она съ самаго же начала летаетъ либо прямо, либо кружить въ сторону уцѣлѣвшей половины головы, очевидно руководясь при этомъ зрѣніемъ.

Продолжительность жизни декапитированныхъ бабочекъ различна и находится, между прочимъ, въ зависимости отъ времени, когда операція сдѣлана. Если декапитация сдѣлана лѣтомъ, то бабочка живетъ отъ 1½ до 6 сутокъ, рѣдко болѣе; если осенью передъ зимовкою, то тѣ же самыя бабочки живутъ гораздо дольше. Такъ, декапитированная

18 сентября перевязкой *Limenites populi* умерла лишь 4-го ноября, находясь все время въ теплой комнатѣ. На холоду продолжительность жизни еще значительнѣе, какъ это само собою понятно, разумѣется.

F. Въ отрядѣ *двукрылыхъ* (Diptera) я производилъ изслѣдованія надъ *Brachycera* и *Nemosega*.

Brachycera (мухи).

Эта группа животныхъ служитъ прекраснымъ образчикомъ того, что у нѣкоторыхъ беспозвоночныхъ дѣйствія, слѣдующія непосредственно за операцией, не даютъ основанія ни для какихъ заключеній, кромѣ того, что нервная система ихъ оказывается вообще сильно возбужденной; самое же возбужденіе разрѣшается цѣлымъ рядомъ беспорядочныхъ движеній, непрерывно смѣняющихъ другъ друга и различныхъ у особей одного и того же вида.

Такъ, наши обыкновенныя комнатныя мухи (*Musca domestica*) тотчасъ послѣ декапитации дѣйствуютъ совершенно различно, но всегда и всѣ одинаково беспорядочно. Однѣ изъ нихъ летятъ, падаютъ, другія начинаютъ кружиться на спинѣ, третьи чистятъ крылья и ноги, и т. д. Всѣ эти движенія иногда беспорядочно смѣняютъ другъ друга, прерываясь и начинаясь безъ всякой видимой причины. То же самое представляютъ и другія мухи.

Такъ *Sarcophaga carnaria*, послѣ декапитации, взлетаетъ кверху, падаетъ на полъ, кружится; *Syrphus seleniticus* дѣлаетъ то же, иногда кувьркается черезъ голову, и т. д. Словомъ, движенія мухъ тотчасъ послѣ декапитации доказываютъ рѣшительную невозможность дѣлать какія-либо заключенія: въ этихъ движеніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ беспорядочнаго разрѣшенія общаго возбужденія нервной системы.

Изслѣдованія, производившіяся надъ этими животными нѣкоторое время спустя послѣ декапитации, т.-е. когда онѣ уже успокоились, къ добытымъ выше заключеніямъ даютъ возможность присоединить немногое.

Съ декапитацией эти животныя, успокоившись (однѣ

черезъ 2, другія черезъ 5—6 и болѣе минутъ), не теряютъ способности къ такъ называемому, произвольному перемѣщенію; при раздраженіи—болѣе или менѣе легко и совершенно взлетаютъ. Такъ, *Musca domestica* 24 минуты спустя послѣ декапитации покойно сидѣла въ коробочкѣ; обезпеченная пинцетомъ—улетѣла изъ коробки довольно далеко по прямому направленію.;

Параличное состояніе конечностей послѣ декапитации проявляется въ слабой степени и скоро проходитъ; его легче наблюдать при декапитации частичной (напримѣръ, при лишеніи половины головы), такъ какъ при такихъ условіяхъ параличь наблюдается лишь въ конечностяхъ соотвѣтственной стороны и вслѣдствіе этого обнаруживается яснѣе.

Дѣйствія мухъ, не связанныя непосредственно съ дѣятельностью головныхъ органовъ, послѣ декапитации остаются, повидимому, неизмѣненными.

Среди нихъ укажу на одинъ случай, который можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Syrphus seleniticus, *Musca vomitoria*, *Sarcophaga carnaria* и другія, будучи посажены въ паутину часа 2—3 спустя послѣ обезглавленія, повидимому „не сознавали“ опасности: онѣ не летѣли изъ ловушки, какъ это мы видимъ у бабочекъ.

Для надлежащей оцѣнки этого явленія необходимо имѣть въ виду, что въ нормальномъ состояніи мухи далеко не всегда летятъ съ паутины, а остаются иногда сидѣть на ней совершенно спокойно, если ножки ихъ не прилипаютъ къ ея нитямъ. Лишь послѣ этого онѣ пускаютъ въ дѣло свои крылья, и лишь тогда, когда прилипаютъ къ паутинѣ самыя крылья, ихъ дѣятельность становится наиболѣе энергичной. Убѣдиться въ справедливости сказаннаго не трудно. Если муха положена въ запыленное полотно паутины *Tegenaria domestica*, то она начинаетъ чистить ноги, и если онѣ не прилипли,—что бываетъ довольно часто,—то окончивъ операцію, она успокоивается. Если же декапитированную комнатную муху, напримѣръ, посадить въ ловушку *Teridium*, состоящую изъ многихъ липкихъ нитей,

то начавши чисткой ногъ, муха кончить тѣмъ, что будетъ выбиваться изъ паутины помощью крыльевъ, т.-е. стараться улетѣть отъ опасности.

Къ внѣшнимъ раздраженіямъ декапитированныя мухи остаются очень чуткими и воспріимчивыми. Дѣлая опыты въ этомъ направленіи, я имѣлъ случай наблюдать слѣдующій фактъ. Замѣтивъ, что *Musca vomitoria* чиститъ свою переднюю ногу послѣ ея легкаго раздраженія другою, переднею же ногой, я вслѣдъ за раздраженіемъ правой передней ноги у обезглавленной мухи отрѣзалъ лѣвую переднюю. Нѣкоторое время короткій отрѣзокъ ноги дѣлалъ безполезныя, не достигающія цѣли, движенія; затѣмъ его замѣнила лѣвая средняя ножка, каковою и была произведена „чистка“ раздраженной правой передней ножки. Путемъ такого рода опытовъ можно заставить муху производить описываемыя дѣйствія помощью различныхъ ножекъ, впрочемъ только тѣхъ, которыми такія дѣйствія могутъ въ извѣстныхъ условіяхъ производиться нормальными особями и ни въ какомъ случаѣ—такихъ, которыми онѣ не производятся.

Въ заключеніе укажу на одинъ фактъ, представляющій большой интересъ по своему біологическому значенію.

Дѣлая наблюденія надъ нашими комнатными мухами (*Musca domestica*), я часа черезъ 1½ послѣ того, какъ надъ одной изъ нихъ (самкой) была сдѣлана операція, къ удивленію замѣтилъ, что она спаривается со случайно натолкнувшимся на нее самцомъ. Чтобы провѣрить явленіе, я обезглавилъ четырехъ самокъ, посадилъ ихъ въ стеклянный цилиндръ, въ который пустилъ и четырехъ самцовъ (не обезглавленныхъ). По прошествіи 8 часовъ одинъ изъ нихъ былъ найденъ спарившимся съ одною изъ обезглавленныхъ самокъ.

Nemocera (Комары) не даютъ ничего особенно интереснаго; отмѣчу лишь слѣдующее.

Послѣ декапитации эти животныя большею частью теряютъ способность къ произвольному, не вынужденному перемѣщенію. Подброшенные на воздухъ, однако, не падаютъ, а

разставляютъ соответствующимъ образомъ крылья и летятъ, хотя и не далеко, изъ чего слѣдуетъ, что способность къ летанію, какъ и у предшествующихъ насѣкомыхъ, не исчезаетъ съ декапитаціей. Многія изъ нихъ улетають и при раздраженіи абдомена пинцетомъ, какъ, напримѣръ, *Tipula gigantea*. Движенія, не стоящія въ непосредственной связи съ головными органами, у комаровъ, какъ и у мухъ, остаются послѣ декапитаціи большею частью неизмѣненными. Такъ, напримѣръ, *Tipula gigantea* отдергиваетъ лапку послѣ ея раздраженія и чиститъ ее, какъ это дѣлаетъ въ нормальныхъ условіяхъ. Къ мѣсту раздраженія приближаетъ конецъ абдомена, какъ бы собираясь ужалить, причемъ попадаетъ въ орудіе раздраженія съ поразительною точностью. Опрокинутый на спину, перевертывается и принимаетъ нормальное положеніе, и т. д., и т. д.

G. Hymenoptera. (Перепончатокрылыя).

1) *Formicidae* (Муравьи).

Formica rufa (Муравей рыжий).

Обезглавленіе муравья влечетъ за собою нижеслѣдующія явленія.

Голова не только живетъ 8 и болѣе часовъ, но проявляетъ все это время свою жизнедѣятельность очень энергично и такъ же цѣлесообразно, какъ и у нормальнаго животного. Если къ ней поднести какой-нибудь предметъ, она широко раскрываетъ челюсти, готовая схватить его; если предметъ поднести настолько близко, что челюсти могутъ его касаться, то онѣ схватываютъ предметъ, и случается, голова умираетъ, не разжимая челюстей и не выпуская предмета. Туловище, лишненное головы, представляетъ картину дѣятельности довольно отличную отъ того, что мы видѣли до сихъ поръ: абдомень подгибается подъ грудь и остается въ такомъ положеніи неопредѣленно долгое время. Иногда животное умираетъ въ этой позѣ, принявъ ее послѣ операціи и ни разу не измѣняя.

Перемѣщенія рѣдки и незначительны.—Муравей, у котораго отрѣзаны усики, становится другимъ животнымъ по

образу жизни; очевидно, цѣлый рядъ воздѣйствій среды до операціи, такъ или иначе направлявшій его дѣятельность, сдѣлался недоступнымъ, и это повлекло за собой коренныя измѣненія въ его поведеніи.

Если раздражать лапку, то муравей отдергиваетъ ее отъ предмета раздраженія, но не чиститъ, какъ дѣлаетъ въ аналогичныхъ случаяхъ нормальное животное, а лишь безпомощно дрыгаетъ ею нѣкоторое время.

Если раздражать абдомень, то муравей или вовсе не „счищаетъ“ мѣсто раздраженія и не уходитъ, или дѣлаетъ то и другое съ крайней неловкостью и несовершенствомъ.

Частичныя операціи представляютъ слѣдующій рядъ данныхъ. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ того, какъ отрѣзаны, на примѣръ, правые глазъ и усикъ, муравей двигается въ правую сторону тѣмъ болѣе продолжительное время, чѣмъ серьезнѣе пораненіе. Происходитъ это вслѣдствіе вліянія операціи на нервную систему: параличное состояніе конечностей соотвѣтственной половины такъ значительно, что оказываетъ подавляющее вліяніе на дѣятельность животнаго.

Чѣмъ больше періодъ времени, отдѣляющій операцію отъ момента наблюденія, и чѣмъ легче пораненіе, тѣмъ скорѣе прекращается у муравья описанное движеніе и замѣняется сначала движеніемъ въ сторону уцѣлѣвшаго глаза, а потомъ движеніями, близко напоминающими движенія нормальнаго животнаго, которое „безпорядочно“ бродитъ по столу, руководясь глазами, а главнымъ образомъ усиками.

Если такимъ образомъ оперированному муравью подставить на пути руку, то лишь только онъ коснется ея усикомъ, какъ немедленно старается ее укусить; въ томъ случаѣ, когда обѣ челюсти остаются цѣлыми, онъ немедленно вонзаетъ ихъ въ кожу руки; если уцѣлѣла одна, онъ старается нанести ею рану и не уходитъ отъ предмета своего преслѣдованія.

Здоровому, только что взятому и осторожно принесенному изъ муравейника муравью были отрѣзаны оба усика.

Вслѣдъ за короткимъ столбнякомъ и небольшимъ рядомъ беспорядочнаго топтанія на мѣстѣ, животное скоро (минуль черезъ 5) успокоилось и—ни съ мѣста: исчезъ, очевидно, посредникъ между средой и главными центрами психической дѣятельности.

Правда, глаза у него оставались не тронутыми, но ихъ роль, очевидно, несравненно ограниченнѣе. Движеніе рукой или инымъ предметомъ на разстояніи 14—15 сантиметровъ вызываетъ въ животномъ, которому отрѣзаны усики, соотвѣтствующую реакцію: муравей какъ-бы „сидится“ на заднія лапы, поднимается спереди, выставляетъ голову и подгибаетъ abdomen: онъ собирается защищаться и нападать. Но дальше этихъ сборовъ дѣло нейдетъ.

Фактъ этотъ въ высшей степени поучителенъ. Онъ объясняетъ психическую природу дѣятельности этихъ животныхъ, доказывая, что нервная система ихъ способна отвѣчать только опредѣленнымъ образомъ на опредѣленные внѣшнія воздѣйствія.

Когда предметъ приближается, муравей замѣчаетъ его глазами и отвѣчаетъ на это воздѣйствіе среды соотвѣтствующею группой приемовъ; когда предметъ приблизился, то вопросъ о томъ, нападать или не нападать—при обычныхъ условіяхъ рѣшается не глазами, а другими органами—усиками, и вотъ, если ихъ нѣтъ, то никакой другой органъ *замѣнить ихъ не можетъ*, и муравей, не получая соотвѣтствующаго импульса, за которымъ должно слѣдовать нападеніе, успокоивается. *Опредѣленный импульсъ можетъ вызываться только однимъ опредѣленнымъ путемъ и никакой другой не въ состояніи замѣнить его.*

Такъ, наткнувшись во время одного изъ своихъ перемѣшеній, на мою руку, муравей, у котораго были отрѣзаны усики, влѣзъ на нее, но не укусилъ: очевидно, стало-быть, что онъ не узналъ предмета, на который всегда энергично и неуклонно нападаетъ въ нормальномъ состояніи,—глаза ничего не сказали ему. Когда черезъ полчаса я еще разъ подставилъ ему палець, онъ началъ лизать его.

Самый способ перемѣщенія нормальнаго муравья и такого, у котораго отрѣзаны усики, подтверждаетъ справедливость сказаннаго. Первый, будучи посаженъ на столъ, никогда не идетъ по прямому направленію, развѣ только будетъ чѣмъ-нибудь испуганъ; но если его предварительно подержать нѣкоторое время (минуть 5), покрывши, напри- мѣръ, часовымъ стеклышкомъ, подъ которымъ онъ могъ бы успокоиться, и потомъ осторожно удаливъ стекло, освободить, то муравей начинаетъ *бродить* по столу. Онъ пойдетъ то вправо, то влѣво, то назадъ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эти повороты, это безпрестанное измѣненіе направленія являются отвѣтомъ на то или другое воздѣйствіе среды на его усики. Отрѣжьте эти органы—и перемѣщенія либо прекращаются вовсе, либо совершаются по прямому направленію.

Не лишень интереса въ этомъ отношеніи еще и слѣдующій фактъ.

Однажды идя по столу, муравей, у котораго были отрѣзаны усики, подошелъ къ трещинѣ въ столъ. Нормальное животное при такихъ условіяхъ, ощупавъ трещину усиками, большею частью тотчасъ же отправляется въ нее или отъ нея уходитъ. Нашъ муравей, обнаруживъ ея присутствіе помощью переднихъ ногъ, останавливается и остается на мѣстѣ. Очевидно, стало-быть, что въ такихъ случаяхъ, когда на ходу при нормальныхъ условіяхъ ему приходится очутиться въ подобномъ положеніи, вопросъ о дальнѣйшей дѣятельности рѣшается помощью усиковъ; когда ихъ нѣтъ, то и вопросъ остается открытымъ: муравей останавливается около трещины и стоитъ, не пытаясь ни изслѣдовать явленія другими способами, помимо усиковъ, ни уйти отъ него.

Если усики отрѣзаны не вполне, то явленія усложняются.

2) *Vespidae* (осы).

Vespa vulgaris. (Оса обыкновенная).

Обезглавленіе ось влечетъ за собою послѣдствія, которыя мы не часто наблюдаемъ у другихъ животныхъ: онѣ продолжаютъ дѣлать то, что дѣлали въ моментъ операциі.

Я дѣлалъ такой опытъ: бралъ живую осу пинцетомъ и сразу отрѣзалъ ей голову, когда она, разставивъ крылья, пробовала улетѣть. Насѣкомое послѣ операціи продолжало летѣть, вытянувъ ножки, какъ при обычномъ полетѣ, и издавая обычный звукъ крыльями. Но такъ какъ операція поражала переднія конечности, то насѣкомое безпрестанно кувыркалось черезъ то мѣсто, гдѣ у него находилась голова; устранивъ такую неправильность движенія помощью соотвѣтствующихъ приспособленій, можно убѣдиться въ томъ, что оса будетъ продолжать свой полетъ, иногда вплоть до наступленія смерти. Само собою разумѣется что сила движенія крыльевъ постепенно ослабѣваетъ. Голова послѣ операціи продолжаетъ жить въ теченіе довольно долгаго времени, и проявляетъ тѣ же дѣйствія, какъ и у нормальнаго животнаго.

Защищается обезглавленная оса съ замѣчательнымъ совершенствомъ: она цѣлесообразно загибаетъ свой абдомень, чтобъ ужалить предметъ, которымъ къ ней прикасаются, даже въ такомъ случаѣ, когда прикосновеніе дѣлается къ спинной сторонѣ животнаго. Интересно, что если она не попадаетъ въ него сразу, то продолжаетъ наносить удары до тѣхъ поръ, пока ея жало не поразитъ безпокоящаго ее предмета. По мѣрѣ того, однако, какъ время идетъ, движенія осы становятся менѣе энергичными и уже рѣже достигаютъ цѣли.

Прибавлю къ сказанному, что вѣрные удары жаломъ оса наноситъ даже тогда, когда отрѣзана не только голова, но и грудь, и когда такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло только съ однимъ абдоменомъ. Продолжаетъ жалить, цѣлесообразно направляя удары, даже четвертая часть абдомена.

При раздраженіи лапки оса чиститъ ее замѣчательно искусно, не только потирая о соотвѣтственную противоположную, но пропуская ее черезъ двѣ другія. Движенія при этомъ, особенно вначалѣ, бываютъ и точны, и энергичны.

Vespa crabro (Шершень).

Дѣлая опыты надъ этими животными, необходимо имѣть въ виду, что онѣ чрезвычайно кволы и не переживаютъ въ

неволя иногда однихъ сутокъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, конечно, заключается причина различнаго отношенія особей вида къ операциі, послѣ которой многія умираютъ довольно скоро. Сильныя особи, однако, переживаютъ ее и проявляютъ дѣятельность, изъ которой отмѣчу лишь наиболѣе близко относящееся къ дѣлу.

Голова, послѣ отдѣленія ея отъ туловища, иногда тотчасъ же, но большею частію нѣкоторое время спустя, проявляетъ совершенно цѣлесообразныя движенія. Шершень ощупываетъ предметы усиками, энергично хватается челюстями пинцетъ, если имъ дотрогиваться до животнаго, и т. д.

Жизнедѣятельность головы продолжается иногда два съ половиною часа. Жизнедѣятельность груди и туловища выражается въ тѣхъ же дѣйствіяхъ, которыя мы видѣли у осы; жалить шершень однако менѣе искусно, чѣмъ послѣдняя, хотя производитъ это мѣтко и энергично.

Обезглавленный шершень нерѣдко ползаетъ. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ краю стола, осторожно началъ спускаться, искусно цѣпляясь коготками лапокъ за неровности доски стола. Скоро онъ остановился и повисъ, зацѣпившись сначала ногами необычнымъ образомъ и неловко; повисѣвъ такъ немного, онъ *перемѣнилъ* положеніе и принялъ такую позу, которая вполне соотвѣтствуетъ обычной позѣ нормальнаго животнаго. Очевидно, стало-быть, что животное это, будучи обезглавлено, способно *судить* о большемъ, или меньшемъ удобствѣ принятаго имъ положенія.

Не менѣе интересенъ и слѣдующій фактъ. Если шершня взять пинцетомъ за крыло, то онъ энергично отпихиваетъ пинцетъ помощью средней и задней пары ногъ, дѣлая лишь слабыя попытки ужалить его. Выпустивъ крыло изъ пинцета въ то время, когда шершень употребляетъ усилія отъ него освободиться, мы можемъ видѣть интересное явленіе: *шершень улетаетъ*, — правда, недалеко, неловко, но жужжить крыльями и перемѣщается при ихъ содѣйствіи.

Улетаетъ шершень и въ томъ случаѣ, если взять его за

лапку и, подержавъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго онъ будетъ дѣлать усилія освободиться, — наконецъ выпустить его.

Остальныя дѣйствія совершенно напоминаютъ то, что мы видѣли у ось, и потому описывать ихъ я не буду.

Живеть обезглавленный шершень отъ 3-хъ до II часовъ; смерть наступаетъ въ разныхъ сегментахъ тѣла не одновременно: абдоменъ умираетъ минутъ 20 — 30 и болѣе послѣ того, какъ сегменты груди и конечности перестали уже проявлять признаки жизни. Въ самомъ абдоменѣ послѣдними умираютъ сегменты конечные.

Что касается данныхъ частичной операціи, то вотъ главнѣйшіе изъ добытыхъ результатовъ.

Очень слабое воздѣйствіе, испытываемое животнымъ въ данный моментъ, оказываетъ на него большее вліяніе, чѣмъ минувшее, хотя бы *это минувшее* было тяжелою раной, произведенной двѣ-три минуты до этого новаго воздѣйствія.

Поясню сказанное примѣромъ.

Минуту спустя послѣ того, напримѣръ, какъ шершню былъ отрѣзанъ усикъ — органъ крайне чувствительный, онъ, натолкнувшись на грушу, началъ ее ѣсть, хотя не задолго до операціи ему былъ положенъ кусокъ этого плода, и онъ былъ совершенно сытъ.

Другой опытъ заключался въ томъ, что шершню отрѣзалась очень значительная часть головы, на которой помѣщается правый глазъ. Часа черезъ два послѣ операціи ему была дана груша; такъ какъ правая челюсть у него дѣйствовать не могла, то онъ лизалъ ее и весьма аппетитно сосалъ варенье, не смотря на то, что рана была совершенно открыта.

Надъ однимъ шершнемъ былъ сдѣланъ слѣдующій опытъ: туловище его (абдоменъ) было проткнуто иглой. Поль-минуты спустя послѣ операціи шершень направлялъ свое жало не на иглу, которою было проткнуто его тѣло, а на карандашъ, которымъ я чуть-чуть касался спинной поверхности абдомена. Очевидно такимъ образомъ, что легкое

прикосновение, испытываемое животнымъ, реагируетъ на него сильнѣе, чѣмъ то, которое производится раной, нанесенной ему полъ-минуты раньше.

Шершень, у котораго отрѣзанъ правый глазъ, летаетъ кругомъ *вправо*, т.-е. *въ сторону отрѣзаннаго глаза*; діаметръ круговъ равняется приблизительно 2-мъ аршинамъ. По прошествіи 10—15 минутъ послѣ операціи полетъ шершня измѣняется; онъ начинаетъ дѣлать круги не одинъ за другимъ, а пролетѣвъ сначала нѣкоторое время по прямому направленію. Чѣмъ болѣе проходитъ времени послѣ операціи, тѣмъ большей становится прямая линія полета, тѣмъ рѣже дѣлаются круги и тѣмъ меньшимъ становится діаметръ. Въ цифрахъ это отношеніе можно приблизительно выразить такъ:

Время послѣ операціи.	Линія по прямому направленію въ верхкахъ.	Діаметры круга въ верхкахъ.
10 м.	0	32
20 м.	4	28
30 м.	16	16
40 м.	32	2

Что касается до причины описаннаго явленія, то есть основаніе думать, что оно происходитъ отъ параличнаго состоянія конечностей той стороны, которая подверглась операціи, послѣдствія которой исчезаютъ довольно скоро. Иногда уже черезъ полчаса послѣ нея полетъ шершня происходитъ съ правильностью, которую трудно отличить отъ нормальной; иногда ея послѣдствія сказываются въ болѣе продолжительный періодъ, очевидно, въ зависимости отъ свойства раны.

3) *Apidae* (Пчелы).

Botbus (Шмель).

Послѣ обезглавленія животныя эти всегда *отрокидываются на спину* и лежатъ какъ парализованныя, но по прошествіи довольно продолжительнаго времени принимаютъ нормальное положеніе.

Жизнь головы, отдѣленной отъ туловища, продолжается у многихъ особей отъ 5 до 10 часовъ, причемъ она прояв-

ляетъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя наблюдаются и у нормальныхъ особей: голова шмеля сгибается усикъ, когда по направленію къ нему подносится какой-нибудь предметъ, защищается челюстями, и т. д. Жизнедѣятельность головы обнаруживается не вдругъ, а по прошествіи нѣкотораго времени, въ теченіе котораго голова, какъ и туловище, остается какъ бы парализованной, ничѣмъ не отвѣчая на внѣшнія воздѣйствія.

Жизнедѣятельность туловища сохраняетъ обычный характеръ дѣятельности нормального животнаго. Если взять пинцетомъ лапку шмеля, то онъ не пытается ужалить предметъ, а приближаетъ къ пинцету то мѣсто туловища, на которомъ помѣщалась голова, собираясь защищаться не помощью жала, а помощью челюстей. Вообще говоря, защищается онъ весьма слабо. Выпущенную изъ пинцета лапку энергично и продолжительно „чиститъ“, потирая ее о соотвѣтственную лапку другой стороны тѣла.

Если раздражать абдомень, то шмель лапками „счищаетъ“ мѣсто раздраженія; усиливая послѣднее, можно заставить шмеля перемѣнить мѣсто: уйти или отлетѣть. Надо сказать однако, что перемѣщенія эти очень незначительны и животное прибѣгаетъ къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ. Если, напримѣръ, раздражать конецъ лапки, то шмель сначала только отдергиваетъ ее; если повторять раздраженіе, усиливая его, то животное не уходитъ, а опрокидывается на спину и принимается энергично чистить мѣсто раздраженія. Однажды принявъ это положеніе, онъ съ трудомъ, и далеко не всегда, становится на ноги; большею частію трудно заставить его это сдѣлать искусственными мѣрами, хотя не невозможно.

Такъ, муравьи, напавши на обезглавленнаго шмеля, могутъ заставить его стать на ноги тотчасъ-же, послѣ чего онъ начинаетъ замѣчательно отчетливо работать то заднею, то среднею парюю ногъ, счищая ихъ со спины, съ лапокъ, съ абдомена.

Посаженный въ паутину паука Ереига, одинъ маленькій

шмель (♂) не оцѣнилъ происшедшаго и покойно висѣлъ на паутинѣ; паукъ скоро окуталъ его паутиной и потащилъ къ своему жилищу; я отнялъ шмеля и скоро замѣтилъ, что онъ весьма усердно былъ занятъ очисткой окутавшей его паутины.

Пониженіе жизнедѣятельности происходитъ равномерно, и лишь за короткій срокъ до наступленія смерти (минуть за 5 — 20) можно ясно видѣть, что она поражаетъ тѣло по частямъ, отъ ближайшаго къ головному концу сегмента къ конечному абдоминальному: сначала перестаетъ дѣйствовать передняя пара ногъ, потомъ средняя; далѣе передняя пара крыльевъ, задняя пара крыльевъ и ногъ, и наконецъ послѣдніе сегменты абдомена.

Apes melifica (Пчела).

Послѣ обезглавленія пчела не ложится на спину, какъ шмель, а остается на ногахъ; даже если ее искусственно опрокинуть на спину, она тотчасъ же принимаетъ нормальное положеніе, которое отличается отъ обычнаго лишь тѣмъ, что она пригибаетъ то мѣсто груди, гдѣ находилась голова, къ предмету, на которомъ находится. Обстоятельство это объясняется, конечно, параличнымъ состояніемъ переднихъ конечностей.

Особенность, отличающая пчелу отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами до сего времени животныхъ, заключается въ томъ необыкновенно возбужденномъ состояніи, въ безконечной суетливости, которыя она обнаруживаетъ послѣ операціи; она находится въ безпрестанномъ движеніи, которое очевидно лишено всякой цѣли: то она беспорядочно почиститъ лапку, то почиститъ абдомень, то поползетъ, куврыкаясь, и т. д.

Другая особенность, отличающая пчелу отъ таковой же осы, заключается въ томъ, что если ее взять за лапку пинцетомъ, то она, хотя и выпускаетъ жало, но не направляетъ на предметъ раздраженія и даже вовсе не изгибаетъ соотвѣствующимъ образомъ своего абдомена, — обстоятельство, которое, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить

тѣмъ, что этотъ органъ у пчелы вообще менѣе дѣятеленъ, чѣмъ у осы, такъ какъ жаленіе у пчелы въ извѣстныхъ случаяхъ ведетъ за собою потерю жала, что у осы наблюдается не всегда.

Еще особенность: обезглавленная пчела не летитъ вовсе, и ее нельзя заставить это сдѣлать.

Во всемъ остальномъ явленія, сопровождающія обезглавленіе пчелъ, не прибавляютъ ничего новаго къ тому, что мы видѣли у предшествующихъ *Hymenoptera*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сказаннымъ мы и закончимъ изложеніе фактическаго матеріала настоящаго изслѣдованія.

Что же даетъ онъ намъ, помимо другихъ соображеній, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, для рѣшенія вопроса о психологической природѣ инстинкта? Могутъ ли инстинктивные дѣйствія признаваться сознательными въ какой бы то ни было мѣрѣ, какъ это доказываетъ Ромэнсъ, и, въ качествѣ таковыхъ, служить формулой примиренія коренныхъ разногласій въ области зоопсихологіи, на почвѣ добытаго субъективнымъ методомъ изслѣдованія матеріала вообще?

Собранные нами факты удостовѣряютъ, что обезглавленные безпозвоночныя животныя оказываются способнымъ проявлять три рода актовъ:

А. Такіе, которые могутъ быть сведены къ рефлексамъ, т.-е. къ простой передачѣ раздраженія съ покрововъ тѣла на мышцы.

Образчиками такихъ движеній могутъ служить дѣйствія защиты и нападенія, чистка ногъ и другихъ частей тѣла, которыя подвергаются раздраженію.

Гусеница бабочки, будучи опрокинута на спину, немедленно принимаетъ нормальное положеніе; при раздраженіи она совершаетъ тѣ самыя движенія, которыя мы наблюдаемъ у нормальныхъ особей: она или защищается, приближая съ этою цѣлью къ предмету раздраженія свой хвост-

вый конецъ или то мѣсто, на которомъ была голова, — или свертывается въ спираль.

Vespa vulgaris дѣлаетъ цѣлый рядъ сложныхъ движеній при „чисткѣ“ потревоженной лапы. Многоножка своими обоими отрѣзками двигается впередъ и назадъ, сохраняя тѣ роды движенія, которые свойственны переднему и заднему концамъ ея тѣла, и т. д.

В. Затѣмъ, во-вторыхъ, обезглавленные животныя способны къ дѣятельности, которая заключаетъ въ себѣ уже столько психического, что не можетъ быть признана просто рефлекторною; она совершенно соотвѣтствуетъ той категоріи дѣйствій, которыя нѣкоторыми психологами называются дѣйствіями, способными къ приспособленію (*Anpassungsvermögen* *).

Декапитированныя безпозвоночныя животныя, какъ мы видѣли, сохраняютъ послѣ операціи способность къ перемѣщенію, обходятъ поставленныя на пути ихъ препятствія, или такъ же искусно перелѣзаютъ черезъ нихъ, какъ это дѣлаютъ и нормальныя особи. *Blatta germanica*, подойдя къ щели въ поставленномъ на его пути препятствіи, измѣняетъ соотвѣтствующимъ образомъ положеніе своего тѣла и пролѣзаетъ сквозь нее съ изумительномъ совершенствомъ; опрокинутый на спину, въ случаѣ затрудненія принять нормальное положеніе, пользуется сторонними предметами, которые ему подставляютъ, съ такою же ловкостью, съ какою это выполняетъ нормальная особь; *Vespa scabro*, принявъ неловкое положеніе на сгибѣ стола и постоявъ въ немъ нѣсколько секундъ, измѣняетъ его и принимаетъ такое, которое даетъ ей возможность расположить ноги наиболѣе нормальнымъ способомъ, а тѣлу дать удобное положеніе, и т. д.

*) У позвоночныхъ животныхъ дѣйствія этой категоріи наблюдались по удаленіи большихъ полушарій мозга; таковы, напримѣръ: способность обходить поставленныя на ихъ пути препятствія; способность животныхъ пролѣзть черезъ отверстія, поставленныя передъ ними преграды; способность лягушки, положенной на ладонь послѣ того, какъ у нея былъ удаленъ большой мозгъ, при подворачиваніи ладони книзу шагъ за шагомъ мѣнять свое положеніе и переходить на тыльную сторону руки, и т. д.

С. Мы наблюдаемъ, наконецъ, у декапитированныхъ животныхъ способность къ дѣйствіямъ, которыя у нормальныхъ особей принимаются за факты, удостоверяющіе наличность пониманія, воображенія, даже мысли; другими словами, мы наблюдаемъ именно ту группу дѣйствій, которая, обладая всѣми внѣшними атрибутами сознательности, принимается за сознательную очень многими натуралистами. Выражаясь ихъ языкомъ, мы будемъ имѣть слѣдующій рядъ фактовъ.

Обезглавленная бабочка „*узнаетъ*“ опасность, когда ее кладутъ въ паутину; комнатная муха въ такихъ же условіяхъ улетаетъ изъ тенетъ паука, если не запутается въ нихъ слишкомъ сильно.

Личинка *Eristalis tenax*, ползая хвостовымъ концомъ впередъ, ощупываетъ дорогу, „*выбираетъ*“ направленіе; напуганная, измѣняетъ его и выбираетъ новое.

Пьявка, которая помѣшается на днѣ сосуда, кончаетъ тѣмъ, что, плавая, поднимается кверху въ группу водорослей вслѣдствіе того, что на днѣ ее беспокоятъ другія животныя, и что она наконецъ „*сообразила*“, какое средство будетъ лучшимъ, чтобы избавиться отъ этого безпокойства.

Многоножка, натолкнувшись нѣсколько разъ на предметъ, который подставляли ей хвостовому отрѣзку, „*приходитъ къ мысли*“ о необходимости измѣнить направленіе поступательнаго движенія и вмѣсто того, чтобы продолжать ползти впередъ хвостовымъ концомъ отрѣзка, начинаетъ ползти головнымъ концомъ. Подойдя къ отвѣсу стола, хвостовой отрѣзокъ многоножки въ нѣсколько пріемовъ спускается съ него, всякій разъ опускаясь все ниже; онъ получаетъ навыкъ, „*приобрѣтаетъ опытъ*“ въ дѣлѣ распознаванія новаго предмета...

Blatta germanica, натолкнувшись на незнакомый ему предметъ, отскакиваетъ отъ него „въ недоумѣніи“; во второй разъ это недоумѣніе уменьшается; предметъ узнается нѣсколькими подъ рядъ повторяющимися опытами; тараканъ „*убѣждается*“

наконецъ въ безопасности этой новинки и покойно перелѣзаетъ черезъ нее, и т. д.

Что же мы, на самомъ дѣлѣ, имѣемъ здѣсь передъ собою въ смыслѣ зоопсихологій? Что это не рефлексы, слѣдуетъ изъ самого опредѣленія характера нервной дѣятельности этого рода, опредѣленія, въ которомъ Ромэнсъ не расходится съ другими натуралистами.

Что это инстинкты, въ этомъ убѣждаютъ насъ факты, доказывающіе, что многія Arthropoda обладаютъ способностью къ совершенію такихъ сложныхъ психологическихъ дѣйствій тотчасъ по выходѣ изъ куколки, т.-е. безъ малѣйшаго слѣда наученія и опыта.

Остается вопросъ о томъ: сопровождаются ли эти дѣйствія сознаниемъ, или нѣтъ?

Когда намъ говорятъ про нормальныхъ животныхъ, что бабочка „узнаетъ“, личинка „выбираетъ“, пѣявка „сообразжаетъ“, многоножка „приходитъ къ мысли“, тараканъ „убѣждается“; или когда мы читаемъ подробное описаніе о томъ, что Нера сипегеа, замѣтивъ добычу, быстро и безъ промаха схватываетъ ее помощью своей сильной ноги, очевидно, «хорошо сообразивъ разстояніе», которое его отдѣляетъ отъ схватываемаго предмета; что затѣмъ, сдавливая предметъ, водный скорпіонъ употребляетъ на это столько усилій, сколько нужно, т.-е. тѣмъ больше, чѣмъ больше усилій дѣлаетъ добыча, чтобъ освободиться; что наконецъ онъ, расположившись поудобнѣе, подноситъ пойманную добычу ко рту, чтобы высосать ея кровь, а обезпокоенный въ это время, прикосновеніемъ къ растенію, на которомъ устроился, онъ очевидно, «почувъ опасность», тотчасъ же оставляетъ мѣсто и уплываетъ на дно бассейна; когда мы читаемъ все это, то на почвѣ субъективнаго метода ничего не можемъ сказать противъ мнѣнія о томъ, что здѣсь каждый актъ — элементарный силлогизмъ; каждый шагъ — ясное сознание цѣли производимаго дѣйствія.

Дѣло, однако, получаетъ нѣсколько иной смыслъ, если мы припомнимъ, что всѣ эти дѣйствія, безъ исключенія, производятся воднымъ скорпіономъ, какъ и тѣми животными, о

которыхъ только что было упомянуто, послѣ декапитации такъ же совершенно, какъ и нормальной особью. Выходить, что данный актъ животнаго представляетъ дѣйствіе не психологически обособленнаго цѣлаго, а составляетъ какъ бы сумму дѣйствій большаго или меньшаго числа сегментовъ, иногда способныхъ совершить опредѣленную группу актовъ въ точно опредѣленномъ порядкѣ—независимо и безъ всякаго отношенія другъ къ другу.

Водный скорпіонъ, схвативъ переднею ногой добычу, подносить ее къ тому мѣсту, гдѣ *была* голова, и держать ее въ такомъ именно положеніи, въ какомъ это необходимо, чтобы хоботокъ головы, когда онъ существовалъ, могъ высасывать ея соки. Нога дѣйствуетъ, сжимая добычу, соразмѣрно ея усиліямъ освободиться, такъ же, какъ она дѣйствуетъ въ нормальныхъ условіяхъ; прикосновеніе къ растенію, близъ котораго устроился скорпіонъ, заставляетъ его опускаться на дно сосуда со всѣми признаками безпокойства.

Факты, подобные приведенному,—а ихъ очень много—доказываютъ, разумѣется, съ большею убѣдительностью безсознательность инстинктивныхъ дѣйствій, чѣмъ вышеприведенныя соображенія Ромэнса, которыми онъ старается доказать противное.

Къ тому же заключенію приведетъ насъ и сопоставленіе добытыхъ нами данныхъ съ матеріаломъ по изученію дѣятельности нервной системы позвоночныхъ животныхъ.

Послѣ опытовъ Goltz'a сдѣлалось извѣстнымъ, что первое время по удаленіи большихъ полушарій головного мозга собака теряетъ способность даже принимать пищу; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ученому приходилось прибѣгать къ искусственному кормленію, безъ котораго она могла бы умереть съ голоду. Потомъ мало-по-малу животное перестало нуждаться въ этомъ искусственномъ кормленіи; собака научилась лакать молоко, пережевывать мясо; на раздраженіе отвѣчала ворчаніемъ; лаяла и кусалась, когда ее брали изъ клѣтки; проявляла способность къ самостоя-

тельными движениями: ходила по клеткамъ, иногда мѣняя направление, и т. д.

Способность къ проявленію актовъ этой группы у позвоночныхъ животныхъ вообще исчезаетъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ большее число этихъ актовъ стоитъ въ зависимости отъ полушарій головного мозга (Steiner); причемъ нѣкоторыя изъ утраченныхъ способностей даже у такихъ высоко организованныхъ животныхъ, какъ собака, по прошествіи нѣкотораго времени и въ извѣстныхъ предѣлахъ могутъ быть восстановлены (Goltz).

Рядомъ съ этимъ, однако, имѣется группа актовъ, способность къ проявленію которыхъ по удаленіи большихъ полушарій мозга у позвоночныхъ животныхъ никогда уже не восстанавливается: это—способность къ *пониманію*, способность къ *заключенію*, т.-е. къ совершенію актовъ, которые мы называемъ сознательными.

Такъ, собака, напримѣръ, съ отрѣзанными полушаріями большого мозга при ѣдѣ никогда не помогаетъ себѣ передними лапами; будучи мокрою, не можетъ сообразить, какъ ей осушиться, т.-е. не отыскиваетъ себѣ болѣе теплаго мѣста и не облизываетъ себя, какъ это дѣлаютъ собаки въ нормальномъ состояніи. Она не понимаетъ ни ласкъ, ни угрозы; ворчитъ и лаетъ какъ тогда, когда ее схватываютъ, такъ и тогда, когда сама натывается на какое-либо препятствіе, и т. д.

У многихъ безпозвоночныхъ животныхъ тотчасъ послѣ операціи, или нѣсколько минутъ спустя, мы наблюдаемъ способность къ проявленію тѣхъ актовъ, которые многими натуралистами выставляются какъ *несомнѣнно сознательныя*, и которые при нормальныхъ условіяхъ, дѣйствительно поражаютъ насъ наличностью внѣшнихъ атрибутовъ сознательности.

Ближайшимъ объясненіемъ этого явленія, — объясненіемъ, которое имѣетъ за себя, какъ мы сейчасъ увидимъ, строго научныя основанія, будетъ слѣдующее.

Такъ какъ позвоночныя животныя обладаютъ способ-

ностью къ двоякаго рода актамъ, изъ которыхъ одни не сохраняются послѣ удаленія большихъ полушарій, а другіе сохраняются, причемъ первые изъ нихъ соотвѣтствуютъ группѣ дѣйствій сознательныхъ, а вторые—чувствительно-двигательныхъ бессознательныхъ актовъ, устанавливаемыхъ путемъ наслѣдственности, и далѣе, такъ какъ у разсмотрѣнныхъ безпозвоночныхъ животныхъ не только послѣ декапитации, но даже послѣ раздѣленія ихъ организма на нѣсколько частей, сохраняются всѣ инстинкты, этимъ частямъ свойственные, то ясно, что по своей психологической природѣ инстинкты должны соотвѣтствовать не сознательной дѣятельности позвоночныхъ, а чувствительно-двигательнымъ и рефлекторнымъ актамъ, которые у низшихъ представителей этого отдѣла, какъ извѣстно, отличаются большою сложностью.

Это заключеніе помимо добытаго нами фактическаго матеріала, устанавливается еще и на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Сравнивая дѣятельность позвоночныхъ животныхъ, у которыхъ были удалены либо однѣ большія полушарія, либо весь головной мозгъ, рыбами начиная и млекопитающими животными кончая, — сравнивая эту дѣятельность съ дѣятельностью безпозвоночныхъ, у которыхъ была отрѣзана голова, или самое тѣло было раздѣлено на нѣсколько частей, мы можемъ замѣтить слѣдующее.

Въ то время какъ у позвоночныхъ животныхъ прогрессъ дѣятельности нервной системы начинается съ того, что устанавливаемая наслѣдственно дѣятельность чувствительно-двигательныхъ центровъ по мѣрѣ совершенствованія организма все въ большемъ и большемъ числѣ случаевъ можетъ нарушаться вступающими въ дѣятельность большими полушаріями, которые являются не только рѣзко отличными отъ сказанныхъ центровъ по природѣ своей дѣятельности, но даже ихъ прямыми антагонистами, — у безпозвоночныхъ въ той группѣ движеній, по крайней мѣрѣ, которую мы изучили, онъ начинается съ того, что разсѣянная въ раз-

ныхъ, болѣе или менѣе независимыхъ, центрахъ психическая дѣятельность, по мѣрѣ совершенствованія организмовъ, концентрируется все въ меньшее и меньшее ихъ число, пока наконецъ не достигаетъ момента, близкаго къ исходному пункту у позвоночныхъ.

Чтобы пояснить эту мысль я представлю въ общихъ чертахъ картину развитія дѣятельности нервной системы многоклеточныхъ организмовъ.

Съ того момента, какъ организмъ становится двуслойнымъ, онъ уже оказывается способнымъ воспринимать внѣшнія воздѣйствія только *частью своего тѣла*: его наружнымъ покровомъ. Чувствительность, составляющая основаніе психической жизни, разлита такимъ образомъ на поверхности тѣла, и первоначально на всей поверхности равномерно, потомъ мало-по-малу въ ней возникаетъ все большая и большая концентрація. Хотя вообще всѣ части кожи остаются чувствительными, однако, нѣкоторыя изъ нихъ, занимающія такія положенія, вслѣдствіе которыхъ онѣ подвергаются болѣе частому раздраженію, становятся болѣе къ нимъ чувствительными, чѣмъ остальные. Возникновеніе органовъ чувствъ еще болѣе ограничиваетъ площадь нашихъ чувственныхъ воспріятій (Sinneswahrnehmungen), составляющихъ сырой матеріалъ психики. Съ развитіемъ организмовъ поэтому возможность одновременнаго совершенія такихъ перемѣнъ становится все болѣе и болѣе ограниченной, и стремленіе къ линейному порядку въ психическихъ процессахъ все возрастаетъ.

У лучистыхъ животныхъ, какъ, на примѣръ, у морской звѣзды, каждый отдѣльный лучъ можетъ отвѣчать отдѣльно на полученныя имъ впечатлѣнія. Зависимость и связь одной части тѣла съ другими такъ слаба (хотя и существуетъ), что лучи морской звѣзды, будучи отдѣлены другъ отъ друга, не только продолжаютъ исполнять свои обычные отправленія, но способны еще доразвивать всѣ остальные части. Такимъ образомъ здѣсь организмъ еще продолжаетъ быть способнымъ *одновременно* воспринимать раздраженія въ раз-

личныхъ частяхъ тѣла и отвѣчать на нихъ этими частями, независимо отъ цѣлаго; лишь нѣкоторыя изъ такихъ раздраженій одного луча приводятся въ соотношеніе съ раздраженіями другихъ лучей животнаго.

У членистоногихъ такое *разсыпаніе* психической жизни наблюдается, какъ мы видѣли, несмотря на ихъ сравнительно высокое развитіе, во всей своей силѣ; организмъ и здѣсь остается способнымъ воспринимать и реагировать на воспринятое ощущеніе одновременно многими своими частями; но мы уже не видимъ тутъ ни такой разносторонней способности отдѣльныхъ частей тѣла къ независимой другъ отъ друга дѣятельности при нормальныхъ условіяхъ, какъ у лучистыхъ животныхъ, ни способности части цѣлаго къ нормальной самостоятельной жизни.

По мѣрѣ прогрессивнаго развитія животныхъ этого класса, по мѣрѣ совершенствованія ихъ организаціи части тѣла становятся все болѣе и болѣе различными и приспособленными къ своимъ спеціальнымъ цѣлямъ. Необходимость координировать впечатлѣнія, воспринимаемая органами чувствъ, становится, очевидно, все болѣе и болѣе настоятельною и неизбежною.

Но чтобъ этого достигнуть, чтобы дать возможность впечатлѣніямъ сообщаться между собою, необходимъ какой-нибудь центръ, черезъ который они могли бы проходить, и такъ какъ проходить черезъ такой центръ нѣсколькимъ впечатлѣніямъ *за одинъ разъ* невозможно, то способность организма получать одновременно нѣсколько впечатлѣній становится тѣмъ меньшей, чѣмъ тѣснѣе координированы дѣйствія частей. Такимъ образомъ психическіе процессы изъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ становятся въ концѣ концовъ почти исключительно послѣдовательными, такъ какъ большинство воспринимаемыхъ воздѣйствій проходитъ черезъ общій для всѣхъ нихъ центръ лишь въ линейномъ порядкѣ.

У безпозвоночныхъ животныхъ рассмотрѣнныхъ нами группъ такимъ органомъ является надглоточный гангліи, не

безъ основанія приравниваемый натуралистами къ головному мозгу позвоночныхъ животныхъ.

У червей и многоножекъ съ нимъ координирована, однако, лишь незначительная доля актовъ остальныхъ нервныхъ узловъ, которые остаются способными къ большому числу независимыхъ и сложныхъ дѣйствій,

Хвостовой конецъ гусеницы, перевязанный на серединѣ, сохраняетъ способность къ движеніямъ, стоящимъ въ зависимости отъ ближайшихъ нервныхъ центровъ, дѣйствующихъ независимо отъ другихъ, но онъ безслѣдно теряетъ (послѣ операціи) способность закручиваться по оси, такъ какъ движенія этой группы точно координированы съ головными гангліями.

У *Lina* рупа послѣ декапитаціи наблюдаются явленія, указывающія на координацію гораздо болѣе тѣсную. Мы наблюдаемъ у нея послѣ операціи одновременно два рода движеній: помощью одной части ногъ животное двигается впередъ, а помощью другой очищаетъ ножку, за которую случайно зацѣпила сосѣдней, — явленіе въ нормальныхъ условіяхъ невозможное и ясно указывающее на нарушеніе координаціи дѣйствій послѣ удаленія головы.

У пчелъ и муравьевъ эта координація достигаетъ крайнихъ предѣловъ, такъ какъ съ декапитаціей этихъ животныхъ мы можемъ наблюдать лишь ограниченное число рефлексовъ, и ничего болѣе.

У позвоночныхъ животныхъ въ механизмъ нервной дѣятельности вступаетъ новый органъ: большія полушарія головного мозга. Съ удаленіемъ головного мозга у рыбъ сохраняются лишь рефлекторныя движенія; съ удаленіемъ полушарій большого мозга дѣятельность рыбы (карпа, напр.) мало чѣмъ отличается отъ дѣятельности нормальнаго животного; шумъ подозрительнаго движенія по сосѣдству заставляеть рыбу такимъ же образомъ отвѣчать на воздѣйствіе среды, какъ на нее отвѣчаетъ нормальное животное.

У батрахий, по Steiner'у, функціи средняго мозга стано-

вятся въ болѣе тѣсную связь къ функціямъ большихъ полушарій, какъ объ этомъ было упомянуто выше.

У млекопитающихъ, наконецъ, эта связь становится настолько тѣсной, что многія функціи средняго мозга съ удаленіемъ большихъ полушарій исчезаютъ вовсе. У собаки съ вырѣзанными полушаріями мозга хлопаніе бича не вызываетъ уже никакого психическаго процесса, хотя органы слуха сохранили сполна способность функціонировать. Причина явленія заключается, очевидно, въ томъ, что съ удаленіемъ полушарій порвалась связь между воспринимающими раздраженіе клѣтками чувствительно-двигательныхъ центровъ и отвѣчающими на раздраженіе элементами ихъ, такъ какъ на пути между тѣми и другими стали уже большія полушарія головного мозга. Такимъ образомъ, дѣятельность чувствительно-двигательныхъ центровъ является въ смыслѣ преемственности *вторичною* по отношенію къ дѣятельности ганглій нервной системы, первоначально независимо дѣйствующихъ и разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ организма безпозвоночныхъ животныхъ, — и *первичною*, по отношенію къ дѣятельности большихъ полушарій животныхъ позвоночныхъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важное значеніе имѣютъ изслѣдованія Soltmann'a и Flechsig'a, изъ которыхъ первый доказалъ, что раздраженіе извѣстныхъ областей мозговой коры *у взрослыхъ животныхъ* ведетъ за собою мышечныя движенія, тогда какъ *у молодыхъ* тѣ же раздраженія не вызываютъ движеній; рефлекторныя же движенія существуютъ у нихъ съ самого рожденія и, слѣдовательно, должны быть признаны *первичными*. Изслѣдованія Flechsig'a подтверждаютъ справедливость приведеннаго заключенія съ другой стороны: этотъ ученый доказалъ, что волокна, стоящія въ связи съ высшими центрами большого мозга, развиваются позже другихъ.

Принимая теперь во вниманіе всѣ добытыя нами заключенія о характерѣ дѣятельности декапитированныхъ безпозвоночныхъ животныхъ, объ элементахъ сходства и разли-

чїя этой дѣятельности съ тою, которая наблюдается у нормальныхъ особей, наконецъ, тѣ объясненія, которыя могутъ быть даны этимъ явленіямъ зоопсихологіи изъ сравненія ихъ съ дѣятельностью животныхъ позвоночныхъ, мы получаемъ достаточное основаніе полагать:

1) что сложность актовъ, къ которымъ оказываются способными безпозвоночныя животныя послѣ декапитаціи, не даетъ намъ права считать эти акты рефлекторными;

2) что способности производить сложные, *повидимому*, сознательные акты могутъ быть несомнѣнно наследственными и стоящими внѣ какой-либо связи и зависимости отъ личнаго опыта и наблюденія, изъ чего слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствіями инстинктивными;

3) что хотя эти инстинктивные акты и кажутся сознательными при наблюденіи животныхъ въ нормальныхъ условіяхъ, они однако не могутъ быть признаны таковыми вслѣдствіе того, что повторяются безъ измѣненія и послѣ декап таіи когда поражаютъ наблюдателя своей бессмысленностью и бесполезностью, какъ раньше поражали кажущимся пониманіемъ цѣли и способностью производящихъ эти акты животныхъ къ умозаключенію;

4) что инстинктивные дѣйствія безпозвоночныхъ соотвѣтствуютъ чувствительно-двигательнымъ актамъ высшихъ животныхъ, а головной мозгъ первыхъ функціонально-аналогиченъ чувствительно - двигательнымъ центрамъ вторыхъ; отсюда мы получаемъ косвенное указаніе на то, что инстинктивная дѣятельность не только бессознательна *de facto*, какъ въ этомъ удостовѣряютъ добытыя нами данныя, но и не можетъ быть иною по самой своей природѣ;

5) что, принимая во вниманіе всю совокупность разсмотрѣнныхъ нами явленій, мы должны прійти къ заключенію, какъ разъ противоположному, чѣмъ то, которое хочетъ установить Ромэнсъ, а именно: въ то время, какъ между актами инстинктивными и разумными можетъ быть проведена совершенно опредѣленная граница, между инстинктами

и рефlekсами такой границы провести безусловно невозможно, и наконецъ

б) что, сопоставляя эти заключенія съ тѣми, которыя выставляются Ромэнсомъ въ защиту его положенія о сознательности инстинктивныхъ дѣйствій, мы получаемъ полное право сомнѣваться въ справедливости послѣдняго и утверждать, что попытка примирить разногласія ученыхъ (обусловливаемая неудовлетворительностью матеріала, добытаго путемъ господствующаго въ наукѣ субъективнаго метода изслѣдованія) допущеніемъ этой сознательности въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ, должна быть признана безплодной.

В. Вагнеръ.

Первичныя данныя нравственности *).

I.

Всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убѣдительность или внѣшняя авторитетность, оставалось бы безсильнымъ и бесплоднымъ, если бы не находило для себя твердыхъ точекъ опоры въ самой нравственной природѣ человѣка. Несмотря на все разнообразіе степеней духовнаго развитія въ прошедшемъ и настоящемъ человѣчества, несмотря на всѣ индивидуальныя отклоненія и на всѣ болѣе широкія воздѣйствія расы, климата и историческихъ условій,—все-таки существуетъ неразложимая основа общечеловѣческой нравственности, и на ней должно утверждаться всякое значительное построеніе въ области этики. Признаніе этой истины нисколько не зависитъ отъ того или другого метафизическаго или научнаго взгляда на происхожденіе человѣка. Продуктъ ли длиннаго ряда видоизмѣненій животныхъ организацій, или непосредственное произведеніе высшаго творческаго акта, человѣческая природа во всякомъ случаѣ существуетъ со всѣми своими отличительными чертами, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ черты нравственныя.

Отличительный характеръ психической природы человѣка вообще нисколько не отрицается знаменитымъ представителемъ естественно-научнаго трансформизма. „Различіе въ

*) Глава изъ приготовленнаго къ печати сочиненія «Основанія нравственной философіи».

этомъ отношеніи, говоритъ Чарльзь Дарвинъ (между человѣкомъ и всѣми другими животными), безъ сомнѣнія, огромно, если даже мы будемъ сравнивать, съ одной стороны, душу самаго низшаго дикаря, не умѣющаго считать больше четырехъ и не употребляющаго отвлеченнаго обозначенія даже для простыхъ предметовъ и аффектовъ, а съ другой стороны—душу самой высокоорганизованной обезьяны. Различіе, несомнѣнно, осталось бы все-таки огромнымъ и въ томъ случаѣ, еслибъ одинъ изъ высшихъ обезьяньихъ видовъ удалось привести въ такое же облагороженное и цивилизованное состояніе, въ какомъ является собака сравнительно со своею коренною формой—волкомъ или шакаломъ. Туземцы Огненной Земли принадлежатъ къ самымъ низшимъ расамъ; однако мнѣ приходилось постоянно удивляться троимъ изъ этихъ дикарей, находившихся со мною на кораблѣ *Билль*: какъ они, проживши нѣсколько лѣтъ въ Англіи и научившись немного по-англійски, стали похожи на насъ всѣмъ своимъ психическимъ складомъ и большею частью духовныхъ способностей“ *).

Далѣе Дарвинъ объявляетъ, что онъ вполне подписывается подъ сужденіемъ писателей, утверждающихъ, что изъ всѣхъ различій между человѣкомъ и другими животными самое значительное состоитъ въ нравственномъ чувствѣ **), которое онъ (съ своей точки зрѣнія) считаетъ не приобретаемымъ, а прирожденнымъ человѣку ***).

Но увлекаемый своимъ (въ извѣстныхъ предѣлахъ законнымъ) стремленіемъ наполнить „огромное“, по его словамъ, разстояніе промежуточными звеньями, Дарвинъ впадаетъ въ одну основную ошибку. Всей первоначальной нравственности человѣка онъ приписываетъ характеръ исключительно *общественный*, сближая ее такимъ образомъ съ социальными инстинктами животныхъ. Личная же, или индивидуаль-

*) *Происхожд. чловѣка и полов. подб.*, нач. 2-й гл. (по нѣмецк. переводу Виктора Каруса).

**) Тамъ же, нач. 3-й гл.

***) Тамъ же, возраженіе Миллт.

ная нравственность имѣеть, по Дарвину, лишь производное значеніе, какъ позднѣйшій результатъ историческаго развитія. Для дикарей, утверждаетъ онъ, существуютъ только тѣ добродѣтели, которыя требуются интересами ихъ соціальной группы *). Между тѣмъ, одного простого и общеизвѣстнаго факта достаточно, чтобъ опровергнуть такой взглядъ.

Есть одно чувство, которое не служитъ никакой общественной пользѣ, совершенно отсутствуетъ у самыхъ высшихъ животныхъ и однако же ясно обнаруживается у самыхъ низшихъ человѣческихъ расъ. Въ силу этого чувства, самый дикій и неразвитой человѣкъ *стыдится*, т. - е. признаетъ *недолжнымъ* и скрываетъ такой физиологическій актъ, который не только удовлетворяетъ его собственному влеченію и потребности, но сверхъ того полезенъ и необходимъ для поддержанія рода. Въ прямой связи съ этимъ находится и нежеланіе оставаться въ природной наготѣ, побуждающее къ изобрѣтенію *одежды* и такихъ дикарей, которые по климату и простотѣ быта въ ней вовсе не нуждаются.

Этотъ нравственный фактъ рѣзче всего отличаетъ человѣка ото всѣхъ другихъ животныхъ, у которыхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на что-нибудь подобное. Самъ Дарвинъ, рассуждающій о религіозности собакъ и т. п., не пытался искать у какого бы то ни было животнаго какихъ-нибудь зачатковъ стыдливости. И дѣйствительно, не говоря уже о болѣе низкихъ тваряхъ, и высокоодаренныя и многовоспитанныя домашнія животныя не составляютъ исключенія. Благородный въ другихъ отношеніяхъ конь далъ библейскому пророку подходящій образъ для характеристики безстыдныхъ юношей изъ развратной іерусалимской знати; доблестный песь издавна и справедливо почитается типичнымъ представителемъ полнѣйшаго безстыдства; а (между дикими животными) у существа еще болѣе развитого въ

*) Тамъ же, парагр. о соціальныхъ добродѣтеляхъ.

извѣстныхъ отношенійхъ — у обезьяны, именно вслѣдствіе ея наружнаго сходства съ человѣкомъ, а также ея до крайности живого ума и страстнаго характера, ничѣмъ не ограниченный цинизмъ выступаетъ съ особенною яркостью.

Не имѣя никакой возможности утверждать стыдливость у животныхъ, натуралисты извѣстнаго направленія принуждены отрицать ее у человѣка. Не найдя стыдливыхъ животныхъ, Дарвинъ говоритъ о безстыдныхъ дикаряхъ *). Отъ автора кругосвѣтнаго путешествія на корабль „Бигль“, можно было бы ожидать положительныхъ и опредѣленныхъ показаній очевидца. Но, вмѣсто того, онъ ограничивается краткими и голословными замѣчаніями, ни для кого не убѣдительными. Не только какіе-нибудь дикари, но и культурные народы библейскихъ и гомерическихъ временъ могутъ казаться намъ безстыдными, но лишь въ томъ смыслѣ, что чувство стыда, несомнѣнно у нихъ бывшее, имѣло не всегда тѣ же самыя выраженія и не на всѣ тѣ житейскія подробности распространялось, съ которыми оно связано у насъ **). Но въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности обращаться къ далекимъ мѣстностямъ и временамъ, ибо живущіе рядомъ съ нами люди изъ другихъ слоевъ населенія во многихъ случаяхъ считаютъ позволительнымъ то, чего мы стыдимся, хотя никто не станетъ утверждать, что самое чувство стыда имъ незнакомо. Еще менѣе можно выводить какія-нибудь общія заключенія изъ тѣхъ случаевъ полной нравственной тупости, которые извѣстны по судебнымъ хроникамъ. Родятся иногда и безголовые младенцы, но человѣческая

*) Когда дѣло идетъ о дикаряхъ, то и серьезные ученые обнаруживаютъ иногда непонятное легкомысліе. Курьезный образчикъ попался мнѣ недавно у антрополога Брокá, который утверждаетъ, что туземцы Андаманскихъ острововъ не употребляютъ одежды; ибо нельзя же, поясняетъ онъ, считать за такую тонкаго пояса съ привязаннымъ къ нему кускомъ кожи. Я думаю, что съ болѣею основательностью можно отрицать существенное значеніе одежды у европейскаго фрака.

***) Тамъ же.

голова все-таки остается существенною принадлежностью нашего организма.

Въ пользу своего тезиса о первоначальномъ безстыдствѣ человѣка Дарвинъ ссылается еще въ двухъ словахъ на религиозные обычаи древнихъ, т.-е. на фаллическій культъ. Но этотъ важный фактъ говоритъ скорѣе противъ него. Намѣренное, напряженное, возведенное въ религиозный принципъ безстыдство, очевидно, предполагаетъ существованіе стыда. Подобнымъ образомъ, принесеніе родителями въ жертву богамъ своихъ дѣтей никакъ не доказываетъ отсутствія жалости или родительской любви, а, напротивъ, предполагаетъ это чувство: вѣдь главный смыслъ этихъ жертвъ состоялъ именно въ томъ, что убивались *любимыя* дѣти; если бы то, что жертвовалось, не было дорого жертвующему, то сама жертва не имѣла бы никакой цѣны, т.-е. не была бы жертвой. (Лишь впоследствии, съ ослабленіемъ религиознаго чувства, стали обходить это основное условіе всякаго жертвоприношенія посредствомъ разныхъ символическихъ фикцій). На простомъ отсутствіи стыда, также какъ и жалости, нельзя основать никакой религіи, хотя бы самой дикой. Если истинная религія предполагаетъ нравственную природу человѣка, то и ложная религія, съ своей стороны, предполагаетъ ее именно тѣмъ, что требуетъ ея извращенія. Этимъ реальнымъ извращеніемъ, этою положительною безнравственностью питались и жили тѣ демоническія силы, которыя почитались въ кровавыхъ и развратныхъ культахъ древняго язычества.

Очевидно, Дарвину не зачѣмъ было бы прибѣгать къ столь неудачнымъ косвеннымъ доказательствамъ своего взгляда на связь человѣческой нравственности съ животною, еслибъ онъ могъ сослаться на какіе-нибудь достовѣрные факты, показывающіе хотя бы лишь зачаточное присутствіе стыдливости у животныхъ. Такихъ фактовъ нѣтъ вовсе, и стыдъ несомнѣнно остается отличительнымъ признакомъ человѣка даже съ внѣшней эмпирической точки зрѣнія.

II.

Чувство стыда (въ его коренномъ смыслѣ) есть уже фактически безусловное отличіе человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ какъ ни у какихъ другихъ животныхъ этого чувства нѣтъ ни въ какой степени, а у человѣка оно появляется съ незапамятныхъ временъ и затѣмъ подлежитъ дальнѣйшему развитію.

Но этотъ фактъ, по самому содержанію своему, имѣеть еще другое, гораздо болѣе глубокое значеніе. Чувство стыда не есть только отличительный признакъ, выдѣляющій человѣка (для внѣшняго наблюденія) изъ прочаго животнаго міра: здѣсь самъ человѣкъ дѣйствительно выдѣляетъ себя изъ всей матеріальной природы и не только внѣшней, но и своей собственной. Стыдясь своихъ природныхъ влеченій и функций собственнаго организма, человѣкъ тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не есть только это природное матеріальное существо, а еще нѣчто другое и высшее. То, что стыдится, въ самомъ психическомъ актѣ стыда отдѣляетъ себя отъ того, чего стыдится; но матеріальная природа не можетъ быть другою или внѣшней для самой себя,—слѣдовательно, если я стыжусь своей матеріальной природы, то этимъ самымъ на дѣлѣ показываю, что я не то же самое, что она. И именно въ тотъ моментъ, когда человѣкъ подпадаетъ матеріальному процессу природы, смѣшивается съ нимъ, тутъ-то вдругъ и выступаетъ его отличительная особенность и его внутренняя самостоятельность, именно въ чувствѣ стыда, въ которомъ онъ относится къ матеріальной жизни какъ къ чему-то другому, чуждому и недолжному.

Этотъ основной фактъ антропологии и исторіи, не замѣченный или намѣренно пропущенный въ книгѣ современнаго корифея науки, былъ за три тысячи лѣтъ до него вдохновенными чертами отмѣченъ въ книгѣ болѣе авторитетной. «И открылись глаза у нихъ обоихъ (въ моментъ грѣхопаденія) и узнали, что наги они; и сорвали листьявъ смоковницы и сдѣлали себѣ опоясаніе. И услышали голосъ Вѣчнаго

Бога... и скрылись человекъ и жена его отъ лица Вѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И воззвалъ Вѣчный Богъ къ человеку и сказалъ ему: *иди ты?*—И сказалъ (человекъ): голосъ твой услышалъ я въ саду и убоялся, ибо нагъ я, и скрылся.—И сказалъ (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?» Въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ человеческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство? Человекъ, владыка природы и образъ Божій, существуешь ли ты еще?—И тутъ же дается отвѣтъ: я услышалъ божественный голосъ, я убоялся возбужденія и обнаруженія своей низшей природы: я стыжусь, слѣдовательно, существую, — я стыжусь своей животности, слѣдовательно, я еще существую какъ человекъ.

Собственнымъ дѣйствіемъ и испытаніемъ своего существа достигаетъ человекъ нравственного самосознанія. Материалистическая наука тщетно пыталась бы дать, съ своей точки зрѣнія, удовлетворительный отвѣтъ на столь давно поставленный человекѹ вопросъ: кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ?

Самостоятельное и первоначальное значеніе чувства стыда было бы устранено, еслибъ удалось связать этотъ нравственный фактъ съ какою-нибудь матеріальною пользою для особи или для рода въ борьбѣ за существованіе. Въ такомъ случаѣ, стыдъ можно было бы объяснить какъ одно изъ проявленій инстинкта животнаго самосохраненія—индивидуальнаго или общественнаго. Но именно такой связи и невозможно найти.

Стыдливое отношеніе къ половымъ актамъ можетъ представляться выгоднымъ для особи и рода, какъ охраняющее отъ злоупотребленій этою важною функціей организма. У животныхъ, покорныхъ инстинктамъ, не бываетъ никакихъ вредныхъ для самосохраненія эксцессовъ, но человекъ, вслѣдствіе большей силы индивидуальнаго сознанія и воли, получаетъ возможность такихъ злоупотребленій, и вотъ противъ самыхъ пагубныхъ изъ нихъ — половыхъ — развивается у него на общихъ основаніяхъ естественнаго подбора полезный противовѣсъ — чувство стыда. Такое раз-

сужденіе кажется основательнымъ, но только кажется. Здѣсь есть, во-первыхъ, внутреннее противорѣчіе. Когда противъ пагубныхъ излишествъ оказывается у человѣка безсильнымъ самый основной и могущественный инстинктъ самосохраненія, то откуда же возьметъ силу новый, производный инстинктъ стыда? А если (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ) инстинктивныя внушенія этого чувства не имѣютъ надъ человѣкомъ достаточной власти, то значить никакой специальной полезности у стыда не оказывается, и онъ остается необъяснимымъ съ утилитарно-материалистической точки зрѣнія. вмѣсто того, чтобы быть противовѣсомъ человѣческихъ злоупотребленій или нарушеній естественныхъ нормъ, онъ является только лишнимъ предметомъ для такихъ нарушеній, т.-е. совершенно ненужнымъ осложненіемъ. Съ этимъ связано другое соображеніе, подрывающее утилитарный взглядъ на чувство стыда. Дѣло въ томъ, что это чувство сильнѣе всего проявляется до наступленія половыхъ отношеній: стыдъ всего явственнѣе и громче говорить *virginibus puerisque*, такъ что еслибъ его голосъ имѣлъ прямое практическое дѣйствіе, то онъ сдѣлалъ бы невозможнымъ самый тотъ фактъ, противъ злоупотребленій которымъ онъ будто бы направленъ,—слѣдовательно, если бы стыдъ имѣлъ практическое значеніе, то онъ не только былъ бы не полезенъ, но былъ бы пагубенъ и для особи, и для рода. Но если на дѣлѣ стыдъ не имѣетъ практическаго примѣненія даже тогда, когда онъ говоритъ всего громче, то какого же дальнѣйшаго дѣйствія можно отъ него ожидать? Когда является стыдъ, *еще* не можетъ быть рѣчи о злоупотребленіяхъ, а когда является злоупотребленіе, тогда *уже* нечего говорить о стыдѣ. Нормальный человѣкъ и безъ того достаточно огражденъ отъ пагубныхъ излишествъ простымъ чувствомъ удовлетворенной потребности, а человѣкъ ненормальный или съ извращенными инстинктами менѣе всего отличается стыдливостью. Итакъ, вообще, съ утилитарной точки зрѣнія, тамъ, гдѣ стыдъ могъ бы быть полезенъ, его нѣтъ, а тамъ, гдѣ онъ есть, онъ вовсе не нуженъ.

На дѣлѣ, чувство стыда возбуждается не злоупотребленіемъ извѣстною органическою функціей, а простымъ обнаруженіемъ этой функціи: самый фактъ природы ощущается какъ постыдный. Если здѣсь проявляется инстинктъ самохраненія, то въ совершенно особомъ смыслѣ. Здѣсь охраняется не матеріальное благополучіе субъекта, а его высшее человѣческое достоинство, или, точнѣе говоря, не охраняется, а свидѣтельствуетъ о себѣ, что оно еще сохранено. Сильнѣйшее проявленіе матеріальной органической жизни вызываетъ реакцію духовнаго начала, которое напоминаетъ личному сознанію, что человѣкъ не есть только фактъ природы и не долженъ служить страдательнымъ орудіемъ ея жизненныхъ цѣлей. Это только напоминаніе, и отъ личной разумной воли зависитъ воспользоваться имъ, или нѣтъ. Прямого реального дѣйствія это нравственное чувство, какъ сказано, не имѣетъ, и если его внушенія остаются тщетными, то самый стыдъ постепенно ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ теряется.

Ясно, такимъ образомъ, что всѣ указанія на отсутствіе стыда у отдѣльныхъ людей или у цѣлыхъ племенъ, если бы даже эти указанія и были совершенно точны, вовсе не имѣютъ того значенія, которое имъ приписывается. Несомнѣнное безстыдство единичныхъ лицъ, какъ и сомнительное безстыдство цѣлыхъ народовъ, можетъ означать только, что въ этихъ частныхъ случаяхъ духовное начало человѣка, которымъ онъ выдѣляется изъ матеріальной природы, или еще не раскрылось, или уже потеряно, что этотъ человѣкъ, или эта группа людей, еще не возвысились актуально надъ скотскимъ состояніемъ, или снова къ нему вернулись. Но это наслѣдственное или приобрѣтенное скотоподобіе тѣхъ или другихъ людей можетъ ли упразднить, или ослабить значеніе нравственнаго человѣческаго достоинства, явно выступающаго у огромнаго большинства людей въ чувствѣ стыда, — чувствѣ безусловно невѣдомомъ ни одному животному? Тотъ фактъ, что грудные младенцы или нѣмые — безсловесны, подобно животнымъ, ослабляетъ ли сколько-

нибудь значеніе языка, какъ проявленія особой, чисто-человѣческой разумности, не свойственной прочимъ животнымъ?

III.

Независимо отъ всякихъ соображеній объ эмпирическомъ происхожденіи чувства стыда въ человѣчествѣ, это чувство имѣетъ то принципиальное значеніе, что имъ опредѣляется этическое отношеніе человѣка къ матеріальной природѣ. Человѣкъ стыдится ея въ себѣ, или, точнѣе, своего подчиненія ей (въ ея главномъ проявленіи) и тѣмъ самымъ признаетъ, относительно ея, свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, въ силу чего онъ долженъ обладать, а не быть обладаемымъ ею.

Рядомъ съ этимъ основнымъ нравственнымъ чувствомъ находится въ природѣ человѣческой другое, составляющее корень этического отношенія уже не къ низшему, матеріальному началу жизни въ каждомъ человѣкѣ, а къ другимъ человѣческимъ и вообще живымъ существамъ ему подобнымъ, — именно чувство *жалости* *). Оно состоитъ вообще въ томъ, что данный субъектъ соотвѣтственнымъ образомъ ощущаетъ чужое страданіе или потребность, т. е. отзывается на нихъ болѣе или менѣе болѣзненно, проявляя такимъ образомъ въ большей или меньшей степени свою солидарность съ другими. Первичный, прирожденный характеръ этого нравственнаго чувства не отрицается ни однимъ серьезнымъ мыслителемъ и естествоиспытателемъ уже по той простой причинѣ, что чувство жалости или состраданія—въ отличіе отъ стыда—свойственно (въ зачаточной степени) многимъ животнымъ **) и, слѣдовательно, ни съ какой

*) Употребляю слово самое простое, обыкновенно же въ литературѣ по этому предмету употребляется терминъ симпатія или состраданіе.

**) Относящіяся сюда факты въ изобиліи находятся въ разныхъ сочиненіяхъ по описательной зоологіи (см. особенно Брэма, „Жизнь животных“), а также въ значительно разившейся за послѣднее время литературѣ по психологіи животныхъ.

точки зрѣнія не можетъ разсматриваться какъ позднѣйшій продуктъ человѣческаго прогресса. Такимъ образомъ, если человѣкъ безстыдный представляетъ собою возвращеніе къ скотскому состоянію, то человѣкъ безжалостный падаетъ ниже животнаго уровня.

Тѣсная связь чувства жалости съ социальными инстинктами у животныхъ и человѣка не подлежитъ сомнѣнію по самому существу этого чувства; однако, оно въ корнѣ своемъ есть все-таки индивидуально-нравственное состояніе, не покрываемое всецѣло социальными отношеніями даже у животныхъ, не только у человѣка. Еслибъ единственнымъ основаніемъ симпатіи была потребность общественнаго организма, то каждое существо могло бы испытывать это чувство лишь по отношенію къ тѣмъ, которые принадлежатъ съ нимъ къ одному и тому же социальному цѣлому. Такъ оно обыкновенно и бываетъ, однако далеко не всегда, по крайней мѣрѣ, у высшихъ животныхъ. Общеизвѣстны многочисленные факты самой нѣжной любви *) различныхъ животныхъ (не только домашнихъ, но и дикихъ) къ особямъ другихъ, иногда весьма далекихъ зоологическихъ группъ. Поэтому очень странно голословное утвержденіе Дарвина, будто у дикихъ народовъ симпатическія чувства ограничиваются сочленами одного и того же тѣснаго общества. Конечно, и у культурныхъ народовъ большинство людей обнаруживаютъ настоящую симпатію, главнымъ образомъ, относительно своей семьи и своего ближайшаго кружка, но индивидуально-нравственное чувство во всѣхъ народахъ можетъ переступать—и дѣйствительно издревле переступаетъ—не только эти тѣсныя, но и всякіе другіе эмпирическіе предѣлы. Принять утвержденіе Дарвина какъ безуслов-

*) Любовь въ смыслѣ чисто-психологическомъ (внѣ матеріально-полового и эстетическаго отношенія) есть укоренившаяся, ставшая постоянною жалость или состраданіе (симпатія). Гораздо раньше Шопенгауэра русскій народъ въ своемъ языкѣ отождествилъ эти два понятія: „жалѣть“ и „любить“ значить для него одно и то же. Можно не идти такъ далеко, но что основное субъективное проявленіе любви, какъ нравственнаго аффекта, есть жалость,—кажется мнѣ несомнѣннымъ.

ное, хотя бы только для дикихъ племенъ, значить допустить, что дикій человѣкъ неспособенъ къ той нравственной высотѣ, которой иногда достигаютъ собаки, обезьяны и даже львы *). Въ этомъ случаѣ едва ли кто повѣритъ на слово знаменитому естествоиспытателю.

Симпатическое чувство способно къ неопредѣленному расширенію и развитію, но первооснова его одна и та же во всѣхъ областяхъ живыхъ существъ. Основною ступеню и коренною формой всякой солидарности является въ животномъ мірѣ и остается въ мірѣ человѣческомъ родительская (въ особенности материнская) любовь. И вотъ, именно въ этомъ простомъ корнѣ, изъ котораго вырастаетъ вся многосложность внутреннихъ и внѣшнихъ социальныхъ связей, съ полною ясностью открывается, что индивидуально-психическая сущность нравственной связи есть не что иное, какъ жалость. Ибо въ какомъ другомъ душевномъ аффектѣ можетъ выразиться первоначальная солидарность матери съ ея безсильными, беспомощными, всецѣло отъ нея зависящими,—однимъ словомъ *жалкими* порожденіями?

IV.

Въ присущихъ намъ чувствахъ стыда и жалости основнымъ образомъ опредѣляется наше нравственное отношеніе, во-первыхъ, къ собственной нашей матеріальной природѣ и, во-вторыхъ, ко всѣмъ другимъ живымъ существамъ. Поскольку человѣкъ стыдливъ и жалостливъ, онъ относится нравственно „къ самому себѣ и къ ближнему“ (употребляя старинную терминологию); безстыдство и безжалостность, напротивъ, въ корнѣ подрываютъ его нрав-

*) Достоверно извѣстенъ, напр., случай въ одномъ зоологическомъ саду, что левъ такъ привязался къ собаченкѣ, что потерявши ее, умеръ отъ огорченія. Само собою разумѣется, что основательно наблюдать такіе случаи относительно дикихъ животныхъ могутъ, лишь когда они находятся въ неволѣ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что и происходятъ эти случаи пробужденія симпатическихъ чувствъ, главнымъ образомъ, въ неволѣ.

ственный характеръ. Кромѣ этихъ двухъ основныхъ чувствъ, есть въ насъ еще одно третье, не сводимое на нихъ, столь же первичное, какъ они, и опредѣляющее нравственное отношеніе человѣка не къ низшей сторонѣ его собственной природы, а также не къ міру подобныхъ ему существъ, а къ чему-то особому, что признается имъ какъ *высшее*, чего онъ ни *стыдится*, ни *жалить* не можетъ, а передъ чѣмъ онъ долженъ *преклоняться*. Это чувство *благоговѣнія* (благочестія, pietas), или преклоненія передъ высшимъ (reverentia) составляетъ у человѣка нравственную основу религіи и религіознаго порядка человѣческой жизни. Первичный или прирожденный характеръ этого чувства не можетъ быть отрицаемъ по той же причинѣ, по которой не отрицается серьезно прирожденность намъ жалости или симпатіи: какъ это послѣднее, такъ и чувство благоговѣнія въ зачаточныхъ степеняхъ и формахъ уже находится у животныхъ. Нелѣпо искать у нихъ религіи въ нашемъ смыслѣ, но то общее элементарное чувство, на которомъ изначала держится религія въ душѣ всякаго человѣка—именно, чувство благоговѣйнаго преклоненія передъ чѣмъ-то высшимъ—зарождается безотчетно и у другихъ тварей, кромѣ человѣка. Говоря объ этомъ предметѣ, Дарвинъ ошибается только въ томъ, что не различаетъ религіозное чувство въ его настоящей человѣческой сложности отъ его простой основы—благоговѣнія. Съ этою оговоркой можно признать справедливость слѣдующихъ указаній.

„Чувство религіозной преданности есть въ высшей степени сложное, такъ какъ оно состоитъ изъ любви, изъ полнаго подчиненія чему-то высшему и таинственному, изъ сильнаго чувства зависимости, страха, почтенія, благодарности за прошедшія и упованія на будущія блага и, можетъ быть, еще изъ другихъ элементовъ. Никакое существо не могло бы испытывать такого сложнаго душевнаго возбужденія, пока его умственныя и нравственныя способности не достигли сравнительно высокаго уровня. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ нѣчто вродѣ приближенія къ этому духовному

состоянію въ сердечной любви собаки къ своему господину, которая соединена съ полнымъ подчиненіемъ, нѣкоторымъ страхомъ и, быть можетъ, еще съ другими чувствами. Всѣ приемы собаки, когда она послѣ нѣ котораго отсутствія возвращается къ своему господину, и, могу я прибавить, также обезьяны, возвращающейся къ любимому сторожу, далеко разнятся отъ того, что обнаруживаютъ эти животныя относительно себѣ подобныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ изъявленія радости слабѣе, и чувство равенства выказывается въ каждомъ движеніи“ *).

Такимъ образомъ, представитель естественно-научнаго трансформизма признаетъ, что въ quasi-религіозномъ отношеніи собаки, или обезьяны къ высшему (для нихъ) существу, кромѣ страха и своекорыстія, есть еще и нравственный элементъ, притомъ совершенно отличный отъ симпатическихъ чувствъ, которыя они имѣютъ къ себѣ подобнымъ. Это специфическое чувство къ высшему именно то, что я называю благоговѣніемъ,—и признавая его у собакъ и обезьянъ, странно было бы отрицать его у человѣка и выводить человѣческую религію изъ одного страха и своекорыстія. Нельзя не видѣть участія этихъ низшихъ чувствъ въ образованіи и развитіи религіи, но глубочайшимъ ея основаніемъ остается все-таки специфическое религіозно-нравственное чувство благоговѣйной любви человѣка къ тому, что превосходитъ его самого.

V.

Основные чувства *стыда, жалости и благоговѣнія* исчерпываютъ область возможныхъ нравственныхъ отношеній человѣка къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. *Господство* надъ матеріальною чувственностью, *соли-*

*) Дарвинъ, тамъ же, конецъ II-й гл. Передъ тѣмъ Дарвинъ говорилъ объ умственной сторонѣ религіи—о признаніи невидимой причины или причинъ для необычайныхъ явленій. Онъ и это находитъ у животныхъ, но едва ли основательно.

дарность съ живыми существами и внутреннее добровольное *подчиненіе* сверхчеловѣческому началу—вотъ вѣчныя, неизблемыя основы нравственной жизни человѣчества. Степень этого господства, глубина и объемъ этой солидарности, полнота этого внутренняго подчиненія измѣняются въ историческомъ процессѣ, переходя отъ наименьшаго къ наибольшему совершенству, но принципъ въ каждой изъ трехъ сферъ отношеній остается одинъ и тотъ же.

Всѣ прочія явленія нравственной жизни, всѣ такъ называемыя добродѣтели могутъ быть показаны какъ видоизмѣненія этихъ трехъ основъ, или какъ результатъ взаимодействія между ними и умственною стороною человѣка. *Мужество* или *храбрость*, напримѣръ, несомнѣнно есть лишь въ болѣе внѣшней, поверхностной формѣ проявленія тотъ же самый принципъ возвышенія и господства надъ низшею матеріальною стороною нашей природы,—принципъ, коего болѣе глубокое и знаменательное выраженіе мы находимъ въ стыдѣ. Стыдъ возвышаетъ человѣка надъ матеріальнымъ инстинктомъ *родового* самосохраненія, мужество поднимаетъ его надъ другимъ матеріальнымъ инстинктомъ—самосохраненія *индивидуальнаго*. Но кромѣ этого различія въ предметѣ или области примѣненія, эти двѣ формы одного и того же нравственнаго начала различаются между собою еще въ другомъ, болѣе глубокомъ отношеніи. Чувство стыда, по самому существу своему, заключаетъ порицательное сужденіе о томъ, чему оно противостоитъ: то, чего я стыжусь, самымъ фактомъ стыда объявляется мною дурнымъ или недолжнымъ. Напротивъ, мужественное чувство или поступокъ могутъ просто проявлять природу даннаго существа и сами по себѣ вовсе не заключаютъ въ себѣ осужденія своего противоположнаго. Поэтому храбрость свойственна и животнымъ, не имѣя у нихъ никакого нравственнаго значенія. Усложненная и развитая функція питанія и добыванія пищи становится у нѣкоторыхъ животныхъ хищническимъ инстинктомъ разрушенія, который иногда можетъ перевѣшивать инстинктъ индивидуальнаго самосохраненія. Этотъ перевѣсъ одного при-

роднаго инстинкта надъ другимъ и есть животная храбрость. Ея присутствіе или отсутствіе есть не болѣе какъ матеріальный фактъ, не связанный внутренне ни съ какою самооцѣнкою. Никому не придетъ въ голову утверждать, что заяцъ или курица стыдятся своего малодушія; не стыдятся его и храбрые звѣри, когда имъ случится иной разъ струсить, какъ они не гордятся и своими подвигами. Непосредственно и у человѣка качество храбрости не имѣетъ другого характера. Но, въ силу нашей высшей природы и привходящей рефлексіи, это качество принимаетъ новый смыслъ, связывающій его съ корнемъ собственно-человѣческой нравственности—стыдомъ. Мужество сознается человѣкомъ не какъ преобладаніе только хищническаго инстинкта, а какъ способность духа возвышаться надъ инстинктомъ матеріальнаго самосохраненія, причемъ присутствіе этой силы духа является добродѣтелью, а отсутствіе ея осуждается какъ *постыдное*. Такимъ образомъ, существенное сродство между стыдомъ и мужествомъ обнаруживается въ томъ, что недостатокъ второй добродѣтели осуждается въ формѣ первой: отсутствіе мужества становится предметомъ стыда,—чего нельзя сказать въ той же силѣ о другихъ добродѣтеляхъ (милосердіи, справедливости, смиреніи, благочестіи и т. д.), отсутствіе коихъ порицается обыкновенно въ иныхъ формахъ. И при оцѣнкѣ чужихъ чувствъ и дѣйствій—злоба, несправедливость, высокомеріе, нечестіе являются намъ болѣе ненавистными и возмутительными, нежели постыдными; это послѣднее опредѣленіе спеціально усваивается лишь малодушію и плотоугодію *), т.-е. такимъ порокамъ, которыми нарушается собственное достоинство человѣческой личности какъ такой, а не ея обязанности къ ближнему и Богу.

Итакъ, мужество получаетъ свое нравственное значеніе или становится добродѣтелью, лишь посколькѣ связывается

*) Такое сложное злодѣяніе, какъ, напримѣръ, измѣна, признается не только возмутительнымъ, но и постыднымъ на томъ же основаніи, именно посколькѣ въ составъ измѣны входитъ и трусость, замѣняющая открытую вражду тайнымъ предательствомъ.

съ первую основой человѣческой нравственности—стыдливостью—въ одномъ общемъ принципѣ: отстаиванія личности отъ низшей природы или матеріальныхъ инстинктовъ.

Внутренняя зависимость прочихъ человѣческихъ добродѣтелей отъ трехъ найденныхъ нами элементарныхъ основъ нравственности будетъ показана на своемъ мѣстѣ.

VI.

Изъ трехъ элементарныхъ основъ нравственной жизни одна, какъ мы видѣли, принадлежитъ исключительно человѣку (стыдъ), другая (жалость) въ значительной степени свойственна многимъ животнымъ, а третья (благоговѣніе, или преклоненіе передъ высшимъ) лишь въ слабой степени замѣчается у нѣкоторыхъ животныхъ. Но хотя зачатки нравственного чувства (второго и третьяго разряда) наблюдаются у животныхъ, между ними и соотвѣствующими чувствами у человѣка есть, однако, формальное различіе. Животныя бываютъ добрыми и злыми, но различіе добра и зла, какъ таковыхъ, не существуетъ въ ихъ сознаніи. У человѣка это познаніе добра и зла не только дано непосредственно въ исключительно ему свойственномъ чувствѣ стыда, но изъ этой первоосновы, постепенно расширяя и утончая свою конкретно-чувственную форму, оно переходитъ въ видѣ *совѣсти* на всю область человѣческой этики. Мы видѣли, что въ предѣлахъ нравственного отношенія человѣка къ самому себѣ или къ своей собственной природѣ чувство стыда (первоначально имѣющее специфически половой характеръ) сохраняетъ свое формальное тождество независимо отъ того, противопоставляется ли оно инстинкту животнаго самосохраненія индивидуальнаго, или же родового: малодушная привязанность къ смертной жизни такъ же *постыдна*, какъ и отдача себя половому влеченію. Переходя въ другую область отношеній—не къ себѣ самому, а къ ближнимъ и къ Богу,—отношеній несравненно болѣе сложныхъ, объективно-разнообразныхъ и измѣнчи-

выхъ, — нравственная самооцѣнка не можетъ оставаться въ простомъ видѣ конкретнаго ощущенія, она неизбѣжно проходитъ чрезъ среду отвлеченнаго сознанія, откуда и выходитъ въ новой формѣ *совѣсти*. Но внутренняя сущность обоихъ явленій, несомнѣнно, та же самая*). Стыдъ и совѣсть говорятъ разнымъ языкомъ и по разнымъ поводамъ, но смыслъ того, что они говорятъ, одинъ и тотъ же: *это не добро, это не позволено*.

Такой смыслъ уже заключается въ стыдѣ; совѣсть прибавляетъ аналитическое поясненіе: *сдѣлавши это непозволенное или недолжное, ты виновенъ во злѣ, въ грѣхѣ, въ преступленіи*.

Только голосъ совѣсти, опредѣляющій наши отношенія къ ближнему и къ Богу какъ добрыя или злыя, даетъ имъ нравственное значеніе, котораго они безъ того не имѣли бы, а такъ какъ сама совѣсть есть только развитіе стыда, то такимъ образомъ *вся* нравственная жизнь человѣка, во всѣхъ своихъ трехъ сферахъ, вырастаетъ какъ бы *изъ одного корня*, и притомъ корня чисто-человѣческаго, по существу чуждаго міру животному.

Если первичная основа совѣсти есть чувство стыда, собственное исключительно человѣку, то, очевидно, у животныхъ, лишенныхъ этого элементарнаго чувства, было бы напрасно искать болѣе сложнаго явленія его — въ совѣсти. Когда изъ смущеннаго вида провинившихся животныхъ выводятъ присутствіе въ нихъ совѣсти, — этотъ выводъ, несомнѣнно, основанъ на недоразумѣніи, именно на смѣщеніи двухъ феноменовъ, существенное различіе которыхъ извѣстно намъ однако по собственному внутреннему опыту. Нравственному состоянію возбужденной совѣсти или раскаянія аналогично въ умственной сферѣ сознаніе сдѣланной ошибки или промаха, т.-е. акта практически, утилитарно нецѣлесообразнаго — *невыводнаго*, и вытекающее отсюда

*) У насъ самыя слова употребляются часто какъ синонимы: стыдно — совѣстно. Вообще провести фактически точную границу здѣсь, по самому существу дѣла, невозможно.

недовольство собою. Эти два явленія имѣютъ общіе формальные признаки и внѣшнимъ образомъ одинаково выражаются въ *смущеніи*. Однако сущность ихъ настолько различна, что хотя въ иныхъ случаяхъ они совпадаютъ, но въ другихъ за то не только выступаютъ отдѣльно, но и прямо исключаютъ другъ друга. Такъ, наприм., когда городничій (въ «Ревизорѣ») жестоко негодуетъ на себя за то, что не онъ провелъ Хлестакова, а тотъ его, или когда какой-нибудь сконфузившійся шулеръ клянеть себя за то, что не довольно ловко смошенничалъ въ картахъ, то, очевидно, такое самоосужденіе не только ничего общаго не имѣетъ съ пробужденіемъ совѣсти, но и прямо показываетъ закоренѣлую безсовѣстность. Умственное самоосужденіе несомнѣнно свойственно высшимъ животнымъ, и если благовоспитанная собака такъ сильно сознаетъ свои промахи, что иногда даже старается искусно скрыть ихъ, то это, конечно, говоритъ въ пользу ея ума, но никакого отношенія къ совѣсти не представляетъ.

VII.

Самое высшее нравственное ученіе можетъ быть только полнымъ и правильнымъ *развитіемъ* указанныхъ первичныхъ данныхъ человѣческой нравственности, ибо заложенные въ нихъ общія требованія покрываютъ всю сферу возможныхъ жизненныхъ отношеній человѣка. Но именно *общность* этихъ требованій не позволяетъ остановиться на простомъ ихъ существованіи какъ данныхъ въ нашей природѣ и дѣлаетъ необходимымъ дальнѣйшее развитіе и оправданіе.

Первичная, естественная нравственность, которую мы разсмотрѣли, есть не что иное, какъ реакція духовной природы противъ грозящаго ей подавленія и поглощенія со стороны низшихъ силъ—плотской похоти, эгоизма и дикихъ страстей. Способность къ такой реакціи въ человѣкѣ дѣлаетъ его существомъ нравственнымъ; но оставаясь неопредѣленною въ своей дѣйствительной силѣ и объемѣ, она не можетъ сама

по себѣ обосновывать нравственный порядокъ въ человѣчествѣ. Всѣ фактическія проявленія нашей нравственной природы, какъ такія, имѣютъ лишь частный, случайный и относительный характеръ. Человѣкъ бываетъ *болѣе или менѣе* стыдливъ, сострадателенъ, религіозенъ: всеобщая норма не дана здѣсь какъ фактъ, и самый голосъ совѣсти, говоря *болѣе или менѣе* громко и настойчиво, очевидно, можетъ (какъ фактъ) обязывать лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ слышенъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Между тѣмъ, разумъ человѣка изначала предъявляетъ и къ нравственной сферѣ свое требованіе всеобщности и необходимости. Разумное сознаніе не можетъ удовлетвориться случайнымъ существованіемъ относительно добрыхъ качествъ, изъ которыхъ не вытекаетъ никакого общаго правила: самое первоначальное различеніе добра и зла уже содержитъ въ себѣ идею добра или блага, какъ такого, заключающаго въ себѣ *безусловную* норму жизни и дѣятельности. Формально, какъ постулатъ, идея добра или блага присуща человѣческому разуму, но лишь сложною работой мысли опредѣляется и развивается дѣйствительное содержаніе этой идеи.

Отъ природныхъ данныхъ нравственности неизбѣжно намъ перейти къ этическимъ ученіямъ.

Владимиръ Соловьевъ.

О времени.

(Продолженіе *).

„L'esprit doit s'affranchir de l'espace, qui lui donne une fausse notion de lui même. Mais il n'opère cet affranchissement qu'en retournant les choses et en apprenant à voir l'espace dans l'esprit au lieu de l'esprit dans l'espace... Le temps, le nombre sont de même de l'esprit. L'homme, revenant à l'état d'esprit n'est donc pas leur inférieur mais leur supérieur... L'esprit étant le sujet des phénomènes ne peut être lui même phénomène“.

Amiel. Fragments d'un journal intime.
Genève, 1887. Т. II, р. 202—203.

IV.

Душевная жизнь человѣка, насколько она намъ извѣстна, всецѣло происходитъ въ организмъ и протекаетъ въ опредѣленный періодъ времени, пока существуетъ въ цѣлости этотъ организмъ. Благодаря первому обстоятельству, можно сказать, что она происходитъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ *пространствѣ*, и это мѣсто точнѣе опредѣляется, какъ мозгъ. Благодаря же мѣсту, занимаемому организмомъ и мозгомъ въ окружающей средѣ, можно сказать, что душевная жизнь и дѣятельность даннаго человѣка въ данный моментъ времени совершаются въ такомъ-то домѣ и комнатѣ, въ такой-

*) См. „Вопросы филос. и психол.“, кн. 23.

то странъ и государствъ, въ такой-то части свѣта, на землѣ, на одной изъ планетъ нашей солнечной системы. Этимъ способомъ всякое душевное состояніе является какъ бы строго локализованнымъ въ пространствѣ. Но точно такъ же можно приурочить и всю душевную жизнь и отдѣльныя душевныя событія, насколько они связаны съ существованіемъ и отправленіями организма, къ извѣстному моменту времени— часу дня или ночи, къ опредѣленному дню недѣли, числу мѣсяца, времени года и году, десятилѣтію, столѣтію, — эпохѣ, періоду и эрѣ въ исторіи жизни человѣчества.

Возможность и даже необходимость такихъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій душевныхъ явленій и дѣйствій, насколько они связаны съ жизнью видимаго организма, несомнѣнны, и желая поближе очертить извѣстную духовную личность или отдѣльный ея поступокъ, мы начинаемъ съ того, что опредѣляемъ ея физическій видъ и наружность, среду и обстановку ея жизни и дѣйствія, время ея жизни и дѣйствія, событія внѣшнія, ихъ сопровождавшія, и т. д., такъ какъ для посторонняго, *внѣшняго* наблюдателя духовный обликъ другого человѣка является всегда тѣсно связаннымъ съ чувственными образами матеріальныхъ обстоятельствъ и выраженій его душевнаго существованія.

Но при всемъ томъ, милліарды милліардовъ людей въ теченіе тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ какъ пробудилось духовное самосознаніе отдѣльныхъ личностей, жили и умирали съ глубокимъ и твердымъ убѣжденіемъ, что душа человѣка не есть величина протяженная, тѣлесная и пространствомъ ограниченная и что точно такъ же существованіе ея не ограничено временемъ и извѣстнымъ моментомъ, а вѣчно и бесконечно. Это убѣжденіе проповѣдывалось и теперь проповѣдуется почти всѣми религіями, — оно высказывалось и поддерживалось геніальными философами и поэтами, подкрѣплялось учеными при помощи фактовъ и теорій науки, и оспаривалось не безъ колебаній и двусмысленныхъ ограниченій лишь немногими материалистами-доктринерами всѣхъ вѣковъ, процентъ которыхъ на всю массу человѣчества, вѣрую-

щаго и убѣжденнаго въ независимости души отъ земнаго организма, является несомнѣнно столь ничтожнымъ, что его можно признать величиной безконечно малой. Притомъ, „слова теоріи“ этихъ доктринеровъ не всегда согласовались съ интимными убѣжденіями и чаяніями ихъ ума и сердца, и отвергая особую сверхпространственную и сверхвременную природу души въ періодъ силы и расцвѣта организма, въ періодъ удачи и счастья, эти люди часто открыто или тайно отказывались отъ своихъ отрицаній предъ лицомъ несчастій, страданій и смерти.

Такъ или иначе, если, несмотря на несомнѣнные факты тѣсной связи душевной жизни человѣка съ обстоятельствами и условіями пространства и времени, подавляющее большинство людей всегда было убѣждено въ независимости духовнаго бытія (въ его цѣломъ и въ его основахъ)—отъ условій пространства и времени, то для такого убѣжденія должны были быть основанія въ самомъ *опытѣ* человѣка, подъ влияніемъ котораго слагаются его убѣжденія и знанія, и конечно въ *опытѣ духовномъ*, а не *матеріальномъ*, который знакомить насъ только съ пространственно-временнымъ порядкомъ жизни организма и внѣшней среды. Но каковъ этотъ особый духовный опытъ, который настойчиво приводитъ людей къ убѣжденію въ нематеріальности, сверхпространственности и сверхвременности духовнаго бытія,—этого *психологія* до настоящаго времени не выяснила, да и самую проблему она правильно не ставила. Признаніе существованія особаго духовнаго опыта идетъ отъ древности, но если изобрѣтались въ разное время разные термины для его обозначенія и наименованія и для противоположенія его понятію опыта матеріальнаго, чувственнаго или внѣшняго (термины самопознанія, самосознанія, внутренняго опыта, внутренняго чувства или зрѣнія, рефлексіи, интроспекціи, интуиціи и проч.), то строгому анализу его элементы и формы не подвергались, даже въ новѣйшей философіи Канта и его преемниковъ. Этого мало: до сихъ поръ есть философы и ученые, которые серьезно сводятъ весь *опытъ* человѣка къ однимъ

ощущеніямъ въ организмѣ и отрицаютъ достовѣрность всякаго знанія, построеннаго не на почвѣ этого „чувственного“ опыта (современные *позитивисты*, какъ преемники сенсуалистовъ и матеріалистовъ). А между тѣмъ, они же не отвергаютъ психологическихъ, логическихъ и нравственныхъ истинъ, совершенно не выводимыхъ изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и другихъ чувственныхъ, внѣшнихъ и органическихъ. Сама доктрина позитивизма есть сумма положеній логическаго и этическаго порядка, абсолютно не выводимыхъ изъ опыта чувственного.

Такимъ образомъ, ученіе о духовномъ, *сверхчувственномъ*, т.-е. независимомъ отъ условій чувственности, опытѣ находится еще въ совершенномъ младенствѣ. А между тѣмъ, одно можно предположить уже а priori: что если этотъ духовный опытъ приводитъ людей къ тому убѣжденію, что истинное духовное бытіе не протяженно и не ограничено временемъ, то, значить, это опытъ сверхпространственный и сверхвременный, т.-е. что мы испытываемъ и сознаемъ свою духовную жизнь въ формахъ, *совершенно чуждыхъ* опредѣленіямъ пространственнаго и временнаго порядка.

Сознать, а особенно понять эту истину не легко, такъ какъ наша душевная жизнь насквозь пропитана чувственностью, чувственными воспріятіями матеріальныхъ предметовъ и явленій, и нужна довольно высокая степень самосознанія и развитія, чтобы быть въ состояніи отличать въ своемъ самосознаніи два тѣсно слитыхъ факта—ощущеніе предмета и сознание или психическое воспріятіе этого ощущенія. Извѣстно, что въ древности даже нѣкоторые почтенные мыслители (напримѣръ, греческіе философы-физики) не въ состояніи были вообще отличать наше познающее и сознающее я отъ познаемаго міра, и нужно было два вѣка усилій мысли, чтобы дойти въ философіи до Сократовскаго ученія „о самопознаніи“. Извѣстно также, что и въ древнее, и въ новое время многіе философы, не только матеріалисты, но и идеалисты, представляли себѣ психическій актъ ощущенія, какъ матеріальный процессъ отдѣленія отъ предметовъ веще-

ственныхъ частицъ или атомовъ (*ἀπορροαί* Эмпедокла и *εἶδωλα* Демокрита), вхожденія ихъ въ поры органовъ чувствъ, путешествія ихъ по какимъ-то трубочкамъ и проникновенія этимъ путемъ въ чувствилище (мозгъ или сердце). Сама душа представлялась этимъ мыслителямъ особой тончайшей матеріей (*λεπτότατον καὶ καθαρότατον τῶν χρημάτων*), или совокупностью особенныхъ, круглыхъ и гладкихъ, огненно-подобныхъ атомовъ (Демокритъ). Даже жизненные или, точнѣе, животные духи (*esprits animaux*) Декарта (XVII в.), въ своихъ странствованіяхъ по организму до момента проникновенія въ маленькую железку (*glandula pinealis*), въ которой Декартъ помѣщала душу, представляютъ собою отзвукъ древней матеріальной теоріи ощущенія, весьма распространенной и въ средніе вѣка (*species sensibiles* и *influxus physicus*). Матеріалисты же и въ нашемъ вѣкѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ и менѣе, смѣло утверждали, что „мысль находится въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ“ (К. Фохтъ). Современнымъ физиологамъ и психофизиологамъ—Гельмгольцу, Вундту, Дюбуа Реймонду и др.—мы обязаны окончательнымъ установленіемъ той истины, что ощущенія и идеи непротяженны и что между физическимъ движеніемъ и психическимъ актомъ ощущенія лежитъ непроходимая пропасть. Конечно, этотъ выводъ былъ слѣдствіемъ психологическаго анализа данныхъ внутренняго, *духовнаго* опыта, показывающаго, что ощущенія наши не имѣютъ длины, ширины и другихъ протяженныхъ формъ и мѣръ.

Но за то тѣмъ съ большею энергіей физиологи и психофизиологи нашего времени стараются втиснуть душевную жизнь въ границы и рамки *времени*. Созданная ими (въ особенности Вундтомъ) наука—«психометрія» поставила себѣ прямою задачей перевести всѣ явленія душевной жизни въ термины времени. И это считается «началомъ точной экспериментальной психологіи». Правда, пока измѣряется только время ощущеній и воспріятій, простѣйшихъ ассоціаций ихъ, актовъ перцепціи и апперцепціи. Но намъ объ-

щаютъ дойти и до идей, и мы будемъ терпѣливо ждать того момента, когда «психометры» измѣряютъ время идеи времени. Тогда наступитъ ихъ полное торжество. Идея времени, выраженная сама въ десятичныхъ доляхъ секунды—какой это будетъ великій прогрессъ точной науки!

Но нѣтъ ли тутъ ошибки? Мы уже не смѣшиваемъ клѣтку мозга и ея периферическое раздраженіе съ послѣдующимъ ощущеніемъ, но еще, очевидно, все-таки смѣшиваемъ съ ощущеніемъ центральный физиологическій молекулярный процессъ, или движенія, которыя въ ней совершаются. Физиологическія движенія эти требуютъ времени, которое въ доляхъ секунды опредѣляется при помощи особаго часового механизма, называемаго хроноскопомъ, и нѣкоторыхъ цифровыхъ вычисленій, и мы воображаемъ, что измѣрили этимъ *время ощущенія*. Не явная ли тутъ путаница понятій?

Физиологическіе процессы въ природѣ, какъ и всѣ вообще физическіе ея процессы, совершаются во времени, какъ и въ пространствѣ, ибо время, какъ мы увидимъ дальше, есть субъективное воспріятіе усилій, совершаемыхъ при преодолѣваніи сопротивленій, представляемыхъ физическими энергіями въ тѣлахъ; но какое возможно время въ той области самосознанія, въ которой нѣтъ протяженія, тѣлесности, движенія и сопротивленія матеріальныхъ частицъ?

Конечно, психическіе акты осуществляются не безъ сопротивленія физическаго—со стороны организма и среды, и поскольку они зависятъ отъ этихъ физическихъ условий, они ограничены рамками времени, какъ и рамками протяженія, пространства, тѣлесности. У меня болитъ рука, и я не могу писать и не могу выразить въ словѣ мою мысль; у меня болитъ голова, и я не могу думать; мой глазъ парализованъ, и я не могу ясно видѣть; разрушенъ извѣстный центръ памяти, я забылъ цѣлый языкъ,—цѣлый кругъ представленій и понятій мнѣ болѣе недоступенъ. Но если тѣло пространственно ограничиваетъ мой духъ, то это не значитъ, что мои ощущенія и мысли сами пространственны и протяженны. Если тѣло мое ограничиваетъ дѣятельность моего духа во

времени, то и это тоже не значить, что мои идеи сами по себѣ подлежатъ условіямъ времени и могутъ быть измѣрены имъ.

„Нельзя измѣрять мысли, идеи, вообще духовные акты временемъ, мѣрами времени, какъ нельзя ихъ измѣрять и мѣрами протяженія, пространства“. Вотъ наше основное положеніе. Духовные акты сверхпространственны и сверхвременны. Качество идей и душевныхъ актовъ не сводимо ни на какое количество, т.-е. мѣру протяженія или долготы (во времени). Поэтому „протекаетъ“ (во времени и въ пространствѣ, т.-е. въ организмѣ) не духовное бытіе наше, а физическая жизнь, его сопровождающая. Духовное же наше содержаніе вѣчно *есть*, не только какъ потенція, возможность (*δύναμις* Аристотеля), но и какъ непрерывный актъ (*ἐντελέχεια*),—въ глубинѣ и подъ поверхностью нашего индивидуальнаго животнаго сознанія. То непрерывное самосознаніе личности, субъекта, своего цѣльнаго и единаго *я*, съ его неизмѣнной душевной организаціей, съ его постоянными психическими, логическими, этическими и эстетическими формами и законами бытія, съ его способностями и силами, съ его непрерывно осуществляющимися и воплощающимися идеями, идеалами и стремленіями, которое присуще всякому разумному человѣку,—это самосознаніе, свойственное каждому изъ насъ и включающее въ себя разомъ все наше духовное содержаніе, которое, съ точки зрѣнія организма, уже было, или есть, или только еще будетъ, или должно быть,—содержаніе нашего опыта, памяти, творческихъ силъ, намѣреній, надеждъ и мечтаній,—есть уже, повидимому, гарантія сверхвременности нашего духовнаго бытія, ибо въ томъ-то и особенность нашего самосознанія, что оно признаетъ за наше духовное *есть* и то, что уже *было* и больше не будетъ *), и то, что *будетъ*, но чего еще нѣтъ.

*) Эту мысль удивительно хорошо выразилъ въ стихотвореніи «Дѣтство нѣжное» Я. П. Полонскій (Вечерній звонъ, Спб. 1890, стр. 1):

Изъ этихъ общихъ соображеній невольно вытекаетъ тотъ выводъ, что если непосредственно *намъ кажется*, что вся психическая жизнь и дѣятельность наша совершается во времени (какъ и въ пространствѣ, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ и тѣлѣ), то это еще не значитъ, что мы должны удовлетвориться такою кажущеюся достовѣрностью „факта“ и успокоиться на ней, не подвергая ее болѣе глубокому анализу. Можетъ быть, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ такою же иллюзіей, которая заставляетъ людей думать, что солнце вращается вокругъ земли. Матеріальная дѣйствительность движется и вращается вокругъ неподвижнаго солнца нашего сознанія—въ пространствѣ и во времени, а намъ кажется, что наша собственная душа участвуетъ въ этомъ пространственно-временномъ порядкѣ движеній. Кантъ самъ поднималъ вопросъ о возможности такого переворота въ области нашихъ психологическихъ понятій и философскихъ взглядовъ на отношенія субъекта къ объективной дѣйствительности, который походилъ бы на переворотъ, сдѣланный Коперникомъ въ представленіяхъ о небесныхъ тѣлахъ и ихъ движеніяхъ. Но Кантъ едва ли осуществилъ этотъ переворотъ до конца.

Дѣтство нѣжное, пугливое,
 Безмятежно-шаловливое—
 Въ самый холодъ вешнихъ дней
 Лаской матери пригрѣтое,
 И навѣки мной отпѣтое
 Въ дни безумства и страстей,
 Нынѣ всѣми позабытое,
 Подъ морщинами сокрытое
 Въ нѣдрахъ старости моей,
 Для чего ты вновь встревожило
 Зимній сонъ мой—словно ожило
 И повѣяло весной?...
 Не безъ думы, не безъ трепета,
 Слышу я наивность лепета:
 — Старче! развѣ ты—не я?!
 Я съ тобой навѣки связано,
 Мною вся жизньъ тебѣ подсказана,
 Въ ней сквозить мечта моя...

Признавъ пространство и время субъективными представленіями или воззрѣніями духа, Кантъ сдѣлалъ важный шагъ къ преобразованію психологіи въ этомъ направленіи, но онъ однако же сдѣлалъ ошибку, всецѣло подчинивъ духовную жизнь личности *одному* изъ субъективныхъ представленій ея о внѣшнихъ, чувственныхъ явленіяхъ—представленію времени. Очевидно, его ученіе объ опытѣ далеко не было послѣднимъ словомъ въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи субъективнаго къ объективному. Если время есть только наша идея и чистое субъективное воззрѣніе, то въ какой формѣ мы воспринимаемъ самую эту идею, само это субъективное воззрѣніе и всѣ другія субъективныя состоянія духа? Не будетъ ли истиннымъ Коперниканскимъ переворотомъ въ психологіи такое воззрѣніе на нашу душевную жизнь, которое признаетъ нашъ духъ *со всѣми неизмѣнными формами и законами его бытія и отношеніями къ дѣйствительности матеріальной* тѣмъ неподвижнымъ солнцемъ, которое создаетъ и освѣщаетъ вращающуюся вокругъ него и являющуюся ему въ пространствѣ и во времени дѣйствительность? Для того, чтобы рѣшить столь трудный и сложный вопросъ, нужно подвергнуть *чувственный* или матеріальный, и *сверхчувственный* или духовный, опытъ новому всестороннему и глубокому анализу, который бы вполне выяснилъ элементы и формы того и другого и взаимное между ними отношеніе. Эту задачу обязана выполнить современная психологія и философія, прежде чѣмъ приступать къ пересмотру и рѣшенію другихъ философскихъ вопросовъ. Мы же намѣрены въ послѣдующихъ главахъ статьи опредѣлить всѣ существенные элементы вопроса и намѣтить главнѣйшіе пути къ правильному его освѣщенію, такъ какъ для полного и окончательнаго его разрѣшенія необходимъ цѣлый рядъ детальнаго изслѣдованій, требующихъ коллективной работы психологовъ. Заранѣе просимъ возраженій и указаній на возможныя въ нашей постановкѣ вопроса ошибки.

V.

При поверхностномъ сравненіи опыта чувственнаго, или матеріальнаго, съ духовнымъ, или сверхчувственнымъ, поражаетъ одна особенная противоположность въ сопровождающей тотъ и другой опытъ оцѣнкѣ времени.

Когда мы путешествуемъ или другимъ способомъ переживаемъ большое количество интенсивныхъ чувственныхъ впечатлѣній, то время кажется намъ очень долгимъ. Прошли часы или немногіе дни, а намъ кажется, что мы пережили недѣли и мѣсяцы. Когда мы, напротивъ, поглощены своей внутреннею духовной жизнью, всецѣло захвачены сильнымъ чувствомъ, страстью или работою мысли и творчества, то — наоборотъ — часы намъ кажутся минутами, дни — часами, мѣсяцы — днями. Мы удивляемся, что не замѣчали времени, — прошедшее, настоящее и будущее какъ бы сливалось вмѣстѣ въ одну неизмѣнную и внутренне тождественную, «наличную» дѣйствительность. Оттого замѣчено, что въ состояніи радостнаго аффекта люди часовъ не замѣчаютъ, т.-е. времени не знаютъ, и точно такъ же не знаютъ времени и теряютъ его нить люди несчастные, страдающіе: неутѣшная и поглощенная своимъ горемъ мать или вдова не вѣрять, что ребенокъ или мужъ ея умеръ уже мѣсяцъ тому назадъ, — «это было точно вчера, сейчасъ»; человекъ, потерявшій при пожарѣ все свое имущество, всѣ свои долготѣнія сбереженія, сидитъ часы передъ сгорѣвшимъ домомъ своимъ, испытывая тяжелыя нравственныя страданія, и ему кажется потомъ, когда его отвлекли отъ его мучительнаго созерцанія, что несчастье совершилось только что, что не прошло и получаса со времени катастрофы. Но зато, если человекъ ждетъ, а ждетъ онъ всегда чего-нибудь *ожиданія*, чувственной перемены въ явленіяхъ среды и въ состояніяхъ организма, — то усиленно прислушиваясь и приглядываясь къ внѣшнимъ и органическимъ впечатлѣніямъ, онъ опять проживаетъ минуты, думая, что живетъ часы и дни, ибо испытываетъ множество чувственныхъ впечатлѣ-

ній, обыкновенно ускользящихъ отъ его вниманія. Такъ описываютъ намъ душевное состояніе раненыхъ, лежащихъ на полѣ сраженія и ожидающихъ, чтобъ ихъ нашли и спасли (Л. Толстой, Гаршинъ). Но если тѣ же раненые уже ничего не ждутъ, а всецѣло отдаются своимъ страданіямъ, своему горю о близкихъ, то они не сознаютъ времени и часы летятъ какъ минуты. Вообще, все дѣло въ томъ, куда обращено сознаніе человѣка, наружу или внутрь себя: если наружу, то время замѣчается и кажется долгимъ; если внутрь, то время не замѣчается и кажется ничтожнымъ. И послѣднее бываетъ не въ состояніи только страсти, аффекта. Человѣкъ, чуткій къ художественной красотѣ, стоитъ предъ гениальной картиной и тихо упивается эстетическимъ наслажденіемъ. Стоитъ или сидитъ онъ часы, забывъ весь міръ и всѣ вещи и весь погруженъ въ созерцаніе. Его разбудили отъ грезъ, оторвали, и ему кажется, что онъ пережилъ одинъ только мигъ, но этотъ мигъ представляется ему вѣчностью. Творить и писать вдохновенный художникъ, мыслитель, — ученый сидитъ и работаетъ часы, — время бѣжитъ, наступаетъ за утромъ ночь или приходитъ за ночью утро, а ему кажется, что онъ только-что сѣлъ, только-что началъ думать и творить, и вмѣстѣ съ тѣмъ и тутъ мигъ сливается съ вѣчностью; ибо онъ просто не чувствовалъ времени, не испытывалъ его. Жить и не чувствовать времени — это, стало быть, фактъ, *фактъ опыта* — какъ жить и не чувствовать пространства, протяженія, вещества. И эта нечувствительность сопровождаетъ именно интенсивную *духовную* жизнь, когда почти исчезаютъ и во всякомъ случаѣ сводятся на *мінімум* и мерцаютъ въ сознаніи отрывочно и безъ связи впечатлѣнія чувственныя, физическія.

Слѣдовательно, для воспріятія пространства и времени нужны впечатлѣнія чувственныя, нужны мѣры физическія, объективныя. И это дѣйствительно такъ: пространство и протяженіе мы измѣряемъ физическими линиями и поверхностями, время — физическими моментами равномернаго движенія тѣлъ (маятника, часовой стрѣлки и пр.). Психическое

же теченіе и воспріятіе времени неравномѣрно. Зависитъ это именно отъ того, что часть нашего психическаго содержанія протекаетъ во времени, а часть воспринимается внѣ времени, а именно въ нашемъ самосознаніи. Обыкновенно чувственное сознаніе во времени и сверхчувственное самосознаніе внѣ времени такъ перемѣшаны, что образуется извѣстное *среднее теченіе* душевной жизни, которое мы приучаемся довольно точно оцѣнивать объективными мѣрами времени. Но какъ только одно изъ нихъ беретъ перевѣсъ, время бѣжитъ быстрѣе или медленнѣе, и субъективная мѣра времени глубоко расходится съ объективною.

Но странно: мы сами какъ будто признали выше, вмѣстѣ съ Кантомъ, что пространство и время—субъективныя формы опыта, «доступныя» чистому воззрѣнію сознанія, а теперь мы говоримъ, что *мѣры* и пространства, и времени—*объективныя, физическія*. Противорѣчивыми эти два положенія могутъ казаться, однако, лишь тому, кто не знаетъ, что такое *психологически* чувственный опытъ, физическая дѣйствительность, матеріальный міръ. Для того, кто этого не знаетъ или забылъ, рассмотримъ вкратцѣ природу и элементы чувственного опыта.

«Міръ есть мое представленіе». Въ этой краткой, но сильной формулѣ Шопенгауэра резюмируется современное, единственно возможное и истинное воззрѣніе науки и философіи на природу чувственного опыта. Чувственный опытъ есть совокупность моихъ физическихъ ощущеній, внѣшнихъ и органическихъ, внутреннихъ. Но что такое «ощущеніе», по ученію науки? Это воспріятіе состоянія моего мозга, какъ ближайшаго органа сознательной психической дѣятельности. Такъ говорятъ физиологи. А что такое мой мозгъ? Это совокупность объективированныхъ мною, т.-е. отнесенныхъ къ извѣстному предмету внѣ меня, ощущеній или „психическихъ“ актовъ воспріятія. Такъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ философы.

Изъ предѣловъ моихъ ощущеній въ міръ «вещей самихъ въ себѣ» я выхода не имѣю. Предметы и явленія внѣшняго

міра, организмъ и его органы, органы чувствъ, нервы, мозгъ— все это комплексы моихъ ощущеній, моихъ психическихъ состояній, которыя я, по требованію природы и организациі своего сознанія, *объективирую*, т.-е. выношу изъ сознанія, и превращаю во внѣшнюю, независимую отъ моего духа и сознанія дѣйствительность. Но допустимъ, что я это объективированіе дѣлаю въ общемъ правильно и законно, что моимъ ощущеніямъ и представленіямъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ настоящіе физическіе или вещественные предметы и явленія, въ томъ числѣ мозгъ, нервы и периферическіе органы чувствъ. Какъ осуществляется въ моемъ организмѣ, какъ реальномъ предметѣ, актъ ощущенія?

Схема простая: 1) *физическое* (въ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. механическое, физическое, химическое, органическое или иное) *движеніе* матеріальныхъ частей или частицъ среды и раздраженіе ими периферическихъ окончаній нервовъ, 2) молекулярныя физиологическія измѣненія (т.-е. опять *движенія*) въ периферическихъ клѣткахъ этихъ нервовъ, передающіяся клѣткамъ нервныхъ волоконъ, идущихъ отъ периферіи въ центры, 3) раздраженіе чрезъ нихъ и молекулярныя физиологическія измѣненія въ клѣткахъ сѣраго вещества мозга и 4) ощущеніе. Въ первыхъ трехъ моментахъ имѣется на-лицо *физическое движеніе матеріальныхъ частицъ* во внѣшней средѣ и въ организмѣ, какъ бы ни называли эти частицы вещества и тотъ родъ движенія, который имъ свойственъ. Въ послѣднемъ моментѣ—ощущеніе, психическій актъ. Несомнѣнно, что ничего, ни психическаго, ни даже физическаго, въ процессѣ ощущенія въ насъ не входитъ, кромѣ развѣ движенія, но и движеніе - то это не входитъ, а только передается, сообщается. Происходитъ, такъ сказать, разряженіе скрытыхъ энергій нашихъ нервныхъ тканей, вызванное дѣйствіемъ внѣшнихъ движущихся тѣлъ и частицъ, которыя какъ бы замыкаютъ токъ въ той или другой разомкнутой батарейкѣ нашей нервной системы. Какъ это замыканіе происходитъ, физиологія не знаетъ:

сущность нервного процесса—пока загадка *). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что каждый микроскопическій нервный аппаратъ, состоящій изъ клѣтки и волоконъ имѣетъ собственную скрытую и накопленную, такъ называемую, потенциальную энергію, которая извнѣ, чрезъ раздраженіе периферіи, не входитъ въ нервы, а только въ нихъ *разряжается*; ибо если нервная энергія аппарата истощена и истрачена (и еще не возстановлена питаніемъ), то сколько бы мы ни раздражали нервъ, онъ не раздражится, и ощущенія не будетъ. Слѣдовательно, весь секретъ въ томъ, *какъ* разряженіе нервной энергіи переходитъ въ психическій актъ ощущенія, въ психическую искру сознанія. Это—тайна природы, но несомнѣнно одно, что нервное разряженіе въ центрѣ есть тоже родъ физическаго движенія, какъ это видно изъ разряженія этой нервной энергіи въ мышцу и ея сокращенія. *Сознаніе* (актъ ощущенія) иногда его сопровождаетъ, а иногда нѣтъ, даже при дѣйствиіи однихъ и тѣхъ же физиологическихъ аппаратовъ. Для того, чтобъ сознаніе было, нужно нѣкоторое перемѣненіе свободной энергіи сознанія (если она есть), называемое актомъ *вниманія*, произвольнаго или произвольнаго. Это—то, что нѣмцы зовутъ апперцепціей, т.-е. воспріятіемъ или ощущеніемъ, въ собственномъ смыслѣ (предполагается, что ощущенія могутъ быть безсознательны и полусознательны, когда мы не отдаемъ себѣ сразу отчета въ воспріятомъ впечатлѣніи, а послѣ оно иногда воспроизводится въ сознаніи).

Изъ этой роли „вниманія“ въ психическомъ актѣ ощущенія ясно, что энергія отдѣльной клѣтки сама по себѣ не есть еще „психическая энергія“, а есть только энергія внутренняго молекулярнаго движенія, и что психическая

*) Можетъ быть, дѣло сводится именно къ тому, что движеніе внѣшнихъ частицъ среды, сообщая извѣстное колебаніе нервнымъ клѣткамъ периферіи, *стативаетъ* и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, а чрезъ это и *происходитъ* замыканіе отдѣльной микроскопической нервной батареи, причежъ роль проводниковъ тока играютъ *два* волокна нерва, а не одинъ, а роль батареи—одна или нѣсколько клѣтокъ сѣраго вещества мозга.

энергія можетъ быть только привлечена къ дѣйствию или „пробуждена“ разряженіемъ нервной энергіи центральной клѣтки или группы клѣтокъ сѣраго вещества мозга. Во всякомъ случаѣ, само ощущеніе не сидитъ потенциально въ клѣткѣ, а содержится гдѣ-то въ иной средѣ или области. Извнѣ же, черезъ клѣтки и нервныя волокна, само ощущеніе никакъ войти въ насъ не можетъ,—оно есть проявленіе извѣстнаго внутренняго возбужденія, называемаго „психическимъ“.

Этихъ выводовъ о характерѣ процесса ощущенія для дальнѣйшаго нашего изслѣдованія природы чувственнаго опыта пока достаточно. Психологически мы пріобрѣли твердую и ясную позицію: *ничто психическое извнѣ въ насъ не входитъ*,— что вполне совпадаетъ съ убѣжденіемъ философовъ и естествоиспытателей, что всѣ наши ощущенія *субъективны*,— суть субъективные *психическіе символы* внѣшнихъ движеній среды, въ которой есть только движенія частицъ эѳира, воздуха и другихъ тѣлъ, газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ, но нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ, вкусовъ и проч., составляющихъ всецѣло *наши ощущенія*.

Но если ничто психическое въ насъ не входитъ, то, очевидно, *все наше психическое содержаніе потенциально въ насъ содержится изначала*, какъ „способность“, какъ „непроявленная сила“. Какова бы ни была по своей природѣ среда, въ которой замкнуто и уготовано все будущее наше психическое содержаніе:—ощущеній, идей, чувствъ, стремлений, дѣствий,—это содержаніе находится *въ насъ*, какъ извѣстный романъ или философское изслѣдованіе въ книгѣ, которую мы еще не раскрыли и не начали читать. Назовемъ эту внутреннюю среду нашихъ духовныхъ потенцій и скрытыхъ душевныхъ состояній, ради удобства дальнѣйшихъ разсужденій, опредѣленнымъ именемъ—*душою*, какъ ее называетъ большинство людей, причемъ подъ „душою“ мы пока не будемъ разумѣть особой субстанціи, а только „особую психическую энергію сознанія“, намъ свойственную, и которая, можетъ быть, и имѣетъ общую природу съ другими

энергіями вселенной, и есть лишь особая высшая форма ихъ развитія *). Несомнѣнно одно, что душа, ранѣе опыта, вопреки мнѣнію Локка и сенсуалистовъ, не есть *tabula rasa*, или неисписанный листъ бумаги, а есть, напротивъ, отпечатанная, сброшюрованная и переплетенная въ оболочку извѣстнаго организма книга. Воздѣйствіемъ среды она только открывается на той или другой страницѣ, и тогда проявляется присущее ей отъ природы содержаніе.

Соотвѣтствуетъ ли такое представленіе фактамъ, которые намъ извѣстны о душевной жизни человѣка? Вполнѣ. Во-первыхъ, въ явленіяхъ памяти и психической наслѣдственности мы имѣемъ доказательство того, что душевное содержаніе имѣетъ въ насъ среду, въ которой можетъ невидимо для насъ, до поры до времени, сохраняться въ состояніи потенциальномъ, скрытомъ, безсознательномъ; во-вторыхъ, въ фактахъ прирожденныхъ способностей, дарованій, талантовъ, гениальности, которые проявляются лишь при удобныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ возбужденіяхъ со стороны среды, въ извѣстныхъ условіяхъ воспитанія, развитія, обстановки, мы также имѣемъ доказательство того, что душевное содержаніе можетъ въ насъ храниться даже всю жизнь, не имѣя случая и повода обнаружиться, или обнаруживаясь очень поздно; въ-третьихъ, въ процессахъ мышленія и художественнаго творчества, открывающихъ намъ изнутри, безъ всякаго непосредственнаго воздѣйствія среды и часто неожиданно для насъ самихъ, новыя перспективы идей или образовъ дѣйствительности, нашей душою изъ себя самой творимыхъ и даже не извлекаемыхъ изъ прежняго опыта, мы имѣемъ также доказательство того, что можемъ обладать несмѣтными сокровищами духовнаго содержанія, о которыхъ часто и не подозреваемъ; въ-четвертыхъ, въ развитіи нашихъ чувствъ, хотѣній, темперамента и характера мы тоже постоянно наталкиваемся (*эмпирически*, какъ говорилъ Шопенгауэръ) на

*) Мы намѣренно устраняемъ теперь разсмотрѣніе метафизической проблемы о сущности душевной энергіи или души.

такія скрытыя потенціи или предрасположенія своей души, которыя могли быть только вложены въ насъ природой, а не взяты извнѣ. Если же все, что составляетъ наше духовное содержаніе: ощущенія, идеи, чувства, стремленія—можетъ въ *отдѣльности* храниться въ скрытомъ, потенциальномъ видѣ въ нашей душѣ, то ничто не мѣшаетъ намъ признать, на основаніи изложеннаго взгляда на процессы ощущенія, что и *все* душевное содержаніе во *всей совокупности* намъ прирождено и въ насъ заранѣе уготовано. Конечно, отъ условій среды въ значительной степени зависитъ, на какихъ страницахъ книга духа нашего будетъ раскрыта въ теченіе ограниченной временемъ и мѣстомъ жизни нашего организма, но, съ другой стороны, есть и такая ступень развитія человѣческой души, на которой она пріобрѣтаетъ возможность сама раскрывать и перелистывать книгу своего бытія, отъ первой страницы до послѣдней, и именно эта ступень духовнаго развитія и моши составляетъ идеаль „человѣческой“ души, сущность искомой „духовной свободы“ (такъ называемой, „свободы воли“).

Сопоставимъ теперь два результата нашего изслѣдованія: 1) по организаціи нашего тѣла и органовъ чувствъ ничто психическое извнѣ войти въ насъ не можетъ; 2) все психическое содержаніе можетъ скрыто и безсознательно пребывать въ нашей душѣ и проявляться не только подъ влияніемъ внѣшнихъ воздѣйствій и органическихъ нервныхъ раздраженій, но и въ силу внутренней самодѣтельности самой душевной энергіи, называемой въ этихъ случаяхъ *волею*. Отсюда вытекаетъ, 3) что все наше душевное содержаніе первоначально *чѣмъ-то связано и парализовано* и что каждое ощущеніе или другое психическое состояніе, вызванное извнѣ или изнутри, есть актъ *освобожденія* части потенциальной или скрытой душевной энергіи.

Что же связываетъ и сохраняетъ нашу душевную энергію въ потенциальномъ состояніи, мѣшаетъ ея мгновенному и полному самораскрытію? Отчего, если она и раскрывается въ состояніяхъ и актахъ сознанія, то лишь частями, отдѣль-

ными проявлениями, или проблесками, постепенно, во времени, и никогда—до смерти—вполнѣ, сразу, во всемъ своемъ имманентномъ содержаніи? На это мы имѣемъ опять отвѣтъ въ фактахъ, на которые выше указывали, напримѣръ, въ фактахъ памяти, забвенія, припоминанія, психической наслѣдственности и другихъ. Очевидно, тотъ самый организмъ, со всѣмъ своимъ сложнымъ устройствомъ, который обуславливаетъ частичное, послѣдовательное разряженіе нервной энергіи и освобожденіе психической, въ формѣ ощущеній, идей и проч., является аппаратомъ, связывающимъ, задерживающимъ, подавляющимъ сознание и душевныя наши силы. Отчего ученый не можетъ въ каждую минуту сразу и во всемъ объемѣ знать, помнить и сознавать всю ту массу фактовъ, которые онъ изучилъ и узналъ? Отчего художникъ не можетъ сразу обладать всѣмъ тѣмъ богатствомъ образовъ, которые онъ можетъ постепенно и послѣдовательно раскрыть и воплотить въ своихъ произведеніяхъ предъ изумленнымъ читателемъ, зрителемъ, слушателемъ? А потому, что этому мѣшаетъ устройство сковывающей силы его души нервной системы,—устройство мозга, нервовъ, органовъ чувствъ, мышцъ, вообще всего тѣла, всѣ процессы котораго суть матеріальныя движенія, требующія для своего осуществленія усилія, побѣды надъ сопротивленіями вещества, и слѣдовательно времени. Тѣло—„теплица души“, говорили еще древніе философы Пифагоръ и Платонъ, и они были правы въ томъ смыслѣ, что именно тѣло съ своимъ устройствомъ задерживаетъ безпрепятственное проявленіе духовной энергіи. Мыслитель или художникъ нѣсколько часовъ подрядъ свободно и безпрепятственно творить идеи; онъ забылъ время, онъ поднимается все выше и выше въ своемъ созерцаніи истины или красоты,—кажется, еще одно ничтожное усиліе—и предъ нимъ раскроются разомъ двери въ храмъ мірозданія, всѣ тайны природы, вся необъятная вѣчность и сила бытія. И въ эту минуту его пробуждаетъ и отвлекаетъ отъ вдохновенныхъ мыслей и грезъ и низводитъ на землю сильный стукъ или

шумъ, яркій взрывъ ракеты, боль въ поясницѣ или въ рукѣ, ощущение голода или жажды. Всѣ эти впечатлѣнія въ сознаниі вызваны, ближайшимъ образомъ, процессами въ организмѣ, въ нервахъ, въ мозгу, и полетъ духа *задержанъ, связанъ, прерванъ*.

Очевидно, тѣло играетъ ту же роль въ отношеніи нашей душевной энергіи, какъ электрической приборъ или машина въ отношеніи къ электрической энергіи. Тѣло—аппаратъ, обособляющій, сохраняющій и связывающій душевную энергію, но оно же и аппаратъ, ее разряжающій и освобождающій. Если бы тѣло не связывало и не парализовало душевной энергіи, то она должна была бы проявиться вся разомъ, *моментальнымъ* наплывомъ въ сознаниі всѣхъ доступныхъ душѣ ощущений, образовъ воспоминанія, идей, чувствъ, волненій, страстей, стремленій и хотѣній, и дальнѣйшимъ непрерывнымъ и незаглушимымъ ихъ совмѣстнымъ и вѣчнымъ бытіемъ, и это былъ бы рай или адъ, смотря по тому, каковъ комплексъ присущихъ данному я, данной духовной личности, элементовъ душевнаго содержанія. Если душа *есть*, какъ особая отъ тѣла субстанція, могущая существовать *самостоятельно*, то нѣчто подобное и должно совершаться, когда тѣло умираетъ и душа покидаетъ тѣло. Если же душа—только случайно собранный въ организмѣ запасъ душевныхъ энергіи, по природѣ подобныхъ другимъ „физическимъ“ энергіямъ, то съ уничтоженіемъ сосуда тѣлеснаго онѣ должны все-таки *освободиться и разстяться*. Но такъ какъ ихъ природа такова, что всякое освобожденіе психической энергіи есть актъ *сознанія и самосознанія*, то даже и при этомъ „физическомъ“ освобожденіи и разсѣяніи душевной энергіи трудно вообразить себѣ, чтобъ оно не сопровождалось ощущениями, мыслями, воспоминаніями, чувствами и стремленіями, связанными съ самосознаніемъ извѣстнаго „я“. Вотъ почему, можетъ быть, мы инстинктивно совершенно не въ состояніи представить себѣ полной смерти души и сознанія въ моментъ смерти тѣла, и почему нашему уму невольно представляется картина новой

жизни души, такъ поэтически начертанная Байрономъ въ стихотвореніи „Когда нашъ теплый трупъ...“ *).

Но мы пока не будемъ обсуждать метафизическаго вопроса о судьбахъ душевной энергіи внѣ тѣла, а вернемся опять къ изслѣдованію проблемы чувственнаго опыта, отъ которой нѣсколько отклонились. Иллюстрація и обоснованіе того положенія, что организмъ *связываетъ душевную энергію*, удерживаетъ ее въ потенциальномъ состояніи и затѣмъ постепенно разряжаетъ и освобождаетъ, слѣдствіемъ чего являются наши отдѣльныя ощущенія и ихъ комплексы, дастъ намъ возможность теперь установить болѣе точный взглядъ на природу ощущенія, а слѣдовательно, и чувственнаго опыта, на значеніе субъективныхъ формъ нашего чувственнаго воспріятія—*спеціальныхъ* (отдѣльные виды ощущенія) и *общихъ* (воспріятіе пространства и времени). Этимъ опредѣленіемъ природы ощущенія, элементовъ и формъ чувственнаго опыта мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

VI.

Если, съ психологической точки зрѣнія, ощущеніе есть *освобожденіе* скрытой душевной силы или энергіи, то оно, очевидно, есть въ то же время сознаніе осуществленнаго *усилія* и побѣжденнаго сопротивленія. Мысль, что въ каждомъ ощущеніи осуществлено нѣкоторое усиліе и устранено пре-

*) См. переводъ К. Случевскаго въ изданіи Гербеля: Сочиненія Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, Т. I, стр. 7 (изд. 2-е, С.-Пб. 1874).

И что съ душой тогда?—свободна и безпечна,
 Пойдетъ ли по путямъ невидимыхъ планетъ,
 Не расплывается ли окомъ безконечнымъ
 Вездѣ и вдругъ—и ей преграды нѣтъ?
 Безъ формы, безъ конца и вѣчно юна въ силѣ,
 Невидима сама въ надоблачной тиши...
 Все то, что небеса съ землей въ себя вмѣстили,
 Представится очамъ и памяти души.
 Прошедшее само, съ загадочнымъ нарядомъ,
 Исполненное тайнъ, смѣсь свѣта и тѣней
 Раскроется тогда передъ могучимъ взглядомъ,
 Раздвинется сполна картина предъ ней... и проч.

пятствіе и сопротивленіе, т.-е. что въ немъ есть моментъ активности, воли, не чужда многимъ психологамъ-спиритуалистамъ нашего вѣка. Ее проводилъ, между прочимъ, Мэнъ де Биранъ, а вслѣдъ за нимъ высказывали и нѣкоторые русскіе психологи (П. Е. Астафьевъ, Л. М. Лопатинъ). Она своеобразно проявилась также и въ теоріи Вундта объ апперцепціи. Но мы не будемъ отвлекаться въ сторону отъ своего изслѣдованія изложеніемъ исторіи вопроса *). Достаточно сказать, что въ каждомъ актѣ ощущенія, какъ сознательнаго воспріятія, заложена нѣкоторая доля активнаго напряженія духа, называемаго *вниманіемъ*, а вниманіе есть проявленіе воли. Можно сказать, что съ момента пробужденія и до момента засыпанія *все бодрственное* состояніе сознанія есть извѣстное *непрерывное*, хотя и не замѣтное, по своей привычности, напряженіе вниманія, или воли, въ сторону усилій къ воспріятію,—напряженіе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ обостряется и тогда становится для насъ замѣтнымъ, какъ особенно сильное „проявленіе вниманія“, такъ что все бодрственное состояніе можно назвать „состояніемъ необостренаго вниманія“. Вѣдь засыпаніе есть прямое слѣдствіе естественно притупившагося или искусственно притупленнаго и произвольно пріостановленнаго нами вниманія. Это наблюденіе, легко доступное субъективной провѣркѣ, имѣетъ, какъ мы увидимъ впоследствии, огромное значеніе для всей теоріи чувственнаго опыта.

Итакъ, психологически ощущеніе есть *освобожденіе*, въ формѣ извѣстнаго состоянія сознанія, нѣкоторой потенциальной душевной энергіи, происходящее при двухъ условіяхъ—толчка извнѣ и внутренняго усилія. Толчокъ извнѣ заключается, какъ мы видѣли, въ разряженіи нервной энергіи въ извѣстномъ нервномъ аппаратѣ или батарейкѣ (да позволяютъ намъ и впредь прибѣгать въ своемъ изложеніи къ

*) Собственно говоря, мысль, что ощущеніе есть результатъ взаимодействія души и тѣла (+ среда) и что душа участвуетъ въ ощущеніи столь же активно, какъ и внѣшній міръ, на нее дѣйствующій, высказывалась уже древними философами, особенно Платономъ и Аристотелемъ.

этому удобному образу), — разряженіи, происходящемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ движеній или же процессовъ въ самомъ организмѣ (какъ это бываетъ, напримѣръ, въ ощущеніяхъ органическихъ, въ галлюцинаціяхъ и пр.). Но какимъ образомъ разряженіе физиологической энергии въ нервномъ аппаратѣ или, точнѣе, въ мозговой клѣткѣ, освобождаетъ нѣкоторую часть нашей психической энергии, мы не знаемъ: физиологія не въ состояніи отчетливо отвѣтить на этотъ вопросъ. Можно въ нѣкоторой степени конкретно представить себѣ этотъ процессъ аналогично освобожденію въ тѣлахъ положительной электрической энергии, при разряженіи отрицательной, которая ее связывала, или наоборотъ. Этою двойной аналогіей освѣщается, между прочимъ, различіе другъ отъ друга тѣхъ двухъ случаевъ, когда разряженіе нервной энергии освобождаетъ психическую (въ формѣ ощущенія) и когда, наоборотъ, освобожденіе (изнутри, актомъ воли) психической энергии ощущенія вызываетъ разряженія нервной энергии. Мы далеки отъ окончательнаго уразумѣнія этихъ процессовъ, при современномъ состояніи физиологіи мозга и всей нервной системы, но именно потому мы вправѣ помогать себѣ въ уясненіи вопроса аналогіями и догадками.

Во всякомъ случаѣ въ каждомъ актѣ ощущенія есть два момента: *внутренній*, чисто психическій (волевой), и *внѣшній*, психо-физиологическій. Сознаніе давленія и вліянія извнѣ выражается въ специфическихъ или *спеціальныхъ* ощущеніяхъ, а сознаніе усилія изнутри проявляется въ извѣстныхъ *общихъ* формахъ ощущенія (въ воспріятіи пространственнаго протяженія и времени), ибо это усиліе изнутри (волевое) болѣе или менѣе однородно во всѣхъ воспріятіяхъ (по крайней мѣрѣ, формы его немногочисленны), тогда какъ роды воздѣйствій извнѣ столь же разнообразны, какъ разнообразны спеціальныя аппараты воспріятія, изъ которыхъ составлена нервная система. Конечно, и эти воздѣйствія на душевныя силы извнѣ, чрезъ нервные аппараты, какъ и собственныя встрѣчныя усилія души, ощущаются нами *психи-*

чески, субъективно, и потому по отношенію къ внѣшнимъ физическимъ и физиологическимъ раздраженіямъ они суть только условные символы: „внѣ и помимо своихъ собственныхъ состояній душа ничего ощущать не можетъ“. Но все-таки наша нервная система такъ устроена, что малѣйшее измѣненіе въ способѣ и характерѣ разряженія ея энергіей отражается измѣненіями въ способѣ освобожденія психической энергіи и въ соотвѣтствующихъ ему ощущеніяхъ. Какъ это происходитъ, мы не знаемъ, но знаемъ изъ опыта, что это такъ.

Отсюда вытекаетъ, что всѣ наши спеціальныя или специфическія ощущенія (различныхъ органовъ чувствъ) суть *субъективныя формы* воспріятія разнообразныхъ измѣненій, претерпѣваемыхъ нашей душевной силой при разряженіи нервной энергіи въ различныхъ частичныхъ аппаратахъ нервной системы. Ощущенія зрительныя, т.-е. свѣтоты и цвѣтоты, ощущенія слуховыя, т.-е. звуковъ и шумовъ, ощущенія осязательныя (свойствъ поверхностей), ощущенія обонятельныя (запаховъ и ароматовъ), вкусовыя, температурныя (внѣшнія), мускульныя (ощущенія тяжести тѣль и пр.), и др. внѣшнія, а равно и органическія ощущенія, сопровождающія процессы дыханія, кровообращенія, пищеваренія, выдѣленія и дѣятельность самыхъ аппаратовъ нервной системы (органовъ чувствъ, мышцъ, головного мозга и отчасти спинного)—все это субъективные символы разнообразныхъ физическихъ и физиологическихъ движеній, косвенно освобождающихъ нашу энергію сознанія изъ потенциальнаго, связаннаго состоянія. Почему они имѣютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тотъ или другой характеръ и качество въ сознаніи и насколько это качество соотвѣтствуетъ свойствамъ вещей въ себѣ, которыя дѣйствуютъ на организмъ и къ которымъ мы относимъ свои ощущенія, какъ показатели этихъ свойствъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно, что извѣстное соотвѣтствіе *субъективныхъ* ощущеній *объективнымъ* предметамъ и ихъ свойствамъ должно быть, иначе мы не могли бы сами дѣйствовать на міръ вещей, измѣнять вещи по своему усмо-

трянью и пользоваться ими для своихъ надобностей. Во всякомъ случаѣ, если свойства вещей и явленій міра, *сами по себѣ*, и иныя, чѣмъ какими мы ихъ знаемъ въ „субъективныхъ символахъ ощущеній“, то одно достовѣрно, что каждому особому объективному свойству вещей соотвѣтствуетъ определенное и устойчивое, всегда постоянное ощущеніе, и что посредникомъ между определеннымъ событіемъ въ мірѣ вещей и нашимъ сознаниемъ является въ свою очередь особый устойчивый нервный аппаратъ, на который можетъ дѣйствовать только определенное событіе (движеніе) въ средѣ и который вызываетъ всегда освобожденіе определенной формы психической энергіи въ видѣ всегда себѣ равнаго ощущенія. Такая устойчивость дѣйствія нервного аппарата названа физиологами еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка (а именно, Иоганномъ Мюллеромъ) его *специфическою энергіею* *). Очевидно, стало-быть, что извѣстное соотвѣтствіе между событіями въ мірѣ вещей въ себѣ и ощущеніями сознания, каково бы оно ни было, зависитъ отъ устойчивой организациі нервной системы. Но такъ какъ все-таки между движеніями (въ нервахъ) и ощущеніями, какъ субъективными воспріятіями этихъ движеній, никакого моста наука построить не въ состояніи, то остается *вприты* въ „предустановленную гармонію“ между духомъ и веществомъ, осуществленную природой (или ея Творцомъ) при помощи тонкой и сложной организациі самого вещества въ организмъ и въ нервной системѣ, такъ какъ организмъ есть именно та среда, въ которой движеніе и ощущеніе, матерія и сознание соприкасаются. Конечно, на это можно возразить, что для философа, который понимаетъ, что матерія, міръ и самое движеніе суть только совокупности нашихъ ощущеній и представленій, т.-е. психическихъ состояній, — все *реальное* свѣдится къ *психическому*, и что на этомъ осно-

*) Иоганнъ Мюллеръ говорилъ объ особой специфической жизни „нервовъ“, но съ тѣхъ поръ, какъ нервы оказались безразличными проводниками нервного тока, специфическую энергію пришлось приписать устройству центральныхъ клѣтокъ мозга или же периферическихъ окончаній нервовъ.

ваніи не зачѣмъ и говорить о матеріи или веществѣ, какъ о „реальности“: существуетъ одинъ только духъ съ его состояніями (представленіями и хотѣніями), ибо и самый организмъ, мозгъ и вся нервная система—представленія духа, образы сознанія. Но эта точка зрѣнія чистаго *субъективнаго идеализма* или *панпсихизма* (все существующее—духовно), при надлежащемъ анализѣ, все-таки не выдерживаетъ критики, потому что самый психическій фактъ *объективации* или *материализации* ощущеній въ представленія о *вещахъ*, независимыхъ отъ самыхъ представлений, есть несомнѣнный психологическій *фактъ*, требующій объясненія. Пусть этотъ инстинктъ и эта потребность и необходимость объективации вложены въ насъ Творцомъ или слѣпой эволюціей природы—все равно: въ первомъ случаѣ онъ является откровеніемъ свыше, во второмъ—естественнымъ приспособленіемъ духа и сознанія къ дѣйствительности. Но и въ первомъ, и во второмъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ показателемъ чего-то дѣйствительно существующаго. Другими словами, въ самомъ психическомъ фактѣ объективации и материализации ощущеній въ предметы и ихъ свойства лежитъ доказательство существованія чего-то *противуположнаго субъекту*, воспринимающему духу,—назовемъ ли мы это противуположное—недуховное, несубъективное—матеріей, веществомъ, движеніемъ или болѣе отвлеченно—„вещью въ себѣ“. Все это только имена и названія, а фактъ остается тотъ, что есть *реальность* иная, чѣмъ духъ, подчиненная другимъ законамъ, чѣмъ жизнь духа, и субъективно познаваемая нами въ образахъ или символахъ ощущенія, и что гармонія и соотвѣтствіе между этими двумя реальностями предустановлены неизвѣстнымъ намъ способомъ при самомъ возникновеніи міра, вселенной, при самомъ зарожденіи вещей и ихъ силъ. Лейбницъ хорошо понималъ, что это *предѣльное* понятіе въ философіи необходимо, что оно знаменуетъ собою *тайну*, которой мы, можетъ быть, никогда не постигнемъ *).

*) Высказываясь въ пользу Лейбницеваго понятія „предустановленной гармоніи“, мы однако не примыкаемъ всецѣло къ его ученію о монадахъ, въ кото-

Итакъ, *спеціальныя* ощущенія суть субъективныя формы воспріятія и сознанія несомнѣнно реальныхъ, но неизвѣстныхъ намъ *въ себѣ*, т.-е. независимо отъ ощущеній—событій и вещей, объективно существующихъ внѣ нашего сознанія или души. Эти измѣненія, воспринимаемыя въ формѣ специфическихъ ощущеній, свѣтовыхъ, цвѣтовыхъ, звуковыхъ и др. подобныхъ, сами по себѣ *пассивны*, т.-е. не представляютъ собою воспріятія внутреннихъ *психическихъ усилій*, сопровождающихъ процессъ чувственного воспріятія. Усилія эти, однако, неизмѣнно сопровождаютъ, какъ мы видѣли, всякій актъ ощущенія, и та или другая степень *вниманія*, отличающаго данный актъ воспріятія, равносильна понятію энергіи самого *сознанія*, управляющаго порядкомъ и отношеніями своихъ состояній. Воспріятіе именно этихъ-то *постоянныхъ усилій сознанія* и выражается въ *особомъ разрядѣ ощущеній*, тѣсно связанныхъ съ спеціальными (пассивными), но отличающихся отъ нихъ своей *общностью*, принадлежностью всѣмъ или многимъ видамъ спеціальныхъ ощущеній, на какія мы способны.

Усилія эти имѣютъ двоякую цѣль — *удержать* данное ощущеніе, или *перейти* отъ него къ новому. Такъ какъ интенсивность освобождаемой (каждымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и разряженіемъ нервного аппарата) психической энергіи ограничена, а та общая энергія сознанія, которая свободна въ нормальномъ бодрственномъ состояніи души имѣетъ достаточно внутреннихъ объектовъ, могущихъ составлять предметъ ея созерцанія (въ самосознаніи), то происходитъ неизбежная борьба между ощущеніями, непрерывно стремящимися къ вытѣсненію другъ друга изъ сознанія. Эту борьбу ощущеній (или представлений) пытался изобразить и объяснить въ своихъ психологическихъ произведе-

ромъ видимъ много логическихъ противорѣчій, и не считаемъ удачнымъ сравненіе отношеній монады разнаго порядка съ одновременно введенными и равномерно идущими часами. Сравненіе это слишкомъ грубо. Оно исключаетъ *постоянное* взаимодействіе духа и вещества, т.-е. реальностей двухъ порядковъ, которое однако составляетъ несомнѣнный фактъ и въ которомъ именно и лежитъ великая тайна бытія.

ніяхъ Гербартъ, но онъ не воспользовался ею для объясненія происхожденія идей пространства и времени въ томъ направленіи, какое нами имѣется въ виду.

Итакъ, сознание дѣлаетъ *усиліе*, чтобъ удержать данное, возникшее въ немъ ощущеніе (и слѣдовательно, подавить въ ущербъ ему другія), или чтобъ перейти къ другому (и подавить ради него прежнее).

Усилія того и другого рода не остаются безъ вліянія на нервный механизмъ воспріятія, и подобно тому, какъ разряженіе энергіи нервныхъ механизмовъ освобождаетъ нѣкоторыя психическія энергіи, такъ и наоборотъ: усилія психическія разряжаютъ извѣстныя энергіи нервныхъ механизмовъ, и эти разряженія выражаются въ движеніяхъ мускуловъ органовъ чувствъ и всего тѣла. Соотвѣтственно этому, въ сознании появляются *ощущенія усилій* (конечно, *чисто психическихъ*), которыя нѣкоторые новѣйшіе физиологи (Вундтъ) назвали *иннервационными двигательными ощущеніями* *).

Эти усилія, однако, бываютъ *двухъ порядковъ*,—все равно, направлены ли они къ удержанію данного ощущенія или къ воспріятію новаго. Одни имѣютъ задачей приспособленіе, къ той или другой цѣли, *периферическихъ* аппаратовъ воспріятія, другія — приспособленіе для этой цѣли *центральной* аппарата, мозга. Зависитъ это различіе отъ различія качества ощущеній: въ одной группѣ ощущеній преобладаютъ роль и значеніе периферіи, въ другихъ—центральной нервной системы. Такъ, въ воспріятіяхъ *зрительныхъ* и *осязательныхъ* главную роль играетъ периферическій аппаратъ: чтобы видѣть, мы передвигаемъ глаза направо, налево, вверхъ, внизъ, переходимъ съ мѣста на мѣсто и измѣняемъ все положеніе своего тѣла. Точно такъ же, для того чтобъ осязать, нужно двигать руками, ногами, всѣмъ тѣломъ. Наоборотъ, въ ощущеніяхъ *слуховыхъ* и *обонятельныхъ* главную роль

*) Въ отличіе отъ периферическихъ мышечныхъ ощущеній, являющихся показателями органическихъ условій дѣятельности и состоянія мышцъ, каковы ощущенія усталости, физической бодрости, чрезмѣрнаго или недостаточнаго напряженія мышцъ и т. д.

играють какія-то внутреннія двигательныя приспособленія центровъ: мы прислушиваемся и принимаемъ, иногда не измѣняя нисколько положенія органовъ слуха и обонянія и всего тѣла и стараясь лишь внимательнѣе сосредоточиться на своихъ воспріятіяхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ. Конечно, это не исключаетъ возможности передвиженій тѣла и соотвѣтствующихъ органовъ для усиленія и уясненія впечатлѣній слуха и органа обонянія, если мы хотимъ дать имъ пространственную локализацию, точно такъ же, какъ и въ ощущеніяхъ зрительныхъ и осязательныхъ мы дѣлаемъ усилія въ смыслѣ приспособленія центровъ, если мы хотимъ воспринять ихъ послѣдовательность во времени. Мы лишь настаиваемъ на преобладающей роли тѣхъ или другихъ условій въ ощущеніяхъ различнаго рода и на двоякомъ характерѣ усилій, *периферическихъ* и *центральныхъ*, совершаемыхъ душевной энергіей для того, чтобъ удержать данное ощущение или уловить новое.

И вотъ, въ результатъ являются два порядка психическихъ *ощущеній усилій*, совершаемыхъ въ томъ или другомъ направленіи, которыя и лежатъ въ основаніи субъективныхъ воспріятій *пространства* и *времени*, какъ *общихъ формъ* чувственного опыта. Ощущеніе характера и качества усилій, совершаемыхъ для приспособленія къ воспріятію „периферическихъ“ органовъ, выражается въ сознаніи нами протяженія, разстоянія, величины, тѣлесности и вообще пространственныхъ формъ предметовъ опыта. Ощущеніе характера усилій, совершаемыхъ для приспособленія къ процессу воспріятія нашихъ „центральныхъ“ органовъ, выражается въ сознаніи нами продолжительности, смѣны или преемства, вообще *времени* ощущеній. Пространство есть преимущественно форма воспріятій зрительныхъ и осязательныхъ, время—форма воспріятій слуховыхъ и обонятельныхъ. Если мы смотримъ глазами на совершенно неподвижный и тихій ландшафтъ (когда, какъ говорятъ, листъ не шелохнется, муха не пролетитъ, и мы не воспринимаемъ ясно ни одного звука), то воспріятіе наше преимущественно пространствен-

ное, безразличное въ отношеніи времени. Если, наоборотъ, закрывъ глаза и неподвижно сидя на одномъ мѣстѣ въ концертѣ, мы слушаемъ исполненіе музыкальной пьесы, то легко забываемъ объ условіяхъ пространства и живемъ преимущественно во времени. И оттого иногда возможна для человѣка иллюзія, что онъ слышитъ звуки неземные, небесные, голоса ангеловъ и херувимовъ (иллюзія пространства), или что онъ видитъ (прозрѣваетъ) событія будущія, еще не наступившія (иллюзія времени). Это отношеніе различія *преобладающихъ* субъективныхъ формъ въ воспріятіяхъ зрительныхъ и осязательныхъ, съ одной стороны, и слуховыхъ и обонятельныхъ, съ другой, особенно ярко проявляется въ галлюцинаціяхъ и въ нѣкоторыхъ картинахъ поэтической фантазіи, и то же самое различіе подчеркивается нѣкоторыми аномаліями въ степени чувствительности къ пространству и времени—слѣпыхъ и глухихъ, а также людей, потерявшихъ часть осязанія или обонянія. Слепые живутъ болѣе образами времени, глухіе—образами пространства. Только въ ощущеніяхъ вкусовыхъ, температурныхъ и органическихъ нельзя отмѣтить преобладанія одной формы воспріятія субъективныхъ усилій надъ другою, причемъ, однако, обѣ неясны и сбивчивы, ибо самыя ощущенія по преимуществу пассивны.

Но для насъ не столько важно то, какая общая форма субъективнаго воспріятія преобладаетъ въ ощущеніяхъ того или другого порядка, сколько то, что всѣ ощущенія, изъ которыхъ слагаются образы протяженія и пространства суть ощущенія психическихъ усилій, направленныхъ къ *периферической* иннервации, а ощущенія, изъ которыхъ слагаются образы продолжительности и преемства, т.-е. времени, *суть ощущенія психическихъ усилій центральной двигательной иннервации*. Мышцы въ мозгу, повидимому, нѣтъ, но движенія (молекулярныя—въ волокнахъ и клѣткахъ) несомнѣнно есть, и мы воспринимаемъ психическія усилія, которыя дѣлаемъ для того, чтобы ихъ вызвать, для того, чтобы удержать (продлить) извѣстное ощущеніе или смѣнить его

новыми. Оттого-то намъ и кажется, что время есть болѣе *внутренняя* и субъективная форма воспріятія, чѣмъ пространство, связанное съ ощущеніями периферической иннервации мышцъ. Если хотимъ кратко опредѣлить пространство и время, какъ общія субъективныя формы ощущенія, то можно сказать такъ:

Пространство есть совокупность ощущеній усилій, дѣлаемыхъ сознаниемъ (или психической энергіей) для того, чтобы помощью приспособленія *периферическихъ* аппаратовъ воспріятія удержать въ сознаніи данныя ощущенія или замѣнить ихъ новыми.

Время есть совокупность ощущеній усилій, дѣлаемыхъ сознаниемъ (или душевной энергіей) для того, чтобы помощью приспособленія *центральныхъ* аппаратовъ воспріятія удержать, т.-е. продлить въ сознаніи, данныя ощущенія или смѣнить ихъ другими.

Сознаніе усилій, дѣлаемыхъ для *удержанія* данныхъ специальныхъ ощущеній, выражается въ первомъ случаѣ—воспріятіемъ *протяженія*, во второмъ—*продолжительности*, а сознаніе усилій при переходѣ отъ однихъ ощущеній къ другимъ выражается въ первомъ случаѣ воспріятіемъ *смежности*, во второмъ — *последовательности*. Сочетаніе образовъ тѣхъ и другихъ усилій въ каждой области отдѣльно выражается въ воспріятіяхъ *совмѣстности* (протяженіе + смежность), и *преемства* (продолжительность + последовательность), а сочетаніе представленій совмѣстности и преемства даетъ въ результатъ сложное представленіе *движенія* (которое предполагаетъ преемство моментовъ во времени и совмѣстность точекъ въ пространствѣ). Такимъ образомъ, объективное представленіе „движенія“ есть сложный комплексъ всѣхъ субъективныхъ ощущеній психическихъ усилій, дѣлаемыхъ нами въ процессѣ ощущенія или чувственнаго воспріятія.

При изложенной нами точкѣ зрѣнія совершенно ясно, въ какой мѣрѣ общія формы воспріятія пространства и времени—*субъективны* и въ какой онѣ *объективны*. Какъ формы

сознанія психическихъ усилій, онѣ совершенно субъективны, какъ способы сознанія независящихъ отъ нашего душевнаго склада *условій* нашей физической организаціи и внѣшней дѣйствительности, при которыхъ эти усилія дѣлаются необходимыми и осуществляются, онѣ объективны. Вотъ почему мы такъ же настойчиво *объективируемъ* пространство и время, какъ объективируемъ свѣтъ, звукъ, шумъ, ароматъ, вкусъ. Всѣ наши ощущенія субъективны, какъ психическіе символы, и объективны, какъ показатели независимыхъ отъ нашего сознанія *условій* освобожденія тѣхъ или другихъ элементовъ скрытой душевной энергіи.

Объективное пространство есть тотъ независимый отъ насъ порядокъ *вещей*, который требуетъ приспособленія въ отношеніи къ этимъ вещамъ нашихъ органовъ чувствъ и соотвѣтствующихъ психическихъ усилій, съ цѣлью воспріятія; *объективное время* есть тотъ внѣшній порядокъ вещей, который требуетъ измѣненія въ отношеніи къ нимъ *условій* дѣятельности нашихъ центральныхъ органовъ воспріятія и соотвѣтствующихъ этому психическихъ усилій.

Но если такъ, то воспріятія времени и пространства суть не только непосредственно. формы воспріятія психическихъ усилій, но одновременно и косвенно—формы воспріятія оказываемыхъ этимъ усиліямъ *сопротивленій* со стороны энергій, называемыхъ „физическими“. Вотъ эти-то косвенно воспринимаемые нами суммы сопротивленій и суть *объективное пространство* и *объективное время*. А такъ какъ эти сопротивленія въ своихъ элементахъ и отношеніяхъ опредѣленны и подчинены извѣстнымъ законамъ, которые мы называемъ *физическими* или *объективными*,—подобно тому, какъ опредѣленны и устойчивы отношенія и законы соотвѣтствующихъ имъ *психическихъ* усилій, то является возможность измѣрять первыя при помощи послѣднихъ и обратно. Тожественныя единицы усилій двоякаго порядка переводятся нами въ объективныя единицы мѣръ пространства и времени, и когда эти единицы мѣръ объективированы нами въ извѣстныя представленія объ элементахъ протяженія и вре-

мени, то мы обратно пользуемся этими послѣдними для субъективнаго измѣренія своихъ усилій, т.-е. условій нашей жизни въ пространствѣ и во времени, во взаимодействіи съ міромъ. Дѣло въ томъ, что хотя психическія усилія въ сферѣ чувственнаго воспріятія (усилія вниманія) до извѣстной степени устойчивы по своему напряженію, но какъ мы видѣли выше, есть несомнѣнно сфера душевной жизни, гдѣ вовсе не нужно особыхъ усилій, съ цѣлью приспособленія периферическихъ или центральныхъ органовъ, въ видахъ воспріятія,—такова сфера воспріятія и созерцанія внутренняго, непосредственнаго, духовнаго, при которомъ мы теряемъ, какъ показываетъ опытъ, всякіе критеріи для измѣренія пространственныхъ и временныхъ отношеній, а такъ какъ опытъ чувственный всегда тѣсно переплетается съ этимъ опытомъ сверхчувственнымъ, чисто созерцательнымъ, то общее наше субъективное самочувствіе и не даетъ намъ тѣхъ неизмѣнно устойчивыхъ мѣръ времени и пространства, какія нужны для ихъ точнаго опредѣленія. Поэтому-то мы и ищемъ *объективныхъ* мѣръ пространства и времени въ *единицахъ* внѣшняго движенія и вообще въ сферѣ воспріятія элементовъ внѣшней дѣйствительности.

Но не надо забывать, что всѣ наши мѣры пространства и времени все-таки субъективны и относительны, что никакого другого мѣрила для установленія этихъ мѣръ мы не имѣемъ, кромѣ субъективнаго чувства усилія, кромѣ отношеній между ощущеніями. Этимъ и объясняется то, что время и пространство могутъ быть все-таки предметами нашего чистаго *субъективнаго созерцанія* и что мы можемъ оперировать мыслью надъ единицами и элементами пространства и времени безъ всякаго участія непосредственнаго опыта, т.-е. чисто *умозрительно, математически*. „Абсолютное, истинное и математическое время,—по воззрѣнію Ньютона,—течетъ равномерно, совершенно независимо отъ скорости и медленности матеріальныхъ вещей. Относительное, кажущееся и обыкновенное время есть продолжительность, опредѣляемая движеніемъ тѣлъ, какъ, наприм., при опре-

дѣленіи дней, мѣсяцевъ и годовъ^{*)}. Точно такъ же „абсолютное (математическое) пространство неподвижно и неизмѣнно“ и опредѣляется геометрическими отношеніями точекъ, линій и плоскостей. Моменты и мѣры абсолютнаго, математическаго времени такъ же *не реальны* (объективно), какъ элементы и мѣры абсолютнаго пространства. Тѣ и другія суть плодъ нашей конструктивной фантазіи. Матеріаломъ для ея работы являются элементарныя субъективныя ощущенія усилій двоякаго порядка, о которыхъ мы выше подробно говорили. Геометрическая точка есть схема *едва замѣтнаго* усилія воспріятія въ области зрительной и отчасти осязательной, геометрическая линія—схема простой суммы этихъ одинаковыхъ, едва замѣтныхъ усилій, плоскость—схема произведенія и сочетанія двоякаго рода суммъ усилій и т. д. Всѣ геометрическія измѣренія пространства знаменуютъ собою разные роды усилій, которыя мы дѣлаемъ при воспріятіи дѣйствительности, символически представляемой нами въ ощущеніяхъ органовъ зрѣнія и осязанія. Точно такъ же секунда времени является первоначально *схемою едва замѣтнаго усилія* въ воспріятіяхъ звуковыхъ, а прочія величины (минуты времени, часы и проч.) суть различныя суммы такихъ одинаковыхъ едва замѣтныхъ усилій. Сознаніе этихъ отдѣльныхъ элементовъ усилія и ихъ суммъ, въ обѣихъ областяхъ, даетъ намъ простѣйшіе элементы *счета*—числовыя единицы и ихъ отношенія. Споръ о томъ, *апріорны* или *апостеріорны* математическія понятія и истины, этимъ ученіемъ о пространствѣ и времени совершенно упраздняется. Несомнѣнно, съ одной стороны, что первые акты сознанія субъективныхъ или психическихъ усилій, въ формѣ представленій объ элементахъ пространства и времени, возникаютъ вмѣстѣ съ чувственнымъ опытомъ и въ его нѣдрахъ, т.-е. параллельно и совмѣстно съ ощущеніями, преимущественно зрительными и слуховыми; но разъ эти ощущенія усилій уже намъ зна-

*) См. Клеркъ Максуэль: „Матерія и движеніе“, пер. М. Антоновича. С.-Пб. 1885, стр. 14 и слѣд.

комы и сложились въ извѣстныхъ представленія о единицахъ и мѣрахъ пространства и времени, то наша мысль можетъ оперировать надъ ними, когда угодно и какъ угодно, не прибѣгая къ чувственному опыту и пользуясь однимъ лишь *опытомъ воображенія, созерцательной фантазій*, точно такъ же, какъ она можетъ оперировать такимъ же образомъ надъ ощущеніями звуковыми (музыкальное творчество) и зрительными (скульптура, живопись, ваяніе). Разница будетъ лишь въ томъ, что послѣднія операціи ея (надъ специфическими ощущеніями) будутъ болѣе *конкретны и частны*, а первая болѣе *отвлеченны и общи*, — что послѣднія требуютъ соображенія съ специальными и частными законами физической дѣйствительности (которая символизируется этими ощущеніями), а первая, т.-е. *математическія* операціи построительной фантазій, руководствуются исключительно общими законами психической дѣйствительности, *законами отношенія психическихъ усилій между собою*. Отъ этого зависятъ условность построеній фантазій въ сферѣ специальныхъ формъ ощущенія и безусловность (общность или необходимость) въ области математическаго мышленія *).

Во всякомъ случаѣ, если такъ понимать чувственный опытъ и его формы, какъ мы ихъ понимаемъ, то въ сферѣ чувственныхъ представленій между апостериорнымъ и апіорнымъ, опытнымъ и сверхопытнымъ, различіе окажется совершенно условное: всѣ субъективныя формы ощущенія апіорны, поскольку онѣ прирождены и имманентны душѣ, и всѣ онѣ апостериорны — поскольку возникаютъ въ сознаніи лишь при участіи опыта, какъ процесса освобожденія потенціальной психической энергіи, скрытой энергіи сознанія, — что не мѣшаетъ всѣмъ дальнѣйшимъ операціямъ мысли и фантазій надъ возникшими образами ощущеній быть и

*) Конечно, мы разумѣемъ опять безусловность субъективную, а не объективную, а потому нельзя утверждать, что безусловность истинъ геометріи трехъ измѣреній разрушается истинами геометріи сферической или псевдосферической. Истины всѣхъ трехъ геометрій субъективно безусловны и другъ друга не исключаютъ.

априорными, т.-е. выходящими за предѣлы *даннаго* опыта, и апостериорными, такъ какъ элементы ихъ взяты изъ опыта.

Въ итогѣ нашего изслѣдованія чувственнаго опыта получаютъ слѣдующія главные положенія:

1. Чувственный опытъ есть совокупность *субъективныхъ* состояній сознанія, называемыхъ *ощущеніями* и представляющихъ различныя формы освобожденія потенціальной душевной энергіи, вслѣдствіе разряженія нервной энергіи въ центрахъ нервной системы.

2. Въ этихъ субъективныхъ состояніяхъ сознанія есть сторона *пассивная*, зависящая всецѣло отъ дѣйствія специфическаго аппарата нервной системы, разряженіе энергіи котораго вызвано внѣшними физическими раздраженіями, и есть сторона *активная*, внутренняя, которая сводится къ усиліямъ самого сознанія въ видахъ приспособленія его къ независящимъ отъ него условіямъ дѣйствія среды и организма.

3. Пассивныя и болѣе объективныя состоянія суть, такъ называемыя, специфическія ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ, внѣшнія и органическія.

4. Активныя усилія сознанія, сопровождающія всѣ эти пассивныя состоянія, ~~бываютъ~~ двухъ родовъ: будучи направлены на приспособленіе периферіи или же центровъ, они воспринимаются нами въ *общихъ формахъ* ощущеній—въ формахъ протяженій и смежностей, продолжительностей и послѣдовательностей.

5. Пространство и время суть, такимъ образомъ, два разныхъ порядка или двѣ разныхъ формы воспріятія *субъективныхъ* усилій, сопровождающихъ чувственное воспріятіе дѣйствительности, и потому онѣ суть „общія субъективныя формы воспріятія“ по преимуществу.

6. Пространство и время суть конкретныя представленія и отвлеченныя понятія, обнимающія собою эти два порядка субъективныхъ ощущеній усилій сознанія въ процессѣ чувственнаго опыта.

7. Пространство и время, однако, *объективны*, поскольку

въ этихъ субъективныхъ ощущеніяхъ отражаются объективныя условія сопротивленія среды и организма, вызывающія означенныя усилія.

Если тезисы 5 и 6, въ которыхъ мы утверждаемъ, что пространство и время суть общія формы сознанія *психическихъ усилій*, совершаемыхъ нами въ процессѣ воспріятія, вѣрны, т.-е. правильно обоснованы нами и достаточно убѣдительно выражены, то невольно возникаетъ вопросъ: можно ли утверждать, что пространство и время являются формами воспріятія нами самыхъ *духовныхъ нашихъ состояній*, гдѣ, по видимому, не можетъ быть рѣчи объ усиліяхъ съ цѣлью приспособленія къ сопротивленіямъ физической среды „органовъ“ периферическихъ или центральныхъ? Я сознаю свое ощущеніе, свое представленіе, свое чувство или стремленіе *непосредственно*, т.-е. безъ посредства какихъ-либо органовъ и воздѣйствій внѣшней среды, какъ состояніе *своего субъекта, своей души*. Въ этихъ актахъ *самосознанія* я не побѣждаю, по видимому, никакихъ матеріальныхъ сопротивленій и не дѣлаю никакихъ усилій для этой цѣли. Но такъ ли это? А сопротивленіе мозга, какъ органа памяти, мысли, фантазіи? Вотъ тутъ, скажутъ намъ, и ошибка. Если время—сознаніе усилій, требуемыхъ для преодоленія сопротивленій мозга, при всякой работѣ мысли, фантазіи, то, значить, время—субъективная форма всей психической дѣятельности, не исключая и высшей дѣятельности самосознанія, мышленія и творчества. Но это утвержденіе требуетъ строгой провѣрки и всесторонняго обсужденія. Во-первыхъ, еще мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ мозгъ участвуетъ въ работѣ самосознанія и въ высшей духовной дѣятельности. Въ этой области возможны пока только догадки и предположенія. Во-вторыхъ, еще вопросъ: тѣ же ли самыя сопротивленія вещества (если они и есть) мы испытываемъ и тѣ же ли самыя усилія совершаемъ, въ процессахъ самосознанія, мышленія и творчества, какіе испытываемъ при воспріятіи *чувственныхъ впечатлѣній*? Можетъ быть, это усилія и сопротивленія совершенно другого порядка, ощущаемыя иначе, т.-е. въ другихъ формахъ, чѣмъ

тѣ, которыя свойственны чувственному опыту? И въ третьихъ, можетъ быть, необходимо отличать психическую *работу* мысли и фантазіи, которую мы совершаемъ при постоянномъ участіи чувственного опыта или же надъ воспроизводимыми при помощи механизма памяти „образами чувственного опыта“, отъ *непосредственной духовнаго созерцанія* этой работы въ актахъ самосознанія? Не сводится ли вся путаница понятій именно къ смѣшенію *эмпирической* душевной жизни, несомнѣнно происходящей *во времени* и даже *въ пространствѣ*, вслѣдствіе зависимости ея отъ организма, съ „воспріятіемъ или сознаніемъ“ этой душевной жизни, которое составляетъ сущность нашего нематеріальнаго, сверхпространственнаго и сверхвременнаго, „духовнаго“ опыта? Всѣ эти вопросы мы намѣрены рассмотреть въ слѣдующихъ главахъ статьи, чтобы установить правильное понятіе о *сверхчувственномъ* или *духовномъ* опытѣ и его формахъ.

Н. Гротъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Сознаніе и воля.

I.

Сознаніе нераздѣльно является уже съ самымъ простымъ ощущеніемъ.

Слѣдующая по сложности психическая величина есть воспріятіе, которое представляетъ собою не что иное, какъ сумму ощущенийъ. Затѣмъ, представленіе, которое есть образъ воспоминанія воспріятія. И наконецъ, понятіе, которое образуется изъ представленія, одного или многихъ, если одинаковыя или сходныя представленія повторяются неоднократно.

Само собою разумѣется, что сознаніе, присущее уже ощущенію, присуще и всѣмъ этимъ, производнымъ отъ ощущенія величинамъ.

Далѣе, въ психическомъ содержаніи мы находимъ соединенія воспріятій, представленій и понятій въ сложныя группы и смѣну этихъ группъ. Что сознаніе присутствуетъ и въ этихъ сложныхъ группахъ, это такъ же вполне естественно. Но какъ опредѣлить сознаніе?

Уже то, что было сказано, представляетъ собою извѣстное опредѣленіе: сознаніе нераздѣльно съ ощущеніемъ и слѣдовательно, можетъ быть названо однимъ изъ основныхъ свойствъ ощущенія. Такимъ образомъ, можно сказать, что сознаніе есть основное свойство душевной жизни и притомъ свойство элементарное, т. е. неразложимое ни на какія составныя части. Это не есть, слѣдовательно, особое ощущеніе или «внутреннее чувство», какъ опредѣлялъ Фихте, это есть свойство всякаго ощущенія.

Если мы обратимся къ изученію того, что въ данный моментъ сознается нами, то мы найдемъ въ нашемъ психическомъ содер-

жаніи ощущенія, воспріятія, представленія и понятія, сгруппированныя такъ или иначе.

Всѣ эти величины будутъ сознаться нами одновременно, причѣмъ различіе между ними будетъ опредѣляться только ихъ внутренними свойствами, каково бы ни было въ мозгу мѣсто соотвѣтствующаго физиологическаго процесса. Локалізація ощущеній находится въ зависимости отъ комбинаціи ощущеній между собою и, главнымъ образомъ, отъ комбинаціи ощущеній отъ органовъ чувствъ, которымъ свойственно проэцироваться во внѣшній міръ, и ощущеній мышечныхъ, или такъ называемыхъ иннервационныхъ. Для процессовъ, происходящихъ внутри мозга, не существуетъ такой комбинаціи, вслѣдствіе чего и локалізація мозговыхъ процессовъ не происходитъ, т. е. не ощущается и не сознается.

Поэтому, если черезъ минуту мы найдемъ въ мозгу совершенно другое психическое содержаніе, то оно будетъ сознаться, какъ происходящій въ томъ же самомъ мѣстѣ процессъ точно такъ же, какъ и первое психическое содержаніе.

Во второмъ психическомъ содержаніи мы также не найдемъ ничего другаго, кромѣ ощущеній, воспріятій, представленій и понятій и группъ этихъ элементовъ. Они могутъ отличаться отъ первыхъ нѣкоторыми качествами; взятая въ общемъ сумма ощущеній можетъ быть больше во второмъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ, но то, что характеризовало ощущенія, какъ психическій моментъ, — сознаніе, будетъ точно такимъ же, какъ и прежде, такъ какъ это наименѣе измѣняющаяся часть ощущеній; она допускаетъ только колебанія въ силѣ.

Слѣдовательно, въ два идушіе одинъ за другимъ момента сознаніе остается тѣмъ же самымъ, не смотря на то, что производящіе его психическіе процессы совершенно измѣнились. И оно не можетъ быть инымъ, такъ какъ сознаніе представляетъ собою именно неизмѣнную часть психическаго процесса.

Эти два обстоятельства: отсутствіе ощущеній, локализирующихъ мозговые процессы и одинаковый характеръ сознанія при перемѣнѣ психическихъ процессовъ — и производятъ то, что называется единствомъ сознанія.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, сознаніе и не можетъ быть не единымъ, такъ какъ оно всегда одно и то же, т. е. всегда равно самому себѣ и всегда проявляетъ себя въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Всѣ психическіе процессы, обусловливающіе собою существованіе сознанія, входятъ въ образующееся при этомъ сознаніе какъ составные элементы. Каждое ощущеніе, каждое воспріятіе и представленіе участвовало, съ своей стороны, въ произведеніи сознанія въ данный моментъ, являясь также и тѣмъ, что слѣдуетъ назвать содержаніемъ сознанія.

Содержаніе сознанія есть въ сущности терминъ весьма условный. Ощущеніе заключаетъ въ себѣ сознаніе, которое безъ ощущенія, слѣдовательно, не мыслимо. Поэтому сознаніе есть, по всей справедливости, содержаніе ощущенія, содержаніе представленія и т. д. Но эта часть содержанія каждой психической величины является общей для нихъ всѣхъ, остальные же свойства ощущеній у каждаго изъ нихъ различны. Вслѣдствіе этого и сознаніе является болѣе общимъ явленіемъ, чѣмъ другія свойства ощущеній, почему и возникаетъ неустранимое субъективное опредѣленіе отношеній, по которому неизмѣнное сознаніе признается носителемъ измѣнчивыхъ свойствъ ощущеній, которыя становятся, такимъ образомъ, лишь содержаніемъ сознанія.

Съ указанной точки зрѣнія, сознаніе не можетъ не быть единымъ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого раздвоенія сознанія, а можетъ быть лишь измѣненіе содержанія сознанія, т. е. измѣненіе тѣхъ психическихъ процессовъ, которые въ данный моментъ производятъ сознаніе.

Сознаніе можетъ измѣняться только въ степени своей ясности, въ зависимости отъ интенсивности производящихъ его психическихъ процессовъ. Его можно назвать яркимъ, когда эта интенсивность превышаетъ обычную среднюю степень, оно будетъ просто яснымъ, когда интенсивность психического процесса будетъ обычной. При уменьшеніи интенсивности и сознаніе будетъ ослабѣвать и станетъ неяснымъ, далѣе—затемненнымъ, когда различеніе ощущеній будетъ недостаточнымъ, и наконецъ, при слабѣйшей степени интенсивности психическихъ процессовъ, мы получимъ безсознательное состояніе. Всѣ эти измѣненія ясности сознанія могутъ происходить какъ при правильной ассоціаціонной дѣятельности, т. е. у здороваго человѣка, такъ и при нарушеніи ассоціаціонной дѣятельности, т. е. при душевныхъ болѣзняхъ.

Точно такъ же не можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, и никакой спутанности сознанія, а можетъ быть только спутанность

идей и представлений, словомъ,—тѣхъ процессовъ, которые производятъ въ данный моментъ сознание.

Необходимо сказать, что термины, относящіеся къ сознанию, пока весьма несовершенны, что зависитъ отъ того, что самыя характеристики сознания весьма различны въ настоящее время.

Сказанное до сихъ поръ относительно сознания имѣло въ виду разсмотрѣніе вопроса по самой сущности.

Обыкновенно это не дѣлается и часто подъ сознаниемъ разумѣется то, что мы назвали содержаніемъ сознания, т. е. совокупность психическихъ процессовъ, разсматриваемыхъ въ извѣстной послѣдовательности.

Различіемъ точекъ зрѣнія, положенныхъ въ основаніе опредѣленія сознания, и объясняется такое чрезвычайное несоотвѣтствіе въ опредѣленіяхъ, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ опредѣленіяхъ Фихте и Гербарта, изъ которыхъ, по мнѣнію одного, сознание есть особое внутреннее чувство, а по мнѣнію другого—сознание есть совокупность нашихъ представлений.

Чтобы сдѣлать вполнѣ понятнымъ это различіе и степень основательности каждаго изъ этихъ опредѣленій, мы остановимся теперь на изученіи содержанія сознания.

Все содержаніе сознания, всѣ ощущенія, воспріятія, представленія и понятія раздѣляются на двѣ большія группы.

1) Къ первой группѣ относятся возбужденія, полученныя черезъ посредство органовъ чувствъ и относящіяся къ внѣшнему міру, къ тому, что находится внѣ насъ.

2) Вторую группу составляютъ возбужденія, относящіяся къ самому ощущающему индивидууму и составляющія то, что происходитъ внутри насъ.

Вторая группа возбужденій дѣлится, въ свою очередь, на двѣ:

а) возбужденія, возникающія внѣ мозга, которымъ соотвѣтствуютъ въ мозгу ощущенія и т. д., проэцированныя къ различнымъ частямъ тѣла.

и б) возбужденія, которыя возникаютъ въ мозгу подъ вліяніемъ происходящихъ тамъ процессовъ и сохраняютъ при этомъ характеръ внутренняго мозгового ощущенія. Это тѣ ощущенія, по которымъ мы знаемъ, что память, воображеніе, фантазія,—мысль вообще—совершается у насъ въ головѣ.

Первая ступень психической, сознательной жизни выражается лишь въ восприниманіи внѣшнихъ возбужденій, которымъ со-

отвѣтствуютъ извѣстныя ощущенія. Самое большое, что можетъ быть допущено на этой первой ступени сознательной жизни,— это различеніе ощущеній между собою.

Допустить это различеніе необходимо потому, что основанія для него лежатъ уже въ самихъ возбужденіяхъ, исходящихъ изъ внѣшняго міра и находятся въ прямой зависимости отъ основныхъ свойствъ внутренней реакціи, отъ условій образованія сложныхъ и простѣйшихъ ощущеній.

Мы изучали уже условія сходства психическихъ величинъ и видѣли, что условіемъ полного тождества двухъ психическихъ величинъ является одинаковость, тождественность мозгового процесса.

Условія же различенія даны сами собою.

Уже отдѣльныя ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ совершенно различаются между собою своей специфичностью и самымъ мѣстомъ своего происхожденія въ мозгу. Затѣмъ, каждое отдѣльное ощущеніе отличается отъ другого своимъ качествомъ, силою и т. д. Такимъ образомъ, различеніе не есть какой-либо особый процессъ, это—явленіе первичное, не требующее дальнѣйшихъ разъясненій и, если бы могло возникнуть какое-либо затрудненіе, такъ это, наоборотъ, для объясненія соединенія въ одно двухъ совершенно различныхъ ощущеній, если бы такое соединеніе было возможно.

Поэтому, сознаніе никакъ нельзя характеризовать—какъ «способность различенія», что вполнѣ равносильно характеристикѣ сознанія какъ «способности ощущенія» или «способности соединенія», такъ какъ и возбудимость мозга, и одинаковость, равно какъ и различіе возбужденій суть несомнѣнные факты душевной жизни, сами себя опредѣляющіе, изъ которыхъ и слагается, въ концѣ концовъ, возможность правильной реакціи на внѣшнія возбужденія. Сознаніе же, присущее каждому ощущенію, естественно будетъ присуще и тѣмъ ощущеніямъ, которыя сходны между собою, и тѣмъ, которыя различны.

Такая первая ступень сознанія, когда существуетъ только различеніе между ощущеніями, свойственна, быть можетъ, уже элементарнымъ простѣйшимъ организованнымъ существамъ, лишь только мы можемъ констатировать въ нихъ различную реакцію на различныя возбужденія. Конечно, степень этой разницы можетъ быть очень ничтожна.

Вторая ступень сознательной жизни выражается уже въ различіи того, что относится къ внѣшнему міру отъ того, что относится. къ индивидууму. Здѣсь происходитъ уже отдѣленіе индивидуума отъ окружающаго міра и смутное зарожденіе того, что впоследствии разовьется въ самосознаніе.

На этой второй ступени сознательной жизни можетъ уже существовать понятіе «я», но это понятіе пока имѣетъ недостаточно опредѣленное значеніе вслѣдствіе недостаточной дифференцировки ощущеній. «Я» есть пока только то, что не внѣшній міръ, другими словами, вся совокупность индивидуальныхъ ощущеній. Такимъ образомъ, весь физическій организмъ: ноги, руки, тѣло вообще, представляютъ собою «я», и ощущенія служатъ лишь для того, чтобы отличать это «я» отъ внѣшняго міра.

Но систематизація и дифференцированіе ощущеній идетъ дальше. Третья ступень сознательной жизни характеризуется уже тѣмъ, что, кромѣ различія между индивидуумомъ и внѣшнимъ міромъ, появляется различіе между тѣми ощущеніями, которыя исходятъ изъ самаго индивидуума, и происходитъ раздѣленіе индивидуума на физическій организмъ и внутренній, сознающій организмъ. Тогда «я» служитъ для обозначенія лишь этого внутренняго организма. Физическій организмъ, прежде исключительно представлявшій собою индивидуумъ, входитъ теперь въ понятіе «я» лишь какъ составная часть. Говоря «я», человекъ разумѣетъ теперь не только свой внутренній міръ, но и всю совокупность своихъ членовъ. Но каждая отдѣльная часть организма уже не образуетъ собою индивидуума и возникаетъ новое понятіе принадлежности, по которому все составляющее неотъемлемую часть индивидуума обозначается словомъ «мой». «Моя рука, мое тѣло».

Такимъ образомъ происходитъ постепенное разграниченіе ощущеній, которыя отъ повторенія становятся болѣе ясными и опредѣленными и увеличиваются въ числѣ. Здѣсь, слѣдовательно, не появляется никакихъ новыхъ условій для возникновенія сознанія, кромѣ тѣхъ, которыя мы имѣли уже на первой ступени, и сознаніе, входящее въ каждое ощущеніе, осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было на первой ступени, но производящіе его моменты, — внутреннія мозговья возбужденія, то, что называется содержаніемъ сознанія, — весьма измѣнились, такъ какъ они увеличились въ числѣ, въ силѣ, вступили между собою въ разнообразныя связи.

И на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ сознательной жизни мы

найдемъ все тотъ же процессъ увеличенія количества психическихъ величинъ и новыя ихъ группировки. Дѣлать опредѣленіе сознанія въ зависимости отъ различной группировки однихъ и тѣхъ же величинъ значило бы сливать понятія сознанія и содержанія сознанія въ одно.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе содержаніе сознанія взрослого человѣка, когда взаимныя отношенія группъ ассоціацій уже вполне опредѣлились. Прежде всего мы находимъ постоянную группу ассоціацій, которая возникаетъ при всякихъ условіяхъ жизни даннаго индивидуума. Это тѣ ощущенія, которыя образуются подъ вліяніемъ постоянно происходящихъ въ тѣлѣ процессовъ, — ощущенія движенія органовъ и ощущенія отъ разнообразныхъ возбужденій, исходящихъ изъ внѣшняго міра. Изъ этихъ возбужденій слагается общее чувство индивидуальнаго существованія. На ряду съ этими возбужденіями, исходящими отъ физическаго организма, постоянно существуютъ еще и ощущенія, исходящія отъ совершающихся въ мозгу процессовъ, каково бы ни было происхожденіе этихъ возбужденій и этихъ процессовъ.

Къ возбужденіямъ, исходящимъ изъ тѣла, присоединяются возбужденія, обусловленныя постоянными внѣшними вліяніями, среди которыхъ находится данное лицо. Напримѣръ, вліянія обстановки, существующихъ постоянныхъ отношеній и т. д. Эти вліянія далеко не остаются всегда одинаковыми. Они измѣняются въ зависимости отъ измѣненій во внѣшнемъ мірѣ, но въ каждый данный моментъ извѣстное количество однообразно повторяющихся вліяній постоянно находится на лицо. Къ такимъ вліяніямъ относятся не только непосредственныя воспріятія данной минуты, но и воспроизведенныя представленія, относящіяся къ постояннымъ условіямъ существованія индивидуума. Пусть произойдетъ какая-нибудь постоянная перемѣна въ условіяхъ существованія или въ отношеніяхъ, — и она всегда будетъ оказывать свое вліяніе на содержаніе сознанія, пока не исчезнетъ, или не замѣнится чѣмъ-нибудь другимъ. Напримѣръ, если у человѣка родится ребенокъ, въ содержаніи его сознанія всегда уже будетъ находиться, между прочимъ, и мысль объ этомъ ребенкѣ. Мысль эта можетъ вытѣсниться на время, по общимъ законамъ смѣны ассоціационныхъ группъ, но всякій разъ она будетъ возникать вновь, какъ только вытѣсняющіе моменты утратятъ свое дѣйствіе. При-

мѣровъ можно найти сколько угодно, и всѣ они съ совершенной ясностью будутъ свидѣтельствовать о томъ, что содержаніе сознанія находится въ постоянной зависимости отъ такихъ постоянныхъ условій существованія.

Далѣе, въ содержаніе сознанія даннаго момента всегда входятъ изъ раньше полученныхъ импульсовъ тѣ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ настоящему. Больше всего такое отношеніе ко всякому почти моменту имѣютъ извѣстные импульсы относительно поведенія или направленія своихъ дѣйствій, такъ какъ вопросъ «какъ поступать» относится къ числу важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни и дѣятельности, и на разъясненіе его каждымъ человѣкомъ въ тотъ или другой періодъ его жизни потрачено бываетъ довольно большое количество силъ. Такъ какъ группа ассоціацій, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу соединяется именно съ дѣйствіями или представленіями о дѣйствіяхъ, то весьма понятно, что эта группа ассоціацій будетъ возникать наичаще, такъ какъ человѣческая жизнь и выражается преимущественно разнаго рода дѣйствіями. Въ этой группѣ соединяются, между прочимъ, всѣ вложенныя въ человѣка воспитаніемъ идеи, всѣ идеи, добытыя имъ путемъ самостоятельной работы и наблюденія надъ другими людьми, словомъ—все, что вліяніе другихъ людей и собственный опытъ дали человѣку въ смыслѣ опредѣленія его дѣйствій.

Такъ составляется наименѣе подвижная часть содержанія сознанія, которой и опредѣляется «я», личность человѣка и его характеръ.

Къ этимъ малоподвижнымъ группамъ ассоціацій постоянно присоединяются, однако, новыя сложныя группы, находящіяся въ зависимости не отъ постоянно существующихъ вліяній, а отъ вліяній временныхъ. Иногда эти временныя вліянія могутъ быть необыкновенно сильны и могутъ вытѣснить постоянныя ассоціаціи. Обыкновенно вытѣсненіе это происходитъ не вполнѣ, и между новыми группами ассоціацій и постоянными ассоціаціями устанавливается извѣстное соотвѣтствіе, такъ что окончательный результатъ—дѣйствіе—стоитъ въ связи съ обѣими группами. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ такое соотвѣтствіе не можетъ быть установлено, возникаетъ борьба двухъ мотивовъ, которая и въ субъективномъ отношеніи отражается—какъ внутренняя борьба.

Группы ассоціацій, образующихъ собою личность, постоянно су-

ществуютъ и, какъ мы видѣли, въ составъ ихъ входятъ весьма сложныя соединенія. Многія изъ этихъ соединеній сопровождаются сознаниемъ, слѣдовательно, въ каждый данный моментъ сознание у даннаго индивидуума существуетъ. Поэтому всякое новое ощущение или рядъ ощущений будетъ являться среди массы существующихъ ощущений, производящихъ сознание. Отсюда возникли и выраженія: «находиться въ сознаниі», «имѣть въ сознаниі», что въ свою очередь повело къ тому, чтобы разсматривать сознание, какъ нѣкоторую обособленную отъ ощущений и тому подобныхъ явленій величину.

Итакъ, мы видѣли, что содержаніе сознание не остается неизмѣннымъ даже въ теченіе короткихъ періодовъ жизни, что вступающія отъ внѣшнихъ вліяній возбужденія такъ или иначе измѣняютъ это содержаніе, почему мы и можемъ говорить о различныхъ моментахъ сознательной жизни человѣка, или о «состояніяхъ сознаниа». Въ еще большей степени наступаютъ перемѣны въ содержаніи сознаниа въ теченіе большихъ періодовъ жизни, что находится въ прямой зависимости отъ измѣненія внѣшнихъ вліяній, отъ приобрѣтенія совершенно новыхъ психическихъ величинъ—въ видѣ представленій и понятій, вслѣдствіе значительныхъ перемѣнъ во внѣшней обстановкѣ и условіяхъ жизни. Такого рода перемѣны причиняютъ не только временное измѣненіе содержанія сознаниа, и потому не могутъ быть называемы состояніями сознаниа. Здѣсь, напротивъ, можетъ произойти стойкая перемѣна, которая должна быть обозначена уже какъ перемѣна личности, вслѣдствіе основнаго измѣненія постояннаго содержанія сознаниа даннаго лица.

Такимъ образомъ, ни личность, ни состояніа сознаниа не остаются одинаковыми у одного и того же человѣка. Иногда наступающія перемѣны совершаются въ смыслѣ усовершенствованія и умноженія способности къ дѣятельности и въ смыслѣ увеличенія богатства психической жизни. Тогда мы будемъ имѣть развитіе душевной жизни.

Итакъ, развитое человѣческое сознание слагается изъ множества отдѣльныхъ ощущений, воспріятій, представленій. Это дѣлаетъ понятной и характеристику Гербарта, который опредѣлялъ сознание—какъ сумму всѣхъ имѣющихся у насъ представленій. Несомнѣнно, что всѣ имѣющіяся въ данный моментъ представленія, равно какъ и тѣ, которыя возникнутъ вслѣдъ за

ними, будутъ производителями сознанія, которое присуще уже простѣйшему ощущенію. Но по своей сущности, сознаніе всегда будетъ одинаково и будетъ находиться въ зависимости не отъ представленій, которыя образуютъ собою лишь содержаніе сознанія, а отъ основного первичнаго свойства каждаго изъ входящихъ въ составъ этихъ представленій ощущенія.

Если мы вспомнимъ теперь опредѣленіе Фихте, что сознаніе есть внутреннее чувство, то увидимъ, что въ сущности эти два опредѣленія проистекаютъ отъ разсмотрѣнія вопроса съ двухъ точекъ зрѣнія и могутъ быть легко согласованы, такъ какъ, касаясь различныхъ сторонъ явленія, они взаимно не исключаютъ другъ друга.

На этомъ мы и остановимся въ анализѣ сознанія, такъ какъ намъ необходимо, хотя коротко, сказать о чувствахъ. Это умѣстнѣе всего именно здѣсь, такъ какъ чувства являются для насъ какъ опредѣленное содержаніе сознанія.

Изучая ощущенія, мы видѣли, что каждому отдѣльному ощущенію уже соотвѣтствуетъ извѣстный чувственный тонъ, характеризующійся тѣмъ, что каждое ощущеніе бываетъ то пріятнымъ, то непріятнымъ. Вполнѣ понятно уже изъ этого, что и воспріятія, и представленія сопровождаются извѣстнымъ чувственнымъ тономъ, который, будучи выраженъ значительно сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ ощущеніи, обыкновенно называется чувствомъ. Но мы видѣли также, что одно и то же ощущеніе можетъ сопровождаться то пріятнымъ, то непріятнымъ чувственнымъ тономъ, въ зависимости отъ состоянія нервной клѣтки. Въ этой особенности состоянія нервныхъ клѣтокъ, которая выражается различнымъ чувственнымъ тономъ при неизмѣнности внѣшняго возбужденія, и заключается причина происхожденія чувствъ. Мы весьма мало знаемъ, каковы тѣ процессы или измѣненія, которыя происходятъ при этомъ въ клѣткѣ. Совершенно въ такой же степени мало знаемъ мы и относительно происхожденія чувствъ.

Мейнертъ полагалъ, что здѣсь имѣетъ значеніе количество кислорода, доставляемаго клѣткамъ кровью: достаточно доставляется кислорода, — и клѣтки проявляютъ больше жизненности и является пріятный чувственный тонъ; мало кислорода, — и жизнедѣятельность клѣтокъ понижается, а съ тѣмъ вмѣстѣ понижается и чувственный тонъ, переходя изъ пріятнаго въ непріятный. Весь-

ма возможно, что количество доставляемой крови, т.-е. процессы питания нервныхъ клѣтокъ, и отражается такъ или иначе на чувственномъ тонѣ или производитъ какія-нибудь специфическія ощущенія, но чтобы различной степенью притока крови обусловливалось происхожденіе чувствъ—это представляется совершенно неяснымъ.

Если въ простомъ ощущеніи чувственный тонъ есть неизмѣняемая часть ощущенія и для измѣненія его необходимо требуется новое внѣшнее возбужденіе, то это не всегда бываетъ такъ по отношенію къ воспріятію.

Фехнеръ замѣтилъ, что относительно формы, напримѣръ, чувство пріятнаго или непріятнаго измѣняется въ зависимости отъ незначительной перегруппировки отдѣльныхъ, составляющихъ воспріятіе ощущеній, и если мы будемъ дѣлать, напримѣръ, прямую линію, то чувство пріятнаго появляется лишь при дѣленіи въ извѣстномъ отношеніи. Такимъ образомъ, чувственный тонъ даннаго воспріятія измѣняется при одномъ и томъ же состояніи кровообращенія, потому что, если мы и должны признать для двухъ различныхъ видоизмѣненій формы въ воспріятіи два различныя распредѣленія крови по мельчайшимъ элементамъ мозговой коры, двѣ различныхъ функціональныхъ гипереміи,—тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого повода допустить, чтобы общее кровонаполненіе даннаго участка мозга хоть сколько-нибудь измѣнилось отъ этой перемѣны.

Такимъ образомъ, мы должны принять, что чувства возникаютъ въ зависимости отъ неизвѣстныхъ намъ измѣненій въ самихъ клѣткахъ, причемъ можетъ играть роль и относительное распредѣленіе и отношеніе между собою совмѣстно дѣйствующихъ возбужденій.

Чувства обыкновенно раздѣляются на высшія и низшія. Къ низшимъ относятся чувства, имѣющія непосредственное отношеніе къ физическому организму и находящіяся въ связи съ его существованіемъ, индивидуальнымъ или родовымъ. Сюда относятся чувства жажды, голода, половое чувство, чувство страха и самосохраненія. Къ высшимъ чувствамъ относятся соединенныя съ интеллектуальными или ассоціаціонными процессами сложныя чувства удовольствія и неудовольствія, эстетическія чувства, нравственныя, религіозныя. Въ ту или другую группу могутъ помѣщаться такія чувства, какъ чувство гнѣва, стыда, гордости.

Въ такого рода дѣленіи чувствъ на высшія и низшія не представляется особой надобности, такъ какъ постоянно наблюдаютъ комбинаціи различныхъ чувствъ, и называть низшими чувствами тѣ, которыя у человѣка оказываются общими съ животными нѣтъ никакой необходимости.

Важнѣйшимъ вопросомъ по отношенію къ происхожденію чувствъ является вопросъ о связи чувствъ съ интеллектуальной дѣятельностью. Можетъ ли чувство возникнуть безъ соотвѣтствующаго представленія?—Въ извѣстномъ смыслѣ, на этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно.

Лучше всего это можно отмѣтить на колебаніяхъ того общаго чувства, которое мы имѣемъ въ каждый данный моментъ въ зависимости отъ состоянія нашего организма и которое носитъ названіе самочувствія. Относительно низшихъ чувствъ: голода, жажды, полового чувства, надо сказать, что это вполне очевидно. Голодь возникаетъ безъ отношенія къ представленію—также, какъ и жажда. По отношенію къ чувствамъ болѣе сложнымъ то же можетъ быть замѣчено на томъ общемъ чувствѣ, которому мы даемъ названіе настроенія. Настроеніе можетъ мѣняться безъ всякаго отношенія къ перемѣнѣ внѣшнихъ вліяній и бываетъ различнымъ при одномъ и томъ же содержаніи представленій.

Но не играютъ ли при этомъ роли представленія раньше бывшія?—Этотъ вопросъ предполагаетъ сохраненіе чувственнаго тона отъ тѣхъ представленій, воспріятій, ощущеній, которыя, будучи вытѣснены другими, спустились ниже порога сознанія; тогда, слѣдовательно, сопровождавшій ихъ чувственный тонъ будетъ тотъ остатокъ этихъ представленій, который еще сохраняется въ сознаніи. Но и такое допущеніе не представляется доказаннымъ, такъ какъ оно предполагаетъ уже внутреннюю необходимую связь между представленіями и чувствами. Необходимо принять, однако, по отношенію къ чувствамъ—также, какъ и по отношенію къ отдѣльнымъ ощущеніямъ, что чувственный тонъ зависитъ отъ состоянія клѣтки. Слѣдовательно, чувственный тонъ, или чувство, обуславливается процессами, не имѣющими прямого отношенія къ условіямъ восприниманія ощущеній. Изъ этого слѣдуетъ, что чувства не необходимо опредѣляются ощущеніями и представленіями.

Но съ другой стороны, чувства не могутъ проявляться внѣ

ощущеній и безъ представлений, такъ какъ, хотя чувство и обусловливается внутренними процессами въ клѣткахъ, тѣмъ не менѣе измѣненія, происшедшія въ клѣткахъ, могутъ быть обнаружены только посредствомъ реакціи этой клѣтки на внѣшнія возбужденія.

Въ общемъ, всѣ чувства могутъ быть раздѣлены на пріятныя и непріятныя, совершенно подобно тому, что мы видѣли уже относительно чувственного тона ощущеній.

Большинство чувствъ соединяется съ опредѣленными въ данный моментъ ощущеніями или представленіями, другія имѣютъ уже гораздо меньшую степень опредѣленности. Къ наименѣе опредѣленнымъ чувствамъ относятся чувства симпатіи и антипатіи между людьми, такъ какъ эти чувства отличаются наименѣе избирательнымъ характеромъ, распространяясь на громадное число людей, и хотя они могутъ быть констатированы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе лишь въ немногихъ случаяхъ, когда они значительно увеличиваются въ силѣ. Затѣмъ слѣдуютъ чувства, возбуждаемая въ человѣкѣ природой во всемъ ея цѣломъ, которыя выражаются въ религіозномъ чувствѣ, составляющемся изъ чувствъ страха, удивленія и восторга и всегда носящемъ въ себѣ идею подчиненности, неизбѣжно вытекающую изъ величія природы. Далѣе слѣдуютъ чувства нравственныя и особенно эстетическія, отличающіяся наибольшей опредѣленностью и наибольшей избирательностью, такъ какъ они возникаютъ въ зависимости не только отъ предметовъ, но и отъ сочетаній частей воспріятій и представлений и бываютъ вслѣдствіе этого весьма различно обусловлены у различныхъ лицъ.

Чѣмъ болѣе чувство связано съ ассоціаціонными процессами и чѣмъ сложнѣе эти процессы, тѣмъ менѣе оно нарушаетъ психическую дѣятельность, т.-е. смѣну ассоціаціонныхъ группъ, и наоборотъ, чѣмъ болѣе оно связано съ дѣятельностью сосудистаго центра, тѣмъ болѣе при его появленіи нарушается психическая дѣятельность.

Чувства, тѣсно связанныя съ дѣятельностью сосудистаго центра, называются аффектами. Сюда относятся: страхъ, гнѣвъ, стыдъ, радость, печаль. Появленіе этихъ чувствъ или аффектовъ сопровождается обыкновенно рѣзкимъ измѣненіемъ мозгового кровообращенія, вслѣдствіе чего нарушается правильная смѣна

ассоціаціонныхъ группъ, и мышленіе на нѣкоторое время останавливается.

По отношенію къ испытывающему ихъ человѣку чувства раздѣляются также на эгоистическія и альтруистическія. Эгоистическими чувствами называются тѣ, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ только данный индивидуумъ, альтруистическими называются тѣ, которыя имѣютъ, главнымъ образомъ, отношеніе къ другимъ людямъ.

Изъ упомянутыхъ мною чувствъ всѣ были эгоистическія, за исключеніемъ нравственныхъ чувствъ. Нравственныя чувства суть тѣ, которыми опредѣляется поведеніе человѣка, слѣдовательно, это — чувства по преимуществу альтруистическія, такъ какъ поведеніе человѣка всегда имѣетъ отношеніе къ другимъ людямъ. Отсюда само собой понятно, что нравственнымъ чувствамъ человѣка придается наибольшее значеніе, такъ какъ въ общественной жизни, которую по своей организаціи принужденъ вести человѣкъ, главную роль играютъ, конечно, моменты, опредѣляющія дѣйствія человѣка, и внутренняя оцѣнка даннаго лица дѣлается обыкновенно по его нравственнымъ чувствамъ.

Что касается самаго раздѣленія чувствъ на эгоистическія и альтруистическія, то весьма нерѣдко высказывается предположеніе, что альтруистическихъ чувствъ, т.-е. чувствъ, имѣющихъ своимъ предметомъ исключительно другое лицо, не существуетъ, такъ какъ въ каждомъ чувствѣ, каково бы ни было его содержаніе, заключается извѣстная степень удовольствія или неудовольствія для самого чувствующаго лица, такъ что по существу всѣ чувства должны быть признаны эгоистическими. Эти соображенія могутъ быть представлены въ видѣ весьма сложныхъ рассужденій, но въ дѣйствительности нѣтъ рѣшительно никакой надобности затемнять этотъ вопросъ, такъ какъ и не можетъ подвергаться сомнѣнію, что всякое чувство можетъ быть пріятнымъ или непріятнымъ. Очевидно также, что чувства нравственныя относятся къ числу чувствъ пріятныхъ. Дѣйствія же, которыя приходится совершать подъ влияніемъ этихъ чувствъ, могутъ оказаться весьма непріятными и тяжкими для совершающаго ихъ человѣка. Эта тяжесть и непріятность далеко не всегда искупается или покрывается въ сознаніи совершающаго ихъ пріятностью нравственнаго чувства, но иногда ослабляется лишь до извѣстной степени привычкой къ такого рода дѣйствіямъ;

иной разъ такая привычка пріобрѣтается лишь долгимъ и упорнымъ трудомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же нравственныхъ чувствъ, которыя еще ждутъ своего удовлетворенія и потому не могли достигнуть всей степени своей пріятности. Слѣдовательно, хотя бы послѣ совершенія ряда дѣйствій въ интересахъ другихъ людей и остался затѣмъ у человѣка нѣкоторый эгоистическій остатокъ въ видѣ нравственнаго удовлетворенія или даже тщеславія, тѣмъ не менѣе альтруистическій характеръ его дѣйствій не подлежитъ никакому сомнѣнію, почему и чувства, положенныя въ основаніе этихъ дѣйствій, вполне заслуживаютъ выдѣленія въ особую группу альтруистическихъ чувствъ. И тотъ остатокъ, который называется удовлетвореніемъ нравственнаго чувства и можетъ представлять значительную степень пріятности, не только не уменьшаетъ цѣнности и значенія нравственныхъ чувствъ, но даже возвышаетъ это ихъ значеніе, такъ какъ для всякаго человѣка, принужденнаго опять-таки по своей организаціи жить въ обществѣ и пользоваться услугами другихъ, гораздо пріятнѣе получать услуги, которыя оказываются съ удовольствіемъ, чѣмъ наоборотъ. Но во всякомъ случаѣ раздѣленіе чувствъ на эгоистическія и альтруистическія не имѣетъ психологическаго значенія, такъ какъ происхожденіе чувствъ въ сущности остается одинаковымъ и обусловливается свойствами и жизнью самихъ нервныхъ элементовъ, какъ по отношенію къ чувствамъ, пріобрѣтеннымъ и развитымъ въ теченіе индивидуальной жизни, такъ и по отношенію къ чувствамъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ.

Ощущеніями, воспріятіями, представленіями, понятіями съ ихъ различными группировками, и чувствами исчерпывается сознательная жизнь человѣка.

Оставляя пока совершенно въ сторонѣ безсознательную мозговую дѣятельность, перейдемъ къ вопросу о волѣ.

II.

Мы изучили, какъ внѣшнія вліянія воспринимаются человѣкомъ и являются въ формѣ ощущеній, воспріятій, представленій, понятій. Мы видѣли, какъ возникаетъ сознание и въ какомъ отношеніи находится оно къ совершающимся въ мозгу процессамъ. Мы видѣли также то отношеніе къ психическому процессу, ко-

торое свойственно чувствованіямъ. Мы изучали происхожденіе чувствованій и чувствъ и видѣли, какъ нераздѣльно связаны они съ психическими процессами, производящими ощущенія, представленія и т. д. Теперь намъ предстоитъ изучить психическіе процессы, выражающіе собою реакцію организма на воспріятыя имъ возбужденія, которыя уже вызвали въ немъ рядъ сознательныхъ и безсознательныхъ измѣненій.

Реакція человѣка на возбужденія, исходящія изъ внѣшняго міра, выражается въ дѣйствіи. Причина этого дѣйствія заключается въ томъ, что по анатомическому строенію нервной системы человѣка, внѣшнее возбужденіе можетъ дѣйствовать только на чувствующіе нервы, которые передаютъ это возбужденіе центральной нервной системѣ. Изъ центральной нервной системы это возбужденіе можетъ не распространяться далѣе, если оно недостаточно сильно. Оно распредѣлится по тѣмъ или другимъ элементамъ мозговой коры, вызывая тѣ или другія психическія явленія и такимъ образомъ истратится, не продолжаясь болѣе. Если же это возбужденіе будетъ достаточно сильно, если оно не будетъ ослаблено какими-нибудь внутренними процессами, то оно будетъ распространяться далѣе и не иначе, какъ по двигательнымъ путямъ, потому что другого пути для этого не существуетъ. Двигательные нервы суть единственный выходъ для возбужденія, вступившаго въ нервную систему черезъ чувствующіе нервы. Слѣдовательно, причиной дѣйствія будетъ продолженіе возбужденія, первоначально возникшаго во внѣшнемъ мірѣ, затѣмъ вступившаго по чувствующимъ нервамъ въ центральную нервную систему и затѣмъ вновь выходящаго черезъ двигательные нервы, которые, вызывая сокращенія мышцъ, и производятъ рядъ дѣйствій.

Для этого необходимо участіе слѣдующихъ моментовъ: 1) внѣшнее возбужденіе должно существовать неизбѣжно; 2) необходимо должно быть дано основное свойство живой матеріи—способность реагировать на внѣшнія возбужденія.

И тотъ, и другой моментъ представляютъ собою выраженіе одного и того же явленія, которое заключается въ томъ, что все въ мірѣ находится во взаимодействіи, всѣ тѣла взаимно дѣйствуютъ другъ на друга и, представляя собою лишь различныя формы движенія, своимъ взаимодействіемъ обуславливаютъ такъ же не что иное, какъ видоизмѣненіе движенія, которое и пред-

ставляетъ собою реакцію со стороны каждаго тѣла, подвергающагося воздѣйствію со стороны другого тѣла. И жизнь есть одна изъ формъ движенія атомовъ, и реакція живого существа есть лишь видоизмѣненіе этого присущаго ему движенія.

Слѣдовательно, реакція на внѣшнее возбужденіе есть основное выраженіе жизни. Форма реакціи обуславливается лишь строеніемъ и свойствами живого существа. Другими словами, причина реакціи живого организма на внѣшнія возбужденія есть та же причина, которая создаетъ жизнь. Далѣе этого научный анализъ идти пока не можетъ.

Эту причину реакціи живого организма на внѣшнія возбужденія называютъ волею. Какъ очевидно отсюда слѣдуетъ, воля есть понятіе, возникающее совершенно независимо отъ понятія о сознаніи и какой бы то ни было психической дѣятельности. Самая элементарная психическая дѣятельность предполагаетъ существованіе нервной системы, тогда какъ реакція на внѣшнія возбужденія свойственна самымъ элементарнымъ организмамъ, каковы, на примѣръ, кровяныя тѣльца. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, воля и жизненная сила суть одно и то же.

Такое опредѣленіе вполне допустимо и можетъ быть безъ всякаго затрудненія принято и фізіологической психологіей. Необходимо только помнить, что требуется очень большая осторожность и строгая послѣдовательность въ развитіи этого опредѣленія. Именно, обязательно необходимо, чтобы опредѣленіе было закончено уже по отношенію къ самымъ элементарнымъ проявленіямъ жизни. Тогда не возникнутъ и тѣ многочисленныя недоразумѣнія, которыя въ вопросѣ о волѣ возбуждаютъ въ настоящее время.

И въ самой спорной части вопроса относительно воли, въ вопросѣ о ея зависимости или независимости отъ внѣшнихъ вліяній, рѣшеніе должно быть сдѣлано уже по отношенію къ элементарнѣйшимъ организмамъ. Вопросъ о значеніи внѣшнихъ вліяній для возникновенія движеній въ организмѣ называется обыкновенно вопросомъ о свободѣ воли.

Такимъ образомъ, въ чистомъ видѣ этотъ вопросъ представляется таковымъ: простѣйшее организованное существо—напримѣръ, амеба—обладаетъ ли способностью двигаться, внѣ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній или внутреннихъ измѣненій? Можетъ ли она безъ всякой причины, кромѣ той, которая заключается

въ присущей ей жизненной силѣ, измѣнить реакцію на внѣшнія возбужденія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дѣлается двояко: и «да» и «нѣтъ».— Оба отвѣта въ настоящее время гипотетичны.

Чтобы выбрать между двумя гипотезами, необходимо принять во вниманіе тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять всякая гипотеза: именно необходимо, чтобы гипотеза объединяла и объясняла наибольшее количество добытыхъ научными изслѣдованіями фактовъ и не имѣла бы ни одного точно констатированнаго факта, который противорѣчилъ бы ей. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуютъ двѣ гипотезы и не можетъ быть найдено окончательнаго рѣшенія между ними, слѣдуетъ принять во вниманіе значеніе гипотезы для дальнѣйшихъ изслѣдованій, степень ея плодотворности.

Разсмотримъ коротко обѣ гипотезы отдѣльно.

Возможность со стороны амебы совершать движенія независимо ни отъ какихъ вліяній дѣлаетъ невозможнымъ никакое предвидѣніе, такъ какъ всѣ вліянія становятся неопредѣлимыми и всякая реакція на внѣшнія воздѣйствія становится случайной. Надо сказать даже, что эта реакція должна быть случайна, такъ какъ одинъ разъ амеба изволитъ отвѣчать на внѣшнее возбужденіе сокращеніемъ, а другой разъ не изволитъ отвѣчать вовсе.

Вторая гипотеза непремѣнно предполагаетъ обратное—именно, однообразіе явленій при однообразіи дѣйствующихъ причинъ и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Этотъ роковой характеръ явленія даетъ возможность предвидѣнія, точность котораго вполне зависитъ отъ нашего знанія дѣйствующихъ въ данный моментъ условій, и возможность установленія постоянныхъ законовъ жизни. Другими словами, эта гипотеза предполагаетъ, что изученныя въ настоящее время явленія навѣрное будутъ такими же и черезъ тысячу лѣтъ, и до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ существовать въ его настоящемъ видѣ, а это одно лишь и дѣлаетъ возможнымъ существованіе науки. Все естествознаніе построено именно на второй гипотезѣ, и о ея плодотворности сравнительно съ первой не можетъ быть никакого спора.

Такое различіе между этими гипотезами принимается одинаково какъ защитниками первой, такъ и защитниками второй. Одинъ изъ горячихъ защитниковъ гипотезы о свободѣ жизненной силы такъ характеризуетъ положеніе вопроса: «вопросъ о свободѣ

можно назвать трагическимъ вопросомъ въ философіи; уже болѣе двухъ столѣтій во всѣхъ спорахъ, сосредоточенныхъ вокругъ него, происходитъ коллизія двухъ интересовъ, одинаково серьезныхъ для нашего ума: теоретическій интересъ заставляетъ горячо отстаивать распространеніе закона причинности на всѣ явленія міра; практическій—принуждаетъ насъ защищать самодѣятельность человѣческой личности. Отрицаніе причинности есть отрицаніе знанія; отрицаніе свободы есть отрицаніе нравственной жизни. Какой изъ двухъ мы выберемъ?»

Эта характеристика можетъ показать съ совершенной очевидностью, откуда происходятъ безконечные споры о свободѣ воли. Принятіе свободы воли есть отрицаніе предвидѣнія, отрицаніе науки. Поэтому защитники гипотезы свободы воли и изощряются въ попыткахъ примирить науку съ этой гипотезой, отвергнуть которую они не рѣшаются. Тамъ же, гдѣ они не видятъ уже возможности примиренія, они направляютъ свои сомнѣнія никакъ не противъ защищаемой гипотезы, а противъ основныхъ принциповъ науки и ставятъ слѣдующій вопросъ: «вѣрно-ли, что всѣ науки по своей природѣ предназначены получить совершенно точный, астрономическій обликъ, и только слабость умственныхъ силъ человѣчества мѣшала до сихъ поръ большинству изъ нихъ достигнуть этого состоянія? Другими словами: правда-ли, что все на свѣтѣ механически-раціонально или въ жизни осуществляется и другой—ирраціональный, такъ сказать, сверхъ-логическій элементъ бытія?»

Такъ далеко заходитъ дѣло. Здѣсь нѣтъ уже ни малѣйшей попытки анализа, ни малѣйшаго стремленія разложить неизвѣстное на величины извѣстныя, здѣсь нѣтъ болѣе гипотезы, а есть лишь вѣра, для сохраненія которой уже существуетъ готовность отрицать всѣ приобрѣтенія знаній и, главнымъ образомъ, тѣ принципы, на которыхъ основаны эти знанія. Этимъ объясняется запутанность вопроса и страстность споровъ, но никакъ не характеризуется дѣйствительное положеніе дѣла. Въ дѣйствительности, въ самомъ вопросѣ вовсе нѣтъ тѣхъ противорѣчій, которыя желаютъ видѣть защитники той или другой точки зрѣнія.

На самомъ дѣлѣ, вопросъ рѣшается гораздо проще: жизненная сила представляетъ ли собою силу, отличающуюся отъ всѣхъ прочихъ силъ природы, или это есть лишь новая ихъ комбинація?

Этотъ вопросъ не рѣшенъ въ настоящее время, и могутъ, слѣдовательно, существовать двѣ гипотезы, причемъ, съ точки зрѣнія единства міровыхъ силъ, правильнѣе принять именно послѣднее предположеніе. Этотъ вопросъ еще не возбуждаетъ страстей, и потому его гипотетическое рѣшеніе можетъ быть и въ томъ и другомъ видѣ одинаково допущено съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Второй вопросъ: можетъ-ли жизненная сила быть причиной явленій? — Отвѣтъ вполне ясенъ: жизненная сила проявляетъ себя только въ реакціяхъ на внѣшнія возбужденія. Другихъ проявленій этой силы мы не знаемъ. То, что наблюдается, заключается обыкновенно въ томъ, что при прекращеніи внѣшняго возбужденія и реакція организма прекращается, съ другой стороны, при продолженіи возбужденія, но при пониженіи энергіи жизненной силы, и реакція понижается и можетъ совершенно отсутствовать. Слѣдовательно, для реакціи, т.-е. для проявленія жизненной силы, необходимо какъ внѣшнее возбужденіе, такъ и самое существованіе этой силы. Существованіе же жизненной силы можетъ не находиться ни въ какомъ соотношеніи съ тѣми явленіями, которыя вызываютъ ее къ дѣятельности, почему существованіе этой силы по отношенію къ этимъ явленіямъ и называется самостоятельнымъ. Это единственная самостоятельность, которая можетъ быть признана за жизненной силой.

Но самое существованіе жизненной силы не можетъ быть обнаружено безъ вліянія внѣшнихъ возбужденій, другими словами, дѣйствія жизненной силы проявляются только въ реакціяхъ. Сторонникамъ свободы воли предстоитъ доказать, что возможны какія-либо проявленія жизни безъ взаимодѣйствія силъ. Пока они этого не доказали; слѣдовательно, никакого основанія принимать ихъ гипотезу тамъ, гдѣ дѣло идетъ о простѣйшей постановкѣ вопроса о свободѣ воли,—не существуетъ.

Но въ такомъ чистомъ видѣ вопросъ о свободѣ воли обыкновенно становится весьма рѣдко. По большей части онъ переносится въ область внутренняго опыта, въ сферу человѣческаго сознанія, и тамъ появляется уже съ весьма рѣзкими ограниченіями и урѣзками. Одна изъ самыхъ большихъ урѣзокъ есть признаніе необходимости явленій. Казалось бы, что это признаніе должно исключать всякую мысль о свободѣ, но къ признанію необходимости присоединяются обыкновенно слѣдующія соображенія, которыми въ сущности и исчерпывается защита

ученія о свободной волѣ: не смотря на необходимость всего совершающагося, въ человѣкѣ постоянно присутствуетъ сознание его внутренней свободы; обманъ въ нашемъ сознании психическихъ явленій немислимъ: мы можемъ ошибаться въ ихъ отвлеченномъ толкованіи и оцѣнкѣ, но не въ ихъ фактической наличности или непосредственно данныхъ качествахъ — по той простой причинѣ, что наши психическія явленія только въ нашемъ сознании и существуютъ и больше ихъ нигдѣ нѣтъ; стало быть, какъ они въ сознании даны, такова и есть ихъ единственная дѣйствительность.

Изъ этого возникаетъ необходимость примирить принципъ свободы и принципъ необходимости, и примиреніе это производится слѣдующимъ образомъ: необходимость только тогда противорѣчитъ свободѣ, когда съ ней происходитъ борьба, въ концѣ которой необходимость проявляетъ себя какъ принужденіе. Если же необходимость эта не вызываетъ борьбы, то отсюда слѣдуетъ, что она свободно признается. Значитъ, сознание необходимости есть доказательство сознания существованія свободы. Говорятъ, напримѣръ, что человѣкъ становится рабомъ не потому, что на немъ цѣпи, но потому, что онъ сознаетъ себя рабомъ: «Не цѣпи дѣлаютъ раба, но рабское сознание».

Итакъ, одно изъ доказательствъ свободы оказывается въ невозможности борьбы. Какъ мы увидимъ далѣе, въ другомъ случаѣ свобода доказывается присутствіемъ борьбы. Другими словами, какъ бы ни происходилъ психическій процесъ, онъ все-таки считается происходящимъ свободно. Это сочетаніе понятія свободы съ понятіемъ необходимости представляетъ, въ сущности, одно изъ весьма убѣдительныхъ доказательствъ именно невозможности доказать свободу воли.

Нужно, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время господствующимъ въ психологіи взглядомъ является признаніе невозможности доказать свободу воли, и если я останавливаю вниманіе на этомъ вопросѣ, то лишь потому, что онъ все еще недостаточно законченъ по отношенію къ нѣкоторыхъ частностямъ, что и служитъ причиной его возникновенія въ спорахъ, причемъ онъ вновь разсматривается во всей его полнотѣ.

Переходя къ развитому человѣческому сознанию, мы видимъ, что и здѣсь вопросъ о свободѣ воли далеко не имѣетъ подъ собою твердой почвы.

Чѣмъ менѣе развита способность анализа, т.-е. чѣмъ меньше запасъ свѣдѣній и идей, тѣмъ болѣе человекъ убѣжденъ, что его дѣйствія зависятъ отъ его желаній. При этомъ желаніе и хотѣніе разсматривается какъ одно и то же. Лишь впоследствии, когда область внутренней свободы начинаетъ суживаться, является и раздѣленіе желанія и хотѣнія, причемъ лишь хотѣніе принимается за актъ воли, а желаніе считается за неразумно и несознательно возникающее влеченіе; хотѣніе уже играетъ при этомъ роль момента, противодѣйствующаго желанію. Здѣсь свобода усматривается уже въ противодѣйствіи.

Въ настоящее время слѣдующіе моменты психической дѣятельности возбуждаютъ вопросъ о свободѣ:

1. Во-первыхъ, — вниманіе. Какъ извѣстно, вниманіе раздѣляется на вниманіе произвольное и непроизвольное.

Вниманіемъ называется такое состояніе сознанія, когда одно или нѣсколько воспріятій или воспроизведеній сознаются яснѣе, чѣмъ другія. При этомъ предполагается, что иногда это зависитъ отъ внѣшнихъ или внутреннихъ вліяній, каковы, напримѣръ, сила внѣшнихъ впечатлѣній, состояніе временнаго возбужденія воспринимающаго органа. Въ такихъ случаяхъ это будетъ пассивное или непроизвольное вниманіе. Въ другихъ же случаяхъ это обуславливается, будто бы, волей, которая можетъ то усиливать, то ослаблять происходящіе въ мозгу процессы. Тогда это будетъ произвольное вниманіе.

Для доказательства существованія такого произвола по отношенію къ психическимъ процессамъ, Вундтъ, напримѣръ, приводитъ слѣдующее соображеніе: «Изъ наблюденій извѣстно, что произвольнымъ напряженіемъ можно вызывать въ сознаніе опредѣленные образы воспоминанія и фантазіи»...

Наиболѣе простымъ отвѣтомъ на это утвержденіе можетъ служить слѣдующій примѣръ. Всѣ помнятъ знаменитый разговоръ больного Александра Македонскаго съ врачомъ Филиппомъ, принесшимъ ему лѣкарство. Соберите всѣ ваши усилія и вспомните, кто въ то время находился въ комнатѣ еще, кромѣ Филиппа. Почти навѣрно, вамъ это не удастся.

Невозможность вспомнить подтверждается наблюденіемъ гораздо чаще, чѣмъ то, что хотѣлъ подтвердить Вундтъ. Каждый экзаменъ, т.-е. каждая повѣрка памяти, показываетъ, какъ мало можно рассчитывать на произвольное воспоминаніе.

Вниманіе не есть выраженіе какой-нибудь активной силы, а выраженіе основного характера психической дѣятельности, по которому одновременно сознаваемы могутъ быть лишь нѣкоторые процессы, вслѣдствіе того, что каждый совершающійся въ мозгу процессъ задерживаетъ всѣ другіе, которые такимъ образомъ ослабляются и, слѣдовательно, слабѣе сознаются, чѣмъ тотъ, который совершается въ данный моментъ съ наибольшей силой. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что яснѣе сознается не то воспріятіе, которое само по себѣ болѣе сильно. Напримѣръ, среди грохота пушекъ совершенно явственно можно слышать стонъ раненаго друга, хотя онъ донесется до васъ лишь какъ слабое звуковое воспріятіе. Сила психическаго процесса, слѣдовательно, не находится въ зависимости единственно отъ силы внѣшняго возбужденія.

Въ этомъ отношеніи надо различать возбужденія, которыя немедленно вступаютъ въ сложныя ассоціаціи и которымъ, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ уже заранѣе извѣстныя представленія, и такія возбужденія, которыя появляются какъ случайныя. Тѣ, которымъ соотвѣтствуютъ уже представленія, могутъ быть ожидаемы.

Ожиданіе есть воспроизведеніе тѣхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ имѣющимъ возникнуть вновь воспріятіямъ. Обыкновенно это воспроизведеніе находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ воспріятій, которыя предшествуютъ ожидаемому воспріятію и заранѣе возбуждаютъ ассоціаціонные процессы въ извѣстномъ направленіи. Ожиданіе не есть собственно актъ вниманія, хотя оно также можетъ сопровождаться чувствомъ нѣкотораго напряженія, что называется «напряженнымъ ожиданіемъ». Наступившее ожидаемое воспріятіе быстро узнается, т.-е. быстро вступаетъ въ соотвѣтствующія соединенія и, вслѣдствіе того основного закона восприниманія ощущеній, по которому непосредственное воспріятіе сливается съ образомъ воспоминаванія и при этомъ выигрываетъ въ силѣ, и ожидаемое воспріятіе будетъ сознаваться ярче, чѣмъ всѣ другія воспріятія и представленія. Воспріятіе, соединенное съ ожиданіемъ, можетъ быть названо «напряженнымъ, или усиленнымъ вниманіемъ» и будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тому, что называется активнымъ вниманіемъ. Между тѣмъ никакой активности, кромѣ той, которая вообще присуща проявленіямъ жизненной силы уже въ са-

момъ существованіи психической жизни, мы принять въ описанномъ актѣ не имѣемъ основанія.

Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ воспріятіе будетъ неожиданнымъ, т.-е. гдѣ предшествовавшія воспріятію воспроизведенія оказались ему несоотвѣтствующими, или гдѣ совсѣмъ не могло быть подготовительнаго ожиданія, вслѣдствіе отсутствія предшествующихъ достаточно опредѣленныхъ указаній на то, что должно совершиться, происходитъ нѣсколько иной процессъ. Именно, вновь возникающее воспріятіе можетъ или совсѣмъ не имѣть себѣ въ предшествовавшемъ психическомъ содержаніи никакого соотвѣтствія, что относится къ явленіямъ весьма рѣдкимъ, которыя, быть можетъ, и встрѣтятся въ жизни даннаго лица всего однажды, или же вновь возникающее воспріятіе не находится въ связи лишь съ психическимъ содержаніемъ даннаго момента, имѣя однако для себя соотвѣтствующія ассоціаціи въ психическомъ содержаніи даннаго лица. И въ томъ, и другомъ случаѣ вновь возникающее воспріятіе, будучи не ассоціированнымъ съ происходящими въ данный моментъ психическими процессами, будетъ дѣйствовать на нихъ ослабляющимъ образомъ, на основаніи опять-таки основнаго закона задержки. Отъ этого должно неминуемо произойти то, что само вновь возникающее воспріятіе выиграетъ въ относительной силѣ и будетъ яснѣе другихъ. Другими словами, мы будемъ имѣть передъ собою то, что называется актомъ вниманія, но опять безъ всякой произвольности.

Такимъ образомъ, не оказывается основаній для раздѣленія вниманія на произвольное и непроизвольное, такъ какъ процессы и въ томъ, и другомъ случаѣ оказываются одинаковыми, но вполне возможно раздѣлить вниманіе на вниманіе простое и вниманіе усиленное, или напряженное.

Слѣдовательно, что касается участія воли въ актахъ вниманія, то по меньшей мѣрѣ, надо сказать, что такое участіе не доказывается анализомъ психическаго процесса.

2. Во-вторыхъ, участіе воли признается иногда необходимымъ для того, чтобы объяснить выборъ между двумя дѣйствіями.

Всякое дѣйствіе человѣка обусловливается извѣстнымъ количествомъ мотивовъ, т.-е. находящихся въ данный моментъ на липо сознательныхъ импульсовъ къ этому дѣйствію. Вполнѣ естественнымъ представляется тотъ случай, гдѣ мотивы болѣе сильны одерживаютъ верхъ, и въ такихъ случаяхъ вопросъ

о свободѣ, или о зависимости даннаго дѣйствія отъ воли, и не возникаетъ. Здѣсь обуславливающіе дѣйствіе моменты слишкомъ очевидны для того, чтобы былъ возможенъ споръ.

Поэтому предполагается возможность существованія двухъ одинаково сильныхъ мотивовъ или двухъ мотивовъ безразличныхъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не можетъ пересилить другого. Тогда образуется состояніе безразличія, выйти изъ котораго, по мнѣнію защитниковъ свободы воли, можно только посредствомъ акта воли, свободно опредѣляющаго, какимъ мотивомъ обусловится послѣдующее дѣйствіе. Это — то, что называется «свобода безразличія».

Классическимъ примѣромъ такого состоянія безразличія служить обыкновенно, такъ называемый, «Буридановъ осель». Рассказываютъ, что Буриданъ, философъ, жившій въ срединѣ XIV вѣка, однажды въ спорѣ о свободѣ воли придумалъ такую задачу: что будетъ дѣлать осель, котораго съ одинаковой силой мучить и голодъ и жажда, если его помѣстятъ на равномъ разстояніи отъ ведра съ водой и отъ гарнца овса? Когда ему отвѣчали, что осель будетъ стоять неподвижно, онъ замѣчалъ: «слѣдовательно, онъ околѣетъ отъ голода и жажды»; когда же дѣлали обратное замѣчаніе, что онъ начнетъ ѣсть овесъ, или пить воду, Буриданъ дѣлалъ заключеніе: «значитъ, у него есть свободная воля».

Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что въ логикѣ называется «рогатимъ силлогизмомъ», и примѣръ Буриданова осла не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительности. Два одинаково сильныхъ побужденія допустить почти невозможно: каждое побужденіе слагается изъ громаднаго количества составныхъ моментовъ, такъ что въ извѣстныхъ отношеніяхъ всегда будетъ существовать разница. Если же мы и допустимъ возникновеніе двухъ одинаково сильныхъ побужденій одновременно, то это равенство будетъ существовать лишь очень короткое время. Затѣмъ непремѣнно присоединятся новые моменты и уже самой ничтожной разницы будетъ достаточно, чтобы опредѣлить направление дѣйствія, или, какъ говорятъ, обусловить выборъ.

И въ случаѣ Буриданова осла достаточно, чтобы онъ взглянулъ на овесъ или воду, и выборъ будетъ сдѣланъ—на томъ основаніи, что два одновременно происходящіе въ мозгу процесса ослабляютъ другъ друга, слѣдовательно, непосредственное

воспріятіе зрѣніемъ одного изъ соперничающихъ предметовъ влеченія, тотчасъ ослабило бы представленіе о другомъ: первое влеченіе стало бы сильнѣе второго, и осель пошелъ бы къ водѣ.

Такимъ образомъ, и возможность выбора существуетъ безъ участія свободной воли.

3. Но остается еще одинъ пунктъ, гдѣ можно предполагать участіе свободной воли. Именно, всѣ дѣйствія человѣка опредѣляются влеченіями. Влеченія всѣ относятся къ области чувствъ. Мы видѣли, однако, что чувства не опредѣляются исключительно представленіями, но будучи связаны съ представленіями и въ нихъ имѣя свое постоянное и обязательное выраженіе, чувства зависятъ отъ состоянія организма въ данный моментъ и отъ его индивидуальныхъ особенностей, отъ организаціи. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ моментами, не находящимися въ зависимости отъ внѣшнихъ факторовъ, но зависящими исключительно отъ факторовъ внутреннихъ, отъ тѣхъ же, которыми, быть можетъ, обуславливается самое существованіе жизни. Не слѣдуетъ ли поэтому въ чувствахъ искать проявленія свободной воли? И нужно сказать, что, если подъ волей разумѣть то же, что подъ жизненной силой, то несомнѣнно здѣсь и слѣдуетъ искать ея наиболѣе чистыхъ проявленій.

Но защитники свободы воли удивительнымъ образомъ извратили вопросъ объ отношеніи чувства и воли. Именно, они стремятся найти доказательства свободы воли въ томъ фактѣ, что влеченія и желанія могутъ быть задержаны. Здѣсь то, съ ихъ точки зрѣнія, возникаетъ, главнымъ образомъ, различіе между желаніемъ и хотѣніемъ. Только хотѣніе есть актъ воли, проявляющейся въ борьбѣ съ желаніями и страстями, которыя суть не что иное, какъ сильныя желанія, которыя становятся преобладающими. Въ этой борьбѣ воля является, будто бы, во всей своей силѣ, и человѣкъ именно вслѣдствіе этой борьбы и возвышается надъ прочими животными, предоставленными своимъ влеченіямъ безъ контроля высшихъ идей и нравственныхъ чувствъ, которыя, кстати, также считаются проявленіями воли.

Но мы уже видѣли, что въ задержкѣ одного процесса другимъ нѣтъ ничего произвольнаго. Необходимость задержки вытекаетъ изъ самаго строенія нервной системы, и чѣмъ болѣе развитъ мозгъ, тѣмъ болѣе будетъ встрѣчать задержекъ всякій

мозговой процессъ, уже вслѣдствіе большого количества другихъ процессовъ. И чѣмъ большее количество представлений и идей, противорѣчащихъ извѣстнымъ влеченіямъ, находится въ мозгу, тѣмъ больше будетъ эта задержка, задержка роковая, въ которой никакъ нельзя отмѣтить никакого произвола. Поэтому вполне правильно утверждать, что при существованіи достаточно развитого мозга и при наличности достаточно глубокихъ нравственныхъ идей совершеніе безнравственнаго поступка можетъ стать совершенно невысказаннымъ. И вообще, надо считать за правило, что совершеніе дурного поступка для хорошаго человѣка гораздо труднѣе, чѣмъ совершеніе хорошаго поступка для человѣка дурного, разумѣя подъ хорошимъ и дурнымъ различную степень развитія нравственныхъ идей и чувствъ.

Изъ того обстоятельства, что роковой характеръ задержки не былъ понятъ, вытекаетъ еще одно смѣшеніе отношеній. Именно, самое существованіе нравственныхъ идей и чувствъ ставится въ зависимость отъ существованія воли, такъ что существованіе нравственныхъ побужденій рассматривается какъ доказательство существованія свободной воли. Въ этомъ случаѣ воля является уже особою сущностью, независимою отъ идей и чувствъ, но въ то же время одаренною способностью отличать добро и зло и выбирать между ними, откуда, въ свою очередь, происходятъ понятія доброй и злой воли. Въ этомъ ученіи уже нѣтъ болѣе ничего научнаго: это не анализъ всей совокупности психическихъ явленій, а соединеніе вѣрованій, иногда весьма шаткихъ и имѣющихъ своимъ источникомъ страхъ и недоразумѣніе.

Къ счастью для человѣчества, нравственныя идеи и побужденія не находятся въ зависимости отъ условія, о самомъ существованіи котораго ведется постоянный и упорный споръ. Нравственныя идеи и чувства—такъ же, какъ и всѣ прочія идеи и чувства, суть результатъ взаимодѣйствія внѣшнихъ вліяній и организациі человѣка и при существованіи міра въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, они не могутъ не развиваться, какъ они развиваются, и не могутъ не видоизмѣняться, какъ они видоизмѣняются. Взаимодѣйствіе между людьми не есть актъ свободной воли, а роковая необходимость; измѣненіе и развитіе идей и чувствъ есть роковой результатъ этого взаимодѣйствія.

На этой обязательности связи между внѣшнимъ вліяніемъ и реакціей основана возможность воспитанія, т.-е.искусственнаго развитія

тѣхъ или другихъ идей и стремленій. Только внутреннее строеніе и свойства организма опредѣляютъ, въ какой степени будутъ восприняты внѣшнія вліянія и въ какой степени они будутъ ослаблены другими чувствами и стремленіями, уже возникшими въ организмѣ подѣ вліаніемъ другихъ внѣшнихъ воздѣйствій.

И относительно унаслѣдованныхъ свойствъ уже изо всего сказаннаго очевидно, что унаслѣдованы могутъ быть только физическія свойства организма и съ ними соединенная особенность реакціи. Поэтому реакція на одинаковыя внѣшнія вліянія можетъ быть одинакова у родителей и дѣтей, но безъ соотвѣтствующаго внѣшняго вліянія эта реакція никогда не проявится, и слѣдовательно, не можетъ быть никакой рѣчи объ унаслѣдованіи какихъ-либо опредѣленныхъ идей.

Такимъ образомъ, нигдѣ, ни въ одномъ изъ человѣческихъ дѣйствій мы не можемъ найти присутствія свободнаго дѣятеля.

И однако, въ громадномъ большинствѣ случаевъ человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ. Я говорю «въ громадномъ большинствѣ случаевъ», такъ какъ не считаю вѣрнымъ утверженіе, столь часто повторяемое, что мы не можемъ не чувствовать себя свободными. Чѣмъ болѣе ясно сознаетъ человѣкъ происходящіе въ немъ психическіе процессы, чѣмъ болѣе ясно усматриваетъ онъ связь своихъ дѣйствій съ внѣшними условіями, тѣмъ болѣе для него очевидно, что всѣ его внутреннія свойства не могутъ проявить себя иначе, какъ въ извѣстныхъ формахъ, данныхъ внѣшними же вліяніями, и что вся его внутренняя жизнь есть не что иное, какъ реакція, — и тѣмъ менѣе высокаго мнѣнія будетъ онъ о свободѣ своихъ дѣйствій. Но въ большинствѣ случаевъ ни такою яснаго сознанія, ни достаточнаго пониманія своей собственной душевной жизни не существуетъ. Внутренній опытъ, самонаблюденіе, которымъ хотятъ пользоваться всѣ люди, доступенъ, въ сущности, весьма немногимъ.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ человѣкъ не понимаетъ, какъ въ его душѣ возникли тѣ или другія стремленія. Въ то же самое время онъ не чувствуетъ многихъ моментовъ своей душевной жизни, и многія соединенія, въ которыя вступаютъ между собою вызванные внѣшними вліяніями внутренніе процессы, ускользаютъ отъ его сознанія. Такъ бываетъ обыкновенно относительно большинства опредѣляющихъ мотивовъ. Поэтому возникающее въ человѣкѣ стремленіе, которое представ-

ляетъ собою лишь третій членъ происходящаго въ дѣйствительности процесса, принимается человѣкомъ—какъ нѣчто возникшее впервые въ его душѣ, независимо отъ влiяній внѣшняго міра.

Все, что предшествуетъ возникновенію сознательнаго процесса, не принимается человѣкомъ за причину, и въ этомъ смыслѣ чувство своей свободы можетъ быть принимаемо, какъ первичный актъ душевной жизни. Въ цѣпи причинъ это лишь тѣ процессы, которые стали сознательными, и поэтому, говоря «первичный актъ», не слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ чего-либо самостоятельно возникающаго. Этимъ исчерпывается вопросъ о волѣ.

Нѣкоторые мыслители высказываютъ мнѣніе, что если воля и не можетъ быть принята какъ свободно дѣйствующій факторъ, тѣмъ не менѣ иллюзія свободы, вѣра въ свободу должна быть поддерживаема, такъ какъ безъ этой вѣры индивидуальность разлагается и пропадаетъ.

И на это надо отвѣтить, что существованіе индивидуальности не есть продуктъ иллюзіи. Индивидуальность не можетъ не существовать, такъ какъ внѣ индивидуальнаго существованія нѣтъ міра, и если исчезнетъ индивидуальность, въ полномъ смыслѣ этого слова, то исчезнетъ и міръ, и все возвратится въ первобытный хаосъ; и конечно, ни на одну минуту нельзя останавливаться на мысли, что существованіе міра основано на иллюзіи.

Въ заключеніе я приведу небольшой діалогъ, написанный Вольтеромъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, изъ котораго видно, что вопросъ о свободѣ воли и тогда рѣшался почти такъ же, какъ онъ рѣшается въ настоящее время.

«Или я очень ошибаюсь, или Локкъ, опредѣлитель, очень хорошо опредѣлилъ свободу—какъ возможность. Я опять ошибаюсь, или Коллинзъ, знаменитый лондонскій судья, былъ единственный философъ, который развилъ эту идею, и Кларкъ возражалъ ему, только какъ теологъ. Но изъ того, что было написано о свободѣ во Франціи, самымъ лучшимъ мнѣ показался слѣдующій маленькій діалогъ:

А.—Вотъ баттарея пушекъ, которая стрѣляетъ намъ въ уши; свободны вы слышать или не слышать?

В.—Безъ сомнѣнія, я не могу помѣшать себѣ слышать.

А.—Хотите, чтобы эта пушка оторвала голову вамъ, вашей женѣ и вашей дочери, которыя гуляютъ вмѣстѣ съ вами?

В.—Что вы мнѣ предлагаете? я не могу, пока я въ своемъ умѣ, хотѣть такой вещи; это для меня невозможно.

А.—Хорошо. Значить, вы неизбежно слышите эту пушку,—и вы, и ваше семейство неизбежно хотите не умереть во время прогулки отъ пушечнаго выстрѣла; и вы не имѣете ни власти не слышать, ни власти хотѣть оставаться здѣсь?

В.—Это ясно.

А.—И вы сдѣлали тридцать шаговъ, чтобы быть внѣ выстрѣла и имѣли власть пройти со мной это небольшое разстояніе?

В.—Это опять очень ясно.

А.—Если бы у васъ былъ параличъ, вы не могли бы избѣжать необходимости оставаться передъ этой батареей, вы не имѣли бы власти быть тамъ, гдѣ вы находитесь; вы неизбежно слышали бы выстрѣлъ и получили бы ударъ; и вы неизбежно были бы мертвы?

В.—Нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго.

А.—Въ чемъ же заключается ваша свобода, если не въ возможности, которую обнаружилъ вашъ индивидуумъ сдѣлать то, что ваша воля требовала съ абсолютной необходимостью?

В.—Вы приводите меня въ затрудненіе; свобода, слѣдовательно, есть не что иное, какъ возможность дѣлать, что я хочу?

А.—Подумайте объ этомъ и посмотрите, можно ли свободу понимать иначе.

В.—Въ такомъ случаѣ, моя охотничья собака такъ же свободна, какъ и я; она неизбежно имѣетъ волю бѣжать, когда увидитъ зайца, и возможность бѣжать, если у нея не болятъ ноги. У меня, слѣдовательно, нѣтъ ничего большаго, чѣмъ у моей собаки; вы низводите меня до состоянія животнаго.

А.—Вотъ бѣдные софизмы бѣдныхъ софистовъ, которые васъ учили. Вы даже заболѣли отъ огорченія, что вы такъ же свободны, какъ ваша собака. Развѣ вы не ѣдите, не спите, не размножаетесь, какъ она, лишь съ разницей въ положеніи? Не желаете ли вы обонять иначе, какъ черезъ нозь? Почему же вы желаете быть свободнымъ иначе, чѣмъ ваша собака?

В.—Но я имѣю душу, которая разсуждаетъ, а моя собака не разсуждаетъ почти. У нея почти только простыя идеи, а я имѣю тысячу метафизическихъ идей.

А.—Ну, что же, вы тысячу разъ болѣе свободны, чѣмъ она;

то есть, вы имѣете въ тысячу разъ болѣе возможностей, чѣмъ она: но вы свободны не иначе, чѣмъ она.

В.— Какъ, я не свободенъ хотѣть того, что я хочу?

А.— Что вы подъ этимъ разумѣете?

В.— Я разумѣю то, что разумѣютъ всѣ. Развѣ не говорятъ ежедневно, что воля свободна?

А.— Пословица не доказательство; объяснитесь лучше.

В.— Я разумѣю, что я свободенъ хотѣть, что мнѣ угодно.

А.— Съ вашего позволенія, это не имѣетъ смысла; развѣ вы не видите, что смѣшно сказать, я хочу хотѣть? Вы хотите неизбежно, вслѣдствіе идей, которыя у васъ присутствуютъ. Хотите вы жениться, да, или нѣтъ?

В.— А если я вамъ скажу, что я не хочу ни того, ни другого?

А.— Тогда вы отвѣтите, какъ тотъ, который говорилъ: «Одни считаютъ кардинала Мазарини мертвымъ, другіе считаютъ его живымъ, а я не считаю его ни тѣмъ, ни другимъ».

В.— Ну, хорошо, я хочу жениться.

А.— А, вотъ это отвѣтъ. Почему вы хотите жениться?

В.— Потому что я влюбленъ въ дѣвушку красивую, кроткую, хорошо воспитанную, довольно богатую, которая хорошо поетъ, родители которой очень хорошіе люди, и потому что я рассчитываю быть любимымъ ею и быть хорошо принятымъ въ ея семействѣ.

А.— Вотъ это основаніе. Вы видите, что вы не можете хотѣть безъ основанія. Объявляю вамъ, что вы свободны жениться; т.-е. что вы имѣете возможность подписать контрактъ, отпраздновать свадьбу и спать съ вашей женой.

В.— Какъ! я не могу хотѣть безъ основанія? Что же будетъ тогда съ другой пословицей: *sit pro ratione voluntas*; моя воля есть мое основаніе, я хочу, потому что я хочу?

А.— Это абсурдъ, мой другъ; тогда въ васъ было бы дѣйствіе безъ причины.

В.— Какъ же! когда я играю въ четъ-нечетъ, у меня есть основаніе выбрать скорѣе четъ, чѣмъ нечетъ?

А.— Да, безъ сомнѣнія.

В.— Да какое же это основаніе, скажите, пожалуйста?

А.— То, что идея четнаго числа появилась въ нашемъ умѣ прежде, чѣмъ идея противоположная. Было бы забавно, если бы

были случаи, когда вы хотите, потому что есть причина хотѣть, и другіе случаи, когда вы хотѣли бы безъ причины. Когда вы хотите жениться, вы ясно чувствуете существующее основаніе; вы не чувствуете его, когда играете въ четъ и нечетъ; и однако, необходимо, чтобы оно было.

В.— Но, еще разъ, значить я не свободенъ?.

А.— Ваша воля не свободна, но ваши дѣйствія свободны. Вы свободны дѣлать, когда вы имѣете возможность дѣлать.

В.— Но всѣ книги, которыя я читалъ о свободѣ безразличія...

А.— Что разумѣете вы подъ свободой безразличія?

В.— Я разумѣю плевать направо или налево, спать на правомъ боку или на лѣвомъ, пойти гулять четыре раза или пять.

А.— Это была бы странная свобода. Хорошъ былъ бы подарокъ, который сдѣлалъ вамъ Богъ. И было бы чѣмъ хвастаться. На что вамъ годилась бы власть, которая проявлялась бы лишь въ такихъ ничтожныхъ случаяхъ? Но въ дѣйствительности смѣшно предполагать свободу хотѣть плюнуть направо. Не только эта воля хотѣть абсурдна, но несомнѣнно, что многія мелкія обстоятельства побуждаютъ васъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя вы называете безразличными. Вы не болѣе свободны въ этихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ другихъ. Но, еще разъ, вы свободны во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, лишь только вы дѣлаете то, что хотите дѣлать.

В.— Мнѣ кажется, вы правы. Я подумую объ этомъ».

А. Токарскій.

Густавъ Тейхмюллеръ.

Вышедшій въ началѣ нынѣшняго года переводъ одного изъ сочиненій Тейхмюллера *) даетъ мнѣ поводъ сказать о немъ нѣсколько словъ и тѣмъ выполнить *двойкій* нравственный *долгъ* по отношенію къ этому философу. Съ одной стороны, я—въ качествѣ одного изъ представителей философской науки въ нашемъ отечествѣ, считаю законнымъ и необходимымъ способствовать и своими слабыми силами должной оцѣнкѣ этого *замѣчательнаго мыслителя*, стоявшаго такъ долго въ тѣни и за границей, и особенно въ нашей русской литературѣ **). Съ другой стороны, я сознаю себя лично во многомъ обязаннымъ его сочиненіямъ, хотя, къ сожалѣнію, познакомился съ ними сравнительно поздно.

*) Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. Н. Николаева, подъ редакціей Е. А. Боброва. Юрьевъ. 1894.

***) Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о Тейхмюллерѣ. Онъ родился въ 1832 году въ Брауншвейгѣ и воспитывался въ мѣстной гимназіи. Поступивши въ университетъ, онъ изучалъ философію подъ руководствомъ извѣстнаго философа Тренделенбурга. Получивши въ Галле степень доктора философіи, Тейхмюллеръ сначала занимался частнымъ преподаваніемъ; причемъ, состоя на службѣ у германскаго посла въ Россіи, попалъ въ учителя греческаго языка въ петербургской Анненской школѣ. Въ 1860 году покинувъ Россію, онъ былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, потомъ въ Базелѣ, наконецъ въ 1870 году былъ приглашенъ въ качествѣ профессора въ нашъ Дерптскій университетъ. Здѣсь онъ прожилъ до своей смерти въ 1889 году, написавши свои лучшія сочиненія и начавши выработать весьма оригинальную философскую систему, которая, впрочемъ, осталась не оконченною. Эти біографическія свѣдѣнія заимствованы мною отъ его ученика, въ настоящее время доцента Юрьевского университета, Е. А. Боброва. ✓

Первоначально я совершенно случайно въ 1880 году встрѣтился съ небольшимъ его сочиненіемъ по древней философіи, которое вообще возбудило во

Для характеристики Тейхмюллера я нахожу удобнымъ провести параллель въ судьбѣ его философіи съ судьбою философіи Шопенгауэра. Во-первыхъ, оба философа сходны по *силѣ* и *глубинѣ* мышленія, далѣе—по *обширности* и *разносторонности* какъ общей, такъ и специально философской эрудиціи; наконецъ, сходны по *остроумію* и *юмору* ихъ литературнаго стиля. По *точности* же и *строгости* выраженія мысли Тейхмюллеръ даже превосходитъ Шопенгауэра. Къ этимъ пунктамъ сходства между обоими мыслителями присоединяется и тотъ, что, не смотря на ихъ выдающіяся силы и блестящія качества, какъ ученыхъ философовъ и писателей, значеніе и извѣстность ихъ между современниками уступаютъ извѣстности второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ представителей и философіи, и вообще литературы. Шопенгауэръ провель въ неизвѣстности около 25 лѣтъ и Тейхмюллеръ почти столько же, не смотря на то, что у него было важное передъ Шопенгауэромъ преимущество въ томъ, что онъ долго былъ университетскимъ профессоромъ. Какъ Шопенгауэръ сталъ пріобрѣтать извѣстность и признаніе уже подъ конецъ своей жизни и потомъ еще болѣе послѣ смерти, такъ и Тейхмюллеръ становится нѣсколько болѣе извѣстнымъ уже при послѣднихъ дняхъ своей жизни и послѣ своей смерти. Однако извѣстность эта относится все-таки, главнымъ образомъ, къ его сочиненіямъ по древней философіи. Сочиненія же по новой и вообще тѣ, въ которыхъ онъ изображаетъ тѣ или другія стороны его *собственной* системы, и до сихъ поръ очень мало распространены въ европейской философской литературѣ: рѣдко-рѣдко можно встрѣтить какую-либо статью или упоми-

ннѣ намѣреніе познакомиться въ болѣе свободное время и съ другими его сочиненіями по той же древней философіи. Но въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за тѣмъ, мнѣ, занятому преподаваніемъ философскихъ наукъ въ Кіевскомъ Университетѣ и на женскихъ курсахъ, а также и работою надъ своей докторской диссертацией: „Генезисъ теоріи времени и пространства Канта“, совершенно не было времени для приведенія въ исполненіе этого намѣренія. Только послѣ защиты этой диссертациі въ 1884 году я началъ понемногу изучать одно за другимъ сочиненія Тейхмюллера, причемъ увидалъ, что онъ знатокъ и оригинальный дѣятель не только въ древней философіи, но что онъ вообще въ современной философіи *звѣзда первой величины*, и что у него есть чему поучиться не только русскимъ представителямъ философіи (по крайней мѣрѣ, я рѣшительно говорю это о себѣ), но даже вообще современнымъ европейскимъ философамъ.

наніе обѣ нихъ, хотя все-таки въ послѣднее время они нашли болѣе или менѣе должную оцѣнку и у болѣе почтенныхъ представителей европейской философіи, каковы, наприм., въ Германіи: Лотце, Эйкенъ, Каспари; во Франціи: Таннери; въ Италіи: Спавента, Кіапелли.

Если же меня спросятъ о причинѣ малой извѣстности Тейхмюллера, сравнительно съ его большими умственными силами и талантомъ, то и на этотъ вопросъ я нахожу весьма удобнымъ отвѣчать, продолжая начатую параллель между нимъ и Шопенгауэромъ. Какъ извѣстно, этотъ послѣдній жаловался, что его умышленно замалчивали его современники, но жалобы эти я нахожу слишкомъ *преувеличенными*. Конечно, можно допустить и замалчиваніе, но только до нѣкоторой степени; главная же причина долгой неизвѣстности Шопенгауэра заключалась въ господствѣ въ современной ему философіи совѣмъ иныхъ направленій, чѣмъ у него. Во время Шопенгауэра господствовалъ въ Германіи сперва *идеализмъ* и потомъ *матеріализмъ*. Шопенгауэръ же, не смотря на то, что считалъ себя послѣдователемъ Канта и Платона, все-таки безъ недоразумѣнія не можетъ быть признанъ идеалистомъ ни въ полномъ и точномъ смыслѣ этого термина, какъ это слѣдуетъ относительно Платона, ни отчасти, какъ то слѣдуетъ относительно Канта. Философія Шопенгауэра, по ея настоящему основному принципу, вовсе *не есть идеализмъ*, къ которому безспорно принадлежатъ и Платонъ съ его послѣдователями, и новѣйшій платоникъ — Гегель съ его школой. Идеализмъ признаетъ своимъ *реальнымъ принципомъ разумъ* и его продукты, т.-е. *идеи* или *понятія*: у Шопенгауэра же въ основаніи реальности лежитъ принципъ *неразумной воли* съ ея не дѣйствительными, а призрачными объектами. Что же касается до платонизма Шопенгауэра или его ученія обѣ *идеяхъ Платона*, какъ *объективацияхъ воли*, то оно, не смотря на его замысловатую оригинальность, стоитъ во внутреннемъ противорѣчій съ философіей Шопенгауэра и имѣетъ съ ней только внѣшнюю связь. Точно также значительно преувеличенъ Шопенгауэромъ и его кантіанизмъ, ибо тотъ же реальный принципъ безумной воли не совпадаетъ ни съ разумомъ Платона, ни съ *автономной волей* Канта, диктующей разумный нравственный законъ. Конечно, Шопенгауэръ все-таки ближе къ Канту, чѣмъ къ Платону, но не со стороны идеалистическихъ элементовъ Кан-

товской философіи, вошедшихъ въ нее въ ученіи о категоріяхъ разсудка, идеяхъ разума, а главное—въ ученіяхъ «Критики практическаго разума» и «—силы сужденія», но со стороны *скитическаго позитивизма* (преимущественно въ 1-мъ изданіи) и *сенсуализма* (преимущественно во 2-мъ изданіи), составляющихъ настоящую почву, на которой стоитъ «Критика чистаго разума». Какъ Кантъ, такъ и Шопенгауэръ въ значительной степени, и мало подозрѣвая о томъ, всосали въ себя эти начала изъ англійской философіи, а также и изъ естествовѣдѣнія. Есть еще одинъ пунктъ въ философіи Канта, гдѣ можно признать сходство между нимъ и Шопенгауэромъ, а именно—въ принципѣ Канта, входящемъ въ его философію религіи, связанную чисто внѣшнимъ образомъ съ остальнымъ его ученіемъ, заключающимся въ трехъ «Критикахъ». Этотъ принципъ, близкій къ религіозному ученію о дѣволѣ, является у Канта подъ именемъ «основнаго или радикальнаго зла».

Такимъ образомъ, философія Шопенгауэра по своему основному принципу не согласуется также и съ идеалистическими элементами, входящими въ систему Канта. Всего болѣе она родственна съ *восточно-азіатскими* философіей и религіей, преимущественно же—съ *буддизмомъ*. Значитъ, главною причиною долгой неизвѣстности Шопенгауэра было не замалчиваніе, а невозможность для современныхъ ему европейскихъ представителей философіи, проникнутыхъ идеализмомъ или потомъ материализмомъ, понять и примириться съ шопенгауэровскимъ принципомъ всеческаго бытія—безумною, а потому, если выразиться языкомъ религіи,—злѣю, дѣвольскою волею.

Обращаясь теперь къ неизвѣстности Тейхмюллера въ наше время, я точно также причину ея вижу не въ умыленномъ замалчиваніи, которое, конечно, до нѣкоторой степени, особенно же въ Германіи, нельзя не допустить, а главнымъ образомъ въ радикальномъ различіи направленія философіи Тейхмюллера съ теперь все еще господствующими: сенсуализмомъ и позитивизмомъ, къ которому всегда въ какой-либо степени примѣшивается естественно-научный материализмъ. Какъ философія Шопенгауэра была чужда современникамъ по ея, говоря фигурально, *Вансатанизму*, такъ философія Тейхмюллера странна и чужда для современниковъ по ея свойствамъ вполне противоположнымъ всѣмъ направленіямъ, преобладающимъ въ наше время. Современ-

менному позитивистическому скептицизму и агностицизму противостоятъ у Тейхмюллера—убѣжденіе въ полномъ соприкосновеніи съ сущимъ въ сферѣ индивидуальнаго бытія, и далѣ непоколебимое довѣріе къ разуму и мышленію. Современному матеріализму противоположенъ тейхмюллеровскій спиритуализмъ или, точнѣе сказать, психизмъ. Современному довѣрію къ *внѣшнему*, такъ называемому, чувственному опыту противостоятъ у Тейхмюллера довѣріе къ *внутреннему* опыту непосредственнаго сознанія. Современнымъ и при томъ еще не сознаваемымъ тенденціямъ искать реальность въ общностяхъ, въ абстракціяхъ, противорѣчитъ у Тейхмюллера принципъ *индивидуальнаго* реализма, гарантированный для каждаго существа непосредственнымъ сознаніемъ своей собственной субстанціи и актовъ ея реальной дѣятельности, данныхъ въ томъ же непосредственномъ сознаніи. Господствующему объясненію явленій и событій путемъ механической причинности, руководящейся принципомъ послѣдованія во времени (причемъ постоянно и неизбѣжно *post hoc* смѣшивается съ *propter hoc*) Тейхмюллеръ противопоставляетъ принципъ телеологіи или финальной причинности, по крайней мѣрѣ въ *общемъ* и *цѣломъ*, такъ какъ въ частностяхъ, въ силу нашего несовершенства и крайне *ограниченнаго объема сознанія*, проведеніе этого принципа вообще очень трудно, а во многомъ и совсѣмъ невозможно. Міру позитивизма, состоящему изъ явленій, никому *не являющихся* (или, пожалуй, являющихся явленіямъ же) и никакой реальной сущности собою *не являющихся*; или же міру научнаго матеріализма, состоящему изъ атомовъ и молекулъ матеріи, танцующихъ въ пространствѣ подъ волшебную музыку какихъ-то духовъ, именуемыхъ «силами» (тяготѣнія, теплоты, электричества и проч.) и въ этомъ танцѣ группирующихся въ безконечно разнообразныя фигуры, Тейхмюллеръ противопоставляетъ міръ живыхъ, но непространственныхъ субстанцій, въ разныхъ степеняхъ *отображающихъ* природу и свойства единой, всеобъемлющей и высочайшей субстанціи. Этотъ міръ субстанцій приходитъ въ движеніе не вслѣдствіе механическихъ импульсовъ (толчковъ и ударовъ), производимыхъ тѣми вышеозначенными (на подобіе нечистой силы вселяющимися въ матеріальные атомы и ввергающими ихъ въ разнаго рода движенія и вихри) силами, а вслѣдствіе своихъ собственныхъ различныхъ дѣятельностей, неотъемлемо принадлежащихъ имъ по ихъ при-

родѣ (каковы, напримѣръ, ощущеніе, чувство, желаніе, мышленіе) и гармонично координированныхъ въ единствѣ каждой субстанціи. Но эта координація идетъ еще далѣе, ибо дѣятельности каждой субстанціи координируются съ дѣятельностями другихъ субстанцій и наконецъ, дѣятельности всѣхъ субстанцій съ дѣятельностью высочайшей субстанціи. Однако, вся эта координація происходитъ такъ, что дѣятельности не поглощаются субстанціею до потери своей различимости одна отъ другой, а сохраняютъ относительную самостоятельность и представляютъ особое *бытіе* (напримѣръ, ощущеніе, чувство, желаніе, мышленіе), далѣе координація субстанцій другъ съ другомъ нисколько не мѣшаетъ ихъ *относительной свободѣ и независимости*, и наконецъ, координація всѣхъ субстанцій *посредствомъ* и въ высочайшей субстанціи нисколько не мѣшаетъ имъ быть до извѣстной степени самостоятельными и свободными существами, въ чемъ, конечно, и состоитъ ихъ *отображеніе* этой высочайшей субстанціи.

Такимъ образомъ, міръ Тейхмюллера представляетъ вѣчно-единую, неразрывно-сопряженную систему, составные элементы которой не прибавляются и не убавляются; однако, система эта не есть нѣчто косное и неподвижное, потому что составляющіе ее элементы или субстанціи, въ силу всеобщаго взаимодействія, развиваются, совершенствуются въ своихъ функціяхъ, постоянно приближаясь къ своей *цѣли*, которая есть въ то же время и ихъ *первоисточникъ*, именно, къ высочайшей субстанціи. Этотъ міръ, съ абсолютной точки зрѣнія, принадлежащей высочайшей субстанціи, вѣчно законченъ и тождественъ, но съ *перспективной точки зрѣнія* каждой субстанціи, смотря по мѣсту, занимаемому ею въ міровой системѣ, вѣчно измѣняется (т.-е. собственно говоря, измѣняется не міръ, но занимаемая въ немъ нами и другими существами мѣста, а слѣдовательно, измѣняются наши ощущенія, чувства, желанія, а также и наше пониманіе себя и міра).

Но не для однихъ только современныхъ позитивистовъ и матеріалистовъ чужда и притомъ антипатична философія Тейхмюллера: съ ней не можетъ сойтись и идеализмъ, прежде могущественный, а теперь сохраняющійся только у немногихъ остающихся ему вѣрными послѣднихъ эпигоновъ *).

*) Впрочемъ, Тейхмюллеръ, относящійся вообще отрицательно къ идеализму, все-таки ставитъ его высоко и весьма симпатизируетъ ему, тогда какъ къ матеріализму и позитивизму никакой симпатіи не обнаруживаетъ.

ственную ошибку идеализма у всѣхъ его представителей, начиная Платономъ и кончая Гегелемъ, Тейхмюллеръ видитъ въ томъ, что ими принималась *одна изъ функций дѣйствительности за единственную*, а именно: въ цѣломъ мірѣ идеализмъ считалъ реальностью только мышленіе и его продукты, т.-е. мысли, идеи или понятія. Все же прочее было для идеализма только мимолетнымъ и призрачнымъ бытіемъ, подражаніемъ идеямъ (Платонъ); или же преходящими, ничтожными примѣрами идеи на всѣхъ ступеняхъ ея развитія (Гегель). Потому въ идеализмѣ всѣ дѣятельности и акты (акциденціи) исчезаютъ въ субстанціи, поглощаются ею. Да и сама субстанція отождествляется съ ея понятіемъ. Такъ, напримѣръ, понятіе или идея нашего «я» въ идеализмѣ замѣняетъ и символизируетъ собою реально-мыслящее (т.-е. дѣйствующее въ мышленіи «я»), равно какъ, безъ яснаго сознанія о томъ, замѣняетъ собою и «я», обнаруживающееся и въ другихъ дѣятельностяхъ, продукты которыхъ суть вовсе не познанія, а хотѣнія, чувства, ощущенія и наконецъ, движенія (т.-е. акты взаимодѣйствія съ другими субстанціями или съ другими «я»).

Поэтому идеализмъ, объясняющій познаніе и познаваемый міръ вещей идеями, (потому что все содержаніе вещи, всѣ приличествующіе ей предикаты содержатся въ идеяхъ или понятіяхъ, общихъ всѣмъ единичнымъ вещамъ), повидимому, долженъ быть вполне удовлетворенъ этимъ и нисколько не нуждаться въ индивидуальныхъ вещахъ для рѣшенія главнаго философскаго вопроса о сущемъ, о бытіи. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на эту кажущуюся удовлетворенность, идеализмъ никогда не могъ *преодолеть* и *устранить* нѣкоего, говоря фигурально, червя, подтачивавшаго и разрушавшаго все его величественное міровоззрѣніе. Всегда у него оставалось *нѣчто такое*, что не можетъ быть выражено и объяснено идеями или понятіями, но въ реальности чего никто не можетъ сомнѣваться, потому что оно для каждаго непреложно засвидѣтельствовано его непосредственнымъ самосознаніемъ. Поэтому идеализмъ постоянно принужденъ былъ отдѣлываться отъ этого реального нѣчто (индивидуумъ, особь) пустыми словами. Это нѣчто издавна называлось *матерією*, которая опредѣлялась то какъ ничто (Платонъ), то какъ *чистая возможность* (Аристотель), то наконецъ какъ *вышедшая* изъ себя въ *инобытіе* идея, т.-е., не адекватное, какъ

бы не чистое бытіе (Гегель) и т. под. Поэтому когда идеализмъ пытался объяснить роль и значеніе этой неудобной для него матеріи и ея отношенія къ подлинно-реальному міру идей или понятій, то онъ постоянно употреблялъ иносказательныя, *метафорическія* выраженія, въ которыхъ нельзя мыслить ничего яснаго и опредѣленнаго и которыя служатъ только для прикрытія логическаго затрудненія, непреодолимаго для идеализма. Такъ, у Платона это матеріальное «ничто» имѣетъ *участіе* въ идеяхъ, *общеніе* съ ними, *подражаетъ* имъ. У Гегеля это есть *антитеза*, степень *чистаго отрицанія*, чрезъ которую будто бы должно проходить всяческое бытіе для своего полнаго развитія; или это есть еще не разрѣшенное противорѣчіе, смѣсь разума (необходимости) съ неразуміемъ (случайностью). Въ другихъ выраженіяхъ Гегель говоритъ, что матерія есть міръ, *отпавшій* отъ своей истинной формы абсолютной деи^{*)}.

Итакъ, Тейхмюллеръ видѣлъ Прѣтоу ψεύδος идеализма въ томъ, что онъ, субстанціруя идеи или понятія, всегда оказывался безсильнымъ объяснить *индивидуальное существованіе*; но кромѣ того, Тейхмюллеръ упрекаетъ идеализмъ и въ другомъ грѣхѣ, стоящемъ въ тѣсной связи съ первымъ: а именно, въ отсутствіи *надлежащаго анализа* идеи времени, а вслѣдствіе того и отсутствіи *правильнаго опредѣленія* этой идеи. Идеализмъ никогда не выдерживалъ строго понятія о безвременности мірового развитія, хотя оно было ему очень родственно и не понималъ, что время есть *идейный* порядокъ, существующій не въ дѣйствительности, а только въ нашемъ мышленіи, и никогда не могъ освободиться, даже въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей, отъ перспективно-наивнаго воззрѣнія, по которому время есть или вещь сама по себѣ, или же объективное свойство вещей. Къ этому присоединялось также и обычное смѣшеніе понятія *времени* съ понятіемъ *временной продолжительности*, которая всегда условна и ничего общаго съ сущностью идеи времени не имѣетъ. Это смѣшеніе ведетъ къ заблужденію—разсматривать и время, какъ количество, сущее само по себѣ. Поэтому, на примѣръ, и Платонъ, и потомъ Гегель понимали бытіе мірового процесса включеннымъ во время, какъ въ реально-простирающееся въ безконечность, на

*) Это опредѣленіе Гегеля, по моему, напоминаетъ о діаволѣ, отпавшемъ отъ Бога.

подобіе прямой линіи, *теченіе*. Но какъ скоро идеалисты вносили въ бытіе время, то уже для нихъ было неизбѣжно внести въ міровой процессъ и *ничто*, которое грозитъ и идеализму, и всякой другой философской системѣ, допускающей реальность времени, безвыходными затрудненіями. Какъ скоро время полагается реальнымъ, то оно угрожаетъ бытію и *началомъ изъ ничто* и *концомъ въ ничто* и наконецъ, *пунктамъ середины* тоже превращеніемъ въ *ничто*, потому что тогда дѣйствительность, выражаясь фигурально, какъ бы танцуетъ на остріѣ ножа, ширина котораго равняется нулю.

Ко всему до сихъ поръ сказанному я долженъ добавить, что критика Тейхмюллеромъ всѣхъ вышеозначенныхъ направленій, каковы: позитивизмъ, матеріализмъ (наивный и научный) и наконецъ, идеализмъ отличается, по моему, наибольшою ясностью, убѣдительностью и даже справедливостью, чѣмъ у другихъ философовъ, относившихся къ нимъ критически. Это происходитъ не только въ силу талантливости Тейхмюллера, но особенно вслѣдствіе его глубокаго знанія философіи древней и патристической, или философіи отцовъ христіанской церкви, дававшего ему возможность обнаружить въ своей критикѣ этихъ уже давно въ исторіи философіи смѣнявшихъ другъ друга направленій, глубочайшіе корни и первоначальные ростки ихъ и прослѣдить за позднѣйшими, въ теченіе вѣковъ выросавшими, стволами и вѣтвями. Наконецъ, этой убѣдительности критики Тейхмюллера всего болѣе способствуетъ тщательная и правильная выработка основныхъ понятій его собственной философской системы, которыя, конечно, служатъ ему *главнымъ критеріемъ для* оцѣнки чужихъ воззрѣній.

Но теперь спрашивается, къ какому же направленію принадлежитъ система самого Тейхмюллера? По его мнѣнію, существуютъ только *четыре* коренныя философскія направленія: три вышеупомянутыя (позитивизмъ, идеализмъ и матеріализмъ) *) и чет-

*) Спинозизмъ онъ не считаетъ особымъ направленіемъ, но какъ его, такъ и картѣзіанство причисляетъ къ идеализму же. Кстати сказать, спинозизмъ онъ упрекаетъ въ коренномъ противорѣчьи, составляющемъ его исходный пунктъ, или въ ученіи о двухъ атрибутахъ одной субстанции, *ничего между собою общаго не имѣющихъ*. Основное противорѣчіе, по Тейхмюллеру, выясняется тотчасъ же, какъ скоро мы спросимъ, какимъ образомъ мы, находящіеся въ атрибуѣ мышленія, можемъ знать объ атрибуѣ протяженія, когда между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго.

вертое, которое, по его мнѣнію, основано Лейбницемъ и къ которому онъ причисляетъ и себя. Это направленіе состоитъ въ признаніи, что исповѣдуемая до тѣхъ поръ въ философіи *противоположность между психическимъ* (духовнымъ) и *матеріальнымъ бытіемъ*—ложна и что оба эти начала сводятся къ единому бытію. Лейбницъ первый ясно увидѣлъ неосновательность предположенія, что будто кромѣ духовной субстанціи, *данной* намъ въ непосредственномъ сознаніи, существуетъ еще и матеріальная, и пришелъ къ убѣжденію, что такъ называемыя протяженныя субстанціи, *однородны* съ нашей душой и что, слѣдовательно, мы можемъ получить о нихъ понятіе по аналогіи съ нею и разсматривать всѣ матеріальныя тѣла какъ видовыя различія души, или же какъ ступени развитія, проходимыя ею, пока она не достигнетъ той стадіи, которая дана намъ въ непосредственномъ сознаніи.

Тейхмюллеръ видитъ въ Лейбницѣ величайшаго послѣ Платона изъ всѣхъ европейскихъ философовъ какъ по *оригинальности* въ творествѣ, такъ по *осмотрительности* и *остротѣ* въ мышленіи и съ энергіею поддерживаетъ свою оцѣнку Лейбница. Такъ, онъ указываетъ, что Лейбницъ, хотя и не имѣлъ самостоятельнаго исходнаго пункта для постройки особой системы, обладалъ однако такою творческою пронизательностью, что создалъ *оригинальную систему* путемъ критическихъ поправокъ чужихъ принциповъ и выводомъ изъ этихъ поправленныхъ принциповъ слѣдствій, послужившихъ какъ для освобожденія философіи отъ укоренившихся заблужденій, такъ и для открытія ей новыхъ путей къ дальнѣйшему развитію. Тейхмюллеръ приводитъ нѣсколько примѣровъ этой гениальной изобрѣтательности Лейбница, изъ которыхъ я, въ качествѣ образчика, выберу одинъ, а именно: указаніе на возникновеніе его основного метафизическаго принципа, т.-е. монады. Принимая догматически существованіе матеріальныхъ тѣлъ и разлагая сложныя матеріальныя субстанціи на ихъ элементы, Лейбницъ сперва прибѣгнулъ къ атомамъ Эпикура и Демокрита, чтобы построить изъ нихъ весь этотъ матеріальный міръ; но позднѣе, понявши, что бесконечная дѣлимость пространства не допускаетъ мыслить эти гипотетическіе послѣдніе элементы протяженныхъ тѣлъ пространственными, онъ отбросилъ отъ атомовъ свойство пространственности и пришелъ къ необходимости мыслить ихъ *безпростран-*

ственными единицами. Но рассуждая далѣе, что изъ безпространственныхъ элементовъ не могутъ произойти протяженныя тѣла, Лейбницъ приходитъ къ дальнѣйшему заключенію, что само пространство есть только феноменъ, или видимость, и что, слѣдовательно, протяженная матерія есть нѣчто кажущееся, а не реальность, которою можетъ быть признана только наша душа или что-либо ей аналогичное *).

Такимъ образомъ, Тейхмюллеръ, хотя и признаетъ вообще истину различія Кантомъ догматической философіи отъ критической и согласенъ причислить, съ точки зрѣнія этого различія, Лейбница къ догматическимъ философамъ, но все-таки ставитъ его выше Канта, потому что Лейбницъ, не смотря на свой догматизмъ, пришелъ къ весьма цѣннымъ и истиннымъ результатамъ, между тѣмъ какъ Кантъ, по Тейхмюллеру, владѣя болѣе правильнымъ исходнымъ пунктомъ, (т.-е. что главный источникъ философскаго знанія заключается въ данныхъ непосредственнаго сознанія и что, такъ называемыя, чувственные вещи суть только явленія), тотчасъ же, увлекаемый своими сенсуалистическими предразсудками, сошелъ съ этой вѣрной дороги. Вопреки своему критическому исходному пункту непосредственнаго сознанія, онъ считалъ субстанціями только вещи, которыя даны въ чувственномъ созерцаніи (Anschauung), и далѣе, начавши свою систему вѣрнымъ ученіемъ объ идеальности пространства и времени, — т.-е. что они не существуютъ сами по себѣ, а суть только наши идеи порядка, — тотчасъ же посредствомъ неяснаго и неопредѣленнаго термина «эмпирической реальности пространства и времени» парализовалъ свое вѣрное ученіе и впалъ въ позитивистическій эмпиризмъ, учившій о непознаваемости бытія и о познаваемости только однихъ явленій, т.-е. высказалъ мысль, которая прикрываетъ свою бессмыслицу только пустыми словами и не можетъ быть отстаиваема логически. «Поэтому», говорить

*) Точно также, замѣчу я уже отъ себя, относясь критически къ сенсуалистическому принципу Локка: nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu, Лейбницъ поправляетъ эту основную сенсуалистическую формулу о происхожденіи познанія маленькою прибавкою изъ трехъ словъ, такъ что она выходитъ: nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu: nisi ipse intellectus (нѣтъ ничего въ умѣ, чего прежде не было бы въ чувствѣ, за исключеніемъ самого ума), и на основаніи этой поправленной формулы строить противоположную сенсуалистической теорію познанія, въ которой главную роль въ его построеніи играютъ мышленіе и разумъ, а не чувственность.

въ одномъ мѣстѣ Тейхмюллеръ, «гораздо лучше мыслить критически съ догматическимъ Лейбницемъ, чѣмъ погружаться въ слѣпой догматизмъ съ критическимъ Кантомъ» *).

Но не смотря на великое значеніе, придаваемое Лейбницу Тейхмюллеромъ, и на признаніе себя его послѣдователемъ, на него вовсе не должно смотрѣть какъ на вѣрнаго только ученика, воспроизводившаго съ незначительными видоизмѣненіями и въ систематическомъ порядкѣ философію великаго учителя. Нѣтъ! Тейхмюллеръ оказывается вполне оригинальнымъ и самобытнымъ мыслителемъ по отношенію къ Лейбницу, отъ котораго прямо получаетъ только одинъ *основной исходный пунктъ*, — что вещи матеріальнаго міра безпространственны и аналогичны нашей душѣ. Но затѣмъ онъ вполне самостоятеленъ и существенно отличается отъ Лейбница какъ въ *обосновкѣ, развитіи и доказательствахъ* цѣлой системы, такъ даже и въ *расположеніи и выраженіи* ея составныхъ элементовъ **). Поэтому-то Тейхмюллеръ подвергаетъ многіе пункты философіи Лейбница гораздо основательнѣйшей критикѣ, чѣмъ, напримѣръ, Кантъ или другіе критики Лейбница ***).

*) См. „Die wirkliche und die scheinbare Welt“ (стр. 139).

***) Въ доказательство независимости отъ Лейбница системы Тейхмюллера можно было бы привести то соображеніе, что она могла бы остаться тою же самою, какъ и теперь, еслибы Тейхмюллеръ примкнулъ съ нею не къ Лейбницу, а къ другому философу, весьма родственному съ послѣднимъ въ томъ существенномъ основоположеніи, что матеріальныя вещи не существуютъ сами по себѣ, а суть только наши идеи. Я имѣю въ виду именно Берклея, о которомъ, сколько мнѣ помнится, Тейхмюллеръ совсѣмъ не упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Конечно, въ этомъ случаѣ тождеству отрицанія и Лейбницемъ, и Берклеемъ реальности матеріальныхъ вещей нисколько бы не мѣшала разница въ пути, которымъ оба философа пришли къ этому отрицанію.

***)) Здѣсь кстати сказать, что не говоря уже о разныхъ посредственностяхъ позитивистическаго лагеря, позволяющихъ себѣ относиться свысока къ Лейбницу, даже и болѣе крупные философы, какъ напримѣръ, Шопенгауэръ, не умѣютъ оцѣнить его по достоинству. Что же касается до весьма неприличныхъ выходокъ, которыя позволяетъ себѣ противъ него Дюрингъ, вообще человѣкъ несомнѣнно талантливый, то онѣ объясняются не только громадною разницею въ основныхъ началахъ (для Лейбница матерія реально не существуетъ, а для Дюринга она всемогущій богъ), но и вообще демократическою озлобленностью Дюринга противъ всѣхъ ученыхъ и философовъ, если они пользовались какимъ-либо внѣшнимъ почетнымъ положеніемъ, а вѣдь Лейбницъ въ свое время находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ высокопоставленными особами.

Такъ напимѣрь, нельзя не согласиться съ Тейхмюллеромъ, когда онъ упрекаетъ Лейбница, что тотъ ничего не сдѣлалъ для удовлетворительной выработки понятія бытія, что онъ не позаботился понятно соединить признаваемые имъ *два* дѣятельности души человѣческой: *perceptio* и *appetitus* *); что его *предустановленная гармонія* есть гипотеза, которая ничѣмъ не подкрѣпляется, кромѣ догматической ссылки на божественную мудрость и всемогущество. Точно также подвергаетъ Тейхмюллеръ критикѣ ученіе Лейбница, отрицавшее естественное взаимодѣйствіе субстанцій **) и замѣнявшее это взаимодѣйствіе предположеніемъ чудесно устроенной богомъ *идеальной связи* нашихъ состояній съ состояніями другихъ монадъ міра, по которой каждая изъ нихъ есть зеркало всей вселенной. Тейхмюллеръ считаетъ это положеніе объ идеальной связи бесплоднымъ, не удовлетворяющимъ потребности разумнаго объясненія. Наконецъ, Тейхмюллеръ подвергаетъ основательной критикѣ всѣ ученія Лейбница, которыя зиждутся на понятіяхъ *безконечности* и *непрерывности*, какъ напимѣрь, ученіе о безконечномъ числѣ монадъ или субстанцій, или же о непрерывности развитія, проходящаго черезъ безконечное число ступеней, и объясняетъ эти ошибочныя ученія тѣмъ, что въ нихъ Лейбницъ переносилъ означенныя понятія изъ математики, гдѣ они вполнѣ умѣстны, въ метафизику, или науку о реальномъ бытіи, гдѣ безконечность, или, что то же, непрерывность, существующія условно только въ умѣ, никогда не могутъ быть терпимы.

Но Тейхмюллеръ не ограничивается критикой вышеозначенныхъ воззрѣній и понятій Лейбница, но въ духѣ общаго направленія его философіи или значительно *преобразуетъ* ихъ или же *замѣняетъ* ихъ собственными, которыя и составляютъ цѣлую систему, изложенную имъ въ различныхъ его сочиненіяхъ. Эти

*) Лейбницъ называетъ стремленіемъ или хотѣніемъ—*appetitus*—ту дѣятельность, въ силу которой каждая монада постоянно переходитъ изъ одного состоянія въ другое. *Perceptio* же собственно значить воспріятіе, но монада Лейбница, по его фигуральному выраженію, не имѣетъ никакихъ оконъ, черезъ которыя она могла бы получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ мірѣ не „я“, т.-е. другихъ существъ, а потому у него *perceptio* употребляется не въ точномъ смыслѣ, а въ смыслѣ дѣятельности представленія (пониманія) тѣхъ состояній, которыя въ монадѣ смѣняются, соотвѣтственно перемѣнамъ, происходящимъ въ цѣломъ мірѣ.

**) Тогда оно обозначалось терминомъ *influxus physicus*.

воззрѣнія и понятія отличаются такими смѣлостью, глубиною и убѣдительною, что нельзя не согласиться съ Гейхмюллеромъ, когда онъ считаетъ себя *истиннымъ продолжателемъ* Лейбница въ основанномъ имъ особомъ (четвертомъ) направленіи философіи *).

Къ сожалѣнію, Гейхмюллеръ былъ рано захваченъ смертію, такъ что оставилъ свою систему во многихъ пунктахъ не выработанною и не оконченною **). Изъ дисциплинъ, составляющихъ философскую систему, полнѣе всего разработана у него метафизика, или, точнѣе бы сказать, теорія познанія. Но и здѣсь есть большіе или меньшіе *пробѣлы*. Такъ напримѣръ, ученіе о субстанціяхъ и объ ихъ взаимодействіи разработано недостаточно и оставляетъ желать дополненій. Совершенно отсутствуетъ геологія или ученіе о высочайшей субстанціи ***). Затѣмъ остается мало развитымъ ученіе, относящееся къ этикѣ и эстетикѣ; и наконецъ, область философіи права и философіи общества почти совсѣмъ не затронута.

Теперь я уже обращусь къ краткому указанію на содержаніе главнѣйшихъ сочиненій Гейхмюллера и между ними того сочиненія, по поводу котораго появляется настоящая моя статья.

А. Козловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Правда, между Гейхмюллеромъ и Лейбницемъ можно поставить Лотце, котораго философія близка къ направленію Лейбница и который имѣлъ вначалѣ вліяніе и на Гейхмюллера, считающаго Лотце геніальнѣйшимъ изъ современныхъ представителей философіи; но впослѣдствіи Гейхмюллеръ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе расходится съ Лотце въ весьма важныхъ пунктахъ, какъ напримѣръ, въ ученіи о времени, которое Лотце считаетъ реальнымъ, въ понятіи о бытіи, въ вопросѣ о взаимодействіи субстанцій, въ рѣшеніи котораго Лотце гораздо ближе къ Лейбницу, чѣмъ Гейхмюллеръ, и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, такъ что не совсѣмъ безъ основанія Гейхмюллеръ высказываетъ мнѣніе, что Лотце въ послѣднее время должно причислить къ платоникамъ и вообще идеалистамъ.

***) Поэтому люди, хорошо знакомые съ сочиненіями Гейхмюллера, читая, напримѣръ, краткое изложеніе, сдѣланное мною выше, его міросозерцанія, могутъ сдѣлать упрекъ, что я немножко *вышелъ* изъ сферы положеній, высказанныхъ самимъ Гейхмюллеромъ. Надѣюсь, что, если это и справедливо, то я вышелъ только чуть-чуть *за букву* Гейхмюллера, но остался вполне *вѣрнымъ* его *духу*.

****) Какъ слышно, впрочемъ, оно существуетъ въ черновыхъ рукописяхъ въ рукахъ семейства покойнаго.

Психологія идей-силъ.

Профессоръ Козловъ въ статьяхъ, которыя печатались въ «*Вопросахъ философіи и психологіи*», отвелъ Альфреду Фулье мѣсто въ группѣ мыслителей, названныхъ имъ французскими полу-позитивистами. Новый и обширный трудъ Фулье—*Психологія идей-силъ*,*) вышедшій послѣ работы А. А. Козлова, подтверждаетъ вѣрность этой характеристики. Въ названномъ сочиненіи видна та же двойственность, на которую указывалъ русскій критикъ. Двойственность эта объясняется нѣкоторымъ тяготѣніемъ самого автора къ метафизическому умозрѣнію. Но этого объясненія, по нашему мнѣнію, не достаточно: позитивистъ преобладаетъ въ Фулье,—въ основу своихъ построеній онъ кладетъ, только научныя истины или допускаемая наукою гипотезы; ему приходится вступать на зыбкую почву метафизики въ тѣхъ нерѣдкихъ еще случаяхъ, когда у науки нѣтъ достаточныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, или тогда, когда оказывается, что французскій позитивизмъ понапрасну сузилъ предѣлы философскаго міроистолкованія или отвергнулъ задачи, быть можетъ, доступныя нашему пониманію, хотя и не въ точной формѣ научныхъ законовъ.

По мнѣнію Фулье, психологія до сихъ поръ разсматривалась ✓ всего чаще съ точки зрѣнія «ума и познанія»**). Мысль и логическій механизмъ ея операций составляли главное содержаніе науки. Дѣйствительная задача психологіи состоитъ въ изученіи образованія состояній нашего сознанія,—нашихъ идей, въ уясненіи

*) *Fouillée: La psychologie des idées-forces*, 1893 (два тома).

**) «... au point de vue de l'intelligence». Такъ передаетъ понятіе intelligence г. Страховъ въ переводѣ извѣстнаго трактата Тэна.

условій дѣятельности нашей мысли и вліянія мысли и чувства на эволюцію психической природы человѣка. Если роль сознанія равняется не нулю, то идеи и чувства должны быть факторами душевной (mentale) эволюціи, и тогда каждое внутреннее измѣненіе, въ психическомъ смыслѣ, — будучи неразлучно съ измѣненіемъ внѣшнимъ, движеніемъ, — вліяетъ на внѣшній міръ.

Явленія душевной жизни (phénomènes mentaux) — не представленія, а влеченія, побужденія (appetitions), сопровождающіяся пріятными или непріятными ощущеніями, разрѣшающіяся поэтому либо въ дѣйствія, либо въ противодѣйствія. Идеи — не фантомъ, не тѣни въ *inania regna*, не панорама представленій: это живой процессъ, это жизнь воли. Крайній идеалистическій выводъ изъ этого положенія Фулье парализируетъ утвержденіемъ, что нѣтъ душевнаго состоянія безъ мозгового.

Всякій фактъ сознанія является процессомъ съ тремя неотдѣлимыми другъ отъ друга терминами; онъ заключаетъ въ себѣ: 1) какое-либо различіе, 2) ощущеніе пріятнаго или болѣзненнаго, 3) дѣйствіе, въ смыслѣ положительномъ, или реакціи. Когда этотъ процессъ обдуманъ, получается различимая форма сознанія, идея, т.-е. различіе, нераздѣлимое отъ предпочтенія. Единство мысли и дѣйствованія неразложимо. Всякая психическая сила въ основѣ есть воля (движеніе), поэтому всѣ душевные процессы непрерывны и солидарны. Вслѣдствіе же неотдѣлимости душевныхъ процессовъ отъ мозговыхъ, различіе внутреннихъ и внѣшнихъ феноменовъ является классификаціей условій одного и того же феномена: первые суть условія, представляемыя въ пространствѣ, посредствомъ зрѣнія и осязанія; вторые — не представляемыя (такимъ образомъ) условія. Движеніе есть способъ представленія, благодаря которому мы изображаемъ (figurons) въ пространствѣ дѣйствія, которыя не имѣютъ ничего пространственнаго!

Психологическою проблемою представляется: какъ феномены даются сознанію? Что такое субъектъ по отношенію къ объектамъ, которые онъ чувствуетъ и на которые онъ реагируетъ? На первоначальныхъ ступеняхъ развитія душевной жизни различіе между субъектомъ и объектомъ не сознается. Психологія, какъ и біологія, должна быть изученіемъ организаци и эволюціи субъекта, индивидуума, нашего я. Ощущенія, эмоціи, ре-

акціи—вотъ явленія, въ которыхъ обнаруживается субъектъ; всѣ они проникнуты цѣлью, — стремленіемъ къ достиженію наибольшаго блага, и этимъ отличаются отъ процессовъ физическихъ. Борьба за жизнь въ психическомъ отношеніи есть борьба воли. ✓ Если бы въ дѣйствительности существовалъ только универсальный механизмъ, то было бы и универсальное безразличіе. Безъ психическаго принципа интереса, борьба за жизнь была бы непо- ✓ нятна, поэтому истинный эволюціонистъ, говоритъ Фулье, — т.-е. истинный дарвинистъ, — долженъ признать двигателемъ развитія ощущеніе, желаніе жить.

Душевному началомъ является все то, что заключаетъ въ себѣ будущее, предчувствуется въ настоящемъ, при какомъ-либо усилии перейти отъ одного къ другому *). Ничего подобнаго нѣтъ въ хронометрѣ. Такимъ образомъ, причиною въ психиче- ✓ скомъ мірѣ явленій служитъ воля, вслѣдствіе чего въ мірѣ этихъ явленій причинность и цѣлесообразность становятся тождествомъ. Различными формами воли должны быть признаны идеи-силы. ✓ Изученіе воли и ея формъ и есть предметъ психологіи.

Разсматривая и критикуя мнѣнія Мюнстерберга и Джемса, Фулье приходитъ къ заключенію, что сознаніе непосредственно, что оно не наблюденіе, не рефлексія, не мысль; оно есть психическая функція, разсматриваемая въ ея характерѣ субъективной неразложимости. Сознаніе — не особая способность, не осо- ✓ бый актъ: оно — общій постоянный и непосредственный характеръ психическихъ функцій. Именно потому, что эти функціи сознательны, нѣтъ *сознанія* (an und für sich). Сознаніе вы- ✓ ражаетъ ту особенность душевныхъ феноменовъ, что они испытываются — и существуютъ лишь постольку, поскольку испытываются **).

Наши психическія состоянія отличаются различною интенсив- ✓ ностью, — новое доказательство въ пользу психическихъ силъ, которыя могутъ расти и уменьшаться. Наша воля то стѣсняется, ✓ то поощряется, и это свидѣтельствуемъ о присутствіи въ сознаніи динамическаго элемента. Возражая Рибо, Бинэ и другимъ

*) «Est mental tout ce qui enveloppe l'avenir pressenti dans le présent senti, avec un effort quelconque pour passer de l'un à l'autre».

**) «Le mot de *conscience* exprime simplement cette propriété originale de tous les phénomènes mentaux qui fait qu'ils sont *éprouvés* en même temps qu'ils *sont*, et ne sont qu'en tant qu'*éprouvés*».

ученымъ той же школы, Фулье говорить, что психическое побужденіе (*appétit*) только вполслѣдствіи становится механичнымъ, **✓** рефлексомъ. Не воля происходитъ изъ механизма, чудомъ ставшаго разумнымъ (*intelligent*), наоборотъ, рефлексъ — это воля, ставшая автоматичною. Влеченіе, побужденіе, аппетитъ есть главный факторъ нашей душевной эволюціи. Метафизики могутъ отсюда вывести, добавляетъ французскій мыслитель (нѣмецкіе давно уже выводили), что этотъ аппетитъ, въ скрытой формѣ, есть и главный факторъ міровой эволюціи.

Простое и тождественное *я* есть болѣе или менѣе символическое олицетвореніе психическаго синтеза неразложимаго элемента сознанія. Ему соотвѣтствуетъ синтезъ мозговой («*il a sa contrepartie dans la synthèse cérébrale*»). Не надо забывать, говоритъ Фулье, что самое устройство мозга приводитъ къ автоматической классификаціи ощущеній, какъ это превосходно описано Спенсеромъ. Наше *я* производится не только ассоціаціей идей, но постоянствомъ организма, постоянствомъ мозговой системы, темными ощущеніями, которыя въ насъ происходятъ. Чувство нашей личности есть составное изъ всѣхъ нашихъ воспоминаній, которое соотвѣтствуетъ постоянному въ мозговомъ веществѣ. («*Le sentiment de la personnalité est un composé de tous nos souvenirs, qui répond à la masse durable de notre cerveau*»).

Идея *я* становится центромъ для воли, для ума, для чувствованій. Самопроизвольное желаніе жить становится взвѣщенной волею самоопредѣленія. Разсѣянные импульсы нашей психической жизни сосредоточиваются около *я* и направляются къ общей сознательной цѣли. Образуются стремленія не къ мимолетнымъ только удовольствіямъ, а къ дѣющимся или высшимъ, ради которыхъ первыя откладываются или устраняются. **✓** *Я*, ставши идеей, предметомъ различимаго сознанія, становится и мотивомъ дѣйствованія, стремится реализовать себя волею, мыслью, чувствами. Возникаютъ и пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе **✓** *идеалы счастья*. Мысль объ *я*, въ особенности объ идеальномъ *я*, — вырываетъ насъ изъ роковой власти страстей или изъ грубаго побужденія, расширяетъ нашу жизнь за границы настоящаго часа и даже настоящаго существованія: она позволяетъ намъ **✓** дѣйствовать *sub specie aeterni*. Осуществленіе идеальнаго *я*, — истиннаго *я*, которое есть чистая идея, — становится нравственнымъ поведеніемъ («*La pensée du moi, surtout du moi idéal,*

nous arrache à la fatalité de la passion et à son impulsion brutale; elle étend notre vie au delà des limites de l'heure présente et même de l'existence présente: elle nous permet d'agir *sub specie aeterni*. La réalisation du moi idéal, du vrai moi,—qui est une pure idée,—devient la moralité même»).

Я—не только индивидуальное, но и социальное. Подъ послѣднимъ Фулье разумѣтъ объединенное цѣлое нашихъ общественныхъ инстинктовъ, чувствъ, идей. *Мое* отечество — это я. Реализація моего истиннаго я включаетъ реализацію другихъ я, съ которыми меня связываютъ одинаковыя влеченія и общіе интересы. Фулье говоритъ, что кантовскіе факторы *a priori* суть социальные факторы: чтобы жить въ обществѣ, надо было думать по социальнымъ категоріямъ, по коллективнымъ правиламъ. Однако, французскій ученый не желаетъ сводить всю логику на исторію («le logique n'est pas tout entier de l'historique»).

Истинная или призрачная, идея я, сосредоточивши наши психическія силы, не даетъ намъ утонуть въ смутныхъ волнахъ впечатлѣній и идей. Ощущенія и мысли наши, благодаря образовавшемуся въ сознаніи я, располагаются линейно, отъ прошлаго къ будущему. Мы можемъ дѣйствовать тогда сознательно, по направленію наименьшаго сопротивленія, съ наименьшею, стало быть, тратою силъ. Это увеличиваетъ шансы въ борьбѣ за существованіе и ведетъ въ свою очередь къ новому укрѣпленію нашего я.

Но свободно ли это я? Многіе психологи не признаютъ воли, отличающейся отъ ощущеній и воспоминаній. Фулье другого мнѣнія: свобода является тогда, когда желаніе и мотивы дѣйствія находятся внутри насъ, когда у насъ возникаетъ идея движенія съ опредѣленною цѣлью и мы хотимъ его совершить. Противуположное происходитъ, на примѣръ, тогда, когда опредѣляетъ дѣйствіе, помимо моего желанія, внѣшній предметъ: такъ, неожиданный обжогъ заставляетъ быстро откинуть руку. Желаніе не связано съ какою-либо отдѣльною психическою способностью (*faculté*), а съ цѣлостностью психическихъ и мозговыхъ реакцій, является ихъ выраженіемъ. Фулье указываетъ при этомъ на искусственность раздѣленія мысли и дѣйствія и полагаетъ, что болѣе или менѣе искусственно и разъединеніе двигательныхъ и чувствующихъ центровъ. Отъ первоначальнаго желанія (*désir*) Фулье отличаетъ *хотѣніе* (*volition*): въ послѣднемъ

точка отправленія—я, сознательное желаніе; въ хотѣніи и цѣль выбрана, и средства опредѣлены.

Между различными желаніями и хотѣніями въ нашей душѣ происходитъ очень часто борьба; но невѣрно утвержденіе фаталистовъ, что въ этой борьбѣ побѣждающій мотивъ уже вначалѣ былъ наиболѣе сильнымъ: въ процессѣ обсужденія выступаютъ новые элементы, идеи и чувствованія, и первоначальное побужденіе терпитъ нерѣдко рѣшительное пораженіе, а торжествуетъ мысль или желаніе, бывшія при возникновеніи процесса мало или вовсе несознаваемыми. Рѣшаетъ все наше я, весь нашъ характеръ, который вскрывается результатомъ такого рода волевыхъ процессовъ. Разсматриваемая какъ идея, свобода воли является идеею-силою. Свобода, говоритъ Фулье, есть возможный максимумъ независимости для воли, опредѣляющейя, подъ идеею этой независимости, въ виду цѣли, о которой равнымъ образомъ она имѣетъ идею («La liberté est le maximum possible d'indépendance pour la volonté, se déterminant, sous l'idée même de cette indépendance, en vue d'une fin dont elle a également l'idée»).

Слѣдуетъ замѣтить, что нашъ характеръ не совпадаетъ вполне съ нашимъ я, съ тѣмъ, что вошло и консолидировалось какъ я въ нашемъ сознаніи. Этимъ суживается наша свобода выбора, какъ ее понимаетъ Фулье: свобода для него является разумною причинностью я («La liberté est la causalité intelligente du moi»). Свобода есть субъективность по преимуществу, она—я, ставящее себя въ независимость по отношенію къ внѣшнему міру, опредѣляющее себя цѣлью и дѣйствующее подъ идеею именно своей свободы.

Кончаетъ свой трудъ Фулье замѣчаніемъ, что въ недавнее время, когда Гартманъ печаталъ свои сочиненія, безсознательное было въ модѣ; его хотѣли видѣть всюду, и сознаніе признавалось лишь случайнымъ блуждающимъ огонькомъ на великомъ кладбищѣ безсознательнаго. Фулье говоритъ, что онъ усиленно боролся противъ этого воззрѣнія, поддерживая то положеніе, что такъ называемое безсознательное есть ослабленіе, перемѣщеніе или болѣзненное состояніе сознанія, т. е. элементовъ чувствительности и побужденія (sensibilité et appétit). Ничего не теряется въ природѣ, все метаморфозируется. Этотъ принципъ, полагаетъ Фулье, скоро восторжествуетъ и въ психологіи. Со-

зданіе и уничтоженіе душевнаго такъ же непостижимо, какъ и сознаніе и уничтоженіе движенія («La création et l'annihilation du mental sont aussi inconcevables que la création ou annihilation du mouvement»). Скоро поставятъ принципомъ непрерывность, постоянство и превращеніе элементовъ психической энергіи, зародышей идей-силъ. Наука будущаго откроетъ присутствіе духовнаго начала, въ той или другой степени, какъ ощущенія и стремленія, повсюду; фантомъ безсознательнаго будетъ окончательно изгнанъ и будетъ признана, какъ предлагаетъ назвать Фулье, повсемѣстность, вездѣсущіе сознанія (ubiquité de la conscience *).

Естественно, что такую постановкою вопроса остаются недовольны какъ сторонники спиритуалистическаго, такъ и материалистическаго монизма. Нельзя назвать вообще монизмомъ— не только истиннымъ,— ученіе, которое признаетъ совмѣстное существованіе двухъ равноправныхъ и неразрушимыхъ началъ, если они не атрибуты абсолютнаго. Вездѣсущіе сознанія у Фулье во всякомъ случаѣ—не это абсолютное. Признавая со Спенсеромъ, что самое устройство мозга приводитъ къ автоматической классификаціи ощущеній, можно и не видѣть чуда въ появленіи этимъ путемъ воли разумнаго, скажутъ одни. Другіе, какъ Бурдо**), найдутъ съ своей точки зрѣнія возраженія противъ *психологій безъ души*. Несомнѣнно, однако, что трактатъ Фулье прочтется съ интересомъ и пользою сторонниками и того, и другого направленія,—такъ много въ немъ ума, знанія, вѣрныхъ и тонкихъ, иногда парадоксальныхъ, но будящихъ мысль замѣчаній, выводовъ и наблюденій. Поучительно сопоставить положенія Фулье съ тѣми, которыя выставлены Н. Я. Гротомъ въ его рефератѣ о значеніи идеи параллелизма въ психологій и, по моему мнѣнію, отличаются большею опредѣленностью и логичностью: Н. Я. Гротъ говоритъ, что ученіе о параллелизмѣ душевныхъ состояній и фізіологическихъ процессовъ всегда скрываетъ за собою убѣжденіе въ полной зависимости первыхъ отъ анатомическихъ и фізіологическихъ условій (т.-е. условій матеріальныхъ).

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ концѣ введенія (томъ первый, стр. XL) Фулье говоритъ, что его психологія идей-силъ является основаніемъ истиннаго монизма.

**) Revue philosophique. Les caractères (Journal des Débats, 20. 1893).

Главная заслуга Фулье заключается, я думаю, въ остроумной и во многихъ отношеніяхъ удавшейся попыткѣ психологически доказать существованіе идей-силъ. На этой почвѣ возможно объяснить тотъ принципъ, который Л. М. Лопатинъ называетъ въ своемъ рефератѣ о подвижныхъ ассоціаціяхъ идей принципомъ телеологическимъ. Теорія идей-силъ должна послужить основаніемъ для идеалистическихъ построеній, имѣющихъ цѣлью внести въ нашу жизнь какъ можно болѣе знанія и правды, любви и красоты.

В. Гольцевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

C. M. Williams. A. Review of the Systems of Ethics founded on the Theory of Evolution. Lond. 1893, pp. XV+581.

Ученіе объ эволюціи въ настоящее время самое распространенное. Нѣтъ области, въ которой бы оно не примѣнялось. Это широкое примѣненіе—слѣдствіе не одного только увлеченія, но и того, что эволюціонная теорія болѣе всякой другой подтверждается данными опыта, соотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ экспериментальной методы, открываетъ нестѣсняемый просторъ философской спекуляціи. Въ ученіи о нравственности она насчитываетъ нѣсколько крупныхъ представителей, такъ что «эволюціонная этика» давно уже занимаетъ въ исторіи нравственныхъ ученій особый отдѣлъ. Но до сихъ поръ не было ни одной книги, въ которой были бы объединены всѣ выдающіяся системы такой этики. Уильямсъ впервые заполняетъ этотъ пробѣлъ. Въ его книгѣ обстоятельно изложены ученія тринадцати «эволюціонистовъ» — Дарвина, Уоллеса, Геккеля, Спенсера, Файска, Рольфа, Беррета, Стефена, Карнери, Гёффдинга, Гижицкаго, Алексэндера, Рея.

Изложеніе теорій занимаетъ только одну половину книги, другая, большая, посвящена ихъ критикѣ. Здѣсь Уильямсъ ставитъ рядъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ. Противорѣчитъ ли теорія эволюціи религіозному чувству? Каковы основныя понятія нравственной эволюціи? Существуетъ ли вселенскій разумъ и міровая цѣлесообразность? Что такое воля? Какое отношеніе между мыслью, чувствомъ, волей, эгоизмомъ и альтруизмомъ? Изъ чего слагается нравственное сознаніе? Какъ представляется

прогрессъ съ точки зрѣнія исторіи? Каковы результаты нравственнаго изслѣдованія на почвѣ эволюціи? Въ чемъ состоитъ нравственный идеалъ и какъ его достигнуть?—Всѣ эти вопросы истолкованы на почвѣ широкой учености и съ различныхъ точекъ зрѣнія, но опредѣленный отвѣтъ данъ только на первый вопросъ: эволюціонная теорія противорѣчитъ лишь одному религіозному убѣжденію—тому, «которое принимаетъ начальныя главы книги Бытія за букввальную исторію» (р. 270). На остальные вопросы книга отвѣчаетъ либо критикой чужихъ воззрѣній, либо приводитъ рядъ фактовъ, изъ которыхъ сдѣлать выводъ долженъ самъ читатель, либо, наконецъ, предлагаетъ «текучіе» отвѣты, т. е. такіе, въ которыхъ одна возможность подсказываетъ другую, другая въ свою очередь не исключаетъ третьей и т. д. *Sic et non*—общій характеръ большинства анализовъ Уильямса.

Анализы эти поэтому не могутъ удовлетворить тѣхъ, кто отъ всякаго автора привыкъ требовать готовыхъ рѣшеній. Должно однако помнить, что оцѣнка чужихъ воззрѣній не предполагаетъ въ самомъ критикѣ законченной системы, но лишь твердые общіе руководительные принципы. Уильямсъ вполне и сознательно убѣжденъ въ фактѣ всеобщей эволюціи, но какъ объяснить на почвѣ этого факта остальные факты—это другой вопросъ.

Впрочемъ, съ точки зрѣнія ученія объ эволюціи, замкнутое ученіе возможно только объ общихъ основаніяхъ, законахъ и факторахъ самой эволюціи, такъ какъ все частное находится только еще въ развитіи, т. е. лишь *бываетъ*, а не *есть*.

Высшій идеалъ эволюціонной этики—всеобщее счастье. Эта истина предполагается какъ необходимый постулатъ. Но въ истолкованіи этого постулата не предполагается единомыслія, такъ какъ содержаніе понятія «счастье» (какъ и всякаго другого) не есть нѣчто постоянное, но прогрессирующее и потому выблемое и измѣнчивое, сообразно съ условіями среды и времени. Досто- вѣрно, во всякомъ случаѣ, что всеобщее *бываніе* не исключаетъ, а утверждаетъ другой необходимый постулатъ этики — взаимную любовь. «Въ книгѣ реальности... страницы горятъ передъ нашими глазами по мѣрѣ чтенія. Рано или поздно всѣ мы достигнемъ той точки, гдѣ то, что дѣлало жизнь особенно дорогой, уходитъ отъ насъ на вѣки. Здѣсь существуетъ только одно утѣшеніе—знаніе самого этого факта. Оно должно всѣхъ насъ

заставить тѣснѣе сплотиться въ симпатіи и взаимнымъ доброжелательствомъ слѣлать потерю менѣе горькой. Какъ скоро мы признаемъ истину и склонимъ свое чело предъ неизбѣжнымъ, мы можемъ отъ великихъ поборниковъ научнаго сомнѣнія и чистаго гуманизма научиться менѣе узкому счастью какъ для этой жизни, такъ и для будущей» (р. 581).

По частной, постановленной Уильямсомъ задачѣ, ему, быть можетъ, не нужно было входить въ обсужденіе общихъ основаній всякой вообще эволюціи. Но требованіе отъ него большей опредѣленности въ ученіи о факторахъ нравственнаго развитія было бы, повидимому, вполне законнымъ и на почвѣ ученія о всеобщемъ потокѣ.

Недостатокъ опредѣленности въ значительной мѣрѣ искупается чрезвычайной содержательностью книги. Сколько-нибудь подробная оцѣнка ея богатства вывела бы далеко за предѣлы короткой рецензіи. Ограничусь поэтому указаніемъ на одинъ чисто фактической промахъ. Родоначальникомъ современнаго ученія объ эволюціи Уильямсъ называютъ Дарвина (р. 277). Это ошибка. Такимъ родоначальникомъ мы должны признать не Дарвина, а Спенсера. Это первенство ставитъ на видъ Спенсеръ и признаетъ Дарвинъ *). Но заблужденіе это настолько распространено, что мѣшаетъ замѣтить истину даже специалистамъ. Впрочемъ, корни ученія объ эволюціи кроются во мглѣ прошлаго, такъ какъ, согласно съ этимъ ученіемъ, оно само сложилось по законамъ эволюціи, т. е. постепенно, и потому спорить здѣсь о правѣ первенства можно только по отношенію къ новѣйшему времени. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представителями ученія о всеобщей эволюціи были, какъ извѣстно, Шеллингъ и Гегель.

А. Гиляровъ.

Alfred Binet (avec la collaboration de **Mm. Philippe, Courtier et V. Henri**). Introduction à la psychologie expérimentale. Paris. 1894. 146 p., 2 fr. 50.

Это небольшое «Введеніе въ изученіе экспериментальной психологии» посвящено авторами извѣстному Ляру, по предложенію котораго, какъ directeur de l'enseignement supérieur, и была учреж-

*) Spencer, First Principles, Preface to the fourth edition, pp. V—VI (5—th ed. 1884). Darwin, Origin of Species, p. XIX, (6—th ed., 1889).

дена министерскимъ приказомъ 29 янв. 1889 г. психологическая лабораторія при «Ecole pratique des Hautes Etudes» — въ помѣщеніи Сорбонны; изъ нея вышла большая часть французскихъ экспериментально-психологическихъ изслѣдованій, печатающихся постоянно въ *Revue philosophique*, *Revue scientifique*, *Revue générale des sciences* и резюмируемыхъ въ общелитературныхъ журналахъ. Появившійся теперь коллективный трудъ работниковъ этой лабораторіи можетъ служить очень удобнымъ первоначальнымъ руководствомъ для приступающихъ къ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ по психологіи. Особенно полезнымъ такое руководство можетъ быть для русскихъ студентовъ именно теперь, когда, съ одной стороны, экспериментально-психологическія изслѣдованія получили всеобщее признаніе въ средѣ компетентныхъ ученыхъ и значительно пополнили и обновили прежній психологическій матеріалъ, и когда, съ другой стороны, при русскихъ университетахъ начинаютъ умножаться такого рода изслѣдованія и организуются кабинеты для соотвѣтствующихъ изученій.

Сочиненіе французскихъ психологовъ состоитъ изъ восьми главъ и заключенія; первая глава посвящена описанію обстановки парижской «лабораторіи экспериментальной психологіи» и перечню сдѣланныхъ въ ней работъ; здѣсь же кратко описаны три нѣмецкихъ лабораторій: Вундта—въ Лейпцигѣ, Миллера—въ Геттингенѣ и Марціуса—въ Боннѣ. Вторая глава говоритъ вкратцѣ о методахъ психологіи. Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ (3—6) поставлены и перечислены главные вопросы, на которые могутъ быть получены экспериментальные отвѣты, а также описаны самые методы производства соотвѣтствующихъ опытовъ и даны примѣры ихъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 3 глава—ощущенія, воспріятія, вниманіе (здѣсь упомянуто и о *психо-физикѣ*, т. е. объ изслѣдованіяхъ зависимости между колебаніями силы раздраженія и соотвѣтствующаго раздраженію ощущенія); 4 гл.—движенія, изслѣдованія ихъ скорости, продолжительности, направленія, колебаній, силы, координаціи, порядка послѣдовательности, фазъ и т. п.—какъ простымъ наблюденіемъ, такъ и при помощи различныхъ графическихъ методовъ, 5 гл.—о памяти (авторы особенно настаиваютъ на важности изслѣдованій въ области самопроизвольныхъ, не сопровождающихся усиліями припоминанія, конкретныхъ воспоминаній); здѣсь перечислены главные методы изученія явленій памяти: методъ описанія воспоминаемаго, методъ

узнаванія того, что ранѣе усвоено, методъ воспроизведенія и методъ сравненія наличнаго воспріятія съ воспроизводимымъ. Гл. 6 говоритъ объ идеаци и ассоціаци; гл. 7 занята методами *психометрии*, т.-е. измѣренія скорости явленій сознанія. Авторы полагають, что психометрическія изслѣдованія могутъ принести пользу при изученіи явленій приспособленія и привычки, утомленія, вниманія, сужденія и т. п., но очень сомнѣваются, чтобы быстрота или продолжительность акта могла дать указанія на его элементарный составъ. Это послѣднее сомнѣніе, повидимому, не вполне основательно, такъ какъ при выборѣ двухъ *строго-однородныхъ* актовъ, конечно, болѣе сложный будетъ и болѣе продолжительнымъ, и обратно.

Глава 8 содержитъ указанія на методы *простого наблюденія* психическихъ явленій (*observation simple*) и на массовые опросы при посредствѣ вопросниковъ.

На важность самонаблюденія авторы не разъ указываютъ, советуя при всякихъ психометрическихъ изслѣдованіяхъ не удалять подвергаемое эксперименту лицо въ отдѣльную комнату, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ нѣмецкихъ лабораторіяхъ, а сажать его тутъ же, чтобы всегда пользоваться его словесными описаніями того, что онъ субъективно переживаетъ во время опыта. При этомъ они указываютъ на важные результаты, достигавшіеся не разъ такими словесными описаніями.

Въ виду пропедевтическаго значенія «Введенія» мы не можемъ не указать на одно вообще, къ сожалѣнію, часто встрѣчающееся методологическое недоразумѣніе, допущенное и авторами и наносящее какъ разъ ущербъ психологіи самонаблюденія. А именно, (стр. 131) они считаютъ областью настоящаго эксперимента «тѣ явленія, въ которыхъ установлена связь между явленіями сознанія, съ одной стороны, и внѣшними фактами, — съ другой». Далѣе: «основное дѣленіе всѣхъ фактовъ сознанія на три группы: чувствованія, умъ и волю... разложеніе факта памяти на три части: удержаніе, воспроизведеніе, воспризнаніе — отнюдь не являются продуктами какого-либо опыта, это—чистое и простое наблюденіе и идеологическій анализъ. Вся психологія наполнена этими наблюденіями, значительная часть которыхъ заимствована изъ эмпирическаго и популярнаго знанія, такъ что нѣкоторыя части психологіи являются, на дѣлѣ, лишь выраженіемъ ходячихъ понятій, такъ называемаго, здраваго смысла». Какъ легко видѣть—

здѣсь скрыто довольно грубое недоразумѣніе: данныя и результаты анализовъ психологіи самонаблюденія (если они, конечно, произведены умѣло, осторожно и добросовѣстно) отнюдь нельзя считать чѣмъ-либо низшимъ по значенію и цѣнности противъ результатовъ «лабораторныхъ экспериментовъ»; напротивъ, именно эти продукты нашей «духовной» лабораторіи и составляютъ существеннѣйшее содержаніе психологіи и основу для оцѣнки результатовъ всякихъ другихъ экспериментовъ. Процессъ умственной работы остается тотъ же—все равно, направленъ ли онъ на анализъ нашего самосознанія, или на какой-либо «экспериментъ»—въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ наши авторы,—т.-е. на сложный результатъ ассоціацій данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта.

Такимъ образомъ, авторы относятъ къ *простому наблюдению* всю субъективную психологію, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ея содержаніе изучается въ лабораторіи—въ связи съ какими-либо внѣшними явленіями. Но развѣ нельзя дѣлать «экспериментовъ» всякаго рода—одними субъективными ресурсами? Развѣ люди не «дѣлаютъ опытовъ» подавленія какой-либо страсти, развитія и укрѣпленія силы воли, развѣ не ставятъ при этомъ свои духовныя проявленія въ зависимость отъ другихъ таковыхъ же, вызывая, на примѣръ, подходящія воспоминанія, общія понятія и положенія и т. п.? А развѣ это такъ, то нельзя ставить границу между наблюдениемъ и опытомъ въ психологіи тамъ, гдѣ ее ставятъ авторы; надо признать, что и въ чисто фізіологической области (въ изученіи субстрата психической дѣятельности и др. координированныхъ съ нею дѣятельностей организма); и въ психо-фізикѣ (т.-е. измѣреніи раздраженій и параллельныхъ имъ ощущеній) съ психометріей, и въ субъективной психологіи (какъ собственно самонаблюденія, такъ и наблюденій надъ другими людьми, понимаемыхъ нами на основаніи нашего личнаго опыта)—могутъ быть примѣнены оба эти метода изслѣдованія: и простое наблюденіе, и опытъ. Эти главные отдѣлы психологіи отличаются вовсе не методами, которые во всѣхъ одни и тѣ же, а *содержаніемъ* своимъ. Единственно такое рѣшеніе вопроса можетъ окончить споры о различіи психологіи «эмпирической» отъ «экспериментальной». Другое дѣло, если вообще хотятъ обратить вниманіе на шаткость пограничной черты, отдѣляющей наблюденіе отъ опыта; это вѣрно, и наблюденіе нечувствительно и постепенно переходитъ въ **опытъ**; собственно говоря, почти при каждомъ наблюденіи мы

ставимъ его объектъ до нѣкоторой степени въ искусственныя условія. Но авторы стоятъ на почвѣ строгаго различенія наблюденія отъ опыта.

Отмѣтимъ еще одно нѣсколько легковѣсное утвержденіе авторовъ: по ихъ мнѣнію, «описательные (не разъ была указана невѣрность этого эпитета въ примѣненіи къ трудамъ англійской школы!) труды обоихъ Миллей, Бэна, Спенсера... преувеличивали роль ассоціаціи: они хотѣли даже свести всѣ проблемы психологіи на ассоціацію идей, но это теоретическое положеніе въ настоящее время отвергнуто (?) экспериментальной психологіей». Трудно сказать, что именно имѣютъ въ виду авторы для пополненія пробѣла: пресловутую ли апперцепцію, или еще что-нибудь; во всякомъ случаѣ, ихъ утвержденіе не доказательно,—между тѣмъ важность вопроса очевидна, такъ какъ одна только теорія ассоціаціи, подтверждаясь на каждомъ шагѣ фактами всего нашего опыта, даетъ надежное основаніе для изученія самаго важнаго—*генезиса* психическихъ явленій, чего, насколько извѣстно, до сихъ поръ не объяснила и не провела въ деталяхъ никакая другая гипотеза, которой можно бы было замѣнить ассоціативную.

В. Ивановскій.

L. Milhaud. *Leçons sur les origines de la science grécque.* Paris, 1893, pp. 306.

Восемь лекцій, опубликованныя въ этой книгѣ, были прочитаны студентамъ факультета наукъ и искусствъ въ Монпелье. Авторъ проситъ не искать въ нихъ «работы ученаго, но только лекціи профессора, желавшаго сдѣлать полезное и имѣющаго только одно притязаніе—на свою полную добросовѣстность».

Первая лекція опредѣляетъ и истолковываетъ понятіе «научнаго объясненія» и намѣчаетъ задачу дальнѣйшаго курса. Дать научное объясненіе—значитъ подвести явленія подъ законы, а законы суть постоянныя отношенія между явленіями (pp. 12—13). Согласно съ этимъ, цѣль курса состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ греки подходили къ рѣшенію этой задачи выработкой основныхъ проблемъ и принциповъ.

Вторая лекція изображаетъ общее состояніе физики и астрономіи въ іонійскомъ мірѣ въ VII в. до Р. X.

Въ слѣдующихъ двухъ лекціяхъ обсуждается вопросъ объ отношеніи восточной культуры къ греческой. «Востокъ передалъ

грекамъ рядъ практическихъ познаній, которыя могли служить основаніемъ для ихъ науки, но эта послѣдняя—ихъ собственное достояніе. Ея характерный признакъ тотъ, что она имѣетъ единственную цѣлью познать истину и единственнымъ мотивомъ безкорыстную любовь къ вѣчному порядку вещей» (р. 152).

Въ пятой лекціи авторъ разсматриваетъ «іоническую физику», т. е. ученія Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена, сосредоточивая свое вниманіе на Анаксимандрѣ. Два основныя понятія завѣщала эта физика наукѣ: 1) единство субстанции вселенной, образующейся изъ этой субстанции подъ дѣйствіемъ движенія, и 2) вѣчность существованія въ прошломъ и будущемъ, съ безпредѣльнымъ образованіемъ послѣдовательныхъ міровъ.

Шестая лекція содержитъ анализъ ученій пифагорейцевъ и элейцевъ. Заслуга Пифагора въ томъ, что онъ своимъ отождествленіемъ вещей съ числами ввелъ въ общую науку о вселенной понятія числа и количества. Парменидъ и Зенонъ опровергли это отождествленіе и такимъ образомъ «сдѣлали болѣе легкимъ примѣненіе числа къ вещамъ, такъ какъ послѣ этого ничто не препятствовало безпредѣльному примѣненію числа въ двухъ смыслахъ», т. е. научному понятію о безконечно великомъ и безконечно маломъ (р. 219). Замѣнить, какъ это сдѣлалъ Зенонъ, «понятіе о линіи, какъ суммѣ точекъ, или о времени, какъ суммѣ мгновеній, понятіемъ непрерывныхъ протяженія и длительности почти значило дать во второй разъ жизнь математикѣ, опрокинуть тѣ преграды, которыя ея собственный творецъ, Пифагоръ, воздвигнулъ противъ нея своимъ взглядомъ на числа» (р. 217). Сверхъ того, элейцамъ мы должны быть благодарны за ихъ требованіе отдѣлять въ научной области достовѣрное отъ вѣроятнаго и за постулатъ постоянства въ бытіи.

Двѣ послѣднія лекціи знакомятъ съ успѣхами въ общей физикѣ въ VI и V в. до Р. Х., сказавшимися, главнымъ образомъ, въ ученіяхъ Эмпедокла, Анаксагора и Демокрита, съ начатками греческой астрономіи, ариѳметики и геометріи. Для свѣдущихъ въ греческой философіи наибольшій интересъ представляетъ объясненіе гномона, о которомъ говорятъ Аристотель и другіе авторы, но для надлежащаго пониманія котораго необходимо знакомство съ древней математикой.

Конечный выводъ лекцій тотъ, что «греческіе ученые VI и V вѣковъ до Р. Х. установили основныя проблемы и выработали

существенныя понятія современной науки», такъ что эта послѣдняя есть прямое продолженіе науки греческой (р. 301).

Матеріаль для своихъ выводовъ авторъ черпалъ не изъ первоисточниковъ, но изъ руководствъ по древней философіи и математикѣ, въ особенности изъ трудовъ Таннери, которому и посвящена книга. Насколько возможно при такихъ условіяхъ, авторъ вполне добросовѣстно исполнилъ свою задачу. Книга одинаково полезна какъ для специалистовъ по древней философіи, не знакомыхъ съ древней математикой, такъ и для специалистовъ по математикѣ, незнакомыхъ съ древнею философіей. Многія частности можно оспаривать, но въ общемъ и главномъ нельзя не согласиться. Интересъ книги увеличивается непрерывными сопоставленіями древнихъ ученій съ новыми, такъ что она, въ полномъ смыслѣ слова, стоитъ на высотѣ современной науки.

А. Гиляровъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

G. Arnoux. Arithmétique graphique. Les espaces arithmétiques hypermagiques (Essais de psychologie et de métaphysique positives). Paris. 1894. XXIII + 172 стр.

К. Гильти, проф. Бернскаго унив. Счастье. Популярныя очерки по нравств. философіи. Пер. съ 4-го нѣмец. изд. и предисловіе А. Острогорскаго. 2-е исправл. изданіе. Спб. 1894. 140 стр. Ц. 50 к.

А. Гиляревскій, свящ. Пособіе къ изученію психологіи. Изданіе 4, исправленное и дополненное. М. 1894 г. 252 стр. Ц. 1 р. 25 к.

W. von Dehn. Vergleichende Prüfungen über den Haut—und Geschmackssinn bei Männern und Frauen verschiedener Stände. Jurjew. (Inaugural-Dissertation). 1894. 88 стр.

Einladung zur 66 Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Wien—24 bis 30 september 1894. 36 стр.

G. Hirth. Die Lokalisationstheorie angewandt auf psychologische Probleme. Beispiel: Warum sind wir «zerstreut»? München. 1894. VII + 73 стр.

А. А. Ивановскій и А. Г. Рождественскій. Насколько вѣрны вы-

воды профессора Н. Ю. Зографа въ его «Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ мужского великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губерній» и имѣютъ ли эти изслѣдованія какое-либо научное значеніе? М. 1894. 59 стр. и таблица. Ц. 40 к.

Jakob Kolubowsky. Die Philosophie in Russland. (Separat—Abdruck aus Zeitsch. f. Phil. u. philos. Kritik, 104 Bd.) 93 стр.

В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ. Сочиненія. Томъ третій, вып. I. Изслѣдованія и статьи по космологіи и рациональной психологій. Изд. Братства преп. Сергія. Сергіевъ посадъ. 1894. 383 стр. Ц. 1 р. 50 к.

. **Отчеты** о засѣданіяхъ Общества невропатологовъ и психиатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ (6 брошюръ). 12 засѣданій—съ 25 окт. 1892 по 24 сент. 1893. М. 1893—94.

E. Parish. Ueber die Trugwahrnehmung (Hallucination u. Illusion). (Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung). Leipzig. 1894. 246 стр.

1793—1893. **Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго.** Казань. 1894. Съ портретомъ. 210 стр. (Юбилейное изд.).

П. Струве. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. В. Ф. Чижъ. Время ассоціаціи у здоровыхъ и душевнобольныхъ. Отдѣл. отт. изъ «Неврологич. Вѣст.», т. II, вып. 2.

А. Ш—въ. Иоанна д'Аркъ. Фантазія на современныя темы. М. 1893. 36 стр.

II. Обзоръ журналовъ.

Mind. New Series. № 9. Январь 1894.

Prof. A. Seth.—Гегелианство и его критики.

Эта статья является отвѣтомъ на статьи проф. Н. Jones'a («Идеализмъ и теорія познанія»), реферированныя нами въ №№ 20 и 22 «Вопр. фил.». Главное содержаніе статьи заключается въ доказательствѣ того, что проф. Jones извратилъ мысли автора, высказанныя имъ въ американскомъ журналѣ «Philos. Review». Авторъ подчеркиваетъ свое отрицательное отношеніе къ субъективизму. Повсюду, говоритъ онъ, гдѣ существуетъ знаніе, оно имѣетъ непосредственный характеръ, т.-е. мы познаемъ реальность, а не нѣчто подставленное вмѣсто этой реальности и внѣдряющееся между нами и ею. Когда я размышляю надъ своими собственными состояніями или когда я перципирую дерево, то въ обоихъ случаяхъ мое отношеніе къ предмету познанія одинаково: я просто познаю его.

Prof. Mark Baldwin. Подражаніе, глава изъ естественной исторіи сознанія.

Подражаніе есть обыкновенная сенсорно-моторная реакція, представляющая примѣръ «круговой дѣятельности»: извѣстное состояніе мозга, вызванное извѣстнымъ стимуломъ; потомъ—мышечная реакція, воспроизводящая тотъ же стимулъ; затѣмъ, то же самое состояніе мозга, вызванное тѣмъ же самымъ стимуломъ, и т. д. Подобная реакція можетъ быть трехъ родовъ: *во-первыхъ*, мы можемъ имѣть дѣло съ простымъ мышечнымъ сокращеніемъ, воспроизводящимъ собственный стимулъ. Это можно назвать случаемъ *біологическаго* подражанія, или же случаемъ *первичнаго субкортикальнаго* подражанія. *Во-вторыхъ*, подражаніе можетъ

быть *психологическимъ*, или *кортикальнымъ*. Здѣсь въ актѣ подражанія участвуетъ сознательная дѣятельность. *Въ-третьихъ*, существуетъ обширный классъ явленій, которыя характеризуются *пластическимъ*, или *вторичнымъ-субкортикальнымъ* подражаніемъ; это тѣ случаи, въ которыхъ подражательная реакція была прежде сознательною, а затѣмъ приобрѣла характеръ субкортикальной реакціи; это—«вторичный автоматизмъ».

Prof. H. Laurie. Размышленія, вызванныя психическимъ материализмомъ.

Если бы матерія, *какъ таковая*, могла *чувствовать* или *мыслить*, тогда эта матерія была бы духомъ подъ формою пространства и движенія. Въ чувственномъ опытѣ духъ съ самаго начала составляетъ господствующій элементъ; матерія, какъ элементъ существенный для всего процесса, имѣетъ извѣстную независимость и способна воздѣйствовать на духъ. Мозгъ, какъ материализованный духъ, есть вмѣстѣ и одухотворенная матерія. Этотъ материализованный духъ, или одухотворенная матерія не только реагируетъ, но и дѣйствуетъ самостоятельно: можетъ безъ внѣшняго стимула, вслѣдствіе динамическаго взаимодействія своихъ частей, образовывать новыя простыя или сложныя явленія сознанія.

D. Irons. Теорія эмоціи у проф. Джемса.

Авторъ критикуетъ ученіе Джемса, въ противность которому онъ утверждаетъ, что эмоція есть чувствованіе (feeling), а не сознаніе тѣлесныхъ перемѣнъ; она есть не страданіе или удовольствіе, а «чувство положенія» (feeling attitude). Для объясненія этого термина, вводимаго авторомъ, приведемъ слѣдующее мѣсто его статьи: «Можно ненавидѣть человѣка, который причинилъ страданіе, но ненависть не есть причиненное страданіе. Она есть *положеніе* (attitude) относительно этого человѣка, положеніе, которое *само по себѣ* вовсе не есть страданіе, а совершенно особенное чувство, имѣющее свой собственный опредѣленный характеръ».

П. Мокіевскій.

Revue Philosophique. 1893, №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

J. Sougy. Происхожденіе и природа органическаго движенія (№ 7).

Изложеніе ученія и нѣкоторыхъ опытовъ М. Ферворна (Verworn),

горячаго противника витализма, сводящаго всякое движеніе клѣтокъ живаго существа на физико-химическія причины, на поочередную смѣну пополненія матеріи протоплазмы—то кислородомъ (извнѣ, растяженіе клѣтки), то веществами, выдѣляемыми ядромъ (водородомъ, азотомъ, углеродомъ и т. п., при сокращеніи клѣтки).

G. Mouret. Проблема безконечнаго. I. Относительность. №№ 7 и 8.

Авторъ—рѣшительный сторонникъ индуктивнаго происхожденія математическихъ понятій. Безконечность (пространства, времени, числа) относительна; абсолютнаго нельзя найти въ области научныхъ понятій, гдѣ все въ концѣ-концовъ сводится къ различіямъ состояній сознанія. Основной фактъ, на которомъ построены всѣ математическія понятія, — есть фактъ перемѣны, обусловленной разницею состояній объектовъ и закономъ сохранения энергіи. Система изъ двухъ тѣлъ можетъ подвергнуться воздѣйствію или въ обѣихъ своихъ частяхъ, или въ одной. Въ первомъ случаѣ произойдетъ симметрическое, взаимное отношеніе между ними, во второмъ—диссимметрическое; на первомъ основаны отношенія конечныя, на второмъ—«не конечныя», расчлѣняющіяся на два вида: безконечность и нуль. Эти два отношенія—противоположны конечному (отрицательны); они единичны, тогда какъ конечное—неопредѣленно-многочисленно, и служатъ предѣлами конечнаго.

V. Egger. Сужденіе и сходство (№№ 7 и 8).

Апріоризмъ, сводящій всѣ сужденія къ формулѣ тождества, т.-е. къ удвоенію понятія, есть не что иное, какъ платоновскій реализмъ, нашедшій себѣ надежное убѣжище въ теоріи познанія послѣ того, какъ ему пришлось удалиться изъ метафизики и онтологіи. Никакой предварительно и независимо отъ опыта существующей *идеи тождества, сходства, класса* у человѣка нѣтъ. Всякое сужденіе вытекаетъ изъ ассоціаціи по сходству, дающей *два раздѣльныхъ термина*, связанныхъ между собою. Съ такой формы начинается мышленіе ребенка, причемъ онъ, лучше замѣчая сходства, чѣмъ различія между сходными предметами, быстро образуетъ въ умѣ *отвлеченныя уже идеи классовъ*. Стоить тогда только выразить сходство идеи даннаго предмета съ общей идеей—въ словахъ, т.-е. къ ассоціаціи двухъ идей прибавить *связку*, и сужденіе готово; оно отличается отъ соотвѣтствующей ему ассоціаціи только большею сознательностью и словесною формой.

Затѣмъ только уже—идея полного сходства, *тождества*, отвлекается и обобщается въ сужденія и принципъ тождества; онъ *кажется* принципомъ *генетическимъ*, тогда какъ онъ только *общая* формула. По сущности своей, сужденіе есть синтезъ, такъ какъ оно сочетается; оно и анализъ, такъ какъ раздѣляетъ сочетаемое.

Сужденіе не можетъ быть ни аналитическимъ, ни синтетическимъ; всякое *новое* сужденіе, какъ таковое,—синтетично, всякое повторяемое, извѣстное—аналитично; сужденіе *называютъ* синтетическимъ, когда оно предшествуетъ синтезу и дѣляетъ его,—аналитическимъ, когда оно предполагаетъ предыдущій анализъ и слѣдуетъ за нимъ. Въ сужденіяхъ по смежности играетъ роль, на самомъ дѣлѣ, лишь ассоціированное съ смежностью и преобладающее надъ нею сходство, т. е. взаимныя отношенія видовъ и родовъ; смежность принимаетъ тутъ форму частичнаго тождества индивидуума и рода; чистая же смежность не составляетъ сужденія, мысли, а лишь голый перечень. Вторая часть статьи содержитъ критику ученія Дж. Ст. Милля о предложеніяхъ.

А. Ренјон. Смѣхъ и свобода (№ 8).

Авторъ старается доказать, что удовольствіе и смѣшное—во всѣхъ ихъ формахъ—не что иное, какъ свобода, а смѣхъ—естественное эхо и непосредственное выраженіе этой свободы; что въ смѣхѣ физиологическія явленія *подчинены* состояніямъ сознанія и т. п., далѣе, старается различить два вида свободы: естественную и моральную.

Bourdon. Ощущеніе удовольствія (№ 9).

Теорія, дѣлающая удовольствіе одной изъ двухъ возможныхъ характеристикъ всякаго состоянія сознанія, неудовлетворительна. Удовольствіе есть особое, *специфическое* ощущеніе той же природы, какъ и *щекотаніе*; это распространенное, объемистое щекотаніе слабой интенсивности, — собственно же щекотаніе есть удовольствіе ясно локализованное и большой интенсивности.

Dr. Pioger. Теорія колебаній (*vibratoire*) и органическіе законы чувствительности (№ 9).

Чувствительность (*sensibilité*) есть общее понятіе, въ которое видами входятъ всѣ какъ сознательныя, такъ и безсознательныя органическія реакціи *всякаго* рода на возбужденія какъ внѣшнія такъ и внутреннія; она происходитъ нѣсколькими специальными способами, называемыми функціями или способностями, смотря

по тому, относится ли реакція къ порядку физиологическому или психологическому, и состоитъ въ молекулярномъ измѣненіи или колебаніи (vibration). Это—принципъ жизни (animalité, vitalité). Если эти измѣненія исходятъ изъ внѣшняго толчка, то это—чувствительность объективная; если—отъ внутреннихъ движеній и реакцій органовъ, то это—чувствительность органически-висцеральная, если же—отъ взаимодействій между колебаніями, уже ранѣе накопленными въ нервныхъ центрахъ при посредствѣ ощущеній, воспріятій, памяти, воображенія, сужденія и мышленія, то—субъективная, психическая. Чувствительность отличается отъ организаціи тѣмъ, что она состоитъ изъ простыхъ *динамическихъ* перераспредѣленій, тогда какъ организація является результатомъ *организующихъ* функціональныхъ приспособленій и молекулярныхъ равновѣсій. Но подъ вліяніемъ повторенія и привычки чувствительность сама переходитъ въ организацію, состоянія динамическія—въ органическія. Параллельно этому процессу постепенно исчезаетъ и субъективная сторона чувствительности, и высшія формы ея кристаллизуются въ привычки, инстинкты, рутину, характеръ и т. п. Въ то же время отдѣльныя возбужденія формируются въ группы, въ которыхъ они исчезаютъ, какъ бы стираются.

L. Weber. Повтореніе и время. (№ 9).

Повтореніе, чередованіе бываетъ двухъ родовъ: *неизмѣнное* (intégrale), при однолинейной, инертной и однородной средѣ, и *измѣняющее* (altérante)—въ средѣ активной и гетерогенной. Первому соотвѣтствуетъ *геометрическое* время, которымъ довольствуется внѣшній опытъ и основанныя на немъ физическія науки; оно представляетъ изъ себя, въ сущности, умственное построеніе, необходимое условіе для этихъ наукъ, изучающихъ явленія въ себѣ (en soi). Но внутренний опытъ долженъ руководиться идеей другого времени, *психологическаго*, соотвѣтствующаго второму роду повторенія, при которомъ явленія сознанія постепенно измѣняются.

G. Ferrero. Идео-эмоціональная задержка (Этюдъ объ одномъ психологическомъ законѣ) (№ 10).

«Идео-эмоціональной задержкой» (arrêt idéo-émotionnel) авторъ предлагаетъ назвать то явленіе, что съ теченіемъ времени извѣстныя дѣйствія, приспособленныя къ опредѣленной цѣли и сначала производившіяся сознательно, потомъ исполняются по

рутинѣ, безъ яснаго усмотрѣнія ихъ соотвѣтствія съ ихъ цѣлями. Эта рутинность дѣйствій тѣмъ больше, чѣмъ менѣе подвержено измѣненіямъ, чѣмъ неподвижнѣе то явленіе, къ которому они приспособлены, такъ какъ тогда, естественно, исчезаетъ и мотивъ для измѣненія привычнаго характера ихъ. Авторъ слѣдитъ за приложеніемъ этого обобщенія на нѣсколькихъ примѣрахъ общественной и религіозной обрядности.

A. Fouillée. Злоупотребленіе непознаваемымъ и реакція противъ науки (№ 10).

Надо точно установить законные предѣлы для непознаваемаго и устранить всѣ злоупотребленія, связанныя съ этой идеей, изъ которыхъ главное — недоувѣріе къ наукѣ, уничтоженіе ея и связанное съ нимъ процвѣтаніе всякихъ формъ новѣйшаго мистицизма. Исходя изъ метафизическихъ соображеній, авторъ устанавливаетъ примирительную точку зрѣнія: съ одной стороны, возражая г. де-Роберти, негодовавшему на признаніе «непознаваемаго», какъ на наслѣдіе пессимистическихъ теорій познанія, онъ говоритъ, что «скромность не есть пессимизмъ» и что вполне умѣстенъ вопросъ, внѣ насъ адекватна ли мысль всей дѣйствительности, или нѣтъ. Но, съ другой стороны, «вполнѣ проблематичная идея непознаваемаго отнюдь не можетъ ни умалить значенія науки тамъ, гдѣ она уже укрѣпилась, ни тѣмъ болѣе — уничтожить ее».

A. Lalande. Парамнезіи (№ 11).

Парамнезія, или ложная память, есть иллюзія, состоящая въ томъ, что человѣкъ какъ бы вторично встрѣчаетъ, воспринимаетъ какую-либо совокупность ощущеній, которую на самомъ дѣлѣ воспринимаетъ въ первый разъ. Воспоминаемый образъ *до мельчайшихъ деталей* соотвѣтствуетъ наличному воспріятію, — онъ совершенно *тотъ же самый*; явленіе это сопровождается тяжелымъ ощущеніемъ, достигающимъ часто сильныхъ степеней, а иногда кажущимся предвидѣніемъ непосредственно смежныхъ будущихъ событій, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ характеръ ясновидѣнія. Явленіе это довольно частое, ничего патологическаго въ немъ не замѣтно, особенно часто встрѣчается въ дѣтскомъ возрастѣ, предрасполагающими моментами часто бываютъ *усталость* и связанное съ ней *возбужденіе*, большія сборища (театръ) и торжества. Гипотетическое объясненіе таково: съ одной стороны, общеизвѣстное явленіе чрезвычай-

но быстрого теченія мыслей, а съ другой — наличность во всякомъ воспріятіи множества чертъ, сначала воспринимаемыхъ безсознательно и лишь потомъ привлекающихъ вниманіе. Такимъ образомъ, являются два тождественныхъ воспріятія, безсознательное и сознательное, раздѣленные промежуткомъ въ какую-нибудь $\frac{1}{10}$ сек., на который мысли отвлеклись въ другую сторону, но который субъективно показался гораздо болѣе длиннымъ, — и тогда первое воспріятіе локализуется во времени не на своемъ настоящемъ мѣстѣ, а гдѣ-либо въ болѣе отдаленномъ прошедшемъ, чему способствуетъ малая степень сознательности, *тусклость* его, принимаемая за потускнѣніе образа воспоминанія отъ времени.

Въ тѣхъ же №№ помѣщены еще слѣдующія статьи: L. Mallier. Роль психопатологіи (*pathologie mentale*) въ психологическихъ изслѣдованіяхъ (По поводу соч. Маньяна). — J. Delboeuf. Старая и новыя геометріи. I. Дѣйствительное пространство есть ли пространство эвклидово? — F. Paulhan. Классификація моральныхъ типовъ и общая психологія. — G. Tarde. Общественная логика чувствованій. — Calinon. О геометрической неопредѣленности вселенной. — V. Henri. Нѣмецкія лабораторіи для экспериментальной психологіи.

В. Ивановскій.

The Monist. Vol. 3, № 4; Vol. 4, №№ 1, 2.

William Massall. Агностицизмъ.

Чрезвычайно рѣзкая критика агностицизма. Авторъ не столько подчеркиваетъ его логическую несостоятельность, сколько его разрушительное вліяніе на религіозно-нравственную жизнь чловѣка. Не лишена оригинальности попытка подвести подъ понятіе агностицизма ортодоксальное ученіе англиканской церкви и католицизмъ. Сама по себѣ статья страдает неопредѣленностью, — авторъ ни разу не даетъ опредѣленія того, что онъ понимаетъ подъ агностицизмомъ, — но интересна по сильно выраженному мистическому настроенію.

Theodor Stanton. Себастіанъ Каstellіонъ и религіозная терпимость.

Сообщаются интересные результаты работы Buisson, посвящен-

ной изображенію жизни и дѣятельности Себастіана Каstellіона, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей, выставленныхъ кальвинистскимъ движеніемъ. Первоначально одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Кальвина, Каstellіонъ въ послѣдствіи разошелся съ нимъ по вопросу о религіозной терпимости, защитникомъ которой оставался всю жизнь. Въ особенности обострились отношенія Каstellіона съ женевскимъ реформаторомъ послѣ сожженія Серведы, вслѣдствіе чего онъ и подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны кальвинистовъ. Интересно, что принципъ терпимости основанъ у него на детальномъ разборѣ библейскихъ текстовъ съ чисто-богословской точки зрѣнія.

Richard Garbe. Отношенія между индусской и греческой философіей.

При помощи сравнительнаго анализа греческихъ системъ и религіозно-метафизическихъ индусскихъ ученій авторъ старается показать генетическую зависимость первыхъ отъ послѣднихъ. Монистическая философія Упанишадъ ставится въ связь съ элейской школой и даже съ системой Фалеса; вліяніе дуалистической системы «Samkhya» авторъ видитъ на Анаксимандрѣ, Эмпедоклѣ, Гераклитѣ и Анаксагорѣ, отчасти даже на Пифагорѣ и Демокритѣ, и находитъ это же вліяніе въ мистическомъ элементѣ неоплатоновской и гностической философій; отсюда, напримѣръ, онъ производитъ идею Logos'a. Многія заключенія очень натянуты; можно ли, напримѣръ, изъ того, что Демокритъ училъ о не-бессмертіи боговъ и изъ индусскихъ идей о подверженности боговъ страданіямъ, подобно людямъ, заключать о генетической зависимости этихъ воззрѣній? Впрочемъ, самъ авторъ и не выдаетъ своихъ гипотезъ за нѣчто достовѣрное и полагаетъ, что дальнѣйшее, болѣе точное и опредѣленное рѣшеніе вопроса о происхожденіи греческой философій можетъ быть достигнуто только на почвѣ детальнаго изученія восточной культуры.

Lester F. Ward. Монистическая теорія духа.

Авторъ опредѣляетъ духъ не «субстанціей», а «свойствомъ»; подъ свойствами субстанціи разумѣются «способы ихъ дѣйствованія» (the modes, by which different substances produce effects). Духъ неотдѣлимъ отъ матеріи, но монистическое міросозерцаніе не получаетъ отъ этого матеріалистическую окраску, такъ какъ духъ подводится въ ней подъ категорію «отношеній» (relations),

а не «сущностей» (essences), какъ матерія. Зависимость же духа отъ матеріи не должна считаться унижающимъ его достоинство; онъ былъ бы даже безсиленъ въ матеріальной средѣ безъ системы двигательныхъ нервовъ, превращающихъ молекулярныя вибраціи мозга въ мускульныя движенія и такимъ образомъ воздѣйствующихъ на внѣшній міръ.

Г. М. Мс. Сгіе. Отношеніе субъекта и объекта.

Разбирается постановка вопроса объ отношеніяхъ субъекта и объекта въ разныхъ системахъ. Авторъ намѣчаетъ четыре точки зрѣнія: дуалистическую, признающую субъектъ и объектъ за двѣ изначальныя, независимыя другъ отъ друга сущности; трансцендентально-монистическую, видящую въ объектѣ лишь продуктъ безличнаго космическаго сознанія; позитивно-монистическую, отмѣчающую двойственность міра—его объективную и субъективную сторону, которыя нераздѣльно соединены другъ съ другомъ; наконецъ ауто-монистическую: послѣдняя считаетъ міръ за продуктъ индивидуальнаго сознанія. Съ этой точки зрѣнія, «я» является универсумомъ: «я существую, и нѣтъ ничего, кромѣ меня» (I am, and there is non else). Послѣднюю теорію раздѣляетъ и авторъ: по его мнѣнію, только ею можно объяснить нѣкоторые частныя психологическіе факты, напримѣръ то, что мы видимъ предметы не въ обратномъ положеніи.

С. К.

Отчетъ о докторскомъ диспутѣ Н. Н. Ланге.

19-го мая текущаго года состоялся въ Московскомъ Университетѣ докторскій диспутъ прив. доц. философіи Новороссійскаго университета Н. Н. Ланге. Диссертация г. Ланге («Психологическія изслѣдованія: Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія»). Одесса. 1893. VII+290 стр.) составила изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изслѣдованій, отчасти уже ранѣе появившихся въ печати. Такъ, изслѣдованіе о законѣ перцепціи было напечатано въ *«Вопросахъ фил. и псих.»* (кн. 13, 14, 15 и 16) и въ сокращенномъ видѣ—въ отчетѣ Лондонскаго конгресса экспериментальной психологіи; изслѣдованіе о вниманіи явилось первоначально въ журналѣ Вундта-Philosophische Studien; замѣтка о гашишѣ напечатана въ 1-й кн. *«Вопросовъ фил. и псих.»* Вполнѣ новыми являются: введеніе, сокращеніе и переработку котораго представляетъ собою помѣщаемая ниже вступительная рѣчь диспутанта, два историко-психологическихъ очерка, вторая, третья и седьмая главы изслѣдованія о вниманіи.

Для ознакомленія съ содержаніемъ диссертации Н. Н. Ланге отсылаемъ къ названнымъ книгамъ *«Вопросовъ фил. и псих.»*, а также къ краткому изложенію ея—въ «Философскомъ Ежегодникѣ» Я. Н. Колубовскаго (листъ 6, №№ 432 и 433), помѣщаемомъ въ приложеніи къ журналу.

Передъ началомъ диспута диспутантъ произнесъ слѣдующую вступительную рѣчь на тему —

О значеніи эксперимента въ современной психологіи.

Мм. Гг.

Моя книга, которую я буду имѣть честь защищать въ настоящемъ засѣданіи факультета, представляетъ, въ сущности, разви-

тѣ одной основной мысли. Эта мысль состоитъ въ томъ, что къ изученію психологическихъ проблемъ необходимо приложить тотъ точный *экспериментъ*, который далъ столь блестящіе результаты въ области естествознанія; и что сдѣлавъ это, примѣнивъ къ психологіи экспериментъ, мы можемъ возвести ее къ такому совершенству, обратитъ ее въ столь положительную науку, какой она еще никогда не была.

Эта общая задача моей книги естественно распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна имѣетъ болѣе практической характеръ, а другая—чисто теоретической. Въ теоретической части я на примѣрѣ двухъ психологическихъ проблемъ пытался показать, какое важное примѣненіе можетъ имѣть экспериментъ въ нашей наукѣ. Эта наиболѣе обширная и существенная часть моей книги содержитъ изслѣдованія о законѣ перцепціи и о волевомъ чувственномъ вниманіи, причѣмъ почти каждый выводъ я старался обосновать экспериментально. Изложеніе, даже краткое, этихъ изслѣдованій, въ виду ихъ спеціального характера и сложности экспериментальной обстановки, заняло бы больше времени, чѣмъ то, которымъ я могу воспользоваться въ настоящей вступительной рѣчи. Поэтому я оставляю выясненіе этихъ изслѣдованій до послѣдующихъ дебатовъ.

Въ настоящій же моментъ я желалъ бы обратитъ ваше вниманіе на практическую часть моей книги, именно на введеніе къ ней, въ которомъ обсуждается вопросъ о необходимости учрежденія при университетахъ кабинетовъ для изученія экспериментальной психологіи. Эта необходимость доказывается: 1) современнымъ положеніемъ научной психологіи, 2) примѣромъ университетовъ Западной Европы и Сѣв. Америки и 3) пользой, имѣющей произойти отъ такихъ учреждений, и именно, какъ практической (для педагоговъ, врачей), такъ и теоретической, для дальнѣйшаго развитія наукъ антропологическихъ, въ широкомъ смыслѣ этого термина. Позвольте мнѣ вкратцѣ остановиться на разсмотрѣніи этихъ трехъ аргументовъ.

I.

Знаменитый американскій психологъ В. Джемсъ, указавъ на значеніе психологіи, основывающейся на простомъ самонаблюденіи, продолжаетъ затѣмъ слѣдующимъ образомъ: «творенія Локка,

Юма, Гертли, Стурта, обоихъ Миллей навсегда останутся классическими образцами непосредственнаго самонаблюденія, а въ трактатахъ профессора Бэна мы имѣемъ, можетъ быть, послѣднее слово этого метода, взятаго въ отдѣльности, послѣдній моментъ юности психологіи, еще не технической и общедоступной, вродѣ химіи у Лавуазье или зоологіи до употребленія микроскопа. Но психологія перешла уже въ другой, менѣе простой фазисъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ возникла въ Германіи, такъ сказать, микроскопическая психологія, основанная на экспериментальныхъ методахъ, спрашивающая въ каждый моментъ о данныхъ самонаблюденія, но устраниющая ихъ недостоверность болѣе широкой провѣркой и статистическими вычисленіями. Этотъ методъ требуетъ величайшаго терпѣнія и едва ли могъ бы возникнуть въ странѣ, жители которой способны испытывать утомленіе. Такіе нѣмцы, какъ Веберъ, Фехнеръ, Фирордтъ и Вундтъ, очевидно, къ этому не способны, и ихъ успѣхъ вызвалъ на поле битвы ряды молодыхъ экспериментальныхъ психологовъ, стремящихся изучить *элементы* душевной жизни, выдѣляя ихъ изъ сложныхъ душевныхъ комплексовъ, въ которыхъ они скрыты, и стараясь, насколько возможно, свести эти элементы къ нѣкоторой количественной скалѣ. Такъ какъ простой и открытый методъ атаки далъ уже все, что онъ могъ дать, то прибѣгли къ методу выжиданія, обложенія, изнуренія противника; душевная жизнь должна была подвергнуться регулярной осадѣ, въ которой минутными успѣхами, силой пріобрѣтаемыми и днемъ и ночью, эта жизнь блокируется на ея вершинахъ, съ тѣмъ, чтобы наконецъ ворваться и туда. У этихъ новыхъ философовъ призма, маятника и хронографа мы не найдемъ высокаго стиля. Ихъ средства—работа, а не храбрость. То благородное прорицаніе и та нравственная высота, которая Цицеронъ считаетъ наиболѣе пригодными для проникновенія въ природу, оказались недостаточными, но эта задача несомнѣнно въ одинъ прекрасный день будетъ разрѣшена этими новыми мыслителями, ихъ выслѣживаніями и выпытываніями, ихъ безпредѣльнымъ упорствомъ и въ высшей степени дьявольской хитростью» *).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя преувеличенія въ этой характеристикѣ, мы должны спросить себя, въ чемъ же состоятъ су-

*) *James, Principles of Ps., I, стр. 192.*

шественныя черты этого новаго экспериментальнаго метода въ психологіи и что онъ даль наукѣ.

Психологическій экспериментъ, какъ и всякій другой, состоитъ въ томъ, что наблюдаемое явленіе ставится въ особыя, намѣренно избранныя условія, способствующія его изученію. Въмѣсто того, чтобы довольствоваться случайными встрѣчами, въ которыхъ изучаемое явленіе возникаетъ для насъ неожиданно, не нужно усложнено и крайне неустойчиво, мы заставляемъ его протекать и повторяться любое число разъ и въ тѣхъ условіяхъ, какія мы сами заранѣе избрали. Природа, какъ говоритъ Бэконъ, легче обнаруживаетъ свои тайны, когда ее мучить и, такъ сказать, пытается наука, нежели въ томъ случаѣ, когда она представлена своему естественному теченію и полнѣйшей свободѣ.

Мы легко оцѣнимъ великое значеніе эксперимента для развитія наукъ, если рассмотримъ его роль въ поразительныхъ успѣхахъ химіи и фізіологіи нашего вѣка, или если сравнимъ жалкое положеніе естествознанія въ древности съ его прогрессомъ, начиная съ Галилея,—различіе, обусловленное, главнымъ образомъ, систематическимъ приложеніемъ эксперимента,—или, наконецъ, если сопоставимъ великіе результаты, достигнутые физикой, съ слабыми зачатками метеорологіи,—разница, при единствѣ ихъ объекта, тоже обусловленная, главнымъ образомъ, тѣмъ, что первая пользуется экспериментомъ, а для второй онъ почти недоступенъ. Что касается въ частности психологическаго эксперимента, то онъ имѣетъ особую цѣнность преимущественно въ *четыре*хъ отношеніяхъ.

1. Значеніе психологическаго эксперимента, какъ улучшенную самонаблюденія.

Нерѣдко бываетъ, что психологическій экспериментъ противопоставляютъ психологическому самонаблюденію, какъ косвенное или объективное изслѣдованіе психическихъ явленій (помощью изученія ихъ внѣшнихъ проявленій)—прямому и непосредственному. Но такой взглядъ вполнѣ ложенъ. Психологическій экспериментъ не только не можетъ быть противопоставляемъ самонаблюденію, но напротивъ, онъ доставляетъ намъ случаи лучшаго и наиболѣе точнаго самонаблюденія. «Съ каждымъ шагомъ, который экспериментальная психологія дѣлала при анализѣ психическихъ явленій, говоритъ по этому поводу Вундтъ, все яснѣе обнаруживалось, что важнѣйшій и наиболѣе плодотворный способъ пси-

хологическаго изслѣдованія есть тотъ, когда сознание, служащее объектомъ для экспериментальнаго вліянія, становится въ то же время и предметомъ опытнаго и заботливаго самонаблюденія. И этотъ фактъ находится въ связи съ другимъ, а именно, что истинное самонаблюденіе достигается только черезъ посредство эксперимента... Лишь благодаря ему, удастся опредѣленное психическое состояніе, возникавшее первоначально по поводу извѣстнаго внѣшняго впечатлѣнія, вновь многократно вызывать приблизительно въ той же формѣ, именно—воспроизводя (искусственно) то же самое впечатлѣніе при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, и такимъ образомъ дѣлать изучаемое психическое состояніе все яснѣе для наблюдателя».

«Мнѣ часто приходилось слышать отъ сторонниковъ «интроспективнаго метода» замѣчаніе, что въ сущности нисколько не интересно знать, что одно психическое состояніе занимаетъ нѣсколько больше времени, чѣмъ другое, и что вопросы о томъ, отличимо ли извѣстное ощущеніе отъ другого и больше ли оно или меньше, довольно безразличны. Я не только согласенъ съ этими философами, но и иду еще дальше: я думаю, что даже такіе факты, какъ разстояніе солнца отъ земли, или скорость распространенія свѣта, или механической эквивалентъ теплоты и т. п., взятые сами по себѣ и разсматриваемые внѣ ихъ отношенія къ другимъ фактамъ, съ которыми они находятся въ законѣрной связи, въ высшей степени безразличны. Если бы единственной цѣлью экспериментальной психологіи было просто опредѣлять какія-нибудь численныя величины, то конечно было бы гораздо лучше употребить затрачиваемый на это трудъ для чего угодно другого, на примѣръ, на усовершенствованіе швейныхъ машинъ. Насколько однако ея задача шире, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: мнѣ очень часто случалось видѣть, что люди, вообще хорошо одаренные и научно высоко-образованные, способные производить наблюденія и эксперименты въ любой другой отрасли естествознанія, оказывались однако непригодными для психологическаго эксперимента, и именно потому, что имъ недоставало способностей концентраціи вниманія и самонаблюденія, особенно же способности возобновлять приблизительно въ прежнемъ видѣ извѣстныя состоянія сознания, при повтореніи прежнихъ внѣшнихъ условій. Даже тѣмъ коллегамъ-психологамъ, которые еще меньше меня придають значеніе численнымъ опре-

дѣленіямъ и которые не имѣютъ никакой склонности къ обработкѣ экспериментальныхъ проблемъ, я посовѣтовалъ бы нѣсколько заняться экспериментальною психологіей. Способы, которыми они научились бы при этомъ упражнять свое вниманіе и самонаблюденіе, могли бы имъ пригодиться и при ихъ манерѣ самонаблюденія. Можетъ быть, даже они впервые при этомъ случаѣ узнали бы, что такое собственно самонаблюденіе».

Такой же взглядъ на значеніе психологическаго эксперимента проникаетъ работы и другихъ лучшихъ представителей экспериментальной психологіи, какъ-то: Штумфа, Эліаса Мюллера, Мюнстерберга, Джемса, Марціуса, не говоря уже объ основателяхъ психологическаго эксперимента—Фехнерѣ и Гельмгольцѣ, этихъ истинныхъ *maestri* психологическаго самонаблюденія.

Итакъ, эта первая роль эксперимента въ психологіи сводится къ тому, чтобы помощью внѣшнихъ средствъ фиксировать и сохранять наблюдаемыя психическія явленія. Явленія эти столь неустойчивы, такъ быстро измѣняются и исчезаютъ, такъ притупляются привычкою, что только помощью эксперимента могутъ быть сохраняемы въ наблюдаемой формѣ.

2. *Значеніе эксперимента, какъ особаго логическаго метода.*

Указанными соображеніями далеко не исчерпывается значеніе эксперимента. Напротивъ, наиболѣе важное его значеніе намъ предстоитъ еще указать. Оно состоитъ въ томъ, что цѣлесообразно варьируя условія наблюдаемаго явленія и наблюдая затѣмъ, какимъ измѣненіямъ подвергается при этомъ само явленіе, мы открываемъ его законы.

Если бы психологія была исключительно описательной наукой, она еще могла бы, до *нѣкоторой* степени, развиваться и помимо эксперимента, описывая и классифицируя данныя сознанія. Но она имѣетъ, кромѣ описательной, еще болѣе важную задачу—объяснительную; она должна указывать законы смѣны психическихъ явленій, ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга. Эти законы, сами по себѣ, уже не составляютъ данныхъ сознанія, они суть безсознательныя операціи или формы психической жизни. Мы можемъ только заключать къ нимъ изъ сравненія явленій, а не наблюдать ихъ непосредственно. Для вывода такихъ заключеній мы необходимо должны умѣть всячески варіировать изучаемыя явленія, умѣть разлагать ихъ на элементы, выдѣлять тѣ или другіе изъ этихъ элементовъ, усиливать или ослаблять ихъ

и т. п. Только помощью такихъ экспериментовъ мы находимъ матеріалъ, необходимый для вывода психическихъ законовъ или формъ.

Величайшимъ, можетъ быть, примѣромъ этого искусства психологическаго эксперимента является и донынѣ третья часть «Физиологической оптики» Гельмгольца, въ которой этотъ основатель экспериментальной психологіи, изслѣдуя составъ нашихъ зрительныхъ представлений о пространствѣ, выдѣлилъ рядомъ цѣлесообразныхъ и тонкихъ опытовъ элементы этихъ представлений и опредѣлилъ ихъ значеніе. Съ того времени прошло больше 25 лѣтъ, и методика психологическаго эксперимента широко развивалась и продолжаетъ развиваться, такъ что почти каждая новая работа и донынѣ вноситъ новый методологическій примѣръ. Мы не можемъ указывать здѣсь даже въ общихъ чертахъ всѣхъ разнообразныхъ видоизмѣненій этихъ методовъ, такъ какъ такая задача потребовала бы изложенія почти всѣхъ психологическихъ проблемъ. Одно только необходимо здѣсь замѣтить: всѣ попытки ограничить приложимость эксперимента только нѣкоторыми родами психическихъ явленій и, въ частности, простѣйшими—оказались вполнѣ ложны. Явленія познанія, эмоціи и воли—всѣ уже, хотя и въ разной степени, захвачены экспериментомъ, и выражаясь словами Мюнстерберга, мы должны сказать, что *принципіально* нѣтъ ни одного вопроса психологіи, который не могъ бы быть изучаемъ экспериментально, а что именно относительно сложнѣйшихъ изъ психическихъ явленій экспериментъ особенно и безусловно необходимъ.

3. Экспериментъ какъ средство измѣренія психическихъ явленій.

Далѣе, введеніе эксперимента въ психологію соединилось съ еще однимъ весьма своеобразнымъ прогрессомъ этой науки: мы разумѣемъ *измѣреніе* психическихъ событій.

Во-первыхъ, измѣреніе было примѣнено къ *интенсивности* ощущеній, въ ея зависимости отъ силы раздраженій. Это привело къ открытію, такъ называемаго, психофизическаго закона, согласно которому ощущенія возрастаютъ пропорціонально логариѳму раздраженія. Первую идею этого математическаго закона мы встрѣчаемъ у знаменитыхъ геометровъ Даніэля Бернуллі, Лапласа и Пуассона, а затѣмъ Эд. Веберъ и особенно *Фехнеръ* нашли мѣру ощущеній въ понятіи «едва замѣтной разницы» и указали основныя методы провѣрки этого закона (методы едва замѣтныхъ

разницъ, правильныхъ и ложныхъ случаевъ, средней ошибки), къ которымъ дальнѣйшіе изслѣдователи присоединили еще нѣкоторыя другіе.

Во-вторыхъ, подвергнута была точному измѣренію продолжительность психическихъ актовъ, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ ихъ сложности и доставляющая такимъ образомъ могущественное орудіе для психологическаго анализа. Эти хронометрическіе методы были первоначально примѣняемы астрономами (Бесселемъ, Аргеландеромъ) для опредѣленія той поправки въ наблюденіяхъ, которая называется «личнымъ уравненіемъ»; затѣмъ они были обработаны для психологическихъ цѣлей Гельмгольцемъ, Вундтомъ, Дондерсомъ, Эксперомъ и др. и нынѣ представляютъ высоко развитую методику, такъ называемой, психометрии, непрерывно пополняемой новыми изслѣдованіями.

Наконецъ, къ изученію психическихъ явленій примѣняются всякаго рода статистическіе методы обработки матеріала, доставляемаго разнообразными психологическими вопросниками, рассылаемыми новыми психологами по всему земному шару. Изъ этихъ работъ выйдетъ рано или поздно сравнительная психологія и научная классификація характеровъ.

4. До сихъ поръ я указалъ на значеніе эксперимента въ психологіи, во-первыхъ, какъ улучшеннаго метода самонаблюденія, во-вторыхъ, какъ особаго логическаго приема открытія зависимости между психическими явленіями, и наконецъ, какъ метода измѣренія этихъ явленій. Мнѣ остается указать на значеніе объективнаго эксперимента, т.-е. такого, въ которомъ изслѣдователь изучаетъ психическую жизнь иного существа по ея внѣшнимъ проявленіямъ или знакамъ, въ видѣ разнообразныхъ движеній и словъ. Сюда принадлежатъ, главнымъ образомъ, эксперименты надъ за-гипнотизированными и опыты съ животными.

Въ гипнотическомъ внушеніи мы имѣемъ одно изъ важныхъ средствъ психологическаго эксперимента. Помощью этого внушенія мы можемъ вводить въ сознаніе загипнотизированнаго субъекта любыя психическія состоянія, другія изъ него удалять,—однимъ словомъ, простымъ внушеніемъ создавать любыя формы психической жизни и затѣмъ наблюдать, какъ такой субъектъ дѣйствуетъ. Въ особенности цѣнныя услуги оказало гипнотическое внушеніе для анализа и изученія тѣхъ сложныхъ психическихъ явленій, которыя пока или вовсе еще не поддаются

инымъ средствамъ опыта, или лишь въ незначительной степени, а именно—сознанія личности и явленія воли и эмоций. Замѣчательныя изслѣдованія Льебо, Бернгейма, Шарко, Бони, Бине, Ферре, Жане и мн. др. открыли въ этомъ отношеніи цѣлое новое поприще для психологическихъ изслѣдованій, котораго вся важность нынѣ еще лишь приблизительно можетъ быть оцѣнена и которое, въ сущности, не имѣетъ, конечно, никакой необходимой связи съ оккультизмомъ, спиритизмомъ, ясновидѣніемъ и прочими странными уклоненіями современной мысли.

Психологическій экспериментъ надъ животными имѣетъ двѣ главныя формы. *Во-первыхъ*, мы можемъ изслѣдовать психическую жизнь нормальнаго животнаго, ставя его въ разнообразныя вѣдѣнія условія и наблюдая затѣмъ его движенія. Такимъ образомъ *Лѣббокъ* изучалъ ось, пчелъ и муравьевъ, *Прейеръ* — морскихъ звѣздъ, *Verwornn*, *Loeb* и др. — простѣйшихъ животныхъ. Эти работы и другія имъ подобныя составляютъ начало экспериментальной зоологической психологіи, и совершенно очевидно, что на этомъ пути, на которомъ сдѣланы пока еще первые шаги, предстоитъ многія открытія, которыя создадутъ въ концѣ концовъ общую теорію психогенезиса.

Вторымъ типомъ эксперимента надъ животными являются вивисекціи центральной нервной системы, съ цѣлью опредѣлить функціи отдѣльных ея частей. Помощью этого метода *Фритцъ* и *Гитцигъ*, *Феррьеръ*, *Гольцъ*, *Мункъ*, *Экснеръ* и мн. др. фізіологи положили основы ученію о локалізаціяхъ разныхъ психическихъ элементовъ въ разныхъ частяхъ большого мозга, а соединенный съ анатомо-гистологическимъ изученіемъ мозга, этотъ методъ уяснилъ общіе принципы мозговой механики.

II.

До сихъ поръ мы доказывали необходимость психологическихъ лабораторій современнымъ положеніемъ научной психологіи, т. е. характеромъ ея методовъ и ихъ значеніемъ. Другимъ доказательствомъ своевременности нашего требованія служить примѣръ университетовъ Западной Европы и Америки, гдѣ такія учрежденія существуютъ уже много лѣтъ, повсюду вновь основываются и богато снабжаются всѣми необходимыми приспособленіями. Психологическія лабораторіи существуютъ въ *Лейпцигѣ*, *Геттингенѣ*,

Фрейбургъ (Баденскомъ), Боннъ, Берлинъ, Мюнхенъ, Парижъ, Лондонъ, Копенгагенъ, Женевъ и въ американскихъ университетахъ въ Гарвардъ, въ Торонто, въ Іэлъ, въ Висконсинъ, въ Клеркскомъ университетѣ, въ Columbia College, въ Wellesley College и др.

Въ моей книгѣ я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности этихъ учреждений и показалъ, какихъ важныхъ результатовъ они достигаютъ какъ въ области чисто-научной, такъ и въ отношеніи педагогическомъ. Опасаясь злоупотребить вашимъ вниманіемъ, я не стану входить здѣсь въ объясненіе этой дѣятельности и скажу только, что психологическія лабораторіи являются, по моему мнѣнію, наилучшимъ средствомъ для повышенія результатовъ нашего университетскаго преподаванія психологіи! Въ качествѣ университетскаго преподавателя я вынесъ убѣжденіе, что изученіе психологіи лишь теоретическое приноситъ весьма слабые результаты. Безъ психологическихъ семинарій и лабораторій наши слушатели выносятъ зачастую изъ аудиторіи только знаніе словъ и схемъ, точно дѣло идетъ не объ явленіяхъ ихъ собственной души, а о психикѣ какихъ нибудь намъ неизвѣстныхъ жителей планеты Марса.

Если кромѣ этого обзора университетскихъ психологическихъ лабораторій требуются еще какія-нибудь доказательства распространенія экспериментальной психологіи, то можно указать на дѣятельность соотвѣтственныхъ международныхъ конгрессовъ, на существованіе многихъ специальныхъ журналовъ, посвященныхъ этому дѣлу, и на общую громадную численность ученыхъ работъ въ этомъ направленіи.

Первый международный конгрессъ экспериментальной психологіи былъ созданъ въ Парижѣ, въ 1889 г., заключалъ въ себѣ четыре секціи: гипнотизма, наслѣдственности, мускульнаго чувства и галлюцинацій, и собралъ представителей отъ всѣхъ странъ Европы и изъ Америки. Кромѣ многихъ интересныхъ сообщений, на немъ было рѣшено собрать статистику нѣкоторыхъ психическихъ явленій, при помощи соотвѣтственныхъ вопросниковъ. Второй съѣздъ былъ созданъ въ Лондонѣ, въ 1892 году, и заключалъ до 300 членовъ. Въ числѣ лицъ на немъ присутствовавшихъ, дѣлавшихъ сообщенія или ихъ доставившихъ, мы находимъ имена Бэна, Гальтона, Г. Спенсера, Роменса, Селли, Джемса, Прейера, Гельмгольца, Дельбефа, Рибо, Ломброзо, Бернгейма и

многихъ другихъ, принадлежащія къ извѣстнымъ всему цивилизованному міру. Наконецъ, третій конгрессъ созванъ на 1896 г. въ Мюнхенъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Штумфа.

Ничего равнаго этой дружной и совмѣстной работѣ ученыхъ всѣхъ странъ мы не находимъ въ предыдущихъ періодахъ психологіи. Вспомнимъ на примѣръ, для сравненія, слова, сказанныя Фихте (сыномъ) въ 1847 г. въ его «Приглашеніи къ философскому конгрессу»: «Большая часть изъ насъ одиноко, подобно кротамъ, копаютъ въ собственныхъ норахъ и опасаются недоброй встрѣчи, прикасаясь къ подземнымъ ходамъ другихъ. Въ наукѣ самага высокаго и универсальнаго интереса каждый упорно говоритъ своимъ языкомъ, слѣдуетъ только собственной терминологіи, — короче, силится прежде всего стать оригинальнымъ между другими, вмѣсто того, чтобъ искать общаго и связующаго». Какая разница между этой уединенной Systemmacherei и настоящимъ состояніемъ психологіи, которая, указывая общія для всѣхъ цѣли, объединяетъ своихъ послѣдователей въ дружной и реальной работѣ, одинаковой для всѣхъ и равно всѣми пріемлемой.

III.

Собственно говоря, мы уже дали достаточныя доказательства необходимости такихъ учреждений и у насъ, при русскихъ университетахъ. Но въ дополненіе къ вышеозначеннымъ фактамъ, позвольте мнѣ еще присоединить краткія указанія на общее значеніе научнаго изученія психическихъ явленій, т.-е. на общіе полезныя результаты, которые должны произойти изъ учреждений такихъ лабораторій. Здѣсь слѣдовало бы указать прежде всего на тѣснѣйшую связь между успѣхами психологіи и развитіемъ наукъ историко-филологическихъ. Эта связь есть, очевидно, обоюдная: съ одной стороны, психическіе факты суть явно одинъ изъ факторовъ, необходимыхъ для объясненія историческихъ явленій, и потому историко-филологическія науки ближайшимъ образомъ заинтересованы въ успѣхахъ научной психологіи; а съ другой стороны — психика чело-вѣка есть результатъ его социально-исторической жизни, и безъ условій этой жизни, т.-е. безъ помощи языка, социального строя и общественной традиціи, психика чело-вѣка едва ли возвысилась бы надъ уровнемъ прочихъ высшихъ животныхъ.

Въ заключеніе, я хотѣлъ бы остановить ваше вниманіе на значеніи, которое должно имѣть развитіе научной психологіи, связанное съ учрежденіемъ психологическихъ лабораторій, для научной практики, и именно для педагогики, медицины и криминалистики.

Что педагогика, какъ цѣлесообразное вліяніе на душевную жизнь ребенка, основана на психологіи ребенка, это такъ очевидно, что почти не требуетъ поясненій. Основное требованіе, предъявляемое всѣми великими педагогами новаго времени, сводится именно къ тому, что необходимо приспособлять все обученіе и воспитаніе къ степени развитія ребенка. На этой основѣ *Амосъ Коменскій* строитъ новые методы обученія, къ этому сводится педагогія *Локка*, это же имѣетъ въ виду требованіе естественности воспитанія у *Руссо* и психологизированія обученія — у *Песталоцци*.

Педагогика пользуется, какъ извѣстно, незавидной славой, особенно же у насъ. Ея принципы кажутся слишкомъ отвлеченными, а мы слишкомъ склонны полагаться на непосредственныя добрыя чувства воспитателя и его педагогическій тактъ. Что касается перваго, т. е. слишкомъ отвлеченнаго и схоластическаго характера педагогики, то онъ обусловленъ, какъ всякая схоластичность, слишкомъ малымъ количествомъ фактическихъ знаній. Что же касается до непосредственнаго педагогическаго такта, то хотя онъ, конечно, имѣетъ свою цѣну, но явно недостаточенъ, въ особенности въ рѣшеніи вопросовъ общественнаго воспитанія и для опредѣленія общихъ педагогическихъ началъ. Общіе принципы методики обученія, вопросы о культурѣ памяти, вниманія, интеллекта, объ отношеніи между формальнымъ и матеріальнымъ факторами образованія, о значеніи навыковъ и привычекъ, о воспитаніи воли, о гигиенѣ душевнаго развитія, и проч., и проч., свидѣно, суть въ сущности вопросы психологическіе и не могутъ быть разрѣшены безъ пособія науки.

Что касается до значенія основательнаго психологическаго образованія для *врача*, то оно безусловно необходимо при изученіи физиологіи центральной нервной системы и органовъ чувствъ, а равнымъ образомъ—психіатріи и нервной патологіи. Но кромѣ того, развивая общую наблюдательность къ психическимъ состояніямъ паціента и научное пониманіе этихъ состояній, такое знаніе психологіи можетъ часто способствовать уясненію этио-

логіи болѣзней и даже терапіи. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательны мнѣнія, высказанныя недавно такимъ выдающимся клиницистомъ, какъ *Ад. Штрюмпель*: «Никакой взглядъ относительно измѣненій, которымъ подвержено состояніе нашего тѣла,—говоритъ онъ,—не можетъ считаться болѣе одностороннимъ и неправильнымъ, чѣмъ тотъ, по которому всякое такое измѣненіе всегда является слѣдствіемъ какого-нибудь дѣйствующаго извнѣ, матеріальнаго вліянія. Уже самое поверхностное наблюденіе надъ самимъ собою должно намъ показать, какое сильное вліяніе различныя состоянія нашего сознанія оказываютъ на соматическую дѣятельность нашего организма... Я едва ли преувеличу, если скажу, что число заболѣваній, повидимому, чисто-тѣлесныхъ, а въ дѣйствительности обусловливаемыхъ примарными психическими вліяніями, по крайней мѣрѣ, столь же велико, какъ и число дѣйствительно соматическихъ заболѣваній. Къ сожалѣнію, медицинская наука, подъ вліяніемъ особыхъ предубѣжденій, долгое время чуждалась изслѣдованія и изученія именно этихъ болѣзненныхъ явленій. *Здѣсь необходимо въ будущемъ пополнить немаловажный пробѣлъ въ образованіи врачей. Какъ фізіологія, и психологія должна быть обязательнымъ предметомъ изученія для всякаго медика*».

Наконецъ, немаловажное значеніе имѣетъ основательное изученіе психологіи и для юриста и, въ частности, для криминалиста. Тотъ поворотъ въ криминалистикѣ, который выразился въ требованіи изучать не преступленія, а преступника, ясно указываетъ на необходимость общаго пониманія психики преступника, а таковое возможно лишь на принципахъ общей психологіи. Еще въ шестидесятыхъ годахъ *Данквартъ*, напримѣръ, доказывалъ, что «психологія играетъ въ уголовномъ правѣ столь же важную роль, какъ національная экономія въ гражданскомъ правѣ, и что она составляетъ, въ сущности, ключъ къ уголовному праву и ученію о наказаніи». Въ наше же время извѣстный криминалистъ философъ *Гардъ* выражается слѣдующимъ образомъ: «Современный криминалистъ не можетъ быть только юристомъ, исключительно озабоченнымъ священными правами индивида и прилагающимъ ихъ слѣдствія, со схоластической логикой комментатора гражданскаго права, къ индивиду преступленія, взятому абстрактно; онъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ философомъ, заинтересованнымъ прежде всего интересами общества. Въ то время,

какъ криминальная статистика показываетъ намъ преступленія и преступниковъ въ ихъ естественной группировкѣ, криминальная антропология надѣется открыть связь наклонности къ разнымъ преступленіямъ съ извѣстными физическими наслѣдственными признаками, отнюдь не индивидуальными; а патологія души, основанная на прогрессирующемъ изученіи нервной системы, не говоря уже объ опытахъ внушенія въ гипнозѣ, заставляетъ насъ перестраивать, на болѣе глубокихъ основаніяхъ, теорію уголовной отвѣтственности и искать истиннаго начала и истинныхъ результатовъ поступковъ индивида далеко за предѣлами его личности. Статистика, антропология, *физиологическая психологія*—вотъ тѣ новые пути, на коихъ создается обновленное изученіе преступленій, сравнительная криминалистика, если можно ее такъ назвать».

Итакъ, педагогъ, врачъ и юристъ необходимо нуждаются въ основательномъ психологическомъ образованіи. А если, какъ то мы показали выше, развитіе психологической науки является нынѣ обусловленнымъ приложеніемъ эксперимента, то основаніе при нашихъ университетахъ психологическихъ лабораторій вызывается не только научными запросами, но и практическими потребностями государства.

Мы не имѣемъ въ виду перечислять здѣсь всѣ тѣ многочисленные и важныя результаты, которые должно имѣть широкое и научное изученіе психики. Эта задача далеко выходитъ за предѣлы той специальной цѣли, которую мы поставили себѣ. Но мы не можемъ не указать, въ заключеніе, еще на одно общекультурное значеніе психологической науки.

Здѣсь именно должно сказать, что вопросы *психическаго вырожденія*, на которое съ такимъ страхомъ указываютъ многіе изъ современныхъ мыслителей, врачей и публицистовъ и котораго примѣры умножаются съ такою быстротою, эти вопросы принадлежатъ къ области психической гигиены и могутъ быть рѣшены лишь при точномъ и систематическомъ изученіи законовъ психо-физической организаци чловѣка. Трагическая сторона этихъ явленій состоитъ именно въ томъ, что они, вѣроятно, не устранимы простымъ повышеніемъ общественнаго умственнаго образованія, болѣе тонкой моральной культурой или развитіемъ нравственныхъ чувствованій, а требуютъ исполненія тѣхъ, по-видимому, столь обыденныхъ гигиеническихъ правилъ душевной

дѣятельности, или даже, можетъ быть, общаго пониженія ея, которое кажется невозможнымъ и унижительнымъ. А между тѣмъ вполне допустимо предположеніе, что въ одинъ прекрасный день всѣ умственные и моральные интересы, всѣ политическія и социальныя проблемы поблѣднѣютъ передъ фактомъ вырожденія пѣлыхъ общественныхъ группъ, и что вопросы гигиены и въ частности гигиены психической, станутъ центральными вопросами существованія. Явленія психическаго вырожденія обусловлены тѣми законами психофизической организаціи чловѣка, которые дѣйствуютъ въ тиши и невидимо, заслоненные и заглушаемые блестящими и громкими событіями на поверхности историческаго моря, но игнорированіе которыхъ понемногу подрываетъ самый смыслъ жизни и ставитъ общество передъ лицомъ смерти. Въ этомъ смыслѣ, біологическая психологія, вмѣстѣ съ психіатріей и нервной патологіей, имѣетъ великую задачу выяснить основы психической гигиены и требовать ихъ осуществленія прежде, чѣмъ настанетъ конецъ.

Итакъ, мм. гг., оглядывая всю совокупность фактовъ, указанныхъ нами, мы полагаемъ, что доказали то положеніе, которое было выставлено въ началѣ, а именно, что при русскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, необходимо основать психологическія лабораторіи. На это ясно указываетъ и роль эксперимента, какъ одного изъ важнѣйшихъ методовъ психологіи, и примѣръ иностранныхъ университетовъ, и общая польза, имѣющая произойти изъ основанія такихъ учреждений. Поэтому, выставляя это требованіе, мы полагаемъ, что съ правомъ можемъ повторить относительно него прекрасныя слова Бэкона: «мы просимъ, чтобы люди смотрѣли на него не какъ на мнѣніе, а какъ на дѣло, и чтобы они знали, что мы имѣемъ намѣреніе положить основы не какой-либо секты или системы, а участвовать въ дѣлѣ счастья и величія чловѣческаго».

Положенія диспутанта:

1. Процессъ воспріятія состоитъ въ быстрой смѣнѣ ряда моментовъ; изъ которыхъ каждый предыдущій представляетъ психическое состояніе менѣе конкретнаго, болѣе абстрактнаго характера, а каждый послѣдующій—состояніе болѣе частное и дифференцированное.

2. Продолжительность этихъ моментовъ или ступеней воспріятія равна, приблизительно, 0,04—0,05 секунды.

3. Существуетъ нѣкоторый параллелизмъ между этими моментами воспріятія и ступенями, по которымъ развивались ощущенія въ общей эволюціи животныхъ видовъ.

4. Сознаніе сходства есть болѣе первичный фактъ, чѣмъ сознаніе различія.

5. Ступени воспріятія составляютъ, повидимому, ту основу, на которой сложилось различіе между субъектомъ и предикатомъ въ сужденіяхъ.

6. Активное чувственное вниманіе есть цѣлесообразная реакція организма, моментально улучшающая условія перцепціи.

7. Должно различать вниманіе рефлексорное, инстинктивное и волевое.

8. Волевое чувственное вниманіе состоитъ въ ассимиляціи ощущенія съ яркимъ образомъ воспоминанія.

9. Этому образу воспоминанія мы сообщаемъ, въ процессѣ вниманія, иллюзорную яркость помощью движеній или иннервационнаго напряженія.

10. Напряженіе волевого вниманія представляетъ періодическія колебанія.

11. При русскихъ университетахъ необходимо основать кабинеты для изученія экспериментальной психологіи. Это называется современнымъ состояніемъ психологической науки, примѣромъ университетовъ Западной Европы и Сѣверной Америки и пользой, имѣющей отсюда произойти.

Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Л. М. Лопатинъ, сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія по поводу диссертации:

Николай Николаевичъ! Я не буду долго останавливаться на важныхъ достоинствахъ вашихъ изслѣдованій, которые дѣлаютъ вашу книгу крупнымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ русской психологической литературѣ. Вы являетесь у насъ однимъ изъ первыхъ представителей строго-экспериментальнаго метода при разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ и пытаетесь приложить этотъ методъ къ изслѣдованію самыхъ разнообразныхъ, сложныхъ и широкихъ проблемъ психологіи. Въ своихъ тщательно обдуманныхъ опытахъ вы оказываетесь истиннымъ знаткомъ своего дѣла, въ которомъ счастливо соединились добросовѣстность и

задушевное увлеченіе своей задачей съ изобрѣтательнымъ остроуміемъ. Я не буду говорить о вашей учености и замѣчательно разносторонней начитанности,—свойствахъ, которыя ярко обнаруживаются едва ли не на каждой страницѣ вашего труда.

Экспериментъ есть великое орудіе въ развитіи наукъ о явленіяхъ физической природы,—нужно думать, что строго обставленный научный экспериментъ и въ наукѣ о духѣ современемъ представить могучее подспорье для установленія новыхъ истинъ и для освѣщенія темныхъ сторонъ психическаго существованія. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать всякую попытку внести экспериментальный методъ въ психологію. Но все же совсѣмъ другой вопросъ: точно ли психологическій экспериментъ въ его современномъ состояніи есть достаточно твердая почва для категорическихъ заключеній объ основныхъ силахъ и процессахъ души?

И вотъ, мнѣ представляется, что разсмотрѣніе нѣкоторыхъ недостатковъ вашего труда всего убѣдительнѣе покажетъ, какая еще сравнительно скромная роль принадлежитъ эксперименту въ рѣшеніи коренныхъ задачъ психологіи. Позвольте же мнѣ перейти теперь къ обсужденію того, что я долженъ признать недостатками вашей книги.

Я прежде всего обращусь къ одному изъ важнѣйшихъ недостатковъ вашихъ разсужденій—чисто *логическаго* характера. По моему мнѣнію, онъ заключается въ поспѣшности переходовъ отъ отдѣльныхъ фактовъ къ очень широкимъ обобщеніямъ и гипотезамъ. Самымъ яркимъ примѣромъ такой торопливости можетъ служить ваша статья «О дѣйствиіи гашиша». Въ ней матеріалъ для обобщенія представляютъ явленія, которыя вы испытали на самомъ себѣ, однажды принявъ значительную дозу гашиша. И вотъ, отправляясь отъ этого *единственнаго* случая, вы строите самые общіе и категорическіе выводы, въ одномъ изъ которыхъ, между прочимъ, пытаетесь объяснить столь характерный при отравленіи гашишемъ фактъ растяженія времени и пространства. Другими словами, отъ одного случая вы заключаете ко всѣмъ случаямъ извѣстнаго рода. Было бы, конечно, осторожнѣе, если бы вы пришли къ своимъ заключеніямъ, предварительно подвергнувъ тщательному анализу цѣлый рядъ экспериментовъ, какъ надъ собою, такъ и надъ другими лицами. Весьма возможно, что при тѣхъ состояніяхъ, которыя вы пережили въ продолженіе вашего

опыта, представилось правдоподобнымъ, что растяженіе времени было обусловлено тягостными чувствованіями, а растяженіе пространства ощущеніями усталости (стр. 287). Однако, вопросъ въ томъ: можно ли такое объясненіе возвести въ общее правило? Развѣ мы не имѣемъ разсказовъ о безграничномъ растяженіи пространства и времени въ грезахъ лицъ, испытывавшихъ при отравленіи гашишемъ самыя блаженныя ощущенія?

И подобная торопливость въ обобщеніяхъ сказалась не только въ вашемъ изслѣдованіи дѣйствія гашиша,—въ большей или меньшей степени она замѣчается во всѣхъ отдѣлахъ вашей книги. Почти во всѣхъ случаяхъ вы производите эксперименты надъ самимъ собою. Какъ сами вы вѣрно замѣчаете, при этомъ невольно возбуждается подозрѣніе въ субъективности результатовъ. Дѣйствительно, ваши индивидуальныя особенности, невольныя внушенія, которыя вы дѣлали самому себѣ, и т. п.,—могли отразиться на полученныхъ числовыхъ данныхъ. Правда, вы возражаете на это, что элементарныя психическія акты оказываются весьма сходными по своей продолжительности у разныхъ экспериментаторовъ. Однако, едва ли можно сказать, чтобы въ своихъ экспериментахъ вы ограничивались только самыми элементарными фактами душевной жизни и вовсе не касались фактовъ, нерѣдко очень тонкихъ и сложныхъ. Напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ изложенія принциповъ своего метода, возражая Лудвигу Ланге, вы экспериментальнымъ путемъ пытаетесь доказать, что мускульная реакція, производимая со вниманіемъ къ долженствующему послѣдовать движенію, и такая же реакція *безъ* вниманія къ движенію—по времени, приблизительно одинаковы. Имѣя, однако, въ виду, что необходимое условіе мускульной реакціи состоитъ въ готовности немедленно реагировать на любое чувственное раздраженіе (стр. 12), что, съ другой стороны, внимательность къ ходу опыта есть также важнѣйшее условіе правильности его результатовъ (стр. 7), читатель едва ли ясно пойметъ, что значить внимательно производить опытъ *безъ всякаго* вниманія къ его непосредственной задачѣ (немедленному движенію), и конечно усомнится, чтобы вамъ дѣйствительно удалось въ рядѣ опытовъ надъ устраненіемъ вниманія получить величины типическія и обладающія всеобщею пригодностью.

Впрочемъ, если вашъ пріемъ экспериментировать надъ собою могъ иногда невыгодно отозваться на количественной сторонѣ вы-

веденныхъ вами результатовъ, этотъ пріемъ имѣетъ и свое несомнѣнное преимущество: пользуясь имъ, можно устанавливать не только внѣшнія цифровыя данныя, но и опредѣлять внутреннія, качественныя особенности наблюдаемаго процесса. Вы—опытный психологъ,—именно отъ васъ слѣдовало ждать, что вы не только занесете въ таблицы полученныя цифры, но и опишете со всевозможною точностью и ясностью то, что сами въ себѣ пережили; именно при такихъ обстоятельствахъ психологическій экспериментъ могъ явиться могущественнымъ подспорьемъ для са-наблюденія (стр. XXIII). Но вы не воспользовались этимъ преимуществомъ, и это особенно дурно отразилось на вашихъ объясненіяхъ къ закону перцепціи.

Смыслъ этого закона изложенъ вами подробно: соотвѣтственно ему, первая ступень перцепціи даетъ простой толчокъ въ сознаниі безъ всякихъ указаній на разрядъ ощущеній, вторая ступень даетъ извѣстный родъ ощущеній (напримѣръ, мы сознаемъ ощущение, какъ зрительное, а не слуховое или осязательное), третья ступень доставляетъ опредѣленное качество ощущеній, — положимъ, краснаго цвѣта, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Является крайне интереснымъ и важнымъ вопросъ: что такое этотъ толчокъ въ сознаниі, или что значить имѣть зрительное, или осязательное ощущение — *вообще*, безъ всякой ихъ качественной характеристики? Вы рѣшительно настаиваете, что выведенный вами законъ перцепціи никакъ не есть только законъ постепенной автоматической классификаціи или оцѣнки уже данныхъ намъ ощущеній, но законъ самихъ ощущеній, поскольку они дѣйствительно лишь въ извѣстной постепенности опредѣляются въ нашемъ сознаниі (стр. 35). Воспринимая, положимъ, красный цвѣтъ, мы сначала имѣемъ лишь толчокъ въ сознаниі и ничего больше, потомъ, хотя видимъ цвѣтъ, но не видимъ, какой онъ, и уже послѣ этого видимъ цвѣтъ, какъ *красный*. И по вашему мнѣнію, для того, чтобы, напримѣръ, экспериментально уловить вторую ступень перцепціи, мы должны умственно сосредоточиться на представленіи зрительнаго ощущенія *вообще* и лишь подъ этимъ условіемъ можемъ оказаться въ состояніи реагировать на цвѣтъ, поскольку онъ еще никакъ для насъ не окрасился (стр. 30). Но что значить видѣть красное и не видѣть его красноты? Какъ можно *представлять* цвѣтъ и въ то же время совсѣмъ не представлять никакого опредѣленнаго цвѣ-

та? На всѣ эти недоумѣнія мы не находимъ у васъ отвѣта. Вы только даете довольно подробное и живое описаніе того, что слѣдуетъ считать *толчкомъ въ сознаниіи* (стр. 18—20). Но и это описаніе вы цѣликомъ берете у Герберта Спенсера, который, однако, смотритъ на законъ перцепціи совсѣмъ другими глазами, нежели вы.

Благодаря такому отсутствію качественного описанія процессовъ перцепціи, у васъ остается совершенно нерѣшеннымъ вопросъ, чѣмъ же посредствуется переходъ отъ однихъ ступеней перцепціи къ другимъ? Есть ли этотъ переходъ чисто пассивный процессъ въ сознаниіи, которое лишь воспринимаетъ то, что ему непосредственно и прямо дано, но отъ себя ничего къ нему не прибавляетъ, или этотъ переходъ обусловленъ совершаемыми самими сознаниемъ актами различенія, сопоставленія, усмотрѣнія сходствъ и т. д.? Съ одной стороны, на цѣломъ рядѣ страницъ (11, 24, 25) вы утверждаете, что акты различенія являются необходимымъ посредствующимъ звеномъ между низшими ступенями перцепціи и высшими, но, съ другой стороны, вы рассматриваете сознание сходства и различія, какъ *дальнѣйшій* фактъ познанія, сравнительно съ перцепціей (стр. 38), обладающій большею длительностью, а кончаете полнымъ отрицаніемъ специфическаго сознаниа различія (стр. 44—45); сводя его къ простому отсутствію чувства сходства, хотя тутъ же (на стр. 45) признаете существованіе самостоятельнаго ощущенія *несоответствія*, которое вы характеризуете какъ «нѣчто въ родѣ чувства различія». По вашему мнѣнію, когда я различаю синій цвѣтъ отъ краснаго, то единственное, что я нахожу въ себѣ, это именно красный цвѣтъ и синій и отсутствіе ихъ сходства. При этомъ вы какъ будто забываете, что имѣтъ разныя идеи и ощущенія и *понимать* ихъ различіе далеко не одно и то же: мы можемъ вовсе не думать объ ихъ различіи, разъ намъ не приходилось ихъ сравнивать между собою раньше.

Казалось бы, для подтвержденія вашего оригинальнаго взгляда на чувство различія, вамъ слѣдовало обратить особое вниманіе на многочисленныя въ психологической литературѣ аргументы въ пользу самостоятельной и коренной природы чувства различія, всесторонне обсудить и опровергнуть ихъ. Но страннымъ образомъ, вы высказываете свое воззрѣніе скорѣе въ формѣ личнаго мнѣнія (стр. 42), хотя настаиваете на немъ очень рѣшитель-

но. Правда, мы находимъ у васъ нѣкоторое экспериментальное доказательство справедливости вашего взгляда на чувство различія, какъ на производное явленіе отъ чувства сходства: оно состоитъ въ томъ, что «время сознанія сходства оказывается значительно (на 8⁰/₁₀) короче, чѣмъ время сознанія различія между такими же элементами» (стр. 43). Но такое доказательство слѣдуетъ ли считать сколько-нибудь убѣдительнымъ? Допустимъ даже, что полученный вами общій числовой результатъ безукоризненно вѣренъ,—что же изъ него вытекаетъ? Развѣ можно поставить за общее правило, что если даны два явленія, — одно длиннѣе, другое короче,—то второе должно быть непременно причиною или производящимъ факторомъ перваго? По вашимъ таблицамъ выходитъ, что слуховыя ощущенія воспринимаются скорѣе зрительныхъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что слуховыя ощущенія суть причина зрительныхъ ощущеній?

При основной шаткости вашихъ взглядовъ на значеніе актовъ усмотрѣнія различій въ процессахъ нашего познанія, понятна неясность вашихъ воззрѣній на психологическую природу *сужденія*. По вашему мнѣнію, логическій составъ сужденій есть выраженіе закона перцепціи. Вы говорите (стр. 59): «каждая предыдущая ступень перцепціи есть, въ полномъ смыслѣ, субъектъ для послѣдующей, какъ предиката. Воспріятіе, какъ мы показали, есть въ первый моментъ простой толчокъ въ сознаніи...; оно есть, слѣдовательно, своего рода возможность, субстанція, неопредѣленное бытіе, которое получаетъ свое опредѣленіе, атрибутъ въ слѣдующій моментъ перцепціи... Здѣсь мы находимъ, слѣдовательно, объясненіе всѣхъ трехъ указанныхъ особенностей субъекта (въ сужденіи): онъ есть субстанція, неопредѣленное бытіе и синтетически связанъ въ единый психическій актъ съ предикатомъ». Такой рядъ выводовъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что немного раньше вы вполне соглашаетесь съ тою истиною, что въ сужденіяхъ субъектъ и предикатъ суть величины разнаго порядка, что никакая сумма предикатовъ субъекта не исчерпываетъ, что субъектъ и предикатъ относятся какъ предметъ къ свойству. Между тѣмъ, въ различныхъ ступеняхъ перцепціи мы имѣемъ совсѣмъ одно и то же (одно ощущеніе), только воспринимаемое не одинаково отчетливо и ясно и въ этомъ отношеніи *мѣняющееся* свои предикаты, такъ что предикаты ступени слѣдующей не относятся къ содержанію ступени предшествующей. Поэтому, если

и переводить ступени перцепціи на языкъ сужденій, то эти сужденія никакъ не могутъ быть облечены въ такую форму, чтобы въ нихъ предшествующія ступени оказались *подлежащими* для послѣдующихъ, какъ *сказуемыхъ*. Напротивъ, каждая ступень въ такомъ случаѣ должна быть выражена своимъ особымъ сужденіемъ, и совершенно ясно, что такія сужденія, съ логической стороны, будутъ даже противорѣчащими между собою. Такъ, вторая ступень перцепціи краснаго цвѣта выразится сужденіемъ: я вижу нѣчто, *что не есть ни красное, ни синее, ни желтое и т. д.*; для третьей ступени, напротивъ, будетъ справедливымъ сужденіе: я вижу *красное*. Не остановило васъ даже и то, казалось бы, неизбежное сомнѣніе: неужели утвержденіе, что толчокъ въ сознаніи есть субстанція, имѣетъ сколько-нибудь понятный смыслъ?

Такимъ образомъ, въ развитіи ученія о законѣ перцепціи у васъ пропущены очень важные моменты, что дастъ всѣмъ вашимъ заключеніямъ двусмысленный видъ. Но за то въ статьѣ «законъ перцепціи» оказываются и такія части, которыя, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, можно назвать лишними, ненужными, не только не уясняющими, но прямо затемняющими дѣло. Сюда, по моему мнѣнію, относится все, что сказано у васъ въ главѣ IV о биологическомъ развитіи перцепціи. Излагая причины, по которымъ вы назвали свой законъ закономъ перцепціи, а не простого ощущенія, и опредѣливъ перцепцію (стр. 35), какъ «давнее ощущеніе *плюсъ* результатъ подобныхъ же предыдущихъ опытовъ», вы далѣе объясняете, что подъ предыдущимъ опытомъ вы разумѣете не только прежній опытъ нашего сознанія, поскольку онъ синтезировался съ опытомъ настоящаго момента, но и послѣдательный опытъ всѣхъ поколѣній животныхъ, которыя предшествовали появленію на землѣ человѣка,—опытъ, отразившійся на устройствѣ человѣческаго мозга и нервной системы. Въ силу этого перцепцію вы опредѣляете (стр. 36) какъ «взаимодѣйствіе даннаго раздраженія съ тѣмъ механизмомъ, который является результатомъ тѣхъ безчисленныхъ опытовъ, которые имѣли мѣсто въ общемъ развитіи животныхъ». Такое расширеніе и даже искаженіе обычнаго значенія термина *перцепція* едва ли можетъ помочь установленію его истиннаго психологическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какія душевныя явленія тогда не придется называть *перцепціями*?

Можетъ быть, всего болѣе повредило вашимъ изслѣдованіямъ то, что они распадаются на нѣсколько частей, почти ничѣмъ не связанныхъ между собою. Особенно дурно это сказалось на важнѣйшихъ двухъ статьяхъ: «Законъ перцепціи» и «Теорія волевого вниманія». Выведенный вами законъ перцепціи, конечно, выигралъ бы въ ясности своихъ приложений, еслибъ вы заранѣе опредѣлили роль вниманія въ умственныхъ операціяхъ души. И съ другой стороны, ваше ученіе о вниманіи, быть можетъ, не получило бы такого односторонняго освѣщенія, еслибы вы имѣли въ виду всю полноту познавательныхъ процессовъ, которыхъ вы касаетесь въ статьѣ о законѣ перцепціи. Дѣйствительно, въ вашемъ ученіи о вниманіи одинаково поражаютъ и необычайность его обоснованія, и странная прихотливость полученныхъ въ немъ окончательныхъ выводовъ.

На стр. 142 «Изслѣдованій» вы даете психологамъ весьма благородный совѣтъ—не мѣнять установившагося значенія психологическихъ терминовъ, такъ какъ, помимо другихъ неудобствъ отъ подобныхъ измѣненій, въ нашемъ языкѣ заключенъ богатый запасъ крайне важныхъ психологическихъ фактовъ. Но, къ величайшему сожалѣнію, вы даете этотъ совѣтъ уже тогда, когда сами его рѣшительно нарушили въ своемъ опредѣленіи вниманія. Въмѣсто *психологическаго* вы даете вниманію чисто *физиологическое* опредѣленіе и тѣмъ невольно искажаете первоначальный смыслъ ~~этого~~ понятія. Вниманіе (на стр. 140) опредѣляется какъ *цѣлесообразная реакція организма, моментально улучшающая условія воспріятія*. Отправляясь отъ такого опредѣленія, вы получаете выводы, совершенно неожиданные: реакціи организма бываютъ рефлексивныя, инстинктивныя и волевыя, слѣдовательно, и вниманіе бываетъ рефлексивное, инстинктивное и волевое. Черезъ это въ категорію актовъ вниманія у васъ попадаютъ чуть не всѣ рефлексы. Для васъ и поворотъ головы при прислушиваніи, и глотательныя движенія, и даже выдѣленіе слюны (стр. 146)—все это суть акты вниманія. Странность такой классификаціи значительно возрастаетъ, благодаря тому, что волевымъ вниманіемъ вы считаете лишь усиленіе и выдѣленіе части реальнаго воспріятія (или мыслимой нами идеи) помощью воспоминаемыхъ образовъ прежнихъ воспріятій (или прежняго сознанія данной идеи). Вы говорите (стр. 157): «Въ волевомъ вниманіи къ образу воспоминанія подыскивается соотвѣтственное реальное ощущеніе или,

по крайней мѣрѣ, болѣе конкретное воспоминаніе; напротивъ, во вниманіи инстинктивномъ... мы имѣемъ обратный процессъ: переходъ отъ ощущенія къ его интерпретаціямъ, отъ неизвѣстнаго и непонятнаго реального воспріятія къ его объясненію. Въ этомъ состоитъ существенная разница этихъ двухъ формъ вниманія, изъ которыхъ первое (волевое) имѣетъ цѣлью усиленіе, фиксацію даннаго психическаго состоянія, а второе (инстинктивное) его пониманіе». Трудно яснѣе выразить ту, очевидно парадоксальную мысль, что всякое объясненіе реальныхъ фактовъ, всякая догадка, всякая гипотеза, всякое пониманіе вообще—есть непосредственно продуктъ только слѣпотаго инстинкта!

Наконецъ, и безъ того крайне своеобразное воззрѣніе на волевое вниманіе у васъ значительно осложняется рѣшительнымъ отрицаніемъ вниманія *пассивнаго* (въ его общепринятомъ различіи отъ *активнаго* вниманія). Въ этомъ случаѣ вы обнаруживаете крупную непослѣдовательность: если даже всякое чисто рефлексивное дѣйствіе, влекущее за собою приспособленіе организма къ улучшенному воспріятію, по вашему, есть актъ вниманія, то какъ не назвать вниманіемъ невольное сосредоточеніе сознанія на яркихъ, интенсивныхъ ощущеніяхъ, сосредоточеніе, которое всегда такъ или иначе сопровождается приспособленіемъ органовъ къ наилучшему воспріятію этихъ ощущеній? А въ такомъ невольномъ сосредоточеніи, по обыкновенному взгляду, и состоитъ *пассивное* вниманіе.

Можно сказать больше: если вы что и объясняете въ своей теоріи волевого вниманія, то именно только дѣятельность пассивнаго вниманія. По этому поводу приходится указать еще на одинъ существенный недостатокъ вашей теоріи: рассуждая о *волевомъ* вниманіи, вы даже и не пытаетесь опредѣлить природу и законы самой воли, направляющей теченіе нашихъ идей сообразно со своими цѣлями и побуждающей нерѣдко нашу мысль останавливаться на такихъ предметахъ, которые не представляютъ для насъ непосредственнаго интереса и не вызываютъ никакихъ интенсивныхъ ощущеній (въ чемъ и заключается способность *активнаго* вниманія). Упомянувъ о такомъ направляющемъ воздѣйствіи воли, вы то ссылаетесь на общепризнанные факты, то указываете на психическую механику, которая будто бы уже объяснила всѣ явленія воли, то, наконецъ, отсылаете читателя къ своему собственному, еще не изданному сочиненію «Элементы

волевого движенія», въ которомъ всѣ вопросы о волѣ должны быть рѣшены. То же, что даете вы теперь, есть гипотетическая схема того физиологическаго процесса, посредствомъ котораго воспоминанія, однажды овладѣвъ нашимъ сознаниемъ, достигаютъ, благодаря присущему имъ моторному элементу, иллюзорной яркости и тѣмъ усиливаютъ соотвѣтствующія имъ ощущенія. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ концѣ концовъ мы получаемъ въ вашемъ изслѣдованіи лишь подробное и остроумно обставленное объясненіе воздѣйствій вашего гипотетическаго механизма усиленія воспоминаній на зрительныя и слуховыя ощущенія. Нельзя отрицать методологическаго достоинства подобныхъ гипотетическихъ построеній. Но вы дѣлаете огромный логическій скачекъ, когда думаете, что объяснили въ своей теоріи волевое вниманіе въ полнотѣ его внутреннихъ моментовъ. Конструктивная дѣятельность воли въ процессахъ познанія и творчества, роль волевого вниманія въ актахъ отвлеченія и обобщенія у васъ не только не затронуты, но въ вашей гипотезѣ прямо не оказывается никакихъ данныхъ для ихъ обоснованія и объясненія.

Таковы важнѣйшія замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать по поводу вашей книги. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ остановиться на нѣкоторыхъ ея частностяхъ, на историческихъ очеркахъ ученій о сознаниіи сходства и различія и теорій вниманія. Если вы согласны съ какими-нибудь изъ высказанныхъ мною возраженій, они должны, мнѣ кажется, внушать мысль о настоятельной необходимости быть осторожнымъ въ изучаемой вами области душевныхъ явленій. Позвольте пожелать вамъ неутомимо и плодотворно дѣйствовать на избранномъ вами поприщѣ, но не забывать и его существенныхъ трудностей. Еще разъ повторю: никто не станетъ отрицать великаго значенія психологическаго эксперимента; но въ его современномъ состояніи, примѣняемый къ рѣшенію основныхъ психологическихъ проблемъ о волѣ и разумѣ, онъ все же едва ли можетъ замѣнить столь часто и несправедливо осуждаемый методъ психологической интроспекціи.

Н. Н. Ланге такъ резюмировалъ) свои отвѣты проф. Лопатину:*

*) Отвѣты диспутанта проф. Л. М. Лопатину и проф. С. С. Корсакову составлены имъ на основаніи черновыхъ записей происходившаго на диспутѣ, а

1. *Статья о дѣйствии гашиша.* Помѣщая въ «приложеніи» къ своей книгѣ описаніе опыта съ гашишемъ, авторъ ясно обозначилъ, что онъ придаетъ этой статьѣ совсѣмъ иное, болѣе частное значеніе, чѣмъ главному содержанію книги, состоящему изъ двухъ «изслѣдованій»; статья же о гашишѣ названа лишь «психологической замѣткой». Соответственно тому, и всѣмъ выводамъ, сдѣланнымъ въ этой статьѣ, отнюдь не должно придавать всеобщаго значенія. Но въ частномъ, индивидуальномъ значеніи выводъ о причинахъ, такъ называемыхъ, растяженія времени и пространства сдѣланъ, можно думать, на вполне достаточномъ основаніи, такъ какъ авторъ доказалъ, что расширеніе пространства (въ данномъ случаѣ) не распространялось на малыя движенія, а растяженіе времени явилось лишь вслѣдъ за появленіемъ болѣзненныхъ ощущеній (стр. 285—287).

2. *Такъ называемая, мускульная реакція.* Лудвигъ Ланге утверждалъ, что иннервационное ощущеніе есть необходимое условіе для полученія краткихъ или, такъ называемыхъ, мускульныхъ реакцій; опыты же, произведенные авторомъ (стр. 12), показали, что и безъ такого предварительнаго мускульнаго или иннервационнаго напряженія могутъ быть получаемы столь же краткія реакціи, т. е. что, слѣдовательно, это иннервационное напряженіе не есть ихъ истинная причина.—Въ томъ, что реакціонное движеніе производилось авторомъ безъ всякаго спеціальнаго вниманія къ нему, т. е. безъ того, чтобы непрерывно имѣть въ сознаніи представленіе объ этомъ движеніи, нѣтъ ничего страннаго или даже новаго: всѣ, напримѣръ, опыты опредѣленія времени различія (*Unterscheidungszeit*) таковы у всѣхъ экспериментаторовъ. Вниманіе къ ходу опыта отнюдь не тождественно съ иннервационнымъ напряженіемъ въ рукѣ, производящей реакцію. Сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли сдѣланные авторомъ опыты представляютъ мускульную реакцію, врядъ ли справедливо уже потому, что самое существованіе и характерные черты этого типа реакцій, нынѣ столь многократно описанныя цѣлымъ рядомъ экспериментаторовъ, были первоначально указаны именно авторомъ, при его совмѣстной работѣ съ Лудвигомъ Ланге, и притомъ на основаніи интроспекціи.

также на основаніи письменнаго изложенія возраженій обоихъ оппонентовъ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ значительно дополнены и распространены диспутантомъ, сравнительно съ тѣмъ, что высказывалось во время преній. *Ред.*

3. *Ступени ощущенія.* Почтенный оппонентъ требуетъ *описанія* этихъ ступеней; но автору неизвѣстно, какимъ образомъ возможно описывать какое-нибудь ощущеніе; можно лишь указывать условія, при которыхъ данное ощущеніе можетъ быть испытано, и это сдѣлано въ книгѣ; тотъ, кто повторитъ эти опыты, испытаетъ и эти ощущенія. Оппонентъ выражаетъ далѣе недоумѣніе по поводу второй ступени зрительныхъ ощущеній: что же, спрашиваетъ онъ, мы ощущаемъ, когда ощущеніе опредѣленнаго цвѣта еще отсутствуетъ? — Однако, въ такомъ случаѣ остаются еще отношенія свѣто-тѣни, и они-то и составляютъ вторую ступень въ зрительныхъ ощущеніяхъ (см. стр. 27), на которой сознаніе цвѣта еще отсутствуетъ. Вѣдь въ каждомъ цвѣтовомъ ощущеніи различаютъ, какъ извѣстно, интенсивность, насыщенность и цвѣтъ; поэтому, если на второй ступени цвѣтъ еще не ощущается, то два первыхъ качества уже могутъ присутствовать.

4. *Роль различенія въ опредѣленіи ступеней ощущенія.* Оппонентъ полагаетъ, что вопросъ о томъ, активны ли мы или пассивны въ переходѣ отъ одной ступени ощущенія къ другой его ступени, оставленъ авторомъ «совершенно неразрѣшеннымъ». Если однако авторъ утверждалъ, что эти ступени суть ступени ощущенія (стр. 32 и слѣд.), то уже само собою разумѣется, что это чисто пассивный процессъ для нашего сознанія. Замѣчанія на стр. 11 и 24 — 25 отнюдь этому не противорѣчатъ, и авторъ полагаетъ, что недоумѣніе по этому поводу у почтеннаго оппонента возникло вслѣдствіе смѣшенія имъ методологіи изслѣдованія съ самими изслѣдуемыми предметами. Дѣло въ томъ, что авторъ опредѣлялъ времена реакціи со второй и слѣдующей ступени ощущенія слѣдующимъ образомъ: реагентъ долженъ былъ заранѣе приготовиться реагировать только на извѣстное ощущеніе *A*; если же онъ получалъ какое-нибудь другое ощущеніе *B*, то не реагировать: такъ, напримѣръ для опредѣленія времени реакціи со второй ступени зрительнаго ощущенія, реагенту предписывалось ожидать какого-нибудь любаго зрительнаго ощущенія (все равно, какого цвѣта), т.-е. ощущенія свѣто-тѣни; для полученія же реакціи съ третьей ступени зрительнаго ощущенія, реагентъ долженъ былъ ожидать ощущенія опредѣленнаго цвѣта, въ случаѣ же иного цвѣта — не реагировать; для провѣрки реагента вводились, по временамъ, такія контрольные раздраженія, на которыя онъ долженъ былъ не реагировать. Слѣдовательно,

во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда происходила реакція, она возникла отнюдь не на чувство различія, а лишь на соотвѣтствіе ожидаемаго съ полученнымъ ощущеніемъ; значить, эти опыты, поскольку они касаются регистраціи происшедшихъ реакцій, вовсе не заключаютъ различія. Вторымъ доказательствомъ тому же служить то обстоятельство, что число контрольныхъ ощущеній, на которыя не должно было реагировать, не вліяло на длину времени реакціи: если бы здѣсь присутствовало сравненіе и различеніе, то, очевидно, число сравниваемыхъ элементовъ, напротивъ, удлиннито бы процессъ (стр. 25, 28, 41—42). Итакъ, акты различенія не являются посредствующимъ звеномъ между найденными степенями ощущенія. Съ гораздо большимъ основаніемъ оппонентъ могъ бы утверждать, что при вышеупомянутой методикѣ опытовъ является, въ видѣ необходимаго фактора, процессъ *отождествленія*. Но это обстоятельство многократно указано уже самимъ авторомъ въ книгѣ (стр. 14—15, 22, 33, 39 и др.), а вмѣстѣ съ тѣмъ (на стр. 34, §§ 2 и 3) приведены и достаточныя, какъ полагаетъ авторъ, основанія, почему тѣмъ не менѣе нельзя объяснять разность полученныхъ временъ реакцій разностями во временахъ отождествленія, но необходимо считать ихъ обусловленными степенями сознанія самыхъ ощущеній.

5. *Чувство разности*. Вопросъ о чувствахъ различія и сходства затронуть въ диссертациі лишь *по поводу* разсужденій Вундта и Дондерса, имѣющихъ отношеніе къ методикѣ изслѣдованія «о законѣ перцепціи». Поэтому и мысль о томъ, что чувство различія имѣетъ, сравнительно съ чувствомъ сходства, вторичный и болѣе сложный составъ, высказана лишь, такъ сказать, мимоходомъ и въ качествѣ правдоподобной гипотезы. Будетъ ли принята или отвергнута эта гипотеза, для изслѣдованія о законѣ перцепціи безразлично. Но, не выдавая этого гипотетическаго утвержденія за доказанное, авторъ однако никакъ не можетъ признать, чтобы тѣ возраженія, которыя сдѣланы противъ этой гипотезы Л. М. Лопатинымъ, сколько-нибудь ее опровергали.

а) Изъ того, что сознаніе различія требуетъ больше времени, чѣмъ сознаніе тождества, конечно, не вытекаетъ необходимо, что первое болѣе сложно, чѣмъ второе: но, съ другой стороны, если сознаніе различія есть сознаніе объ отсутствіи сходства, какъ предполагаетъ гипотеза, то оно, конечно, должно являться позднѣе, будучи констатированіемъ невозникновенія чувства сход-

ства; этотъ апріорный выводъ и былъ подтвержденъ опытами (на стр. 43—44). *b)* Оппонентъ видитъ какое-то противорѣчіе въ томъ, что авторъ, отрицая существованіе специфическаго чувства различія, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ощущеніе несоотвѣтствія ожидаемаго съ дѣйствительнымъ. Однако, противорѣчія въ этомъ нѣтъ, ибо отрицается интеллектуальное чувство различія, а признается существованіе соотвѣтственнаго эмоціональнаго возбужденія. Подобно тому, какъ должно различать между теоретическимъ чувствомъ сходности и эмоціональнымъ возбужденіемъ или удовольствіемъ, доставляемымъ намъ сходствомъ, такъ и простое теоретическое чувство разности есть не что иное, какъ тотъ сложный комплексъ изъ внезапнаго испуга, неожиданности, удивленія, ощущеній несоотвѣтствія аккомодации органа чувства съ падающимъ на него впечатлѣніемъ, выразительныхъ движеній вздрагиванія и т. под.,—комплексъ, котораго существованіе признано на стр. 45: теоретическаго чувства различія и здѣсь нѣтъ. *c)* Литература по вопросу о чувствахъ сходства и несходства не только не игнорируется авторомъ, но ея обзорѣніе составляетъ особое приложеніе въ книгѣ (стр. 64—81).

6. *Теорія сужденія.* Недоумѣнія почтеннаго оппонента по поводу теоріи сужденія, выставленной въ диссертации, зависятъ, повидимому, отъ того, что онъ придаетъ психологическому и эмпирическому изслѣдованію автора смыслъ метафизическій, котораго однако послѣдній вовсе не имѣлъ въ виду. Было бы чудовищно сказать, что субъектъ сужденія есть *метафизическая субстанція*. Этотъ печальной памяти философскій терминъ былъ употребленъ авторомъ, какъ прямо указано (на стр. 58), лишь для обозначенія того обстоятельства, что субъектъ въ сужденіи часто представляетъ вещь или предметъ, котораго свойства не исчерпываются никакимъ конечнымъ рядомъ предикатовъ, т.-е. что всегда могутъ оказаться, при новыхъ условіяхъ, и новые предикаты. Но, конечно, это отнюдь не значитъ, чтобы предметъ не былъ лишь суммой качествъ, хотя и неопредѣленно большою, и въ этомъ смыслѣ авторъ и назвалъ субъектъ величиной иного порядка, чѣмъ предикаты (стр. 58), а величины высшаго порядка суть все же величины. Первая ступень ощущенія—простой «толчокъ въ сознаніи»—обладаетъ именно такимъ же свойствомъ, сравнительно со слѣдующими степенями: онъ есть «нѣчто» еще не опредѣлившееся, могущее еще получить любой предикатъ, и

всѣ таковыя предикаты все-таки не исчерпаютъ возможности иныхъ (при новыхъ условіяхъ).—Этимъ объясненіемъ устраняется и второе возраженіе оппонента. Если бы психологической субъектъ сужденія былъ метафизической субстанціей, то было бы дѣйствительно непонятно, какъ возможно какія-нибудь ступени ощущенія считать за субъекты, ибо всѣ эти ступени въ такомъ толкованіи были бы равно предикатами. Но если субъектъ, качественно, есть то же самое, что его предикаты, различіе же ихъ состоитъ въ объемѣ, то понятно, что неопредѣленность первыхъ ступеней ощущенія и большая дифференцированность слѣдующихъ ступеней, дѣйствительно, находятся въ отношеніи субъекта и предиката, и притомъ такъ, что, напримѣръ, вторая ступень ощущенія, являющаяся предикатомъ для первой, въ свою очередь, становится субъектомъ для третьей, въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ (на стр. 55—6 диссертации) взглядоиъ Габеленца на природу психологическаго субъекта и предиката.—Наконецъ, третье возраженіе оппонента, именно, что сужденія, выражающія разныя ступени ощущенія, являются противорѣчащими другъ другу, неосновательно потому, что сужденія эти никогда не бываютъ отрицательными: такъ, напримѣръ, вторая ступень зрительнаго ощущенія выразится не сужденіемъ: *я вижу нѣчто, что не есть красное* (какъ предполагаетъ оппонентъ), а сужденіемъ: *я вижу нѣчто, имѣющее известную световую интенсивность*, а третья ступень—сужденіемъ: *эта световая интенсивность имѣетъ красный цвѣтъ*. Никакого противорѣчія между этими сужденіями нѣтъ— такъ же, какъ нѣтъ противорѣчія въ сужденіи: *я слышу громкій звукъ и этотъ звукъ есть тонъ до*.

7. *Биологическое значеніе закона перцепціи*. Значеніе главы IV, трактующей о біологическомъ происхожденіи ступеней перцепціи, состоитъ, конечно, не въ приложеніи термина «перцепція», который употребляется авторомъ въ иномъ, чѣмъ общепринятое, значеніи (что и оговорено въ книгѣ, стр. 35—6), а въ попыткѣ выяснить параллелизмъ ступеней перцепціи человѣка со ступенями филогенетическаго развитія ощущеній (для чего приведенъ рядъ фактовъ изъ области зоопсихологіи, стр. 36—7), и такимъ образомъ объяснить происхожденіе ступеней перцепціи у человѣка. Этому объясненію самъ авторъ придаетъ лишь гипотетическое значеніе (см. стр. 35), но гипотеза эта не только не лишняя въ изслѣдованіи, а напротивъ, даетъ ключъ къ объяс-

ненію или пониманію того фактическаго матеріала, который собранъ въ предыдущихъ главахъ.

8. *Связь между двумя изслѣдованіями: о законъ перцепціи и о волевомъ вниманіи* Роль вниманія принята въ соображеніе въ изслѣдованіи о законѣ перцепціи, какъ то видно изъ стр. 13, 30 и др.

9. *Изслѣдованіе о вниманіи.* (Подробнѣе см. въ отвѣтахъ С. С. Корсакову). Авторъ полагаетъ, что его употребленіе термина «вниманіе» вполне соотвѣтствуетъ общепринятому, какъ то видно изъ обзора терминовъ вниманія въ индо-европейскихъ языкахъ (даннаго на стр. 142—3 и 149). Въ частности, выраженіе «прислушиваться», т.-е. слушать со вниманіемъ, явно заключаетъ въ себѣ и поворотъ головы къ источнику звука, а терминъ «смаковать», т.-е. сосредоточить вниманіе на ощущеніи вкуса,—своеобразныя движенія языка, сопровождающіяся усиленнымъ выдѣленіемъ слюны, благодаря чему вкушаемое вещество растворяется и тѣмъ возбуждаетъ вкусовыя ощущенія.—Теорія вниманія, защищаемая авторомъ, не есть ни исключительно психологическая, но и не физиологическая, а *психо-физическая*, такъ какъ она заключаетъ и тѣ и другіе элементы (о роли воспоминаній см. стр. 179—188, о роли движеній—стр. 188 и слѣд.). Соединеніе обоихъ этихъ факторовъ авторъ считаетъ безусловно необходимымъ, такъ какъ человѣкъ есть психо-физическій организмъ, а психика, взятая въ отдѣльности, —лишь абстракція. Въ частности, особенно важно держаться этого принципа при изслѣдованіи всѣхъ, такъ наз., душевныхъ актовъ, которые суть не что иное, какъ рефлексіи въ идеяхъ реальныхъ актовъ. «Парадоксальная мысль» о томъ, будто всякое объясненіе и всякую догадку должно считать продуктомъ слѣпago инстинкта, не принадлежитъ автору, ибо изъ того, что онъ считаетъ функціей инстинктивнаго вниманія—интерпретацію ощущеній, такъ же мало слѣдуетъ, что *всякая* интерпретація есть инстинктъ, какъ изъ того, что люди смертны, не слѣдуетъ, что всякое смертное существо есть человѣкъ.

Такъ называемое, пассивное вниманіе выдѣлено авторомъ изъ области изслѣдованія потому, что оно не есть *процессъ*, моментальное динамическое измѣненіе, а лишь статическое отношеніе интенсивности представленій; эти явленія могутъ быть даже названы точнѣе специальною чувствительностью. Поэтому выдѣленіе этой группы явленій изъ области вниманія, какъ особаго про-

песса реакціи организма, моментально улучшающей условія воспріятія (см. стр. 140), не только не есть «крупная непослѣдовательность», но напротивъ, логическая необходимость. Одно изъ двухъ: или опредѣленіе вниманія, данное въ книгѣ, должно быть измѣнено, или явленія, такъ называемаго, пассивнаго вниманія не суть, въ дѣйствительности, вниманіе.—Вопросъ объ отношеніяхъ воли къ вниманію есть, въ сущности, вопросъ о мотивахъ вниманія. Этотъ вопросъ былъ намѣренно выдѣленъ изъ изслѣдованія, имѣющаго цѣлю изложить лишь средства, или механизмъ вниманія. Впрочемъ, та общая теорія волевыхъ явленій, на которую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги сдѣланы ссылки, не только составитъ предметъ слѣдующаго тома «Психологическихъ изслѣдованій», но въ существенныхъ чертахъ уже опубликована авторомъ три года тому назадъ, въ статьѣ «Элементы воли» (въ 4 книжкѣ «Вопросовъ филос. и психол.»).

10. *О современномъ значеніи психологическаго эксперимента.* Авторъ рѣшительно не можетъ согласиться съ различіемъ, полагаемымъ почтеннымъ оппонентомъ между интроспекціей и экспериментомъ. Какъ подробно показано на стр. XXIII — XXXIII диссертации, психологическій экспериментъ и есть прежде всего самонаблюденіе, но только самонаблюденіе улучшенное, методическое, урегулированное. Поэтому, не самонаблюденіе вообще осуждалъ авторъ въ своей книгѣ, а лишь интроспекцію плохую, не методическую, которая однако въ такомъ ходу у противниковъ эмпирической психологіи. И въ этомъ смыслѣ, новая экспериментальная психологія—не противникъ англійской эмпирической психологіи, но ея естественное восполненіе и развитіе.

Второй оффиціальныи оппонентъ—проф. *С. С. Корсаковъ* сдѣлалъ *Н. Н. Ланге* слѣдующія замѣчанія:

Прежде всего я, какъ представитель естественно-научной отрасли знаній, считаю своею обязанностью выразить вамъ полное сочувствіе по поводу метода, котораго держитесь вы въ вашихъ изслѣдованіяхъ. Методъ вашъ есть методъ натуралиста. Этому метода давно ждала психологія... Несмотря на то, что психологія, изучая явленія душевной дѣятельности, изучаетъ, слѣдовательно, явленія природы, методъ естественныхъ наукъ не считался для нея необходимымъ. Хотя врачи и вообще натуралисты постоянно вносили богатый матеріалъ въ научную психологію,

но все-таки профессиональными психологами считались не натуралисты; это доказывается и тѣмъ, что психологія официально читается обыкновенно лишь на историко-филологическомъ факультетѣ.—Лишь въ послѣднее время замѣчается новое направление между психологами, и вы являетесь однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей этого направления. Ваши изслѣдованія настолько проникнуты духомъ естествознанія, что, конечно, книга ваша могла бы быть съ успѣхомъ представлена, какъ диссертация, и на другомъ факультетѣ. Но то обстоятельство, что въ эти изслѣдованія вложены и знанія ваши, какъ филолога, дѣлаетъ ее еще болѣе цѣнною. Воспользовавшись данными сравнительнаго языкознанія, вы еще болѣе увеличили значеніе вашего труда, который можетъ служить хорошимъ доказательствомъ плодотворности экспериментальнаго метода при изученіи явленій душевной жизни.

Считая честью принять участіе въ сегодняшнемъ диспутѣ, я позволю себѣ сдѣлать первое замѣчаніе по поводу того, что книга ваша не представляетъ единой, цѣльной работы. Она, въ сущности, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, не столько связанныхъ между собою, сколько, такъ сказать, сброшюрованныхъ. Я полагаю, что во многихъ отношеніяхъ книга выиграла бы, если бы отдѣльныя части вашихъ изслѣдованій были болѣе тѣсно соединены между собою. Теперь же приходится къ нимъ относиться какъ къ отдѣльнымъ статьямъ и разбирать ихъ по порядку.

Начну съ первой статьи. Въ ней вы говорите о значеніи экспериментальнаго метода въ психологіи, указываете его выгоды и настаиваете на томъ, чтобы при университетахъ устроены были психофизиологическія лабораторіи. Вы доказываете необходимость этого какъ тѣмъ утвержденіемъ, что въ настоящее время прогрессъ психологіи связанъ съ введеніемъ экспериментальнаго метода, такъ и примѣромъ иностранныхъ университетовъ, устроившихъ у себя психофизиологическія лабораторіи.

Несомнѣнно, что всякое расширеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетахъ желательнo, и я совершенно согласенъ съ вами, что лабораторіи съ необходимыми для изученія психическихъ явленій инструментами должны быть при университетахъ, но вашъ способъ доказательства этого положенія кажется мнѣ не таковъ, каковъ онъ долженъ быть. По моему мнѣнію, вы

больше доказали бы необходимость изученія психологіи путемъ эксперимента, если бы вмѣсто теоретическихъ соображеній и примѣровъ иностранныхъ университетовъ привели фактической матеріаль,—т. е. собрали бы всѣ результаты, которые далъ для науки) экспериментальный методъ. Именно этого-то вы и не сдѣлали въ вашемъ введеніи, ограничившись утвержденіемъ, которое многимъ можетъ показаться недостаточно обоснованнымъ, что именно во введеніи экспериментального метода заключается залогъ прогресса въ психологіи. Правда, ваши дальнѣйшія статьи, помѣщенные въ этой же книгѣ, сами говорятъ за значеніе этого метода и доказываютъ это значеніе лучше, чѣмъ теоретическія разсужденія во «Введеніи», но еще болѣе были бы убѣдительны ваши доводы, если бы фактической матеріаль, доказывающій дѣйствительную плодотворность этого метода, былъ собранъ вполне.

Далѣе, говоря о необходимости устройства кабинетовъ для экспериментальной психологіи, *по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ* русскихъ университетахъ, вы высказываетесь такъ, какъ будто бы этого до сихъ поръ нѣтъ. А между тѣмъ, такіе кабинеты есть. Есть, наприм., психофизиологическая лабораторія, устроенная проф. В. М. Бехтеревымъ въ Казани. Записка о ней даже съ фотографіей есть въ изданіяхъ международныхъ конгрессовъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 году; есть лабораторія въ Юрьевѣ, устроенная Крепелиномъ и въ настоящее время руководимая проф. Вл. О. Чижомъ; есть приспособленія для психометрическихъ изслѣдованій и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ. Изъ этихъ лабораторій выходили и выходятъ работы, которыя, конечно, вамъ извѣстны (работы проф. Чижа, работы Валицкой, Вортынского, Краинскаго, Заборскаго и другихъ). Правда, эти лабораторіи находятся въ завѣдованіи не профессиональныхъ психологовъ, т.-е. не составляютъ учрежденій историко-филологическаго факультета, но вѣдь отъ этого врядъ ли дѣло страдаетъ, такъ какъ психологія, по моему глубокому убѣжденію, есть наука натуралистическая и для производства экспериментовъ, которые могутъ быть дѣйствительно цѣнны для психологіи, должна быть, конечно, значительная доля спеціальнаго экспериментаторскаго навыка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что значеніе Вундтовской лабораторіи для психическихъ изслѣдованій потому и велико, что онъ по первоначальной своей профессіи—физиологъ и сотрудникъ Гельмгольца.

Во „Введеніи“ есть еще одно мѣсто, на которое я желалъ бы сдѣлать маленькое замѣчаніе. На стр. XXXVI, вы, говоря о гипнотизмѣ, бросаете какъ бы въ скобкахъ такую фразу: „Не говоря уже о томъ, что большинство клиницистовъ отвергаетъ вредныя послѣдствія гипнотизма“ и т. д. Я съ мыслью, высказанною въ этой фразѣ, не могу согласиться. Есть нѣкоторые клиницисты, которые отвергаютъ вредъ гипнотизма, но ужъ никакъ нельзя сказать, что ихъ—большинство. Напротивъ, большинство признаетъ вредъ, могущій быть при неправильномъ гипнотизированіи; оттого и запрещаются публичныя представленія съ гипнотическими сеансами и запрещается не-врачамъ заниматься гипнотизаціей. Я самъ наблюдалъ случаи вредныхъ послѣдствій гипнотизаціи и считаю своею обязанностью возстать противъ высказываемаго вами положенія и предупредить могущія быть послѣдствія вашего утвержденія, что большинство врачей считаютъ примѣненіе гипнотизма дѣломъ невиннымъ и безвреднымъ.

Переходя ко 2-й статьѣ — о „законѣ перцепціи“, я прежде всего считаю нужнымъ повторить, что какъ она, такъ и „теорія волевого вниманія“ служатъ болѣе, чѣмъ теоретическія разсужденія, доказательствомъ въ пользу экспериментальнаго метода. При помощи этого метода вамъ удалось получить такіе цѣнные результаты, которые всякаго читателя убѣдятъ въ томъ, что методъ этотъ долженъ быть не заброшенъ, а наоборотъ, культивированъ.

Не сомнѣваясь въ полученныхъ вами выводахъ, касающихся законовъ перцепціи, я однако долженъ высказать, что въ самой постановкѣ опытовъ, на основаніи которыхъ вы дѣлаете ваши выводы, есть недостатки. Вы на нихъ сами указываете на стр. 6, 7 и 8 й, но мнѣ думается, что ихъ можно было бы избѣжать, если бы вы такъ же живо чувствовали эти недостатки, какъ это должно бы было быть. Ваши оговорки, что неблагоприятныя условія, при которыхъ вы экспериментировали, не вліяютъ на чистоту опытовъ, для меня не очень убѣдительны. Во-первыхъ, въ отношеніи инструмента. Вы пользовались не аппаратомъ Нирра, а камертономъ, дѣлающимъ 100 колебаній въ секунду. Между тѣмъ цифры, приведенныя у васъ на стр. 9 и 43, показываютъ тысячныя доли секунды. Съ вашимъ приборомъ тысячныя доли секунды не могутъ быть прямо даны... Другое неблагоприятное условіе — неустраненное вліяніе шума; я очень

сомнѣваюсь, чтобы и на опытнаго экспериментатора это не имѣло вліянія. Третье и наиболѣе неблагопріятное условіе — это то, что опыты были производимы лишь на васъ, и на васъ однихъ. Не говоря уже о значеніи субъективности, предвзятой идеи и т. п., я считаю, что такіе опыты приобрѣтаютъ значеніе, главнымъ образомъ, тогда, когда произведены надъ нѣсколькими лицами. Я полагаю, что это было и не особенно трудно, а между тѣмъ не только дало бы вѣрность вашимъ выводамъ, но, можетъ быть, дало бы вамъ возможность сдѣлать болѣе подробное, описаніе душевнаго состоянія на различныхъ ступеняхъ перцепціи.

Общій выводъ, къ которому вы приходите, таковъ: процессъ всякаго воспріятія состоитъ въ чрезвычайно быстрой смѣнѣ цѣлаго ряда моментовъ или ступеней, причемъ каждая предыдущая ступень представляетъ психическое состояніе менѣе конкретнаго, болѣе общаго характера, а каждая слѣдующая — болѣе частнаго и дифференцированнаго. Сначала, подъ вліяніемъ какого-либо раздраженія, является толчокъ въ сознаниі, затѣмъ — сознание, какого рода раздраженіе, далѣе — сознание болѣе частныхъ свойствъ этого раздраженія. Объ этомъ выводѣ вы на стр. 2 говорите, что онъ на „первый взглядъ кажется удивителенъ“.

Я позволю себѣ возразить вамъ, что этотъ выводъ не только не удивителенъ, но онъ даже, такъ сказать, предусмотрѣнъ.

Онъ отчасти вѣдь согласуется и со взглядомъ Лейбница на сознание; вы сами говорите на стр. 88, что онъ различаетъ три ступени сознанія: темное сознаніе, сознаніе ясное, но спутанное, и сознаніе раздѣльное. А натуралисты и психіатры давно уже имѣютъ такое представленіе о ступеняхъ сознанія. Такъ, физиологъ А. Герценъ, описавшій состояніе, испытываемое при возвращеніи сознанія послѣ обморока, различаетъ четыре фазы: въ первой есть только крайне смутное сознаніе существованія; во второй — представленія сознаются, но въ хаотическомъ безпорядкѣ; въ третьей является сознаніе того, что принадлежитъ къ «я» и что къ «не я»; въ четвертой является вопросъ: «почему» и сознаніе отношеній явленій между собою.

Хотя въ детальномъ опредѣленіи характера фазъ эти фазы Герцена отличаются отъ вашихъ ступеней перцепціи, но въ сущности и у него дѣло сводится къ тому же основному закону. Вотъ почему мнѣ и кажется, что законъ, выводимый вами, не

только не удивителенъ, но даже прямо согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о явленіяхъ сознанія на основаніи наблюденій.

Въ сущности, вѣдь, выводимый вами законъ есть законъ, относящійся къ «сознанію», и сколько я могъ понять, вы сами, называя его закономъ перцепціи, именно и считаете его относящимся къ сознанію. Но тутъ у васъ является какая-то двойственность, вызывающая недоумѣніе. Называя вашъ законъ закономъ перцепціи, вы на стр. 31 говорите, что вашъ законъ относится къ самимъ ощущеніямъ, что это есть «законъ ощущеній», а не воспрізнанія ихъ. Мнѣ думается, нельзя называть этотъ законъ закономъ ощущеній. Во-первыхъ, вѣдь нельзя считать рѣшеннымъ, что всѣ ощущенія сознательны. Есть мыслители—и повидимому очень цѣнимые вами, которые считаютъ, что ощущенія могутъ быть и ниже порога сознанія. Такъ, у васъ же на стр. 124 приведены слова Мейнерта: «возбужденія и ощущенія продолжаютъ и за предѣлами сознанія». Слѣдовательно, вопросъ о томъ, всегда ли ощущенія сознательны, есть еще проблема и не слѣдуетъ ее предрѣшать, смѣшивая явленія, относящіяся къ сознанію, съ собственно ощущеніями.

Затѣмъ, я не могу согласиться, чтобы въ вашихъ ступеняхъ перцепціи не было воспрізнанія. Врядъ ли можно сомнѣваться, что, если не въ первой, то во второй и въ третьей уже происходитъ процессъ воспрізнанія.

Вѣдь всякое воспріятіе, по крайней мѣрѣ, у человѣка съ нѣсколько развитою психикой, происходитъ такъ, что ощущеніе встрѣчаетъ уже извѣстный запасъ воспоминаній, и всегда мы имѣемъ при воспріятіи: ощущеніе *плюсъ* то или другое воспоминаніе. Смотря по сложности этихъ воспоминаній, можетъ быть, конечно, и различная продолжительность самаго акта воспріятія,—слѣдовательно, разница во времени воспріятія будетъ зависѣть не отъ ощущенія, а отъ сопутствующихъ ассоціативныхъ процессовъ. Если мы подготовимся, т. е. предварительно совершимъ часть ассоціативной работы, мы можемъ даже искусственно сократить время воспріятія, какъ это видно изъ опытовъ воспріятія знакомыхъ объектовъ, приводимыхъ вами на стр. 48.

Правда, въ этихъ же опытахъ есть одно обстоятельство, которое какъ будто подтверждаетъ вашъ взглядъ, что мы имѣемъ въ вашихъ ступеняхъ перцепціи ступени ощущенія—это именно то, что мы различаемъ качество впечатлѣнія пропорціонально числу

моментальныхъ освѣщеній. Но эти факты могутъ быть истолкованы и иначе. Очень можетъ быть, что число моментальныхъ освѣщеній имѣетъ значеніе не столько для *процесса самаго ощущенія*, сколько для *сохраненія его въ памяти*. Весьма вѣроятно, что ассимиляція ощущенія съ запасомъ воспоминаній совершается не моментально и поэтому нужно, чтобы ощущеніе сохранялось въ памяти известное время; если оно исчезнетъ изъ памяти очень быстро, то ассимиляции не произойдетъ, хотя бы ощущенія и были. Этимъ я объясняю то, что воспріятіе и при моментальномъ освѣщеніи совершается вполне, если интенсивность впечатлѣній очень велика. Такъ, при освѣщеніи молніей мы воспринимаемъ очень детально цѣлый рядъ впечатлѣній — именно потому, что слѣдъ отъ того, что было воспринято нами въ моментъ освѣщенія молніею, долго остается въ нашей памяти (вслѣдствіе интенсивности ощущенія) и мы разбираемся въ немъ уже послѣ прекращенія стимула, вызвавшаго самое ощущеніе.

Такимъ образомъ, для меня кажется рѣшительно не доказаннымъ ваше утвержденіе, что формулируемый вами законъ есть законъ ощущеній. Для меня это — законъ перцепціи, причемъ на нѣкоторыхъ ступеняхъ перцепціи, несомнѣнно, происходитъ и процессъ воспрізнанія.

Въ этомъ же отдѣлѣ я хотѣлъ обратить ваше вниманіе еще на одно мѣсто, именно, гдѣ вы говорите о ложныхъ воспоминаніяхъ. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, знакомо всякому. Оно состоитъ въ томъ, что то или другое жизненное положеніе вдругъ кажется намъ уже пережитымъ: намъ чувствуется, что мы уже однажды были точь-въ-точь въ такомъ же положеніи, переживали буквально ту же послѣдовательность впечатлѣній. Это явленіе обыкновенно наступаетъ вдругъ и быстро кончается; оно бываетъ и у здоровыхъ, и у больныхъ. Объясняя это явленіе, по поводу одного рѣзкаго примѣра, описаннаго Зандеромъ у эпилептика, вы говорите на стр. 54: «Слабоумному эпилептику все новое кажется уже ранѣе пережитымъ, потому что какъ это новое, такъ и прошлое окрашены для него въ одинаковый эмоціональный характеръ. Онъ слышитъ новое, но это новое для него все равно, что старое, ибо не возбуждаетъ въ немъ новыхъ мыслей, желаній», и т. д. Я рѣшительно не согласенъ съ такимъ объясненіемъ. Самое опи-

саніе Зандера, описаніе мучительнаго состоянія больного, который постоянно чувствуетъ ужасъ и удивленіе по поводу своихъ ложныхъ ощущеній, противорѣчитъ такому объясненію. Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, объясненій этого явленія довольно много, но ваше объясненіе я считаю однимъ изъ наименѣе удовлетворительныхъ. Я лично смотрю на это явленіе какъ на иллюзію воспоминанія. По моему мнѣнію, при воспоминаніи чего-либо у насъ является особое, своеобразное ощущеніе, служащее для сознанія сигналомъ той или другой степени точности воспоминанія. Представьте себѣ, что это же самое ощущеніе явится помимо воспоминанія и присоединится къ воспріятію современныхъ впечатлѣній — и тогда они явятся въ сознаніи ассимилированными съ ощущеніемъ, служащимъ сигналомъ того, что данное впечатлѣніе есть повтореніе чего-то пережитаго.—По сущности это будетъ ложное воспріятіе, т. е. иллюзія.

Перехожу къ третьему отдѣлу вашей книги, къ «теоріи волевого вниманія» и остановлюсь на самыхъ существенныхъ выводахъ вашихъ. Одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ этого отдѣла есть опредѣленіе вниманія, которое, по-вашему, «есть реакція организма, моментально улучшающая условія воспріятія» (стр. 140). Соотвѣтственно этому опредѣленію, вы раздѣляете вниманіе на рефлективное, инстинктивное и волевое (стр. 140). Мнѣ думается, что какъ самое опредѣленіе недостаточно точно, такъ и вытекающее изъ него раздѣленіе врядъ ли можетъ быть принято въ той формѣ, какъ вы желаете. Что такое рефлективное вниманіе? Рефлективнымъ вниманіемъ вы называете «всѣ тѣ движенія, служащія для лучшаго воспріятія раздраженій, которыя возникаютъ какъ рефлексы отъ ощущенія этихъ раздраженій»... «Никакой эмоціональной окраски эта форма вниманія не имѣетъ»... «Въ области зрѣнія сюда принадлежатъ — рефлексъ аккомодациі хрусталика на ближайшія разстоянія, далѣе—рефлексы зрачка, особенно же рефлективное сведеніе осей зрѣнія, пассивное направленіе взгляда, а также поворотъ головы» (стр. 144). Уже Л. М. Лопатинъ обратилъ вниманіе на это мѣсто и спрашивалъ васъ, неужели же рефлекторное отдѣленіе слюны будетъ актомъ вниманія. Я ставлю такой же вопросъ и позволю себѣ его нѣсколько видоизмѣнить. Представьте себѣ, что кто-либо заболѣлъ сведеніемъ шеи вбокъ (torticollis). У него будетъ разстроена способность поворачивать

голову; неужели же можно про такого больного сказать, что у него разстроено вниманіе?

Мнѣ кажется, что ваша ошибка заключается въ томъ, что вы берете въ соображеніе лишь одну часть того сложнаго процесса, который лежитъ въ основѣ акта вниманія. Отрицая эмоціо^{нальн}ый элементъ въ рефлексивномъ вниманіи, вы, по моему мнѣнію, поступаете неправильно. Въ каждомъ случаѣ, когда можно говорить объ актѣ вниманія, можно найти и эмоціо^{нальн}ый элементъ, какъ мотивъ, и затѣмъ — сочетаніе идей по извѣстному направленію. Эмоція, хотя и совершенно неожиданная, является стимуломъ и самыхъ элементарныхъ случаевъ пассивнаго вниманія; безъ нея то, что вы называете рефлексивнымъ вниманіемъ, останется простымъ рефлексомъ, а не актомъ вниманія. Въ виду этого я и не вижу основанія дѣлать вниманіе на тѣ три категоріи, на которыя вы дѣлите его; разъ вездѣ есть эмоція, вы не имѣете существеннаго основанія для вашего раздѣленія; вся разница будетъ въ степени сознательной активности нашего «я».

Тутъ же я отмѣчу одно мѣсто, которое возбуждаетъ недоумѣніе. На стр. 190 вы говорите: «Вниманія нѣтъ тамъ, гдѣ привносимый нами субъективный элементъ не имѣетъ для насъ реального характера, гдѣ мы его отличаемъ отъ воспріятія, гдѣ нѣтъ иллюзіи». Для меня странно, какъ это вниманіе, которое, по вашему опредѣленію, должно *улучшать* условія воспріятія, здѣсь является извращающимъ воспріятіе. Я думаю, наоборотъ, именно при помощи вниманія-то мы и освобождаемся отъ иллюзіи и воспринимаемъ по возможности то, что соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Иллюзіи чаще всего бываютъ тогда, когда вниманіе слабѣетъ.

Въ этомъ отдѣлѣ самыя существенныя главы это тѣ, въ которыхъ излагаются ваши изслѣдованія надъ колебаніями вниманія и ваша психофизиологическая схема механизма акта вниманія. Эти главы имѣютъ весьма большія достоинства; ваши выводы о колебаніи вниманія даютъ намъ фактическія основанія для наиболее удобной точки зрѣнія на нѣкоторыя психическія явленія, ваша схема болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая, гармонируетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ въ настоящее время о функціяхъ мозга. Правда, какъ и всякая схема, въ которой приписывается опредѣленная роль нѣкоторымъ органамъ, которыхъ функція еще гадательна, какъ, на примѣръ, функція зрительнаго бугра, и ваша

схема условна, но вы, конечно, и не будете упорно стоять за всѣ ея детали,—въ ней важна основная идея, а она очень остроумна и, вѣроятно, близка къ истинѣ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о послѣдней статьѣ—«о дѣйствии гашиша». Я очень цѣню это ваше изслѣдованіе; явленія, которыя вы наблюдали, имѣютъ большой интересъ, такъ какъ представляютъ сходство съ тѣмъ, что наблюдается при нѣкоторыхъ формахъ душевныхъ заболѣваній; наблюденія такого рода, какъ ваши, имѣютъ въ настоящее время для психіатровъ особенное значеніе, такъ какъ въ ученіи о душевныхъ болѣзняхъ все болѣе и болѣе приобретаетъ значенія возрѣніе на нѣкоторые психозы, какъ на явленія самоотравленія организма. Итакъ, повторяю, что я очень цѣню ваше наблюденіе надъ тѣми измѣненіями, которыя въ васъ произошли подъ вліяніемъ гашиша, но все-таки долженъ сдѣлать замѣчаніе, совершенно аналогичное тому, которое сейчасъ было сдѣлано Л. М. Лопатынымъ. Дѣлая изъ вашего опыта выводы, вы говорите: «при отравленіи гашишемъ интеллектуальныя явленія, вообще говоря, сохраняются неизмѣнными, въ то время какъ явленія аффективныя крайне усилены, а волевыя крайне ослаблены. Такова общая картина этого состоянія».

Согласитесь, что, принявши одинъ разъ 6 гранъ гашиша, вы не могли говорить объ отравленіи этимъ ядомъ вообще. Для явленій отравленія имѣетъ значеніе и индивидуальность, и доза яда. У другого человѣка и при большей дозѣ явленія могли бы быть другія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при бѣльшей дозѣ гашишъ значительнѣе вліяетъ на интеллектуальную дѣятельность и даже на время прекращаетъ ее.

Заканчивая свое возраженіе, я опять повторю, что считаю вашу диссертацию имѣющею высокія достоинства. Она представляетъ большой интересъ и для насъ, врачей, имѣющихъ дѣло съ разстройствами душевной жизни. Ваши психологическія изслѣдованія даютъ обильный матеріалъ какъ для постановки вопросовъ, такъ и разъясненія нѣкоторыхъ сложныхъ явленій, наблюдаемыхъ у душевно-больныхъ.

Отвѣты *Н. Н. Ланге* на замѣчанія проф. *С. С. Корсакова* сводились въ существенномъ къ слѣдующему:

1. *Объ отсутствіи связи между частями диссертации.* Хотя из-

слѣдованія о законѣ перцепціи и о вниманіи, дѣйствительно, представляютъ два разныхъ и лишь отчасти (см. стр. 15 и 187) связанныхъ вопроса, однако, каждый изъ нихъ изученъ въ диссертации, по возможности, въ совершенной полнотѣ, такъ что разрозненность частей книги есть слѣдствіе свойствъ изслѣдуемыхъ предметовъ, а не метода изученія. Притомъ, именно монографическая форма наиболѣе соотвѣтствуетъ современному положенію психологіи, какъ науки экспериментальной и не метафизической. Авторъ намѣренъ дать цѣлый рядъ такихъ монографій, въ убѣжденіи, что окончательная систематизація въ настоящее время преждевременна, и попытки ея будутъ скорѣе тормозить прогрессъ знанія, чѣмъ ему способствовать.

2. *О психофизическихъ лабораторіяхъ.* Говоря о необходимости учрежденія при университетахъ психологическихъ лабораторій, авторъ умолчалъ не только о дѣятельности психофизическихъ кабинетовъ при кафедрахъ психіатріи, но и о дѣятельности физиологическихъ лабораторій, изъ которыхъ однако выходитъ, конечно, гораздо большее число психологическихъ работъ. Причина этого лежитъ въ самой задачѣ, поставленной авторомъ, именно—показать необходимость учрежденія *самостоятельныхъ психологическихъ кабинетовъ.* Авторъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Мюнстерберга на необходимость въ настоящее время созданія въ университетахъ отдѣльной кафедры психологіи,—отдѣльной какъ отъ философіи, такъ и отъ физиологіи, и объединяющей въ себѣ всю огромную совокупность знаній психофизики, общей психологіи, психологической антропологіи, зоопсихологіи и проч. Успѣшное занятіе психологіей, несомнѣнно, предполагаетъ какъ общепhilosophическое образованіе, такъ и основательныя свѣдѣнія въ физиологіи, но тѣмъ не менѣе психологія не есть ни философія, ни физиологія, а самостоятельная эмпирическая наука, имѣющая свой коренной источникъ знанія—въ самонаблюденіи, улучшенномъ экспериментомъ (ср. введеніе, стр. XXIII). Вполнѣ признавая тѣ великія услуги, которыми психологія обязана физиологамъ (см. стр. XXXI) и врачамъ (стр. XXXIV), авторъ однако полагаетъ, что исключительность въ этомъ отношеніи не только была бы гибельна для успѣховъ психологіи, но и вредна для самой физиологіи; можно, напримѣръ, думать, что возрождающееся нынѣ въ біологіи бесплодное ученіе о жизненной силѣ есть именно результатъ недостаточнаго знакомства біологовъ съ ре-

зультатами эмпирической психологіи. Поэтому авторъ и настаиваетъ на необходимости самостоятельной кафедры психологіи и на учрежденіи при ней самостоятельныхъ психофизическихъ кабинетовъ и полагаетъ, что задача этихъ учреждений лишь неполно можетъ быть рѣшена лабораторіями психіатрическими и физиологическими.

3. *Вредъ гипнотизированія.* Авторъ не рѣшаетъ этого вопроса, но осторожно говоритъ, что «конечно, надо ограничить приложеніе внушенія (къ изслѣдованію психологическихъ проблемъ) лишь тѣми субъектами, которые обращаются къ его помощи ради терапевтическихъ цѣлей, и притомъ эти опыты должны быть производимы врачомъ или, по крайней мѣрѣ, подъ его наблюденіемъ» (стр. XXXVII). Критическая оцѣнка мнѣній о вредѣ гипнотизаціи, данная Молевымъ, представляется автору наиболѣе основательной.

4. *Методологическія замѣчанія.* Тысячныя секунды, внесенныя авторомъ въ таблицы, представляютъ результаты вычисленія среднихъ, прямому же наблюденію были доступны лишь времена до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ сотой секунды. Вполнѣ признавая поэтому, что, съ точки зрѣнія методологической, не слѣдовало вносить въ таблицы тысячныхъ секунды, авторъ, однако, считаетъ необходимымъ замѣтить, что онъ не дѣлалъ ни одного вывода на основаніи этихъ цифръ.—Что касается до шума, то врядъ ли онъ могъ оказать какое-либо вліяніе: шумъ отъ вращенія кимографа вполнѣ ничтоженъ и притомъ совершенно однообразенъ.—Наконецъ, относительно субъективности наблюденій см. мнѣніе автора на стр. 8 его труда.

5. *Законъ перцепціи.* «Удивительность» ступеней воспріятія состоитъ не въ томъ, что о нихъ никто не говорилъ: еще точнѣе, чѣмъ А. Герценомъ, указаны были эти ступени Г. Спенсеромъ, о чемъ упоминается и въ книгѣ (стр. 92). Странность факта состоитъ въ томъ, что въ ощущеніи, признаваемомъ обыкновенно за простое и первичное данное сознанія, обнаруживаются нѣсколько стадій, изъ которыхъ послѣднія обусловлены первыми.—Если бы и существовали безсознательныя ощущенія, то во всякомъ случаѣ, стадіи перцепціи, указываемыя авторомъ, никоимъ образомъ не могутъ къ нимъ относиться, ибо даже первая стадія опредѣлялась реакціоннымъ движеніемъ на «толчокъ въ сознаніи».

6. *Ступени перцепціи представляютъ ли послѣдовательныя стадіи въ самомъ ощущеніи или только въ ассоціаціяхъ?* Это второе

толкованіе, защищаемое С. С. Корсаковымъ, было, какъ извѣстно, выставлено Г. Спенсеромъ. Въ диссертациі посвящено нѣсколько страницъ его опроверженію (стр. 32—35), причемъ авторъ ссылается, во-первыхъ, на непонятность такой послѣдовательности въ воспоминаніяхъ, если она не преобразована въ ощущеніяхъ, а во-вторыхъ, на результаты опытовъ моментальнаго освѣщенія (стр. 49 и слѣд.). Почтенный оппонентъ старается ослабить доказательную силу этихъ опытовъ, объясняя ихъ результаты тѣмъ, что извѣстное число послѣдовательныхъ освѣщеній нужно для сохраненія ощущенія въ *памяти*, а не для простого его сознанія. Такое предположеніе, будучи само по себѣ бездоказательнымъ, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало правдоподобнымъ, если мы рассмотримъ его слѣдствія. Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ пришлось бы предположить существованіе трехъ раздѣльныхъ процессовъ: ощущенія, укрѣпленія его въ памяти и ассимиляціи (ассоціаціи), вмѣсто двухъ общепризнанныхъ: ощущенія и ассимиляціи; затѣмъ, оказалось бы, что хотя процессъ ощущенія моменталенъ и не заключаетъ, въ смыслѣ факта сознанія, никакихъ стадій, укрѣпленіе этого моментальнаго ощущенія происходитъ въ рядѣ стадій; чѣмъ обусловлено это *послѣдовательное* укрѣпленіе элемента однороднаго и *моментальнаго*, было бы совершенно непонятно; далѣе, процессъ ассимиляціи, какъ не отрицаетъ и самъ оппонентъ, представляетъ такія же стадіи; но тогда какъ въ нашей гипотезѣ эти послѣднія стадіи суть отраженія въ идеяхъ стадій сознанія ощущенія, для оппонента эти ассимиляціи, несмотря на ихъ явно вторичный характеръ, должны опять явиться первичнымъ и необъяснимымъ фактомъ, ибо нельзя же признать, что послѣдовательность ассоціацій, т.-е. качественно различныхъ идей, есть слѣдствіе послѣдовательнаго укрѣпленія ощущенія въ памяти, т.-е. его чисто формальной и безсознательной фиксаціи, безъ всякаго измѣненія въ его качественномъ составѣ. Наконецъ, не будетъ ли выдѣленіе самостоятельнаго процесса укрѣпленія ощущенія въ памяти—изъ процесса сознанія этого ощущенія, явнымъ гипостазированіемъ абстракціи?

7. *О парамнезій.* Авторъ призналъ, что его объясненіе недостаточно, причемъ однако указалъ, что вопросъ этотъ является для его задачи второстепеннымъ и, такъ сказать, вводнымъ *).

*) Можетъ быть, эта уступка была слишкомъ поспѣшной: въ июльскомъ № «Revue philosophique» Ж. Сури сообщаетъ о новомъ объясненіи парамнезій,

8. *Рефлективное вниманіе*. Почтенный оппонентъ полагаетъ, что тѣ движенія, улучшающія воспріятія, которыя авторъ обозначилъ терминомъ «рефлективное вниманіе», не должны быть называемы вниманіемъ. Замѣтимъ прежде всего, что это возраженіе можетъ имѣть или номинальное, или реальное значеніе. Въ первомъ случаѣ, оно указываетъ на то, что терминологія автора не соотвѣтствуетъ общеупотребительному значенію слова «вниманіе»; во второмъ, что между тѣмъ, что авторъ называетъ рефлективнымъ вниманіемъ, съ одной стороны, и инстинктивнымъ — съ другой, существуетъ столь радикальная разница, что общій для обоихъ случаевъ терминъ не имѣетъ достаточнаго содержанія. Что касается до перваго случая, то, не говоря уже о правѣ всякаго изслѣдователя употреблять термины въ своеобразномъ значеніи (если только терминологія эта проведена послѣдовательно), авторъ полагаетъ, что его обозначенія вполне соотвѣтствуютъ духу языка, различающему между глаголами: видѣть и смотрѣть, осязать и щупать, обонять и нюхать, и т. д.: первые термины обозначаютъ простое ощущеніе, вторые—ощущеніе *плюсъ* вниманіе, т.-е. ощущеніе при цѣлесообразной активной установкѣ органовъ чувствъ (ср. также въ книгѣ стр. 142—143). Но авторъ полагаетъ, что оппонентъ имѣетъ въ виду не столько эту номинальную сторону терминологіи, сколько реальную, т.-е. что онъ сомнѣвается въ томъ, дѣйствительно ли между тѣмъ, что авторъ именуетъ рефлективнымъ вниманіемъ, и вниманіемъ волевымъ, существуетъ важное сходство и не слишкомъ ли глубоко ихъ различіе. На это авторъ имѣетъ возразить слѣдующее: а) Все изслѣдованіе о волевымъ вниманіи, особенно же глава VI, полны фактовъ, доказывающихъ, что сущность волевого вниманія состоитъ тоже въ двигательныхъ приспособленіяхъ, и что поэтому существуетъ тѣснѣйшая связь между нимъ и рефлективными приспособленіями; конечно, параличъ какой-нибудь одной группы мышцъ не разрушаетъ всего вниманія, но, съ другой стороны, врядъ ли можно сомнѣваться, что, напримѣръ, двигательная афазія должна отразиться и на вниманіи (ср. стр. 237), что выпаденіе извѣстной группы двигательныхъ образцовъ можетъ вести къ соотвѣтственному ограниченію сферы вниманія; при этомъ надо только помнить, что

данномъ извѣстнымъ ученымъ Tito Vignoli; насколько я понимаю не совсѣмъ ясное изложеніе Сури, теорія Виньоли весьма близка къ моей — Прим. Н. Ланге.

устраненіе извѣстныхъ формъ движенія и моторныхъ образовъ не всегда ведетъ къ ограниченію вниманія потому, что остается возможность возмѣщающихъ символическихъ движеній вниманія, существованіе которыхъ авторъ доказалъ экспериментально (см. стр. 259).—*b*) Почтенный оппонентъ настаиваетъ на необходимости въ каждомъ актѣ вниманія эмоціональнаго элемента, а такъ какъ рефлексивное приспособленіе такого элемента не заключаетъ, то онъ отказывается называть послѣднее вниманіемъ. Что актъ вниманія бываетъ часто обусловленъ эмоціей, этого, конечно, никто отрицать не станетъ, и въ диссертациі этому вопросу посвящены стр. 148—155. Но авторъ не видитъ никакихъ основаній для признанія этого эмоціональнаго элемента за безусловно необходимый составной фактъ *всякаго* акта вниманія. Подобно тому, какъ существуютъ волевые движенія, обусловленныя только идеями (идеомоторная воля), также могутъ существовать и акты волевого вниманія безъ эмоціональныхъ мотивовъ; недаромъ же, на примѣръ, Марилье посвятилъ цѣлую блестящую статью доказательству этого положенія и опроверженію противоположнаго взгляда Рибо.—*c*) Глубокое сродство того, что авторъ называетъ рефлексивнымъ вниманіемъ, съ фактами волевого вниманія лучше всего обнаруживается изъ единства біологической цѣли обѣихъ формъ и изъ теоріи происхожденія волевого вниманія. Что касается первой, то именно данное въ диссертациі общее опредѣленіе вниманія, какъ цѣлесообразной реакціи организма, моментально улучшающей условія воспріятія, яснѣе всего показываетъ, что какъ рефлексивное, такъ и волевое вниманіе суть, въ сущности, однородныя, цѣлесообразныя для сохраненія организма приспособленія, долженствовавшія развиваться въ условіяхъ борьбы за существованіе. Что же касается до теоріи происхожденія волевого вниманія, то она ясно показываетъ, что эта форма могла возникнуть только изъ рефлексивнаго (и инстинктивнаго) вниманія. Волевое вниманіе, какъ видно изъ диссертациі (стр. 190—204 и слѣд.), всегда состоитъ въ усиленіи образовъ воспоминанія, черезъ воспроизведеніе ассоціированныхъ съ ними иннервационныхъ (моторныхъ) импульсовъ. Но эта связь двигательныхъ представлений съ прочими не есть первичная, а какъ всякая ассоціація по смежности, представляетъ умственную рефлексію первичнаго вліянія реальныхъ движеній на усиленіе ощущеній, т.-е., иначе говоря, волевая форма вниманія всегда уже предполагаетъ факты

первоначальнаго реального измѣненія воспріятій черезъ реальное моторное установленіе органовъ чувствъ, что мы и называемъ рефлексивнымъ вниманіемъ. Эта вторичность волевыхъ актовъ вообще, составляющая одно изъ важнѣйшихъ открытій англійской эмпирической психологіи, можетъ быть выражена въ такой формѣ: всѣ психическіе волевые акты суть идеальныя (въ мысляхъ) повторенія реальныхъ дѣйствій, или, иначе, причинная связь мыслей есть отраженіе или повтореніе причинной послѣдовательности въ реальномъ мірѣ.

9. *Иллюзорный характеръ волевого вниманія.* Почтенный оппонентъ выразилъ недоумѣніе по поводу того, что авторъ сближаетъ волевое вниманіе съ процессомъ иллюзіи, утверждая въ то же время, что оно улучшаетъ воспріятіе. Въ поясненіе этого надо замѣтить, что иллюзія есть одна изъ формъ идейнаго выполненія того, что дано въ ощущеніи; какъ показано въ главѣ V (стр. 184—187), волевое вниманіе представляетъ тоже восполненіе ощущаемаго образами воспоминанія; такимъ образомъ, и иллюзія, и вниманіе (а равнымъ образомъ и то, что англійскіе психологи называютъ перцепціей предмета) суть, въ сущности, однородные процессы, въ основѣ которыхъ лежитъ ассоціація между ощущеніемъ и образами воспоминанія. Разность между иллюзіей и волевымъ вниманіемъ состоитъ: а) въ томъ, что въ первой идейное восполненіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, во второмъ же—соотвѣтствуетъ, и б) въ томъ, что при иллюзіи идеи произвольны, въ волевомъ же вниманіи сопровождаются чувствомъ усилія. Однако, волевое вниманіе отличается и отъ абстрактной интерпретаціи впечатлѣнія, ибо волевое вниманіе (см. стр. 198 и слѣд., стр. 202) вноситъ особое ощущеніе (чего нѣтъ въ простой интерпретаціи), именно—иннерваціонное, сообщающее и всему идейному комплексу дополнительныхъ образовъ особую исключительную ясность, чѣмъ и обусловлена иллюзорная реальность вниманія. Если эти образы, тѣмъ не менѣе, соотвѣтствуютъ дѣйствительности, хотя и не наблюдаемой въ данный моментъ, они по справедливости могутъ быть названы улучшающею воспріятіе иллюзіей.—Что касается до ослабленія иллюзій при вниманіи, то оно отнюдь не есть общій фактъ, такъ какъ внимательное ожиданіе (напримѣръ, при ипохондріи; ср. стр. 167, также стр. 49) явно возбуждаетъ иллюзорныя усилія слабыхъ ощущеній. Если можно сказать, что иллюзіи чаще бываютъ тогда, когда вниманіе ослаб-

лено, то лишь въ томъ смыслѣ, что *невольная* игра ассоціацій усиливается, когда *волевой* вызовъ ихъ (въ актѣ вниманія) ослабѣваетъ. О сохраненіи и даже повышеніи интеллектуальныхъ явленій при отравленіи гашишемъ и объ искаженіи при этомъ аффективныхъ состояній свидѣтельствуя равнымъ образомъ Моро, Рише, Нотнагель и Россбахъ и др.

Третій оффиціальнй оппонентъ, пр.-доц. А. С. ~~Велькинъ~~ такъ резюмировалъ свои замѣчанія:

Николай Николаевичъ, выдающіяся научныя достоинства вашей диссертациі уже были достаточно подробно указаны Л. М. Лопатинымъ и С. С. Корсаковымъ, и я, вполнѣ соглашаясь съ ихъ оцѣнкой вашей книги, думаю, что было бы лишнимъ повторять то, что уже было ими сказано.

Поэтому, я ограничусь только тѣмъ, что обращаю ваше вниманіе на нѣкоторыя мѣста вашего труда, съ которыми я не могу согласиться. Вслѣдствіе поздняго времени я сдѣлаю только три возраженія, изъ которыхъ два первыя будутъ касаться второстепенныхъ недостатковъ вашей диссертациі, а третье будетъ направлено противъ вашего взгляда въ одномъ важномъ вопросѣ психологій.

Къ менѣ важнымъ недостаткамъ вашей книги относится нѣкоторая неполнота «Историческаго очерка теорій вниманія», занимающаго первую главу вашего «Второго изслѣдованія». Вы, конечно, согласитесь со мной, что такой «историческій очеркъ» только тогда имѣетъ свой *raison d'être* въ какомъ-нибудь изслѣдованіи, когда онъ возможно полно даетъ исторію вопроса и обрисовываетъ современное его положеніе и тѣмъ указываетъ, что новаго даетъ это изслѣдованіе. Поэтому, мнѣ кажется, вполнѣ понятнымъ будетъ удивленіе читателя, когда онъ не встрѣтитъ въ вашемъ «очеркѣ» теорій такихъ выдающихся психологовъ, какъ Маудсли, Карпентеръ, Селли, Брайлей.

Другое мѣсто вашей книги, съ которымъ я не могу согласиться, это—классификація теорій вниманія. Въ концѣ «Историческаго очерка теорій вниманія» (на стр. 129) вы говорите, что, «изложивъ въ *хронологическомъ* порядкѣ разнообразныя теоріи вниманія», вы считаете необходимымъ «дать *логическую* классификацію важнѣйшихъ изъ нихъ и сводите «мнѣнія разныхъ мыслителей о природѣ вниманія къ *восьми* основнымъ ученіямъ», ко-

торыя вы затѣмъ перечисляете и на слѣдующихъ страницахъ излагаете и подвергаете критическому разбору. Просматривая эту классификацію, нельзя, однако, не придти къ заключенію, что она не заслуживаетъ названія «логической», или, вѣрнѣе, что это такая классификація, которая называется въ логикѣ «сбивчивой». Логика требуетъ, чтобы члены дѣленія взаимно исключали другъ друга, что, въ примѣненіи къ данному случаю, означаетъ, что вы должны были бы указать такія ученія о вниманіи, изъ которыхъ нельзя было бы признавать два или три вмѣстѣ за вѣрныя, но необходимо было бы держаться только какого-нибудь одного; такія ученія о вниманіи и заслуживали бы названія «основныхъ». Между тѣмъ, мы видимъ изъ вашего изложенія, что многіе психологи соединили въ своихъ теоріяхъ вниманія по два «ученія» о вниманіи, которыя вы называете «основными», благодаря чему вамъ приходится говорить объ этихъ психологахъ въ двухъ мѣстахъ, и вы тѣмъ раздробляете ихъ теоріи, часто очень цѣльныя. Такъ, наприм., вы говорите, что перваго «основного» ученія о вниманіи, утверждающаго, что вниманіе есть «результатъ двигательнаго приспособленія», держатся между прочимъ Декартъ, Бэнъ, Феррьеръ, Рибо и Бальвинъ; а затѣмъ вы указываете, что Декартъ признавалъ и другое «основное ученіе», а именно, что «вниманіе есть результатъ нервнаго раздраженія»; что Бэнъ считаетъ вниманіе также «результатомъ эмоціи»; что Феррьеръ и Рибо признаютъ также ученіе, что «вниманіе есть результатъ нервной задержки» и т. д. Теоріи Гербарта, Вундта, Джемса оказываются также соединяющими въ себѣ по два «основныхъ» ученія о вниманіи. Но, рядомъ съ этими соединимыми ученіями, въ вашей классификаціи указаны и такія, которыя не могутъ признаваться за вѣрныя всѣ вмѣстѣ, наприм., ученія о томъ, что «вниманіе есть результатъ эмоціи», что оно «есть результатъ апперцепціи», что оно «есть результатъ дѣятельности различенія». Такимъ образомъ, ваша классификація не показываетъ того, что должна показывать, а именно—взаимнаго отношенія указанныхъ вами ученій: какія изъ нихъ основныя и взаимно исключаютъ другъ друга и какія имъ служатъ объясненіемъ и дополненіемъ. Причина ошибочности вашей классификаціи та, что у васъ два основанія дѣленія—психологическое и фізіологическое.—Но въ заключеніе этого моего возраженія, я долженъ сказать, что ваша критика теорій вниманія полна прекрасныхъ отдѣльныхъ замѣчаній.

Третье мое возраженіе касается, какъ я сказала, вашего мнѣнія относительно одного важнаго вопроса психологіи, а именно, относительно вопроса о чувствахъ сходства и различія. Проф. Л. М. Лопатинъ уже велъ съ вами бесѣду о вашемъ взглядѣ на этотъ предметъ, и я вполне согласенъ съ нимъ, что вамъ не удалось доказать, что чувство сходства есть болѣе основной актъ духа, чѣмъ чувство различія, и что второе есть только сознаніе отсутствія перваго. Я сдѣлаю нѣсколько добавочныхъ замѣчаній къ тому, что было сказано Л. М. Лопатинымъ.

Но раньше я долженъ сказать, что не совсѣмъ понимаю, какое отношеніе вы устанавливаете между вашимъ ученіемъ о сознаніи сходства и различія и вашимъ закономъ перцепціи. Въ началѣ 5-й главы (стр. 38) вы говорите, что «должны теперь обратиться къ изслѣдованію дальнѣйшихъ фактовъ познанія, въ разъясненіе которыхъ нашъ принципъ (законъ перцепціи) можетъ внести извѣстное освѣщеніе. Такими фактами оказываются: 1) сознаніе, или чувство сходства и различія и т. п.». Затѣмъ эту главу вы посвящаете доказательству того, что чувство сходства—болѣе элементарная операція духа, чѣмъ чувство различія. Я не разъ внимательно просматривалъ эту главу и не нашелъ никакихъ указаній, какое же «освѣщеніе» можетъ законъ перцепціи внести въ ученіе о сознаніи сходства и различія. Ваши указанія на этотъ счетъ были бы тѣмъ болѣе интересны, что, казалось бы, наоборотъ, ученіе о чувствѣ сходства и различія можетъ освѣтить вашъ законъ перцепціи: вѣдь, въ вашихъ опытахъ относительно перцепціи вы получили, по вашему мнѣнію, времена отождествленія, и это, какъ я понимаю изъ примѣчанія на стр. 23—24, потому, что вы уже заранѣе рѣшили, что отождествленіе есть болѣе основной актъ духа, чѣмъ различеніе, и дѣйствуетъ при перцепціи, въ которой еще нѣтъ мѣста различенію.

Обращаясь къ вашему ученію о чувствѣ сходства и различія, я вполне соглашаюсь съ Л. М. Лопатинымъ, что вы не обратили вниманія на многочисленные аргументы въ психологической литературѣ въ пользу самостоятельной и коренной природы чувства различія. Я прибавлю, что вы сами помѣстили въ вашей книгѣ «Историческій очеркъ нѣкоторыхъ ученій о сознаніи сходства и различія» (стр. 64—82), изъ котораго видно, что всѣ перечисляемые вами психологи, за исключеніемъ развѣ Юма, ученіе котораго, впрочемъ, какъ вы сами признаете, «темно и недоста-

точно развито» (стр. 67), признавали и признаютъ, что чувство различія одинаково элементарно, какъ и чувство сходства. Между тѣмъ, вы не потрудились опровергнуть ихъ взгляда разборомъ тѣхъ фактовъ, на которыхъ онъ основанъ. Въмѣсто этого, вы дали описаніе сдѣланныхъ вами опытовъ и указали ихъ числовые результаты, которые, по вашему мнѣнію, доказываютъ, что чувство различія не есть такой же основной актъ духа, какъ отождествленіе. Попробуемъ разобрать ваши опыты. Вы производили ихъ такъ: «передъ реагентомъ являлись на темносинемъ фонѣ по двѣ фигуры, поставленныя рядомъ, а именно треугольникъ и четырехугольникъ въ разнообразныхъ сопоставленіяхъ (этотъ моментъ отмѣчался на кимографѣ), причемъ требовалось производить реакціонное движеніе (тоже отмѣчаемое на кимографѣ) лишь въ томъ случаѣ, когда появлялись фигуры сходныя и сходнорасположенныя, или, наоборотъ, лишь тогда, когда несходныя. При первомъ условіи мы имѣемъ, слѣдовательно, времена, потребныя для сознанія сходства, во-второмъ—для сознанія различія». Для сознанія сходства вы получили 0,506 секунды, а для сознанія различія—0,551 сек., т.-е. на 8% болѣе, и на основаніи этихъ цифръ вы заключили, что сознаніе сходства есть болѣе основной актъ духа, чѣмъ сознаніе различія.

Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что опытъ имѣетъ рѣшающее значеніе во всякомъ вопросѣ, но это—при условіи правильнаго истолкованія каждаго случая и при избѣжаніи логической ошибки поспѣшнаго обобщенія.

Прежде всего, я думаю, что, хотя вы и не высказали, но имѣли въ виду, что при измѣреніи времени сознанія сходства вы измѣряли время умственной операціи очень сложной, въ которую входило и сознаніе различія. Дѣйствительно, для того, чтобы найти сходство между двумя фигурами, появляющимися на синемъ фонѣ, необходимо прежде всего отличить ихъ отъ фона, сознать ихъ различіе, состоящее хотя бы лишь въ томъ, что одна находится налѣво, а другая направо (такъ какъ при отсутствіи *всякаго различія* между ними, онѣ сольются, дадутъ впечатлѣніе одной фигуры), а затѣмъ уже у насъ явится сознаніе сходства этихъ фигуръ.

Конечно, вы согласитесь съ этимъ, и очевидно, что, въ сущности, въ данномъ случаѣ, вы измѣряли время двухъ сложныхъ операцій духа, различающихся между собой, можетъ быть, только

тѣмъ, что въ концѣ одной является чувство сходства, а въ концѣ другой—чувство различія, причемъ всѣ остальные ихъ элементы въ обоихъ случаяхъ тѣ же. Въ виду, однако, результата вашихъ опытовъ, противорѣчащаго общепринятому въ психологіи взгляду, что чувство сходства не можетъ явиться безъ предварительнаго различенія, я рѣшилъ повторить ваши опыты, взявъ только объектами для сравненія не геометрическія фигуры, а цвѣта, такъ какъ полагаю, что сравненіе чувствъ сходства и различія съ бѣльшимъ успѣхомъ можетъ быть произведено, если мы возьмемъ такіе объекты, воспріятіе которыхъ представляетъ менѣе сложную операцію духа, чѣмъ воспріятіе геометрическихъ фигуръ. Благодаря любезности проф. С. С. Корсакова, я произвелъ рядъ такихъ опытовъ въ лабораторіи Психіатрической клиники. Опыты производились много по тому же методу, какъ и вами. Время реакціи регистрировалось хроноскопомъ Гиппа. Объекты для сравненія были, какъ я сказалъ, цвѣта. Для этого брались куски картона съ широкой черной полосой въ срединѣ, по бокамъ которой были наклеены два куска цвѣтной бумаги или одного и того же цвѣта, или двухъ разныхъ. Куски картона предварительно смѣшивались, такъ что даже производившій опыты не зналъ, какой изъ нихъ ему придется вставить въ аппаратъ. Затѣмъ, всѣ условія опытовъ были тѣ же, какъ и у васъ. Результаты, однако, получились какъ разъ обратные: для меня, какъ реагента, получилось среднее время сходства—0,379 секунды, а время сознанія различія—0,324 сек., а для д-ра П. Д. Трайнина, помогавшаго мнѣ при опытахъ, время сознанія сходства—0,374 сек. и время сознанія различія—0,321 сек. Итакъ, изъ моихъ опытовъ слѣдуетъ, что скорѣе чувство различія есть болѣе основной актъ духа, чѣмъ чувство сходства, потому что первое требуетъ менѣе времени. Но какъ же примирить ваши опыты (въ вѣрности которыхъ я не сомнѣваюсь, хотя и не провѣрялъ ихъ, такъ какъ довѣряю вашей опытности, какъ экспериментатора) и мои, давшіе совершенно противорѣчащіе результаты? Я думаю только, что, въ виду ихъ несогласія, вопросъ о чувствѣ сходства и различія еще долженъ считаться открытымъ, что вы сдѣлали ошибочное обобщеніе, утверждая на основаніи вашихъ опытовъ, недостаточныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса, что различіе не есть такой же основной актъ духа, какъ отождествленіе, а есть только отсутствіе сходства (стр. 43 и 45).

На этомъ я и окончу мои возраженія, пожелавъ вамъ отъ души продолжать такъ же плодотворно работать въ области психологии, какъ вы работали до сихъ поръ, и если я нашель въ вашей диссертациі кое-что, съ чѣмъ я не могъ согласиться и только часть чего я вамъ успѣлъ указать, то гораздо болѣе я нашель въ ней такого, что слѣдуетъ, по моему мнѣнію, признать за цѣнный вкладъ въ науку *).

Затѣмъ, по прочтеніи факультетскаго отзыва о диссертациі и послѣ признанія факультетомъ защиты удовлетворительной, диспутантъ былъ объявленъ докторомъ философіи.

*) Вслѣдствіе невозможности для редакціи задерживать выпускъ настоящей книги журнала, редакція не могла обратиться къ Н. Н. Ланге съ просьбой провѣрить и дополнить его отвѣты А. С. Бѣлкину.

Психологическое Общество.

Условія для соисканія второй премии, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпинымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24 мая 1891 г., на основаніи доклада комиссіи по присужденію премии Д. А. Столыпина за лучшее сочиненіе по философіи наукъ, постановлено было, между прочимъ: 1) Присудить половину означенной премии за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Положительная философія и единство науки» съ девизомъ *Ἐν καὶ πᾶσι*, авторомъ котораго оказался (по вскрытіи конверта) почетный членъ Общества Б. Н. Чичеринъ. 2) Выразить Д. А. Столыпину глубокую признательность Общества за основанную имъ премию на тему по философіи наукъ. 3) Просить жертвователя, не согласится ли онъ на оставшуюся сумму въ 1.000 р. предложить новую тему на премию за сочиненіе о философіи Ог. Конта; въ случаѣ же несогласія на это Д. А. Столыпина, назначить трех-годовой срокъ для соисканія премии на ту же тему.

Такъ какъ въ 1891 г. отъ нынѣ умершаго Д. А. Столыпина получено было на имя Психологическаго Общества заявленіе о томъ, что измѣненія заданной имъ темы на соисканіе премии онъ не желаетъ, то, во исполненіе постановленія Общества отъ 24 мая 1891 г. и выраженной жертвователемъ воли, нынѣ имѣю честь повторить условія на соисканіе остающейся Столыпинской премии на новый срокъ—1-го января 1895 года.

«Московское Психологическое Общество симъ объявляетъ, что, по предложенію Д. А. Столыпина и на пожертвованныя имъ средства, оно назначаетъ вновь премію въ 1.000 р. за лучшее сочиненіе на тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coïncidence spontanée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)“. См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го изданія Литтре.

Для полного рѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III тт. «Курса» (Ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философій. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала социологіи.—Очерки философій и науки.—Мировой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій—1-е января 1895 года. Присужденіе преміи особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1895 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Въ соисканіи преміи могутъ участвовать всѣ лица, получившія высшее образованіе. Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафировъ представленныхъ сочиненій».

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества.

Извѣстія и замѣтки.

—*— Въ наступившемъ академическомъ году въ *Московскомъ университетѣ* читаются слѣдующіе курсы по психологическимъ и философскимъ наукамъ:

Заслуж. орд. проф. *М. М. Троицкимъ* — по логикѣ (2 часа для *перваго* курса) и по психологіи (2 часа для *второго* курса).

Орд. проф. *Н. Я. Гротомъ* — по психологіи (2 часа для *втор.* курса) и (необязательный) семинарій по этикѣ (2 часа).

Экстра-орд. проф. *Л. М. Лопатинымъ* — по исторіи *новой* философіи (3 часа для *третьяго* курса) и необязательные семинаріи: по *новой* философіи (1 часть) и по введенію въ философію (2 часа).

Пр.-доц. *А. С. Бѣлкинымъ* — по Платону и Аристотелю (2 часа для классиковъ *третьяго* курса).

Пр.-доц. кн. *С. Н. Трубецкимъ* — по исторіи древней философіи (2 часа для *перваго* курса) и необязательные семинаріи: по древней философіи (1 часть) и по исторіи этики (2 часа).

—*— 27 августа (8 сентября) скончался въ Шарлотенбургѣ, близъ Берлина, Германъ фонъ-Гельмгольцъ, величайшій изъ естествоиспытателей нашего времени. Покойный былъ почетнымъ членомъ Московскаго Психологическаго Общества. Хотя большая часть работъ Гельмгольца относится къ области механики, физикии физиологіи, но онъ оказалъ также очень крупныя услуги психологіи — своими классическими работами въ области зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій, а впервые прочно имъ установленный и формулированный (1847 г.) «законъ сохранения силы» служить однимъ изъ основныхъ положеній научнаго міровоззрѣнія и оказалъ большое вліяніе на общее положеніе философскихъ ученій.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ
новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

ФР. ПАУЛЬСЕНЪ.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія Н. Титовскаго,
подъ редакціей В. П. Преображенскаго.

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 40 к.

Получать можно въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, покупающимъ книгу непосредственно изъ конторы журнала „Вопросы Философіи“, книга уступается за 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ
на издающійся безъ предварительной цензуры ежемѣсячный журналъ

„ВОСХОДЪ“

и газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

(14-й годъ изданія).

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р., и къ 1-му іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Новые подписчики получаютъ бесплатно I-ю ч. ром. „Дѣти Гетто“, начатаго печатаніемъ въ 1893 г. Редакторъ-Издатель А. Ландау.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Н. Я. Гротъ. *Нравственные идеалы нашего времени* (Фр. Ницше и Левъ Толстой). 3-е изд. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Тао-те-кингъ Лаоси. Перев. съ китайскаго съ введ. Д. П. Ко-
ниси. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Замѣтка въ „Мір. Бож.“ 3, 240 изъ Deutsche Literaturzeitung.

286. Зимницкій, В. О сознаниі сходства и различія въ процессахъ умственно-познавательной дѣятельности. „Рус. Шк.“ 5—6, 118—138.

Всѣ виды умственной дѣятельности въ своей основѣ сводятся къ сознанию сходства или различія.

Золя. См. Пекаторось.

287. (Зоопсихологія). Способность животныхъ къ притворству. „Рус. Вѣд.“ № 180.

288. **И**ванова, В. С. Къ вопросу о преступности среди душевно-больныхъ. Безъ обложки. Спб. 1891 г. 51 стр.

Материаломъ для изслѣдованія послужили исторіи болѣзней и преступленийъ душевно-больныхъ преступниковъ, переданныхъ для испытанія въ Буршевскую колонію. У здороваго человѣка преступленіе вызывается вліяніемъ внѣшняго міра, а у психически-больного — внутреннимъ органическимъ побужденіемъ.

По поводу этой брошюры М. Моргулисъ: О преступности душевно-больныхъ. „Журн. гражд. и угол. пр.“ № 10, 114—126.

289. Ивановскій, В. Ложныя вторичныя ощущенія. „Вопр. фил. и психол.“ кн. 20, отд. II, стр. 94—108.

Сгруппированъ матеріалъ, накопившійся главнымъ образомъ во французской литературѣ и касающійся явленія, подмѣченнаго уже давно, но обстоятельно описаннаго лишь года три тому назадъ. Въ статьѣ помѣщена и программа д-ра Грубера, по которой слѣдуетъ доставлять ему свѣдѣнія относительно окрашеннаго слуха.

О тѣхъ же явленіяхъ И. Святскій: Звукоцвѣтность и родственныя ей психологическія явленія. „Колосья“ 11, 171—178 (научная хроника).

290. Ивановскій, В. Отзывъ о брошюрахъ: 1) *А. Васильевъ*. Изъ исторіи и философіи понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Казань 1891. 21 стр. 30 коп.—2) Счетъ и измѣреніе. *Г. Ф. Гельмгольца*. Понятіе о числѣ. *Л. Кронекера*. Переводъ проф. Васильева. Казань 1891. 44 стр.—„Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. II, стр. 118сс.

291. Ивановскій, В. Отзывъ о философской части „Біографической библіотеки“ Ф. Павленкова. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. II, стр. 97—100.

Особенно неудачны біографіи Аристотеля, Бэкона и Локка, вышедшія въ 1892 г. и написанныя г-жей Литвиновой. Гораздо лучше біографія Юма, составленная г-жей Сабининой, и еще лучше біографія Милля, написанная г. Туганъ-Барановскимъ.

292. Ивановскій, В. Н. Revue philosophique. 1892, № 5 — 12; 1893, № 1 и 2. „Вопр. фил. и псих.“, отд. II, кн. 16, стр. 77—82; кн. 17, стр. 71—75; кн. 19, стр. 82—85.

Обзоръ статей Мурэ, Полана (двѣ статьи), Лаланда, Сореля, Дюнана, Комбарье, Фонсегрива, Навиля, Гардіа, Бразье (объ этой же статьѣ см. отчетъ въ „Вѣст. суд. психіатр.“ г. V, вып. I, стр. 344сс.), де-Роберти, Ланна, Фулье, Гура, Кутюра, Поля Жане.

Ивановскій, В. См. Пере, Розенбахъ, Снегиревъ.

293. Ивановъ, Ив. Замѣтки читателя. Max Nordau. Entartung. Zweiter Band. Berlin 1893. „Рус. Вѣд.“ № 147.

Часто получается впечатлѣніе, что Нордау является только комментаторомъ Ломброзо, и вся его цѣль—подобрать возможно больше примѣровъ изъ области литературы и искусства для подтвержденія теорій итальянскаго ученаго. Сочиненіе въ высшей степени поучительно, но только какъ матеріалъ для другого болѣе разносторонняго изслѣдователя.

294. Ивановъ, И. И. Философія безъ фактовъ. „Рус. Мысль“ 2, 37—60; 3, 10—23.

О политическихъ теоріяхъ Платона. Поэтъ-философъ создалъ свой идеалъ въ минуты крайняго негодованія на окружающую жизнь. Въ Республикѣ сказался юношескій идеализмъ Платона. Но отрѣшившись въ Законахъ отъ своего идеализма, Платонъ все-таки нисколько не приблизился къ дѣйствительности. Съ культурной точки зрѣнія, политическая философія Платона лишена положительныхъ достоинствъ: она или отвергаетъ самыя основы цивилизаціи, или съ фанатизмомъ инквизиціи преслѣдуетъ развитіе духовныхъ сторовъ человѣка.

Ивановъ, Ив. См. Волконскій.

295. Ивановъ, П. Психопатія и преступленіе. У профессора И. А. Сикорскаго. „Кіев. Слово“ № 1859 (18-го мая).

По поводу убійства московскаго городского головы и одного кіевскаго убійства.

296. Иванцовъ, Н. А. Исповѣдь естествоиспытателя. (*E Haeckel. Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. Glaubensbekenntniss eines Naturforschers*). „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 103—115.

Весьма любопытная во многихъ отношеніяхъ статья. Геккель, по мнѣнію автора, возводитъ въ научные догматы результаты научныхъ изслѣдованій. Однако въ томъ, что онъ предлагаетъ, наука столь же перестала быть наукой, какъ вѣра перестала быть вѣрой. Возводитъ научныя гипотезы въ догматы значить возводитъ въ догматы ложь, такъ какъ гипотезы сплошь и рядомъ оказываются ложными. Не содержаніе проповѣди Геккеля не научно, а не наученъ по существу своему ея духъ.

Подробно излагаетъ статью г. Иванцова Э л ь п е: Научныя письма. Символь „вѣры“ мнимой науки. „Нов. Вр.“ № 6353 (4-го ноября).

297. Иванцовъ, Н. Проблема бытія внѣшняго міра. „Вопросы филос.“ отд. I, кн. 17, стр. 63—80; кн. 18, стр. 11—26.

Проблема бытія внѣшняго міра теоретически неразрѣшима. Вѣра въ другого человѣка, подобнаго намъ, мы вѣримъ во внѣшній міръ. Другой, внѣшній по отношенію къ намъ человѣкъ является соединительнымъ звеномъ между нами самими и внѣшнимъ міромъ. Такой путь не есть путь достовѣрный, но только болѣе или менѣе вѣроятный. Однако онъ проще другихъ и ближе приводитъ къ цѣли.—Статья представляетъ рефератъ, читанный въ Психологическомъ Обществѣ 29-го февраля 1892 г. Пренія по поводу его помѣщены въ 13 книгѣ „Вопросовъ фил. и псих.“ (отд. II, стр. 80—84).

Къ статьѣ г. Иванцова редакціей журнала были сдѣланы два примѣчанія, на которыя онъ возражаетъ въ томъ же журналѣ, кн. 19, отд. II, стр. 113—116.

298. Иванцовъ, Н. А. Четыре метода экспериментальнаго изслѣдованія. Отчетъ о рефератѣ, читанномъ въ Психолог. Обществѣ. „Вопр. филос. и псих.“ кн. 18, отд. II, стр. 159с.

Къ спору съ Л. М. Лопатинымъ объ индукціи. См. слѣдующую статью.

299. Иванцовъ, Н. А. Что такое индукція? Отвѣтъ Л. М. Лопатину. „Вопросы филос.“ кн. 16, приложение, стр. 1—14.

Эта полемика тянется еще съ 1890 г., когда Л. М. Лопатинъ читалъ въ Психологическомъ Обществѣ рефератъ: „Теорія математическихъ познаній Канта“ (см. „Вопросы филос.“ кн. 5, отд. III, стр. 96с.). Свои возраженія г. Иванцовъ формулировалъ въ 13-й книгѣ „Вопросовъ“. Ссылаясь на Милля, г. Иванцовъ считаетъ индуктивными всякаго рода сужденія и понятія, если только въ основѣ ихъ лежатъ данныя чувственнаго опыта, и они цѣликомъ возникаютъ изъ послѣднихъ путемъ перегруппировки, разложенія и новыхъ сочетаній ихъ элементовъ. По мнѣнію г. Иванцова, такъ понимается индукцію и Милль. Противникъ же г. Иванцова утверждаетъ, что такое значеніе термина „индукція“ установлено самимъ г. Иванцовымъ. Въ отвѣтъ на это г. Иванцовъ въ своемъ возраженіи глава за главою рассматриваетъ взгляды Милля и находитъ, что то опредѣленіе, которое г. Лопатинъ выдаетъ за миллеское, есть опредѣленіе не общее, а частное. Приводя опредѣленіе Милля, г. Лопатинъ имѣетъ въ виду только четыре метода экспериментальнаго изслѣдованія причинъ явленій.

Въ своемъ отвѣтѣ, помѣщенномъ вслѣдъ за статьей г. Иванцова (стр. 15—27), Л. М. Лопатинъ говоритъ: „возраженія г. Иванцова такъ явно основываются на недоразумѣніяхъ относительно того, что говорю я въ моемъ сочиненіи, и что говоритъ Милль въ своей Логикѣ, что споръ нашъ невольно принялъ характеръ простаго толкованія текстовъ и почти совсѣмъ пересталъ затрогивать существо вопроса о происхожденіи математическихъ истинъ“. По мнѣнію г. Лопатина, было бы несправедливостью утверждать, что Милль называетъ индукціей рѣшительно все, что происходитъ въ умѣ. Ошибается также г. Иванцовъ, утверждая, что четыре метода Милля, по мнѣнію этого послѣдняго, примѣнимы только къ лабораторному изслѣдованію и къ математикѣ не имѣютъ никакаго отношенія. Въ виду упрека, что опредѣленіе, даваемое индукціи г. Лопатинымъ, существенно различается отъ миллескаго, авторъ „Положительныхъ задачъ философіи“ возражаетъ, что онъ расходится съ Миллемъ только въ терминологіи, предпочитая его тройственному дѣленію индуктивныхъ обобщеній (сосуществованіе, послѣдовательность и сходство) ихъ двойственное дѣленіе (сосуществованіе и послѣдовательность).

Игнатъевъ, М. В. См. Тимоѣевъ.

300. Извѣстія и замѣтки. „Вопр. филос.“ кн. 16, отд. II, стр. 118с., кн. 18, стр. 172; кн. 19, стр. 131; кн. 20, стр. 137—141.

Иловайскій, Д. См. Розановъ, Вл. Соловьевъ.

Иноди, Ж. См. Орловъ, Швецовъ.

301. И п а т о в ъ, В. Образование понятія о числѣ. „Гимн.“ 8—9, 385—395. По статьѣ G. Noel: L'idée du nombre et ses conditions (Rev. philos.).

302. И с а е в ъ, А. Опытъ общественнаго переустройства. По поводу начинаній Бутса. „Вѣс. Евр.“ 2, 689—706.

Авторъ, хотя и не вѣритъ во всецѣлѣбную силу начинаній Бутса, но видитъ въ нихъ очень крупный замыселъ, важный по идеѣ, разнообразный по содержанію.

И с а е в ъ, А. А. См. Гольцевъ.

303. (И с п у г ѣ). Физиологическія послѣдствія испуга. „Прав. Вѣст.“ № 227. Любопытныя наблюденія спасшихся при гибели англійскаго броненосца „Викторія“.

304. И т и н ѣ, Ю. Головной мозгъ. „Энциклоп. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 76—82.

305. (И у с т и н ѣ). Вѣроученіе св. Іустина мученика въ его отношеніи къ языческой философіи. Статья М. Т—ва. „Вѣр. и Раз.“ № 15, отд. филос., стр. 112—140; № 16, стр. 141—167; № 17, стр. 218—236.

Подробно разсматривается вопросъ, въ какой степени на міровоззрѣніе Іустина вліяли языческіе философы. Несмотря на нѣкоторую непослѣдовательность во взглядахъ Іустина, едва ли можно, по мнѣнію автора, говорить о существенномъ вліяніи на него языческой философіи: она имѣла на него лишь формальное вліяніе.

К а б а н е с ѣ, д - р ѣ. См. Корнгольдъ.

306. К а б л и ц ѣ (Юзовъ). Некрологъ. „Нов.“ № 275 (А. Ф.). „Рус. Жиз.“ № 266. „Нов. Вр.“ № 6824 (6-го октября) [перепечатано въ „Волж. Вѣст.“ № 264]. „Сынъ От.“ № 273. „Истор. Вѣст.“ 12, 960.

307. К а б л и ц ѣ (І. Юзовъ). Основы народничества. Ч. II. Второе, дополненное изданіе. Спб. Тип. Лебедева. 509 стр. 800 экз. 2 руб.

Второе изданіе 1-й части этой книги вышло въ 1888 г. (Спб. Тип. Лебедева. 464 стр.). У автора замѣтна особенная склонность при разсмотрѣніи каждаго вопроса начинать ab ovo, исходить изъ первичныхъ посылокъ. Вотъ почему, отыскивая основы народничества, онъ очень часто долженъ касаться чисто философскихъ или, по его выраженію, социологическихъ проблемъ. Такъ какъ главною причиною всѣхъ общественныхъ явленій оказывается личность, то авторъ останавливается на психическихъ свойствахъ, присущихъ личности. Онъ полагаетъ, что каждая изъ способностей человѣка развивается самостоятельно и своимъ развитіемъ не усиливаетъ развитія другой. Эгоистическое чувство есть величина, не способная по своей абсолютности къ дальнѣйшему усиленію; его вліяніе на поступки людей всегда одинаково, и разница въ этихъ поступкахъ зависитъ отъ развитія или атрофировки альтруистическихъ чувствъ. Прогрессъ социальныхъ формъ заключается по преимуществу въ прогрессѣ социальныхъ чувствъ. Нравственное поведение основано на нравственныхъ чувствахъ, т.-е. на потребности въ сохраненіи вида; нравственно только такое поведение, которое даетъ наибольшую сумму счастья, т.-е. наиболее поддерживаетъ жизнь человѣчества при современныхъ условіяхъ. Такъ какъ объективной философіи нѣтъ, то понятно, по мнѣнію г.

Каблица, что жалки и нелпы всѣ попытки отыскать объективныя начала и нашего нравственнаго поведенія, т. е. начала, которыя бы лежали не въ нашей организаціи, а внѣ насъ. Совѣсть или чувство ответственности за свои дѣйствія появляется, какъ естественно-необходимый результатъ несоотвѣтствія частнаго проявленія нашего характера съ общимъ тономъ этого характера.

Человѣчество подраздѣлено на группы съ разными нравственными наклонностями и особенностями, отражающимися на социальномъ ихъ устройствѣ. Общественная цѣль должна быть только равнодѣйствующей индивидуальнымъ цѣлям. Въ этомъ и состоитъ социологическій субъективизмъ. Внесеніе же элемента насилія въ опредѣленіе равнодѣйствующей индивидуальнымъ цѣлям искажаетъ истинный субъективизмъ въ бюрократическій индивидуализмъ, которымъ и стараются разные прогрессивные бюрократы подмѣнить социальный субъективизмъ. Разнь между интеллигенціей и народомъ тяжело отзывается на ходѣ русской жизни. Поднять значеніе личности—задача нашего времени, но она неисполнима при томъ презрѣніи, которое питаетъ интеллигенція къ народу. Либерализмъ, несмотря на свою проповѣдь свободы вѣроисповѣданія, науки, мысли и слова, а также и юридической свободы личности, все таки является однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ общественныхъ ученій, такъ какъ подъ прикрытіемъ этого прекраснаго флага старается объ усиленіи существующей экономической зависимости.

Авторъ обнаруживаетъ начитанность въ философскихъ сочиненіяхъ, вышедшихъ порусски, и любитъ украшать свое изложеніе выписками изъ этихъ сочиненій. Изъ философовъ съ наибольшимъ почтеніемъ онъ относится къ Контю и подробно останавливается на взглядахъ г. Дебольскаго и Вл. Соловьева. О г. Михайловскомъ онъ не можетъ говорить безъ вражды. Вообще же книги г. Юзова, несмотря на хаотичность изложенія, заслуживаютъ вниманія интеллигентнаго читателя, которому онѣ несомнѣнно помогутъ въ выработкѣ болѣе осмысленнаго и, главное, правдиваго отношенія къ окружающей жизни.

Представителемъ псевдо-народничества считаетъ автора А. Скабичевскій: Литературная хроника. „Нов.“ №№ 206, 213, 220. Несочувственно отзывается „Вѣстн. Евр.“ 8 (обл.). См. также В. А. Гольцевъ: Еще о народничествѣ. (По поводу двухъ новыхъ книгъ). „Русск. Мысль“ 10, 68—72, гдѣ вмѣстѣ съ книгой г. Каблица затронуть и трудъ В. В.: „Наши направленія“. Тѣ же двѣ книги служатъ предметомъ статьи М. Протопопова: Воинствующее народничество. „Рус. Мысль“ 10, 232—253.

Уклончивый отзывъ въ „Журн. гражд. и угол. пр.“ № 7, 38. Не соглашаясь съ авторомъ, книгу его все же находитъ интересной А. Фаресовъ, „Истор. Вѣс.“ 11, 278сс. Сочувственный отзывъ помѣщенъ въ „Сбор. Нивы“ 9, 220.

Каблицъ, О. И. См. Розановъ, Слонимскій, Фаресовъ.

Кавелинъ, К. Д. См. Гольцевъ.

308. Каленовъ, П. Вѣра и знаніе. „Вопросы фил. и псих.“ кн. 18, отд. I, стр. 97—115.

Считая вѣру и знаніе существенно различными между собою, авторъ ограничиваетъ компетенцію вооруженнаго логикой разсудка сферою явленій, а

область сознательной вѣры—двумя догматами (бытіе Бога и свобода воли). Но какъ бы мы ни ограничивали область разсудка, отъ времени до времени онъ возвышаетъ свой скептическій голосъ, и врядъ ли можно встрѣтить человѣка, совершенно недоступнаго сомнѣнію. Такой человѣкъ былъ бы святою машиною, исполняющею нравственный законъ съ такою же необходимостью, съ какою исполняются законы физическіе.

Статья г. Каленова представляетъ рефератъ въ Психологическомъ Обществѣ. Пренія по поводу этого реферата изложены тамъ же, отд. II, стр. 163сс.

Характерное явленіе въ статьѣ г. Каленова видитъ Ю. Николаевъ: Литературныя замѣтки. Нѣчто о вѣрѣ и невѣріи. „Моск. Вѣд.“ № 150. Это—протестъ, хотя и робкій, противъ механическаго міровоззрѣнія. Г. Каленовъ все еще вѣритъ въ разумъ, но уже идетъ на нѣкоторыя уступки. Разъясненіемъ этого фельетона служатъ слѣдующія Литературныя замѣтки (Нѣчто о любви и ненависти. Тамъ же № 157). См. также Александръ Введенскій, Филипповъ.

309. (Кантъ). Всеподданнѣйшее прошеніе Иммануила Канта. „Моск. Вѣд.“ № 97 (Дневникъ печати). „Русск. Вѣд.“ № 102. „Недѣля“ № 16, стр. 514с.

310. Кантъ, Иммануиль. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Переводъ Владиміра Соловьева. Изд. 2-е. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К^о. VII+195 стр., 1.200 экз. 1 р. 20 коп. (Труды Московскаго Психологическаго Общества. Выпускъ II).

Въ новомъ изданіи 2-го выпуска „Трудовъ“ опущена „Критика Кантовой философіи“ Куно-Фишера, прекрасный же переводъ „Прологоменъ“ Канта, слѣданный Вл. С. Соловьевымъ, оставленъ безъ измѣненій.

Кантъ. См. Гротъ, Каринскій, Кирилловичъ, Филипповъ.

311. Каптерева, О. Знакомство съ картинами въ первые 25 мѣсяцевъ жизни. «Восп. и Об.» 3, 96—104.

Любопытныя наблюденія надъ ребенкомъ, не лишенныя психологическаго интереса.

312. Каптеревъ, П. Вымыселъ и дѣйствительность. „Восп. и Обуч.“ 1892. Статью реферируетъ С. въ «Обр.» 7—8, 35—37.

313. Каптеревъ, П. Матери великихъ людей. «Восп. и Об.» 9, 281—290. Нѣсколько теоретическихъ разсужденій по поводу русскаго перевода сочиненія Блока: Матери великихъ людей.

314. Каптеревъ, П. Объ общемъ ходѣ развитія дѣтской природы. «Восп. и Об.» 2, 61—70.

По поводу брошюрки Зигерта: Die Periodicität in der Entwicklung der Kindesnatur (1891). Взглядъ Зигерта на общій ходъ развитія дѣтской природы или не новъ (если сущность этого взгляда видѣть въ необходимости періодической смѣны траты силъ и ихъ возобновленія), или если новъ, то не состоятеленъ. Общій ходъ развитія дѣтской природы нельзя достаточно выразить одною періодичностью.

315. Каптеревъ, П. О дѣтскихъ недостаткахъ. „Восп. и Обуч.“ 10, 314—322.

Дѣтскіе недостатки — это цѣлая армія, съ которой необходимо вести систематическую борьбу.

316. Каптеревъ, П. О дѣтской лжи. „Восп. и Обуч.“ 11, 345—354.

Сообщаются любопытные результаты наблюдений американскихъ учительницъ надъ городскими дѣтьми (American Journal of Psychology 1890; также въ Deutsche Blätter für erziehenden Unterricht 1891, № 27, и въ книгѣ Kötzle: Die Pädagogische Pathologie). Правдивое дитя — рѣдкое и драгоценнѣйшее явленіе. Чрезвычайно важно умѣнье распознавать различныя формы лжи и противъ каждой употреблять цѣлесообразныя средства.

317. Каптеревъ, П. О подражательности въ политическомъ и педагогическомъ отношеніяхъ. „Образов.“ 7—8, 1—41.

Серьезное вниманіе обращено на классификацію фактовъ, зачисляемыхъ въ сферу подражательности. Подражательность — великая и благодѣтельная сила. См. ниже № 327.

318. Каптеревъ, П. Ф. О разнообразіи и единствѣ общеобразовательныхъ курсовъ. „Пед. Сбор.“ 1, 1—18.

Жизнь создаетъ много общеобразовательныхъ типовъ, а дѣйствующее школьное законодательство не хочетъ знать многихъ общеобразовательныхъ системъ. Слѣдуетъ отдѣлить общую часть образовательныхъ курсовъ отъ особенной, предпослатъ общую особенной и слѣлатъ особенную часть не обязательной, факультативной. Въ такомъ случаѣ общеобразовательный курсъ будетъ отличаться единствомъ и въ то же время разнообразіемъ.

Отчетъ объ этой статьѣ даетъ Ф. В. „Образ.“ 7—8, 1—6.

319. Каптеревъ, П. Отличительныя черты психологическаго развитія дитяти во второй годъ жизни. „Восп. и Об.“ 7, 217—227.

Второй годъ жизни даетъ дѣтямъ очень много, и всѣ пріобрѣтенія ихъ за это время находятся въ прямой или косвенной связи съ капитальнѣйшимъ фактомъ жизни дѣтей во второй годъ — умѣньемъ самостоятельно ходить.

320. Каптеревъ, П. Подражанія дѣтей книжнымъ героямъ и подвигамъ. „Восп. и Об.“ 4, 121—129; 5, 153—163.

Подражательность дѣтей книжнымъ героямъ и подвигамъ — необходимое явленіе дѣтской жизни. Поэтому особенно важна забота о доброкачественности дѣтскаго чтенія. Приводятся любопытные случаи дѣтской подражательности книжнымъ героямъ.

321. Каптеревъ, П. Педагогическіе курсы для матерей и нянь. „Восп. и Об.“ 1, 1—17.

Статья чисто педагогическаго характера.

322. Каптеревъ, П. Психическое развитіе дитяти въ третій годъ жизни. „Восп. и Обуч.“ 12, 383—392.

См. выше № 319. На третьемъ году замѣчаются первые серьезныя проблески самостоятельности ребенка и его нравственнаго сознанія. Самые недочеты и пробѣлы въ умственномъ развитіи имѣютъ въ это время свою долю прелести и освѣщаютъ дитя своеобразнымъ свѣтомъ крайней наивности и непосредственности.

223. Каптеревъ, П. Психологія дѣтской игры. „Пед. Лист.“ (при „Дѣтскомъ Читеніи“), № 1, янв.—мартъ, стр. 3—14.

Игра служитъ выраженіемъ самостоятельной дѣятельности организма, вы-
зываемой и поддерживаемой пріятной тратой накопившейся энергіи.

224. Каптеревъ, П. Психологія дѣтской игры. Общественныя игры. „Педагог. Листокъ“ (при „Дѣт. Читеніи“), № 3, іюль—авг., стр. 3—13.

Служитъ какъ бы продолженіемъ предыдущей статьи.

225. Каптеревъ, П. Система вполне реального образованія. „Восп. и Об.“ 8, 249—261.

Рѣчь идетъ о системѣ, изложенной въ книгѣ Thulié: La femme. Essai de sociologie physiologique. Paris 1885. Взятая въ цѣломъ, это не система вполне естественнаго и всесторонняго воспитанія женщины, а воспитаніе полового, специфически женскаго. По мнѣнію же г. Каптерева, общечеловѣческое воспитаніе у женщины должно быть только дополнено культурой материнства.

226. Каптеревъ, П. Существенныя черты психическаго развитія ребенка въ первый годъ жизни. „Восп. и Об.“ 6, 185—194.

Осязательно-мышечное чувство является праотцемъ всѣхъ другихъ чувствъ. Посредствомъ этого органа получаютъ главнѣйшія понятія объ окружающемъ насъ мірѣ. См. выше № 319 и 322.

227. Каптеревъ, П. Толпа и отдѣльная личность. „Образ.“ 12, 333—335.

Дополнительныя соображенія къ статьѣ „О подражательности“ (см. выше № 317). Толпа поддается руководству и въ хорошую, и въ дурную сторону; она можетъ придавить благороднаго челоуѣка, но можетъ и увлечься имъ. Въ замѣткѣ затронуты взгляды на толпу, высказанные въ новѣйшей литературѣ.

228. Каптеревъ, П. Ф. Что можетъ сдѣлать школа для развитія характера учащихся? „Образ.“ 1, 1—18.

Разсмотрѣвъ взгляды Гербарта и его школы на характеръ, авторъ указываетъ тѣ средства, которыми школа можетъ воспользоваться для выработки характера. Преимущественное вниманіе современной школы къ успѣхамъ учащихся и къ ихъ внѣшнему поведенію, исполнительности и послушанію влечетъ за собою почти полное игнорированіе ихъ внутренней работы.

Интересныя пренія по поводу этого реферата, вмѣстѣ съ тезисами, помѣщены въ „Рус. Шк.“ 1, 241—249. Изложеніе реферата и преній можно найти въ „Краткомъ обзорѣ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1892—93 г.“, стр. 129—136 (приложено также къ „Пед. Сборн.“ 10).

Каптеревъ, П. См. Квикъ, Коменскій.

229. Каринскій, М. И. Объ истинахъ самоочевидныхъ. „Журн. мин. нар. проsv.“ 2, 295—354; 4, 450—498; 8, 431—516. Отдѣльно, вып. 1-й. Спб. Тип. Балашова. 196 стр. 200 экз.

Противоположность взглядовъ на послѣднія посылки знанія никогда не достигала такой рѣзкой формы, какъ именно въ послѣдній періодъ новой философіи. Очень непрочной представляется та почва изслѣдованій, на которой оказывается возможнымъ такое разнорѣчіе въ вопросахъ, признаваемыхъ

основными. Поэтому надо внимательно всмотрѣться въ оба діаметрально противоположныя рѣшенія вопроса. Съ этою цѣлью авторъ подробно разбираетъ прежде всего „величественную“ теорію Канта. Это одинъ изъ самыхъ основательныхъ разборовъ „Критики чистаго разума“. Шагъ за шагомъ авторъ разсматриваетъ разсужденія Канта въ его трансцендентальной эстетикѣ и логикѣ. Онъ постоянно находитъ разнаго рода логической ошибки у нѣмецкаго философа. По мнѣнію автора, догматизмъ проникаетъ не только постановку вопроса о самоочевидныхъ истинахъ въ „Критикѣ“, но и все изслѣдованіе и рѣшеніе его. Синтетическія основоположенія разсудка оказываются совсѣмъ не способными играть той роли, какая имъ предназначается, т.-е. объяснять фактическіе процессы нашего знанія. Такимъ образомъ, догматически принятія основоположенія остаются неоправданными и критическимъ изслѣдованіемъ Канта. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на ученіе Канта о синтетическихъ основоположеніяхъ разсудка, оно всюду оказывается несостоятельнымъ, и Кантова попытка опредѣлить эти основоположенія должна была по необходимости только вести все къ новымъ и новымъ предположеніямъ, не только не доказаннымъ, но и явно ошибочнымъ.

О собственныхъ взглядахъ г. Каринскаго можно судить только по нѣкоторымъ намекамъ, разсѣяннымъ тамъ и сямъ, въ первомъ выпускѣ его труда. Надо прибавить, что критика взглядовъ Канта ведется авторомъ мастерски: г. Каринскій побиваетъ основателя критической философіи, стоя на его же точкѣ зрѣнія и его же собственнымъ оружіемъ.

330. Каро, Е. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ. Леопарди—Шопенгауеръ—Гартманъ. Переводъ съ французскаго П. В. Мокиевскаго. Изданіе 2-е, исправленное. Изданіе П. К. Прянишникова и В. Н. Маракуева. М. Тип. Бончъ-Бруевича. VI+313 стр. 2000 экз. 1 руб.

Въ новомъ изданіи опущена статья: «Бесѣда о пессимизмѣ, происходившая въ берлинскомъ философскомъ обществѣ» (въ переводѣ Никандра Молчановскаго).

По мнѣнію Каро, одна изъ главныхъ причинъ успѣха пессимизма заключается въ томъ, что онъ даетъ выраженіе глухому недовольству, злобѣ и всевозможнымъ требованіямъ, волнующимъ германское общество. Философія нирваны внезапно возродилась среди нѣмецкаго народа въ XIX вѣкѣ, именно въ тотъ моментъ, когда этотъ народъ спустился съ высоты своихъ мечтаній на землю и распростеръ надъ землею дѣйствительность. свою суровую десницу. Пессимизмъ есть оборотная сторона военнаго триумфа народа, котораго принуждаютъ къ роли завоевателя противъ его воли. Но въ развитіи пессимизма не менѣе важны и причины чисто философскаго характера. Въ пессимизмѣ можно видѣть послѣдній фазисъ философскаго движенія, разрушившаго все: бытіе Бога, обязательность долга, реальность я, нравственность, науку, прогрессъ. Самая чрезмѣрность отрицанія ясно указываетъ на искусственность пессимистической философіи. Она можетъ появляться время отъ времени въ исторіи міра то какъ симптомъ усталости народа, который надорвался въ промышленныхъ или военныхъ усиліяхъ, то какъ проявленіе индивидуальнаго отчаянія или страданія цѣлаго класса въ дряхлѣющихъ цивилизаціяхъ. Но все это не можетъ быть продолжительнымъ.

331. Каро, Л. Еврейскій вопросъ въ свѣтѣ этики. (Die Judenfrage—eine ethische Frage. Leipzig).

Съ брошюрой подробно знакомитъ Р—м—и: Еврей о евреяхъ. „Кіевл.“ № 155, перепечатано въ „Нов. Тел.“ № 5807 (11-го юня).

332. (Карповъ). Покойный Карповъ, какъ почитатель Сократо-Платоновой философіи. (По поводу 25-лѣтія со времени его кончины). Статя А. П. В—скаго. „Христ. Чт.“ 3—4, 389—395.

Если Сквороду слѣдуетъ назвать русскимъ Сократомъ, то Карпова—русскимъ Платономъ.

Карре (Carret, Jules). См. Оболенскій.

333. (Каррьеръ). Carrière M. Die sittliche Weltanschauung. Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 1,244 изъ Deutsche Rundschau.

334. (Каррьеръ). Carrière, M. Materialismus und Aesthetik. Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 1,244с. изъ Liter. Centralbl.

Каррьеръ. См. С. Крыловъ.

Карусъ. См. Басистовъ.

335. Карцевъ, Н. Память. (Изъ курса педагогики). „Рус. Нач. Учит.“ 2, 51—63.

Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи.

Карышевъ, И. А. См. Кутеповъ.

336. Каръевъ, Н. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболее существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ). Спб. Тип. М. Стасюлевича. VIII + 176 стр., 2.100 экз. 1 руб.

Авторъ хотѣлъ въ небольшомъ историко-философскомъ очеркѣ резюмировать все наиболее существенное и основное въ общей исторіи Запада за время, рассмотрѣнное въ его большомъ трудѣ „Исторія западной Европы“. Новая исторія западной Европы получила характеръ сознательной постановки и принципиальнаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія права личности на возможно полное удовлетвореніе ея духовныхъ стремленій и матеріальныхъ потребностей. Какія бы задачи ни ставило себѣ государство, и какъ бы оно ихъ ни исполняло, какія бы цѣли ни преслѣдовала его политика и внѣшняя, и внутренняя, какіе бы вопросы мѣстнаго и временнаго характера въ немъ ни возникали, и въ какую сторону ни совершалось бы ихъ рѣшеніе,—все это никогда не бываетъ лишено принципиальнаго значенія съ общечеловѣческой и всемірно-исторической точки зрѣнія. Государство въ своихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ собственному самосохраненію, все болѣе и болѣе было вынуждаемо считаться съ потребностями и желаніями общества, которое для лучшаго обезпеченія правъ за отдѣльными своими членами стало стремиться къ политическому самоуправленію, ища оправданія этому стремленію въ идеѣ чело-вѣческой свободы.—Непосредственное отношеніе къ исторіи философіи имѣютъ главы о средневѣковомъ міросозерцаніи, о сущности гуманистическаго движенія и о просвѣщеніи XVIII в.

Кратко отзывается А. Л.—нъ въ „Книжн. Вѣст.“ II, 331. Сочувственно отзывается „Вѣст. Евр.“ II (обл.).

337. Каръевъ, Н. И. Энциклопедія права и общее образование. «Сборникъ правовѣдѣнія и обществ. знаній» т. I, стр. 108—114.

По мнѣнію автора, одною изъ наукъ, наиболѣе полезныхъ съ точки зрѣнія цѣлей общаго образованія, какъ индивидуальныхъ, такъ и социальныхъ, могла бы быть энциклопедія права, будетъ ли она предметомъ университетскаго образованія, рассчитаннымъ только на то, чтобы служить простымъ введеніемъ въ изученіе специальныхъ юридическихъ наукъ, или предметомъ книги, предназначенной для ищущихъ общаго образованія читателей.

Каръевъ, Н. См. Корелинъ.

338. Кацъ, Р. О чувствительности глаза къ одновременному и послѣдовательному свѣтовому контрасту. Диссертация на степень доктора медицины. Цензорами диссертации, по порученію конференціи, были профессора Л. Г. Беллярминовъ и Н. Г. Егоровъ и приватъ-доцентъ Б. Ф. Вериго. Спб. Тип. Ю. Римана. 68 стр. 600 экз. (Серія диссертаций, допущенныхъ къ защитѣ въ Императорской военно-медицинской академіи въ 1893—1894 учебномъ году. № 20).

Диссертантъ имѣетъ дѣло съ контрастомъ въ объективномъ смыслѣ, подъ которымъ понимается разница между двумя освѣщеніями или двумя освѣщенными поверхностями. Поэтому его работа имѣетъ почти исключительно физиологическій интересъ.

339. Квикъ (Quick). Реформаторы воспитанія. Переводъ и мѣстами передѣлка съ англійскаго З. Перцовой. Отдѣльные оттиски изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. Тип. Волчанинова. II+294 стр. 600 экз. 2 руб.

Книга Квика, охватывающая исторію педагогики отъ Возрожденія до нашихъ дней, написана живо и читается съ большимъ интересомъ. Къ сожалѣнію, редакція, допустивъ передѣлки, поступила съ книгой довольно безперемонно, да и самый переводъ оставляетъ желать многого.

Очень несочувственно относится къ русскому изданію П. Г. Мижуевъ: Очеркъ развитія педагогическихъ идей въ трудахъ Куика и Компарэ. „Рус. Шк.“ 1892, II, 187—204; 12, 166—182. См. также „Нов. Вр.“ № 6085 (5-го февраля), „Набл.“ 8, 16с., „Рус. Бог.“ 3, 30сс., „Рус. Мысль“ 6, 270с., гдѣ даны сочувственные отзывы. Сочувствуетъ Квику и г. Ермиловъ), „Рус. Вѣд.“ № 61, а также Н. Васильковъ: Прогрессъ педагогической мысли, „Образов.“ 5—6, 351—362, и Н. В.—въ: Вліяніе учителя на религиозное и нравственное воспитаніе и образованіе дѣтей въ школахъ по взглядамъ учителя-педагога. „Стран.“ 4, 703—708. Недостатки въ книгѣ Квика находятъ П. Каптеревъ въ „Восп. и Об.“ 9, 301—304.

340. (Кейра). Queугат, Fr. L'imagination et ses variétés chez l'enfant. Étude de psychologie expérimentale appliquée à l'éducation intellectuelle. Paris.

Отзывъ изъ Polybiblion въ „Миръ Бож.“ 9, 204. См. также Боголюбова.

341. (Келларъ). Факты изъ науки будущаго. „Книжки Недѣли“ 3,

259—264 (отдѣлъ: Изъ иностранныхъ изданій), а также „Прав. Вѣс.“ № 248; „Образ.“ II, 302с.; „Сарат. Дневн.“ № 276 (изъ „Волж. Вѣст.“).

Изложение статьи Келлара: Индійская магія среди высшей касты, помѣщенной въ *The North American Review*.

342. Келлогъ, А. Г. Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа Иисуса Христа. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Э. С. Орнатскаго. Кіевъ. Тип. Корчакъ-Новицкаго. III+257 стр. 1 руб. 70 коп. Первоначально въ „Труд. кіев. дух. акад.“ 1891, 10; 1892, 7 и 8; 1893, 2.

Въ послѣднее время къ буддизму замѣтно особенное тяготѣніе. Причины такого тяготѣнія Келлогъ видитъ въ томъ, что 1) распространенность и древность буддизма внушаетъ мысль объ истинности этой религіи; 2) буддизмъ больше всего подходитъ къ новѣйшимъ эволюціоннымъ теоріямъ; 3) люди XIX вѣка исполнились духомъ самовосхваленія и оттого отклонились отъ христіанства и увлеклись буддизмомъ; 4) тотъ видъ атеизма, которымъ отличается буддизмъ, особенно привлекаетъ къ нему современныхъ скептиковъ; 5) наконецъ буддизмъ привлекаетъ многихъ своею замѣчательною системою этики. Въ исторіи, ученіи и этикѣ буддизма находятъ много сходствъ съ христіанствомъ. Послѣ подробнаго обзора этихъ сходствъ авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они неправильно истолкованы. Правда, лучшая сторона въ буддизмѣ—мораль, но евангельско-христіанская этика все же стоитъ недосыгаемо высоко предъ этикой буддизма.

Очень сочувственно отзывается І. Арсеньевъ. „Моск. Церк. Вѣд.“ № 23, стр. 312сс. Краткій отзывъ С. Т. въ „Кн. Вѣс.“ 6, 219.

343. Келтуяла, В. Научный учебникъ по теоріи словесности. (*А. Преображенскій*). Теорія словесности. Начала эстетики, риторики и піитики. М. 1892). „Рус. Шк.“ 5—6, 256—272.

Несочувственный разборъ.

344. (Керкепъ). Kіrkup, Th. A History of Socialism. London. 1892. Сочувственная замѣтка въ „Рус. Мысли“ 7, 315—318.

Кецле. См. Каптеревъ.

345. Кирилловъ, В. Современное состояніе вопроса о гипнотизмѣ. Очеркъ. Съ предисловіемъ проф. П. Ф. Лесгафта. Спб. Тип. Б. Вольфа. 93 стр. 1, 200 экз. 60 коп.

Эта работа въ нѣсколько сокращенномъ видѣ появилась первоначально въ „Рус. Бог.“ 1892, 9 и 12. Выяснивъ происхожденіе и историческую разницу въ понятіяхъ: животный магнетизмъ, сомнамбулизмъ и гипнотизмъ, авторъ останавливается на современномъ значеніи этихъ понятій и отдаетъ предпочтеніе термину гипнотизмъ, такъ какъ онъ достаточно широкъ и не содержитъ въ себѣ какой-нибудь предвзятой идеи. Далѣе авторъ разсматриваетъ анатомическія доказательства реальности гипноза, способы гипнотизаціи, даетъ характеристика явленій гипноза и, въ частности, внушенія. Способность гипнотизаціи, по мнѣнію г. Кириллова, повидимому, распространяется на всѣ живыя существа съ хорошо развитой центральной нервной системой.

Приемы гипнотизации и ихъ анатомическій анализъ позволяютъ заключить, что всѣ они имѣютъ конечною цѣлью утомленіе мозговой коры.

346. Кирилловичъ, А. Ученіе Канта объ оправданіи. (Изложеніе и разборъ). „Бог. Вѣс.“ 11, 260—290 (еще не окончена).

Подробно излагается „Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft“ (2-й отд.).

347. Кирилловичъ, А. Ученіе Канта о церкви. „Вѣра и Раз.“, отд. церков., № 13, стр. 22—48; № 14, стр. 85—116; № 15, стр. 147—162.

Первый опытъ своеобразнаго, но послѣдовательнаго развитія протестантской догмы о видимой церкви, по мнѣнію автора, слѣдуетъ видѣть въ моральной философіи Канта. Въ статьѣ довольно подробно излагается ученіе Канта о церкви. По мнѣнію автора, Кантъ зналъ одну только внѣшнюю сторону христіанской религіи, которая показалась ему неприглядною, но не проникая ея внутреннимъ духомъ.

348. (Кирѣевъ, А. А.) Наши противники—наши союзники. Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Спб. славянскаго благотворительнаго общества 19-го декабря. Отчеты во всѣхъ петербургскихъ газетахъ 20-го декабря, наприм. „Рус. Жиз.“ № 340.

Ораторъ затронулъ статьи кн. С. Н. Трубецкого «Разочарованный славянофилъ» и П. Н. Милюкова „Разложеніе славянофильства“.

349. Ключевскій, В. О. Два воспитанія. „Рус. Мысль“ 3, 79—99.

Чрезвычайно остроумное сопоставленіе домостроевской системы воспитанія съ системою Бецкаго. Затронуты и философскія направленія прошлаго вѣка. Статья представляетъ публичную лекцію, прочитанную въ пользу московскаго комитета грамотности.

Въ „Пед. Сбор.“ (6, 630—935) помѣщенъ рефератъ, но не подлинной лекціи, а изложенія ея въ „Днѣ“ (№ 1702 и 1703, 9-го и 10-го марта), который вмѣстѣ съ „Стран.“ 3, 480—491 (обзоръ журналовъ) въ свою очередь перепечаталъ его изъ „Душепол. Чтенія“ 3, 504—518 (статья Н. Л.). Статья излагается также въ „Книжкахъ Нед.“ 5, 263—268. Съ нѣкоторымъ недомѣніемъ относится къ ней Л. Тихомировъ: Лѣтопись печати. Жизнь и воспитаніе. „Рус. Об.“ 4, 1011—1022. Въ современныхъ взаимныхъ жалобахъ семьи и школы основа недоразумѣній — въ тусклости воспитательныхъ идеаловъ, въ неясности цѣли жизни.

Ковалевская, С. В. См. Оболенскій.

Ковалевскій, Д. См. Лашковъ.

350. Ковалевскій, М. М. Общественныя доктрины прошлаго вѣка. „Сѣв. Вѣстн.“ 3, 41—73; 4, 37—51; 5, 97—124; 6, 113—147; 7, 125—141; 8, 71—100.

Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о политико-экономическихъ ученіяхъ. Изложеніе въ „Рус. Мысли“ 4, 204—207; 8, 405.

351. Ковалевскій, П., проф. Жанъ-Мартенъ Шарко. (Къ портрету). „Южный Край“ № 4343 (25-го августа).

Нѣсколько словъ, вызванныхъ смертью знаменитаго психіатра.

352. Ковалевскій, П. И., проф.—Иоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Вып. II. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 202 стр. и 1 портретъ. 1 р.

Отчетъ объ этой книгѣ, къ сожалѣнію, можетъ появиться лишь въ будущемъ году.

Ничего похожаго на психическую болѣзнь въ Грозномъ не видитъ Евст. Крыловъ: Былъ ли Грозный „человѣкомъ-звѣремъ?“ „Моск. Вѣд.“ № 147. Съ исторической точки зрѣнія. Грозный, отстаивавшій всю свою жизнь великую идею, долженъ быть оправданъ.

Не вполне сочувствуетъ автору Н. Н. Ойрсовъ, «Волж. Вѣс.» № 125. Упрекаетъ въ незнакомствѣ съ литературой предмета В. Б., «Истор. Вѣс.» II, 578с.

353. Ковалевскій, П. И. Современные нервныя болѣзни нашего общества. „Сѣв. Вѣс.“ 10, 23—44; 12, 215—240.

Популярный и очень интересно написанный очеркъ, въ которомъ доказывается, что среди условій существованія современнаго общества есть много такихъ, которыя создаютъ наши нервныя болѣзни (пьянство, сифилисъ, неудовлительное семейное воспитаніе, неблагоприятная среда).

Со статьєю знакомитъ Л. Самаринъ, „Колосъ“ II, 227—230.

354. Ковалевскій, П. И., проф. Царь Андроникъ Комнинъ. „Южн. Край“ № 4382—4384 (7—9-го октября).

Параллель къ психіатрической характеристикѣ Грознаго.

Ковалевскій, П. И. См. Платоновъ.

355. Ковнеръ, С. Исторія арабской медицины. (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1891—1893 гг.). Кіевъ. Тип. университетская (В. Завадзкаго). 188+II стр. 100 экз. 1 р. 40 к.

По незнанію арабскаго языка, авторъ долженъ былъ довольствоваться существующими въ европейской литературѣ изслѣдованіями, касающимися его предмета. Изложеніе отличается нѣкоторою сухостью и излишнимъ обиліемъ именъ.

356. Ковнеръ, С. Исторія средневѣковой медицины. Выпускъ I. (Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1891—1893 гг.). Кіевъ. Тип. университетская (В. Завадзкаго). II+II+II+352 стр. 800 экз. 2 р. 20 к.

Кропотливый и мало благодарный трудъ г. Ковнера содержитъ въ себѣ довольно много матеріала, относящагося и къ исторіи философіи. Онъ составленъ частію на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи культуры и просвѣщенія въ средніе вѣка, частію на основаніи подлинныхъ сочиненій разсматриваемыхъ авторовъ. Г. Ковнера можно было бы упрекнуть развѣ только въ излишнемъ стремленіи къ полнотѣ, благодаря которому въ его книгу попало много именъ, не имѣющихъ почти никакого значенія въ исторіи медицины.

Очень сочувственно отзывается М. Липманъ. „Од. Лист.“ № 274.

357. Кожевниковъ, В. А. Безцѣльный трудъ, „не-дѣланіе“ или дѣло? Разборъ взглядовъ Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л. Н. Толстого на трудъ. М. Тип. Лиснера и Романа. 52 стр. 20 к.

Три различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ широко освѣщаютъ его съ разныхъ сторонъ и могутъ считаться выраженіемъ не только личныхъ воззрѣній на него, но и воззрѣній цѣлыхъ направлений, борющихся въ современномъ общественномъ сознаніи. Къ этому присоединяется еще достоинство отдѣльныхъ мѣтко, искренно и горячо высказанныхъ мыслей и характерныя особенности стиля, соответствующія внутреннему духу каждой изъ статей: бодрый, мужественный тонъ рѣчи Золя, поэтическое, прочувствованное изложеніе Дюма, рѣзкая, умышленно грубая и саркастическая манера гр. Толстого. Разобравъ всѣ три взгляда, авторъ съ своей стороны высказываетъ соображенія по тому же вопросу. Надо любить и чтить источникъ знанія, науку; познавши же дѣйствительность, т.-е. истину, надо, если она не совпадаетъ съ требованіями правды, тѣмъ не менѣе вѣрить въ правду, запросъ на которую данъ, какъ неоспоримый фактъ, въ инстинктѣ, чувствѣ, желаніи, мысли и волѣ человѣка. Надо трудиться для осуществленія этой правды, надо надѣяться, что великая цѣль будетъ достигнута, и наконецъ надо прежде всего и больше всего любить—знаніе, жизнь, людей, трудъ, свободу, надежду и вѣру въ добро. Для вящей убѣдительности авторъ заканчиваетъ свое разсужденіе стихами, повидимому, собственнаго сочиненія.

358. Козловъ, А.—П. Е. Астафьевъ, какъ философъ. „Вопросы филос. и псих.“ кн. 18, отд. I, стр. 122—126.

Кратко намѣчены основные пункты въ философскихъ воззрѣніяхъ автора „Вѣры и знанія“, а также указаны тѣ вліянія, подъ которыми сложились эти убѣжденія.

359. Козловъ, А. Позитивизмъ Конта. „Вопр. фил. и психол.“, отд. I, кн. 15, стр. 53—70; кн. 16, стр. 41—70.

Если видѣть центръ тяжести системы Конта въ „Курсѣ“, то позитивизмъ Конта долженъ быть поставленъ ниже разныхъ другихъ формъ позитивизма, которая лучше обставлены съ точки зрѣнія логики и не страдаютъ грубымъ догматизмомъ и матеріализмомъ Конта. Если же видѣть центръ тяжести ученія Конта въ «Системѣ положительной религіи», то тогда надо включить его въ потокъ социалистической философіи, которая принадлежитъ не къ чисто философскому типу, а скорѣе къ религіозному. Авторъ является представителемъ послѣдняго взгляда на ученіе Конта. Система Конта имѣетъ преимущества передъ другими социалистическими системами: она отличается отъ нихъ меньшею утопичностью и большею умѣренностью.

360. Козловъ, А. Французскій позитивизмъ. (Тэнъ, Рибо, Поланъ, Фулье, Гюйо, Гардъ). „Вопр. филос. и псих.“ кн. 19, отд. I, стр. 55—93. Статья еще не окончена.

Первые три изъ названныхъ философовъ являются, по мнѣнію автора, представителями чистаго позитивизма, послѣдніе же—представителями полупозитивизма. Обстоятельно останавливаясь на нѣкоторыхъ положеніяхъ философіи Тэна, г. Козловъ считаетъ составными ея частями сенсуализмъ, матеріализмъ и рационализмъ. Тэнъ впалъ въ рационалистическую метафизику съ одной стороны потому, что въ немъ еще таились отголоски его увлеченій Спинозой и Гегелемъ, а съ другой—потому, что онъ чувствовалъ потребность соеди-

нить въ одно цѣлое несогласимыя основныя начала сенсуализма и матеріализма—ощущеніе и движеніе.—Нельзя не отмѣтить односторонности во взглядахъ автора: онъ ставитъ выше Конта не только Тэна, но даже и Рибо.

Козловъ, А. А. См. Астафьевъ, Филипповъ, Эльпе.

361. Коллинсъ, Говардъ. Философія Герберта Спенсера въ сокращенномъ изложеніи. (An Epitome of the synthetic philosophy by F. Howard Collins). Съ предисловіемъ Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго П. В. Мокіевскаго, съ прибавленіемъ сочиненія Герб. Спенсера „Справедливость“ (Justice) въ сокращенномъ изложеніи переводчика. Спб. Тип. Салова. 1892. VIII + 472 стр. 3100 экз. 2 руб. (Популярно-научная бібліотека Ф. Павленкова).

Книга очень полезна для того, кто уже знакомъ со Спенсеромъ; для новичка же она можетъ показаться скучной и чересчуръ сухой.

Сочувственный отзывъ М. С. „Историч. Вѣстн.“ 5, 532с. См. также Сементковскій.

362. Колоколова, М. Письма къ матерямъ. Чувство радости и веселости у дѣтей. „Образ.“ 1, 55—62.

Въ статьѣ нѣтъ анализа радости, а только отчасти намѣчены тѣ условія, при которыхъ она развивается.

363. Колотинскій, С. Жанъ Мартень Шарко и его научное значеніе. „Невр. Вѣст.“, т. I, вып. 3, стр. 169—180.

Статья не представляетъ чего-нибудь особенно интереснаго.

364. Колубовскій, Я. Библиографическій листокъ. „Вопр. филос.“ кн. 17, отд. II, стр. 88—104.

Списокъ книгъ и статей, относящихся къ философіи, за время съ августа 1892 года по февраль 1893 г. „Философскій Ежегодникъ“ является продолженіемъ этихъ „листковъ“.

365. Колубовскій, Я. Гефлингъ. „Энциклопедич. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 606.

366. Колубовскій, Я.—А.Н.Гиляровъ. „Энциклопед. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. VIII, стр. 689.

367. Колубовскій, Я.—С. С. Гогоцкій. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 26.

368. Колубовскій, Я.—Ө. А. Голубинскій. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 119с.

369. Колубовскій, Я.—І. Голуховскій. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 124.

370. Колубовскій, Я.—Н. Я. Гротъ. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 775сс.

371. Колубовскій, Я.—Н. Г. Дебольскій. „Энциклопед. слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 232.

372. Колубовскій, Я.—Е. В. де Роберти. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 474 с.

16—17-10 января. Чувствовала себя хорошо. Потребности читать письмо не было.

18-10 января. Сильно волновалась съ утра, приближается период регулъ. Опять потребность отгадывать письма. Дано письмо: «Pater noster qui in coelis».

19-10 января. Ночь спала плохо. Регулы открылись по внушенію.

20-10 января. Регулы продолжаютя. Спала плохо. Хочется отгадывать письмо А. Н., постоянно беру, мну, сильно волнуюсь. Почти увѣрена въ томъ, что мнѣ только казалось.

21-10 января. Спала плохо. Сильно волнуюсь, плачу. Потребность окончить письмо А. Н. очень сильная. Часто беру въ руки, тербляю, сосредоточиваюсь чаще, впадала въ какое-то странное состояніе, боль и жаръ въ головѣ. Сознанія не теряла, но своего тѣла не ощущала, ясно видѣла бумагу, почеркъ и написанное. Запомнила: Pater noster qui in coelis.

22—25-10 января. Была покойна.

25-10 января. День прошелъ покойно. Вечеромъ плохо, чувствовала приближеніе припадка, кричала, плакала, хотѣлось драться.

26-10 января. Сильная тоска, истерика.

27-10 января. Съ утра сильная тоска, раздражительность, слезы. Потребность къ чтенію. Просила дать записку отгадать. А. Н. далъ одну свою, другую Куфаевой. Записка А. Н. дана была въ конвертѣ, записка Куфаевой безъ конверта. А. Н. записку отгадала быстро, записку же Куфаевой только тогда, когда А. Н. ее переписалъ.

28-10 января. Спала хорошо. Съ утра чувствовала себя хорошо, потребности отгадывать не было. По просьбѣ д-ра Исполотова А. Н. заставилъ меня прочесть записку д-ра въ конвертѣ. Отгадала только часть. Сдѣлался припадокъ.

29 — 31-10 января. Чувствовала себя хорошо. Взясась опять за петербургское письмо; странная вещь, почему то мнѣ кажется, что въ немъ написана фраза: «ясновидѣніе есть фактъ, который не доказанъ еще научнымъ путемъ». Не знаю и не понимаю, откуда у меня эта фраза. Странно!

Февраль.

1-10 февраля. Настроеніе духа измѣнчивое, капризное; сонъ и аппетитъ плохіе. А. Н. далъ письмо для отгадыванія съ сургучною печатью. Потребности отгадывать ни малѣйшей.

2-10 февраля. Съ утра настроеніе духа скверное, сильная раздражительность, потребность угадывать его письмо. Брала письмо часто, процессъ весь отгадыванія совершился въ нѣсколько часовъ. Ясно видѣла текстъ: «не всегда легко бываетъ читать мои закрытыя письма». Послѣ отгадыванія совершенно успокоилась.

20-10 февраля. Съ утра скверно, спало плохо. Вечеромъ сильный припадокъ. Попытка д-ра Сперанскаго остановить припадокъ внушеніями только усиливала припадокъ. Припадокъ былъ такъ силенъ, что Сперанскій, пробившись со мной часъ, послалъ за А. Н., но и А. Н. не сразу, какъ всегда, удалось остановить припадокъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ гипнозу два раза. Послѣ второго гипноза припадокъ остановился. Несмотря на то, что я была измучена, я послѣ припадка встала, оправилась и чувствовала себя хорошо. Припадокъ продолжался съ 8-ми час. вечера до 9^{1/4} ч.,—болѣе часа. Уснула хорошо и скоро.

27-10 февраля. Съ утра сильная тоска, проснувшись, не могла даже одѣться. Сонливость, слабость сильныя. Чтобы хотя немного успокоиться, стала пить массу брома, валеріаны, но ничуть не успокоилась. Пошла еле-еле къ А. Н., тамъ пришлось долго его ждать, тоска душила меня, я страшно плакала и очень хотѣла лишиться себя жизни. Наклонность къ самоубійству сильная. Въ такомъ состояніи я дожидалась А. Н. въ электрическомъ кабинетѣ очень долго. Онъ меня засталъ въ сильныхъ слезахъ, я доходила до неистовства. Тутъ онъ, не говоря ни слова и не подходя ко мнѣ, сталъ на меня упорно смотрѣть, и я впала въ гипнозъ и почувствовала пріятное ощущеніе и покой въ организмѣ, моментально перестала плакать. Черезъ три минуты я проснулась уже съ спокойнымъ, пріятнымъ ощущеніемъ, тоски какъ и не бывало. Тутъ же А. Н. задумалъ, чтобы я встала, и я встала, конечно, не зная зачѣмъ. Послѣ этого тоска прекратилась, я стала спокойна. Зашла къ фельдшерницѣ и даже немного поѣла. Послѣ всего этого я сѣла заниматься съ ея мальчикомъ. Само собой разумѣется, что никто не въ состояніи работать послѣ такой тоски, но я подъ вліяніемъ внушенія сѣла заниматься. Объясняла, спрашивала, но все это продѣлывала автоматически,—за меня работалъ кто-то другой, но только не я. Между прочимъ, я объясняла все толково, какъ мнѣ потомъ говорили. Но что и какъ я объясняла и что дѣлала на урокъ, я ничего не помню. Замѣчательное явленіе, я очень удивлена.

28-10 февраля. Настроение покойное; чувствовала себя хорошо. Въ общемъ мѣсяцъ прошелъ дурно. Петербургское письмо не брала въ руки. Навязчивая фраза остается та же.

Мартъ.

1—12-10 марта. Все время дурно. 7-го числа былъ сильный припадокъ. По временамъ вдругъ очень хорошо, но не продолжительно. Мысли быстро бѣгутъ, голова работаетъ плохо. При разговорѣ нѣтъ послѣдовательности, сейчасъ говорю объ одномъ,—моментально, помимо моей воли, перескакиваю на другое, совсѣмъ не подходящее. Такая же непослѣдовательность и быстрые скачки замѣчаются и въ настроеніи духа, въ работѣ, въ аппетитѣ и во всемъ. Явилось какое-то странное ощущеніе потребности отгадывать письма. Просила А. Н. дать мнѣ какое-нибудь письмо, но онъ мнѣ не далъ, а посоветовалъ заняться петербургскимъ письмомъ.

13-10 марта. Настроение очень тревожное, капризное, вслѣдствіе приближающихся регулъ. Отгадывала при А. Н. петербургское письмо, ничего не вышло, та же навязчивая фраза: ясно-видѣніе есть фактъ и т. д.

14-10 марта. Спала хорошо. Съ утра сильная раздражительность, явилась сильнѣйшая потребность читать письмо, потребность такъ велика, что сдѣлалась сильнѣйшая истерика. А. Н. истерику остановилъ, а отгадывать письмо не могла, такъ какъ А. Н. было некогда, оставили до 7 час. вечера. Отъ 1 до 7 час. было сдѣлано внушеніе быть покойной. Я была ровно до 7 час. покойна. Въ 7 час. сильное возбужденіе, желаніе лишиться себя жизни, плакала, кричала, сильная потребность къ отгадыванію. Сеансъ былъ при А. Н., дошла до изступленія, но ничего не видѣла, мерещится та же фраза. Спала ночь плохо.

15-10 марта. Чувствовала себя плохо, угнетенное состояніе, ни съ кѣмъ цѣлый день не говорила, не ѣла.

16-10 марта. Хуже всѣхъ дней, доходила до бѣшенства, потребность окончить письмо сильная, а ничего не выходитъ. Сама не знаю зачѣмъ писала письмо Аксакову, просила разрѣшить вынуть письмо изъ наружнаго конверта. Не ѣла, не спала, да и плохо соображала, была какъ будто въ полусознаніи. Очень страдала.

17-10 марта. Немного успокоилась, но все еще волнуюсь. Что писала Аксакову—хорошо не помню, писала въ моментъ возбуж-

денія. Опять проклятая потребность читать письмо. Попытка читать была при А. Н. Какъ будто бы мелькнуло: Петербургъ, 1891 г. 11 92 г. Но это я не ясно видѣла, а скорѣе только вообразила.

18-10 марта. Спала плохо. Регулы по внушенію открылись. Чувствую себя плохо, попытки отгадывать письмо не было.

19-10 марта. Спала плохо. Съ утра сильная раздражительность. Вечеромъ сильная потребность отгадывать письмо, я попробовала работать одна, но что же вышло? Дошла до неистовства, дралась, ругалась, кричала, наконецъ убѣжала въ 10 час. изъ пріюта. Съ дороги меня вернулъ д-ръ Солодининъ. Всю ночь не спала, въ письмѣ ничего не видѣла.

20-10 марта. Съ утра плохо, сильная раздражительность, слезы, тоска. Потребность отгадывать письмо была, приходила съ нимъ къ А. Н., но сеанса не было, ибо я была очень нехороша.

21-10 марта. Спала плохо. Проснулась въ сильномъ волненіи. Потребность окончить письмо была очень сильная. Въ 12-омъ часу дня побѣжала съ письмомъ къ А. Н., но въ лѣчебницѣ его не застала. Потребность дошла до предѣла, я мяла письмо ужасно, бѣгала по комнатѣ, сильная боль въ головѣ и спинѣ. Особенно плохо стало отъ 2 до 4-хъ час. Не могу описать, что со мной было. Наконецъ я дошла до какого-то страннаго состоянія, я совершенно себя не чувствовала, хотя сознанія не теряла, но и не чувствовала себя, какъ будто бы меня не было. Въ такомъ состояніи я ясно увидѣла текстъ письма и прочла его. Письмо былъ передо мною какъ будто открыто; почему именно оно явилось такимъ, а не другимъ, я объяснить не умѣю. Послѣ этого уже не сомнѣвалась въ дѣйствительности текста. Пошла къ А. Н. и заявила, что письмо мною отгадано вѣрно. Послѣ сеанса чувствовала себя очень плохо.

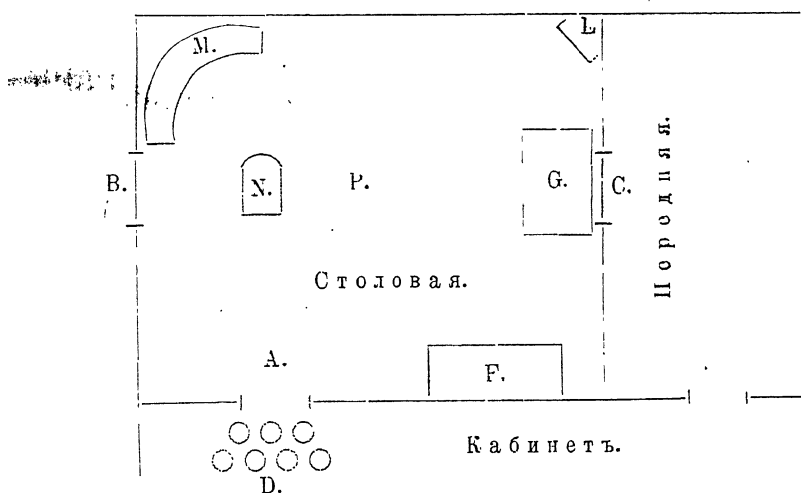
**Протоколъ перваго засѣданія спеціальной комиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, по изслѣдованію явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ „медіумическихъ“
(16-го марта 1893 г. въ кв. д-ра Краевского).**

Предсѣдательствовалъ д-ръ Ф. Ф. Фишеръ. Присутствовали: почетный членъ А. Н. Аксаковъ и доктора: И. Я. Бибиновъ,

З. Я. Ельцина, А. Д. Степановъ, М. И. Поварнинъ, Д. В. Лещинскій, Е. О. Марцинкевичъ, В. С. Груздевъ, В. В. Строгановъ, К. П. Улезко-Строганова, Я. М. Миллеръ, В. Ф. Краевскій.

Д-ръ И. Я. Бибиновъ отрекомендовалъ комиссиі г-на Николаева, молодого человѣка, лѣтъ 19-ти, любезно предложившаго Обществу воспользоваться для своихъ наблюденій его медиумическими способностями.

Въ 10¹/₂ ч. вечера г-нъ Николаевъ былъ переодѣтъ въ приготовленное для него комиссиєю платье, состоявшее изъ темносиной вязаной фуфайки, надѣтой на голое тѣло, и черныхъ шерстяныхъ вязаныхъ кальсонъ. Сверхъ всего на медиума былъ накинуть черный суконный балахонъ безъ подкладки. На медиумѣ не осталось ничего изъ собственнаго платья (даже чулки были сняты), за исключеніемъ сапогъ, которые были тщательно обысканы комиссиєю. Имѣлось въ виду, чтобы на медиумѣ не было ничего имѣющаго бѣлый или свѣтлый цвѣтъ и чтобы у него не было гдѣ-нибудь спрятано свѣтлаго предмета, наприм., носового платка, куска газа или кисеи и т. п. Платье медиума вынесено изъ комнаты и онъ въ 11 ч. вечера посаженъ на угловой диванъ, поставленный въ четырехъ аршинахъ отъ двери А.

А—дверь, В—окно, С—дверь въ прихожую, D—комmissія, М—диванъ. Дверь А закрыта портьерой со стороны комиссиі, окно

В закрыто шторой и кромѣ того завѣшено ковромъ. Дверь С (стеклянная) закрыта, запечатана и завѣшена пледомъ. Буфетъ F закрытъ и всѣ дверцы его запечатаны. Обѣденный G столъ придвинуть къ двери и обысканъ. До начала сеанса медиумъ въ эту комнату не входилъ. Онъ вошелъ въ нее, въ первый разъ въ жизни, въ присутствіи членовъ комиссіи, которые здѣсь же начали его переодѣвать и обыскивать.

Въ 11 ч. вечера медиумъ, какъ сказано, посаженъ былъ на диванъ М и свѣтъ въ столовой потушенъ. Свѣчи вынесены. Члены комиссіи помѣстились передъ портьерой у двери А, въ разстояніи менѣе одного аршина. Въ кабинетѣ, гдѣ сидѣли члены комиссіи, свѣтъ также потушенъ и комната освѣщалась только черезъ два окна отъ уличныхъ газовыхъ и электрическихъ фонарей. Квартира—въ первомъ этажѣ, поэтому въ комнатѣ (столовой) было настолько свѣта, что довольно ясно различались лица присутствующихъ и стрѣлки карманныхъ часовъ. Черезъ 3—4 минуты отъ начала сеанса, комиссія услышала усиленное, порывистое дыханіе медиума. Онъ, повидимому, впалъ въ трансъ. «Есть ли здѣсь кто-нибудь?»—обратился съ вопросомъ въ кабинетъ медиума д-ръ Бибиновъ. «Владиміръ»—послѣдовалъ оттуда отвѣтъ. Говорилъ самъ медиумъ, но отъ имени Владиміра и измѣненнымъ голосомъ (густымъ басомъ). Вслѣдъ затѣмъ, почти тотчасъ же, лѣвая половина портьеры начала медленно отодвигаться. Когда же она отодвинулась на $\frac{1}{4}$ аршина, то изъ нея выдвинулось на 1—2 секунды «нѣчто» похожее на кисть человѣческой руки. Нѣкоторымъ это «нѣчто» казалось слегка самосвѣтящимся, другіе же этого свѣченія не замѣтили. Портьера опять совершенно закрылась. По прошествіи 2—3 минутъ портьера снова немного раздвинулась и изъ нея два раза выдвинулась на 1—2 секунды совершенно ясно различаемая человѣческая кисть руки. Портьера опять закрылась. 3—4 минуты спустя портьера снова стала то отодвигаться, то задвигаться и черезъ разрѣзъ ея въ кабинетѣ медиума замѣчался какой-то свѣтъ. Характеръ свѣта довольно неопредѣленный. Иногда онъ казался яркою полосой на стѣнѣ, иногда появлялся въ видѣ болѣе тусклой полосы на косякѣ двери непосредственно за портьерой съ правой ея стороны. Портьера раздвигалась очень мало, примѣрно на 1—4 вершка, не болѣе, почему характера свѣта нельзя было въ точности опредѣлить. Въ 11 ч. 45 м. послѣдовалъ, по требованію «Владиміра», [пере-

рывъ сеанса. Медіумъ, разбуженный изъ транса докторомъ Бибиновымъ пассами, оставался на своемъ диванѣ въ состояніи нѣкоторой полудремоты.

Черезъ 10 минутъ сеансъ возобновленъ. По требованію «Владиміра», въ кабинетѣ, гдѣ сидѣла комиссія, были зажжены двѣ стеариновыя свѣчки и совершенно поднята портьера на двери. Комиссія сидѣла теперь непосредственно передъ этой открытой дверью и ясно видѣла полулежащаго на диванѣ медіума. Медіумъ неоднократно говорилъ измѣненнымъ голосомъ отъ имени «Владиміра», чтобы комиссія не расходилась и что ему, «Владиміру», вѣроятно, удастся сегодня еще проявить что-нибудь болѣе или менѣе убѣдительное для доказательства неподдѣльности медіумическихъ явленій, въ данномъ случаѣ. Иногда только, когда портьера опускалась, въ узкій разрѣзъ ея замѣчались тѣ же явленія, какъ и въ первой половинѣ сеанса. По требованію «Владиміра» сеансъ оконченъ въ 1 ч. 30 м. ночи. Медіумъ выведенъ изъ транса пассами д-ра Бибинова и переодѣтъ въ свое платье. Онъ все время дремалъ на креслѣ и не вставалъ съ него. Тотчасъ же послѣ окончанія сеанса гг. члены комиссіи сдѣлали контрольный опытъ: одни изъ нихъ стали немного отодвигать сбоку окна коверъ, которымъ оно было завѣшено, а другіе наблюдали изъ другой комнаты, черезъ разрѣзъ портьеръ, получавшійся при этомъ эффектъ. Оказалось, что замѣчавшіяся комиссіей, во время сеанса, полосы свѣта могли быть этимъ способомъ очень легко воспроизведены. Въ виду такого обстоятельства комиссія пришла къ заключенію, что наблюдавшіяся ею явленія не имѣли никакого убѣдительнаго характера. Всѣ они довольно легко могли быть безсознательно или сознательно воспроизведены самимъ медіумомъ, тѣмъ болѣе, что, по требованію «Владиміра», члены комиссіи почти во все время сеанса громко между собою разговаривали и даже пѣли хоромъ различныя пѣсни, почему не могли даже слышать движеній медіума, еслибъ они происходили.

Протоколь подписанъ всѣми присутствовавшими.

Протоколь 2-го засѣданія спеціальной комиссіи для изслѣдованія явленій такъ называемаго „медіумизма“ (23-го марта 1893 г. въ кв. д-ра Краевского).

Предсѣдательствовалъ д-ръ Ф. Ф. Фишеръ, присутствовали: И. Я. Бибиновъ, А. Д. Степановъ, Е. О. Марцинкевичъ, В. Ф. Краевскій, В. С. Груздевъ, М. И. Поварнинъ, Д. В. Лещинскій и З. Я. Ельцина.

Въ 10 ч. вечера медіумъ, г-нъ Н., переодѣтъ въ только-что принесенное и спеціально заказанное для него комиссіей платье, а именно: блузу и кальсоны безъ кармановъ, изъ чернаго, некрахмаленнаго коленкора; поверхъ этого, на медіума накинуть еще черный суконный балахонъ безъ подкладки и кармановъ. Все бѣлье (рубашка, кальсоны и чулки), т.-е. все бѣлое и свѣтлое, съ медіума снято. На медіумѣ не осталось, такимъ образомъ, ничего изъ его собственнаго платья или бѣлья, кромѣ сапогъ, которые тщательно обысканы. Комната обыскана. Медіумъ, до сеанса и одѣванія, не входилъ въ нее. Окно забито большимъ ковромъ, который во многихъ мѣстахъ припечатанъ къ стѣнѣ именною печатью предсѣдателя, такъ что отодвинуть его невозможно. Стеклянная дверь (С) забита пледомъ и запечатана, буфетъ закрытъ и запечатанъ. Въ 10 ч. 35 м. медіумъ посаженъ въ кресло (N), обитое пунцовой матеріей. Кресло поставлено въ 4-хъ аршинахъ отъ портьеры. Свѣтъ въ кабинетѣ потушенъ, и комиссіа помѣстилась передъ портьерой въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ —1 аршина отъ нея. Комната освѣщалась только уличными фонарями. Черезъ 2—3 минуты отъ начала сеанса послышалось тяжелое дыханіе медіума и онъ, повидимому, впалъ въ трансъ. Д-ръ Бибиновъ предложилъ вопросъ: «ты здѣсь, Владиміръ?» На что получилъ отвѣтъ: «здѣсь». Говорилъ отъ имени Владиміра самъ медіумъ, но измѣненнымъ голосомъ (густымъ басомъ).

Почти тотчасъ же портьера начала медленно отодвигаться и за ней появилось нѣчто бѣлесоватое (въ разстояніи примѣрно $1\frac{1}{2}$ —1 арш.) за разрѣзомъ между портьерами. «Нѣчто» это имѣло неясное очертаніе руки. Она часто приближалась къ самому разрѣзу портьеръ, но все-таки не могла быть достаточно ясно различаема присутствующими, почему предсѣдатель совершенно неожиданно для медіума обратился за портьеры съ вопросомъ: «Владиміръ, я просуну къ тебѣ за портьеру свою руку: если мо-

жешь, то тронь ее и дай мнѣ доказательство, что прикоснулась ко мнѣ не рука медиума». — «Попробую!» — послышался голосъ изъ-за портьеры. Просунувъ за портьеры только кисть своей руки, д-ръ Фишеръ почти тотчасъ же заявилъ, что къ ней прикасается довольно холодная и слегка влажная рука и одновременно съ этимъ медиумъ со своего кресла произноситъ густымъ басомъ: «Ну вотъ, я тебя и трогаю». Голосъ, по непосредственному свидѣтельству органовъ слуха всѣхъ присутствовавшихъ, раздавался именно съ кресла и звучалъ совершенно такъ же, какъ и въ теченіе всего сеанса, когда къ «Владимиру» обращались съ вопросами и когда, какъ увидимъ во второй половинѣ сеанса, медиумъ былъ у всѣхъ прямо на виду. Голосъ не имѣлъ характера чревогъщанія и, какъ сказано, былъ тождественъ съ тѣмъ, которымъ медиумъ говорилъ въ трансѣ постоянно отъ имени «Владимира». — «Повтори еще разъ», сказалъ д-ръ Фишеръ. — «Ну вотъ тебѣ и еще разъ», послышалась фраза и одновременно съ этимъ д-ръ Фишеръ почувствовалъ то же прикосновеніе руки (пальцевъ), какъ и раньше.

Тотъ же опытъ повторили съ одинаковымъ результатомъ, т.-е. также почувствовали прикосновеніе къ своей рукѣ и слышали въ тотъ моментъ и голосъ съ кресла, гг. Степановъ и Марцинкевичъ. При дальнѣйшемъ продолженіи сеанса видны были въ разрѣзѣ портьеръ туманные, неясныя, бѣлесоватыя пятна, напоминавшія ~~руку~~ руку, которая нѣкоторымъ представлялась самосвѣтящейся, другимъ же — просто бѣлесоватымъ, неяснымъ пятномъ. Далѣе, былъ сдѣланъ по требованію «Владимира» перерывъ сеанса на 15 м.

Во время антракта медиумъ не выходилъ изъ своего кабинета, куда была внесена свѣча, и находился все время подъ наблюденіемъ предсѣдателя и другихъ членовъ. Въ 11 ч. 35 м. сеансъ возобновленъ. Медиумъ впалъ въ трансъ почти тотчасъ же, какъ опустили портьеру, и густымъ басомъ сталъ отъ имени «Владимира» требовать свѣту въ той комнатѣ, гдѣ сидѣла передъ портьерой комиссія. «Свѣту», говорилъ измѣненнымъ голосомъ медиумъ. Подняли шторы на двухъ окнахъ, и такъ какъ въ нихъ прямо свѣтили газовые и электрическіе фонари съ улицы (квартира въ 1-мъ этажѣ), то въ кабинетѣ было настолько свѣтло, что лица присутствующихъ и стрѣлки на карманныхъ часахъ были совершенно ясно различаемы. «Еще больше свѣту», требовалъ голосъ медиума. Зажгли двѣ сильныя керосиновыя лампы. «Еще, еще

больше свѣту!»—продолжалъ голосъ. Зажгли еще четыре стеариновые свѣчи. Все было поставлено на письменный столъ, стоявшій на разстояніи 2—2¹/₂ аршинъ отъ портьера съ правой стороны (со стороны зрителей) ея. «Теперь поднимите потрьеры совсѣмъ». Предсѣдатель и другіе члены раздвинули ихъ совершенно, и всѣ члены комиссіи сидѣли непосредственно передъ открытою дверью кабинета медиума. Медиумъ, благодаря своей черной одеждѣ, былъ совершенно ясно виденъ сидящимъ, прислонившись къ стѣнкѣ своего краснаго кресла. Лицо, руки и ноги его также довольно ясно различались, можно было разсмотрѣть на лицѣ ротъ, носъ, а на рукахъ, неясно, пальцы. Руки медиума лежали неподвижно на его колѣняхъ. На лѣвомъ плечѣ медиума для всѣхъ видно какое-то бѣловатое тѣло, напоминающее форму кисти человѣческой руки, обращенной пальцами внизъ. Тѣло это по временамъ становилось несомнѣнно самосвѣтящимся, хотя и слабо. «Видите вы матеріализованную руку?»—спрашивалъ «Владиміръ» черезъ медиума.—«Видимъ что-то похожее, но очень неясно».—«Погодите, вотъ я теперь попробую взять изъ медиума еще новые флюиды!» Въ это время ясно видимыя и неподвижно лежащія руки медиума начинаютъ несомнѣнно для всѣхъ испускать фосфорическій свѣтъ, особенно правая рука. Свѣченіе рукъ то усиливалось, то ослабѣвало, то совершенно прекращалось и опять возобновлялось. По временамъ такой же фосфорическій свѣтъ появлялся на лбу и на лицѣ медиума, сидѣвшаго на виду у всѣхъ. Иногда руки казались не только свѣтящимися, но даже окруженными какой-то слегка самосвѣтящейся дымкой. Казалось, что лобъ и руки медиума намазаны свѣтящимся составомъ или фосфорнымъ масломъ; но то обстоятельство, что лицо и руки медиума то совершенно потухали (хотя и оставались для всѣхъ ясно видимыми), то вновь разгорались свѣтомъ, большею частью послѣ какого-либо заявленія, что незримый агентъ попытается взять новые флюиды и еще попытается матеріализовать свою руку и т. п., совершенно исключали такое предположеніе. Послѣ того, какъ портьера оставалась совершенно поднятой почти 25—30 м., медиумъ отъ имени «Владиміра» измѣненнымъ голосомъ сказалъ, чтобъ ее опустили. Черезъ 2—3 минуты голосъ требуетъ: «поднимите опять портьеры». Подняли портьеры, какъ и раньше. Медиумъ на виду у всѣхъ. На лѣвомъ плечѣ начинаетъ появляться что-то бѣлесоватое и самосвѣтящееся, напо-

минающее, опять неясно, кисть руки. Лицо и руки медиума ясно для всѣхъ видны и по временамъ опять начинаютъ фосфоресцировать. По требованію голоса, портьеры еще раза два опускались присутствовавшими, но не болѣе какъ на 2—3 минуты, послѣ чего, по новому требованію «Владимира», опять совершенно отодвигались комиссіей. Замѣчалась все та же неясная рука на лѣвомъ плечѣ и фосфоресценція лба и рукъ медиума. Послѣ послѣдняго поднятія портьера комиссія опять увидѣла, какъ на лѣвомъ плечѣ медиума стало появляться свѣтлое пятно, принимавшее неясный абрисъ кисти человѣческой руки. «Видите вы матеріализованную мою руку?» — «Не ясно». — «Ну вотъ, я укажу вамъ ее рукою медиума». Въ это время правая рука медиума медленно поднимается къ свѣтящемуся пятну на лѣвомъ плечѣ его. «Вотъ указательный палецъ, вотъ средній, вотъ мизинецъ», — говоритъ измѣненнымъ голосомъ медиумъ, въ то время какъ правая рука его касается въ разныхъ мѣстахъ свѣтлаго пятна на лѣвомъ плечѣ. «Различаете теперь?» — «Различаемъ, но все-таки недостаточно». Въ это время свѣтящееся пятно, которое въ теченіе сеанса неоднократно дѣлало движенія къ головѣ и даже совсѣмъ на нее перемѣщалось (руки и ноги медиума неподвижны), стало медленно скользить мимо лица медиума и, перейдя на правое плечо его, быстро скользнуло въ правую неподвижно лежащую кисть руки медиума и съ нею слилось. По прошествіи 2—3 секундъ свѣтлое пятно стало снова медленно подниматься отъ правой кисти (руки и ноги медиума ясно видны и остаются неподвижными, также какъ и голова его) руки медиума, дошло до половины груди его, потомъ легло на подбородокъ, закрывъ медиуму ротъ. Медиумъ громко произнесъ: «На сегодня довольно, опустите портьеры». И пятно, имѣвшее форму руки, исчезло, послѣ чего портьеры опущены (1 ч. 15 м.), и медиумъ пассами доктора Бибинова разбуженъ, обысканъ снова и переодѣтъ въ свое платье. Обысканъ весь кабинетъ медиума. Печати всѣ найдены въ цѣлости. Какъ на особенность описаннаго сеанса, надо указать, что «Владимиръ» не требовалъ, чтобы члены комиссіи разговаривали или пѣли. Все время разговоры велись очень тихо, а во время наблюденія главныхъ явленій и совершенно прекращались. Почти половина наблюдателей была во время сеанса вооружена биноклями.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами.

Протоколь третьяго засѣданія комиссіи для изслѣдованія медіумическихъ явленій, 6-го апрѣля 1893 года.

Присутствовали въ засѣданіи члены: Ф. Ф. Фишеръ, В. Ф. Краевскій, И. А. Карчагинъ, А. В. Елисѣевъ, В. С. Груздевъ, Д. В. Лешинскій, А. Д. Степановъ, З. Я. Ельцина, Я. М. Миллеръ и И. Я. Бибиновъ.

Засѣданіе происходило въ квартирѣ члена Общества д-ра Краевского, при обстановкѣ, описанной въ предшествующихъ протоколахъ. Комната, предназначенная для медіума, предварительно осмотрѣна комиссіей, окно ея завѣшено толстымъ ковромъ, припечатаннымъ по краямъ къ стѣнѣ; двери въ переднюю заперты и также завѣшены и запечатаны; изъ мебели въ комнатѣ оставлены лишь: запертый буфетъ, большой столъ, диванъ и мягкое кресло; всѣ бѣлые предметы, не исключая картинъ, изъ комнаты удалены. Затѣмъ туда приведенъ былъ медіумъ, осмотрѣнъ комиссіей, раздѣтъ, переодѣтъ въ черный костюмъ, обычно употребляемый при засѣданіи комиссіи, и усаженъ въ кресло, поставленное передъ завѣщенной портьерами дверью въ комнату, гдѣ помѣщались присутствующіе — на разстояніи около сажени отъ этой двери.

Сеансъ начался въ 10 час. 12 м.

Первое время не замѣчалось никакихъ явленій: слышно было лишь глубокое дыханіе медіума, изрѣдка сильное шуршаніе его платья, да легкое колыханіе спущенныхъ портьеръ. Наконецъ, д-ръ Фишеръ, который велъ сеансъ, спросилъ:

— Есть ли кто здѣсь?

— Да,—былъ отвѣтъ, произнесенный довольно низкимъ басомъ.

— Это ты, Владиміръ?

— Да.

Въ 10 ч. 40 м. медіумъ, тѣмъ же голосомъ, потребовалъ, чтобы въ комнатѣ было усилено освѣщеніе и портьеры подняты. Когда это было исполнено, присутствующіе увидели медіума сидящимъ въ креслѣ, съ опрокинутою на спинку головою, закрытыми глазами и скрещенными на животѣ руками. На головѣ медіума, на волосахъ виднѣлось что-то бѣлое, съ неопредѣленнымъ очертаніемъ. Присутствующіе, стараясь опредѣлить свое впечатлѣніе, стали передавать другъ другу свои догадки, на что похоже это бѣлое «нѣчто».

— Пойдите, я вамъ покажу яснѣе, проговорилъ медиумъ, — опустите портьеры!

Портьеры были опущены: затѣмъ въ 10 ч. 50 м., по требованію медиума, снова подняты, причемъ присутствующіе совершенно ясно увидѣли на головѣ медиума какое-то треугольное тѣло, отчасти напоминавшее треуголку, надѣтую на затылокъ. Тѣло это какъ будто измѣняло свою конфигурацію и объемъ, но, можетъ быть, это была лишь иллюзія, зависѣвшая отъ того, что медиумъ то откидывалъ голову назадъ, то слегка наклонялъ ее впередъ.

Черезъ нѣсколько минутъ медиумъ снова потребовалъ опустить портьеры, заявивъ, что онъ «покажетъ еще яснѣе». Около 11 ч. портьеры были снова подняты, по требованію медиума, и присутствующіе увидѣли бѣлое «нѣчто» уже на лѣвомъ плечѣ медиума. По формѣ оно нѣкоторымъ изъ присутствующихъ показалось похожимъ на руку, но еще болѣе походило на обыкновенную бѣлую перчатку, небрежно брошенную на плечо. *Конфигурація этого тѣла не оставалась постоянною, но время отъ времени измѣнялась.*

Въ 11 ч. 15 м. портьеры были вновь опущены, по требованію медиума, но когда онѣ были снова подняты, присутствующіе увидѣли опять то же тѣло на лѣвомъ плечѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ къ этому присоединилось фосфорическое свѣченіе *обѣихъ рукъ медиума, особенно правой, то потухавшее, то вновь усиливающееся.*

Въ 11 ч. 35 м. медиумъ опять потребовалъ, чтобы портьеры были опущены, затѣмъ заявилъ, что сегодня больше ничего не будетъ.

Сеансъ кончился въ 11 ч. 50 м. при обычныхъ условіяхъ пробужденія медиума, одѣванія его и пр.

Медиумъ передъ сеансомъ и послѣ него казался усталымъ и не совсѣмъ здоровымъ.

Нѣкоторые увѣряли, что видѣли надъ головою медиума двѣ кисти рукъ. Половина присутствующихъ смотрѣла въ бинокли.

Протоколъ подписанъ присутствовавшими.

Протоколъ четвертаго засѣданія Коммиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, по изслѣдованію медиумизма (13-го апр. 1893 г. въ кв. д-ра Краевскаго).

Присутствовали: Вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ. Секретарь А. В. Елисеѣвъ. Члены: врачи—И. Я. Бибиновъ, В. С. Груздевъ, Л. Г. Карчагинъ, В. Ф. Краевскій, Д. В. Лещинскій, П. Ф. Семеновъ.

Медиумъ былъ В. В. Николаевъ.

Помѣщеніе для изслѣдованія и обстановка были тѣ же самыя, какъ и въ предыдущее засѣданіе коммиссіи, и описаны подробно въ протоколѣ этого засѣданія.

До прибытія медиума комната для опытовъ была тщательно обслѣдована членами Общества, Елисеѣвымъ и Семеновымъ, которыми были припечатаны къ косякамъ ковры и портьеры именными сургучными печатями. Медиумъ, по прибытіи, тѣми же самыя членами, Елисеѣвымъ и Семеновымъ, былъ раздѣтъ до-гола и тщательно осмотрѣнъ, въ видахъ предупрежденія возможности скрытія какихъ-либо приспособленій; одежда медиума была вынесена въ другое помѣщеніе на все время сеанса. Медиумъ былъ одѣтъ въ платье чернаго цвѣта, принадлежащее Обществу и описанное въ предыдущемъ протоколѣ. Лицо и руки медиума передъ сеансомъ были тщательно вымыты мыломъ.

Сеансъ начался въ 10 ч. 15 м. вечера. Медиумъ былъ посаженъ на кресло. Комната для сеансовъ отдѣлялась отъ той, въ которой помѣщались члены коммиссіи, опущенными толстыми портьерами, точно такъ, же какъ было въ предыдущемъ сеансѣ. Комната, въ которой помѣщался медиумъ, оставалась совершенно темною, въ помѣщеніи же, гдѣ находились члены коммиссіи, первоначально поддерживалось слабое освѣщеніе двумя стеариновыми свѣчами. Члены Общества не стѣснялись громкими разговорами и вели себя совершенно непринужденно. Общее настроеніе было вполне нормальное и скорѣе повышенное, чѣмъ угнетенное.

Черезъ 5 минутъ, за портьерою, послышалось глубокое дыханіе медиума, впавшаго въ самопроизвольный трансъ. Черезъ 10 минутъ послѣ этого послышалось приказаніе медиума, произнесенное измѣненнымъ голосомъ: «откройте осторожно портьеру», а потомъ «закройте портьеру» и наконецъ—«зажгите больше свѣчей».

Передъ этимъ докторъ Фишеръ обратилъ вниманіе членовъ комиссіи на движеніе портьеры и легкое раздвиганіе ея, независимое отъ медиума, а также и присутствовавшихъ, не касавшихся портьеры. Въ 10 ч. 45 мин. медиумъ приказалъ пустить больше свѣту и потихоньку раздвинуть портьеры; при этомъ всѣми членами комиссіи, безъ исключенія, было усмотрѣно свѣтлое пятно неопредѣленной формы на лѣвомъ плечѣ медиума; лицо и руки этого послѣдняго оставались совершенно спокойными и ихъ легко можно было разсмотрѣть. Пятно нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ было признано имѣющимъ форму человѣческой руки, положенной сзади, на лѣвое плечо медиума. Въ бинокль всѣми присутствовавшими различались спускающіеся къ низу отростки этого пятна, которые нѣкоторыми изъ членовъ и принимались за пальцы материализирующей руки. Вслѣдъ за тѣмъ комиссіею стало замѣчаться слабое свѣченіе лица и рукъ медиума. Сила свѣченія постепенно видоизмѣнялась, — то свѣтилось болѣе лицо, то руки; эти послѣднія часто свѣтились попеременно. Точно также измѣнялось и свѣченіе описаннаго выше пятна; при этомъ было замѣчено, что сила свѣченія находится въ нѣкоторой зависимости отъ силы освѣщенія въ той комнатѣ, въ которой находилась комиссія: при увеличеніи освѣщенія свѣченіе усиливалось, при ослабленіи и даже при заслоненіи оно ослаблялось. Характеръ свѣченія приближался къ фосфоресценціи, хотя временами оно давало вспышки, независимыя отъ силы освѣщенія. Въ 11 часовъ, по приказанію медиума, портьеры были спущены и черезъ 3 минуты раскрыты снова. Руки медиума виднѣются гораздо слабѣе, свѣченіе вообще менѣе, несмотря на большее освѣщеніе (передъ этимъ были зажжены керосиновыя лампы и пущенъ токъ въ нѣсколько лампочекъ накаливанія). Черезъ 5 минутъ портьеры снова были спущены и затѣмъ, по приказанію медиума, снова открыты. Освѣщеніе въ это время было довольно сильное, лицо и руки медиума слегка свѣтились, пятно на лѣвомъ плечѣ было еле видно и приняло неопредѣленную форму, но зато позади головы медиума, какъ бы исходя изъ области затылка, поднимался довольно яркій ореоль, окружавшій волосяную часть головы медиума и имѣвшій форму свѣтящагося колпака. Колпакъ этотъ, на глазахъ всѣхъ членовъ комиссіи, продержался около минуты, скользнувъ, затѣмъ, быстро по лицу и озаривъ его на мгновеніе, спустился на грудь медиума. Здѣсь

этотъ бликъ принялъ форму зигзагообразнаго свѣтлаго пятна, какъ бы въ формѣ двухъ перекрещенныхъ рукъ, продержался нѣсколько мгновений и упалъ на руки, слившись съ ихъ свѣченіемъ. Пятно на лѣвомъ плечѣ стало видно еще слабѣе, но зато появилось болѣе яркое пятно на груди, постепенно поднимавшееся отъ опущенныхъ рукъ къ подбородку; внизу этого послѣдняго оно оставалось довольно долго, то блѣднѣя, то вспыхивая при той же силѣ освѣщенія. Почти одновременно съ этимъ послѣднимъ бликомъ появилось небольшое свѣченіе на носкѣ сапога лѣвой ноги медиума. Руки и ноги медиума все время оставались неподвижны. Голова, хотя и двигалась иногда, но не въ связи съ положеніемъ бликовъ. Въ 11 ч. 25 м. портьеры были спущены, а черезъ три минуты снова открыты. Блики оставались тѣ же самые, на груди слабѣе, на плечѣ еле видный, а подъ подбородкомъ довольно яркій. Здѣсь сила свѣченія его постоянно видоизмѣнялась и временами онъ казался совершенною брошкою. Въ 11 ч. 40 минутъ портьеры были спущены; въ 11 ч. 45 м. медиумъ потребовалъ бумаги и карандашъ; нарѣзанныя бумажки были перенумерованы, подписаны д-ромъ Бибиновымъ и положены на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, на столъ возлѣ медиума, въ разстояніи 1 1/2 аршинъ, д-ромъ Степановымъ, немедленно возвратившимся на свое мѣсто.

Портьера была опять спущена и комната медиума вновь видна; была доступна свѣта изъ комнаты наблюдателей. Не прошло и пяти минутъ, какъ медиумъ пригласилъ взять обратно бумажки. При раскрытыхъ портьерахъ и глубокомъ снѣ медиума, на глазахъ всѣхъ присутствующихъ, д-ръ Степановъ взялъ бумажки со стола и немедленно представилъ ихъ комиссіи. Бумажки оказались сложенными одна на другую въ томъ же порядкѣ нумераціи, причемъ двѣ верхнія бумажки оказались чистыми, а пять или шесть носили надписи, прилагаемыя въ подлинникѣ къ протоколу.

Между прочимъ, этими надписями сообщалось о концѣ настоящаго сеанса, назначеніе слѣдующаго во вторникъ и высказывалась надежда на болѣе полную, но постепенную медиумическую матеріализацію въ послѣдующіе сеансы.

Въ 11 ч. 50 м. сеансъ былъ оконченъ, медиумъ разбуженъ безъ труда пассами д-ра Бибинова и вслѣдъ за тѣмъ осмотрѣнъ членами Общества, Елисеѣвымъ и Семеновымъ, раздѣтъ и